

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2025. № 2 (Вып. 54)

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2025, no. 2, iss. 54

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2025. № 2 (Вып. 54)

Научный журнал

Электронное сетевое издание
ISSN 2712-9608

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2025. № 2 (Вып. 54)

Основан в 1993 г. Периодичность – 4 раза в год. Издается на русском и английском языках.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Кошкарёва Н. Б.**, д-р филол. наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Зам. главного редактора по разделу «Лингвистика» – **Селютина И. Я.**, д-р филол. наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Зам. главного редактора по разделу «Фольклористика» – **Солдатов Г. Е.**, канд. искусствоведения, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Ответственный секретарь по разделу «Лингвистика» – **Байыр-оол А. В.**, канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Ответственный секретарь по разделу «Фольклористика» – **Жданова К. В.**, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Дыбо А. В., д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Россия
Леонова Н. В., канд. искусствоведения, доцент, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, Новосибирск, Россия
Невская И. А., д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Никольский А. В., PhD in systematic musicology, Frontiers Media, Швейцария
Ойроткинова Н. Р., д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Рыжикова Т. Р., канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Соловар В. Н., д-р филол. наук, доцент, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Россия
Тажиева С. Ж., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Тыбыкова Л. Н., канд. филол. наук, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия
Тюнтешева Е. В., канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Шамина Л. А., д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета – **Кузьмина Е. Н.** д-р филол. наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Аникин А. Е., д-р филол. наук, академик РАН, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Бавуу-Сюрюн М. В., д-р филол. наук, Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия
Дампилова Л. С., д-р филол. наук, доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия
Данилова Н. И., д-р филол. наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия
Джапуа З. Д., д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухуми, Абхазия
Кляус В. Л., д-р филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия
Кондратьев М. Г., д-р искусствоведения, профессор, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары, Россия
Олмез М., д-р филол. наук, Стамбульский университет, Стамбул, Турция
Скрибник Е. К., д-р филол. наук, профессор, Мюнхенский университет, Мюнхен, Германия
Сыченко Г. Б., канд. искусствоведения, доцент, Международный совет по традиционной музыке под эгидой ЮНЕСКО (ICTM), Италия
Хабтагаева Б., PhD habil, Неаполитанский Восточный Университет, Неаполь, Италия
Чугунёкова А. Н., д-р филол. наук, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

ISSN 2712-9608

630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8, Институт филологии СО РАН
yaz_fol_sibiri@mail.ru
<https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2025, no. 2 (iss. 54)

Scientific Journal

An online electronic publication
ISSN 2712-9608

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

2025, no. 2 (iss. 54)

Founded in 1993. The Journal is issued four times a year and published in Russian and English.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **Koshkareva N. B.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia
Deputy Editor-in-Chief for the Linguistics section – **Selyutina I. Ya.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Deputy Editor-in-Chief for the Folklore section – **Soldatova G. E.**, Candidate of Art Studies, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Executive Secretary for the Linguistics section – **Bayyr-ool A. V.**, Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Executive Secretary for the Folklore section – **Zhdanova K. V.**, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Dybo A. V., Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

Leonova N. V., Candidate of Art Studies, Docent, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory, Novosibirsk, Russia

Nevskaya I. A., Doctor of Philology, Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

Nikolsky A. V., Ph.D in systematic musicology, Frontiers Media, Switzerland

Oinotkinova N. R., Doctor of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Ryzhikova T. R., Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Solovar V. N., Doctor of Philology, Docent, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, Khanty-Mansiysk, Russia

Tazhibaeva S. Zh., Doctor of Philology, Professor, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Tybykova L. N., Candidate of Philology, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

Tyuntseva E. V., Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Shamina L. A., Doctor of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Head of the Editorial council – **Kuzmina E. N.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Anikin A. E., Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Bavuu-Syuryun M. V., Doctor of Philology, Tuvan State University, Kyzyl, Russia

Dampilova L. S., Doctor of Philology, Docent, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude, Russia

Danilova N. I., Doctor of Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS, Yakutsk, Russia

Dzhapua Z. D., Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia, D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Sukhumi, Abkhazia

Khabtagaeva B., PhD habil, Associate Professor, University of Naples L'Orientale, Naples, Italy

Klyaus V. L., Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russia

Kondratyev M. G., Doctor of Art Studies, Professor, Chuvash State Institute of Humanities Studies, Cheboksary, Russia

Olmez M., Doctor of Philology, Istanbul University, Turkey

Skrinik E. K., Doctor of Philology, Professor, University of Munich, Germany

Sychenko G. B., Candidate of Art Studies, Docent, International Council for Traditional Music (ICTM), Italy

Chugunekova A. N., Doctor of Philology, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

ISSN 2712-9608

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

yaz_fol_sibiri@mail.ru

<https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Лексикология

- Файзуллина Г. Ч., Тычинских З. А., Галиуллина Г. Р.**
Антропонимы служилых татар в памятниках письменности
г. Тобольска XVII–XIX вв. в сравнительно-историческом
аспекте 9–21
- Ооржак Б. Ч., Аннай Э. К., Монгуш Н. М.**
Влияние русского языка на тувинскую лексику: заимствования
нового времени 22–32
- Ойноткинова Н. Р.**
Наименования перепончатокрылых насекомых в алтайском языке 33–42
- Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю., Плотников И. М.**
Глагольная лексика собирательства в языках Саяно-Алтая 43–55
- Соловар В. Н.**
Метафорические модели с глаголами движения в хантыйском
языке (на фоне мансийского языка) 56–67

Морфология

- Рудницкая Е. Л.**
Перфективная и имперфективная основа в эвенкийском языке 68–80
- Гусев В. Ю., Аралова Н. Б.**
Сравнительная степень в тунгусо-маньчжурских языках 81–95
- Шамина Л. А.**
Маркеры *-биле* и *дег* как средство выражения компаративной
семантики в тувинском языке 96–106

Фонетика

- Харитонов В. С.**
Основные фонетические особенности нанайского идиома *хэдзэни* 107–123

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Эпосоведение

Сатанар М. Т.

Пространственная картина эвенского нимкана «Чибдэвэл»:
структура, семантика, символика

124–135

Этнохореография

Абдуллаев С. Н., Абдуллаева Г. С.

Семиотика круговых танцев тюрко-монгольских народов
Сибири и Туркестана

136–144

Архивы

Гончарова В. А.

Об опыте архивирования фонда фотографий
Владимира Тихоновича Новикова

145–153

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пупынина М. Ю., Корнев Т. В., Будянская Е. М., Коряков Ю. Б.

Науканский язык: расселение Наукана как фактор
языкового сдвига

154–169

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н.

Вопросы теории синтаксического строя якутского языка
в трудах Н. Н. Ефремова

170–179

CONTENTS

LINGUISTICS

Lexicology

- Faizullina G. Ch., Tychin'skikh Z. A., Galiullina G. R.**
Anthroponyms of service Tatars in the written monuments of Tobolsk
from the 17th to 19th centuries in a comparative-historical aspect 9–21
- Oorzhak B. Ch., Annay E. K., Mongush N. M.**
The influence of the Russian language on the Tuvan vocabulary:
borrowings of the new time 22–32
- Oinotkinova N. R.**
Names of Hymenoptera insects in the Altai linguistic culture 33–42
- Tyuntешеva E. V., Shagdurova. O. Yu., Plotnikov I. M.**
Verbal vocabulary of foraging in the languages of the Altai-Sayan region 43–55
- Solovar V. N.**
Metaphorical models with verbs of movement in the Khanty language
(against the background of the Mansi language) 56–67

Morphology

- Rudnitskaya E. L.**
Perfective and imperfective verb forms in Evenki 68–80
- Gusev V. Ju, Aralova N. B.**
Comparative in Tungusic languages 81–95
- Shamina L. A.**
Markers *-bile* and *deg* as a means of expressing comparative semantics
in the Tuvian language 96–106

Phonetics

- Kharitonov V. S.**
The main phonetic features of the Nanai idiom *Hedzeni* 107–123

FOLKLORISTICS

Epic studies

- Satanar M. T.**
Spatial picture of evens' nimkan "Chibdevel": structure, semantics,
and symbolism 124–135

Ethnochoreography

- Abdullaev S. N., Abdullaeva G. S.**
Semiotics of the circular dances of the Turkic-Mongolian peoples
of Siberia and Turkestan 136–144

Archives

- Goncharova V. A.**
On the experience of archiving the photo collection
of Vladimir Tikhonovich Novikov 145–153

FIELD RESEARCH

- Pupynina M. Yu., Kornev T. V., Budyanskaya E. M., Koryakov Yu. B.**
Naukan Yupik: the disbandment of the village of Naukan as a key factor
of the language shift 154–169

SCIENTIFIC MEETINGS AND EVENTS

- Danilova N. I., Dyachkovsky F. N.**
Questions of the theory of the grammatical structure of the Yakut
language in the works of N. N. Efremov 170–179

ЛИНГВИСТИКА

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

УДК 811.512.145

DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-9-21

Антропонимы служилых татар в памятниках письменности г. Тобольска XVII–XIX вв. в сравнительно-историческом аспекте

Г. Ч. Файзуллина¹, З. А. Тычинских², Г. Р. Галиуллина³

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

² Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск, Россия

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация

Проанализировано 354 мужских антропонима отдельной этносоциальной группы – служилых татар, зафиксированных в русскоязычных источниках XVII в. и рубежа XVIII–XIX вв. В рассматриваемый период сохраняется тюркское ядро антропонимов, при этом наблюдается тенденция к уменьшению количества тюркских имен и, соответственно, к увеличению числа арабских и персидских заимствований под влиянием исламской культуры. Постепенное изменение состава и структуры именника демонстрируют гибридные имена. Несмотря на это, в именнике сохраняются реликты древнетюркского мировоззрения. На примере анализа именника сибирских служилых татар показано, что мусульманская религия была одним из ключевых факторов трансформации антропонимикона тюркских народов, принявших и исповедовавших ислам.

Ключевые слова

антропонимикон, памятники письменности, тюркизмы, исламская культура, XVII–XIX вв., Тобольск, сибирские служилые татары

Для цитирования

Файзуллина Г. Ч., Тычинских З. А., Галиуллина Г. Р. Антропонимы служилых татар в памятниках письменности г. Тобольска XVII–XIX вв. в сравнительно-историческом аспекте // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 9–21. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-9-21

Anthroponyms of service Tatars in the written monuments of Tobolsk from the 17th to 19th centuries in a comparative-historical aspect

G. Ch. Faizullina¹, Z. A. Tychin'skikh², G. R. Galiullina³

¹ University in Tyumen, Tyumen, Russia

² Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia

³ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract

This paper presents a novel comparative-historical study of the Turkic anthroponymy of the Siberian service Tatars, a Siberian Tatar ethnic subgroup who served within the “Irregular Troops of the Muslim Cossacks.” The analysis focuses on two early Russian sources from the 17th to 19th century period: “Books of the Tsar’s Grants and Salaries. 1696” and “List of the Tobolsk Irregular Troops of the Muslim Cossack Command.” The anthroponymicon of service Tatars is investigated using an interdisciplinary approach using both historical and

© Г. Ч. Файзуллина, З. А. Тычинских, Г. Р. Галиуллина, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

linguistic methods. In total, 354 male anthroponyms were analyzed, including lexemes with regional characteristics of the speech of Siberian Tatars. The operational dynamics of personal name spelling variants is revealed in relation to the codification of foreign lexeme orthographic norms within the Russian language. Over the period examined, the authors document the persistence of a Turkic foundation in the anthroponyms while noting a gradual decrease in the frequency of Turkic names and a simultaneous rise in names of Arabic and Persian origin, a phenomenon attributed to the effects of Islamic culture. Despite these trends, the name list shows the preservation of relicts of the ancient Turkic worldview. The analysis of the name list of Siberian service Tatars demonstrates that it is the adoption and practice of Islam that significantly impacted the anthroponymic landscape of the Turkic peoples of Western Siberia. Further research of the Siberian Tatar anthroponymy requires conducting a comparative analysis of their names with those of other Tatar populations and Turkic-speaking groups.

Keywords

anthroponymicon, written monuments, Turkic elements, Islamic culture, 17th–19th centuries, Tobolsk, Siberian service Tatars

For citation

Faizullina G. Ch., Tychin'skikh Z. A., Galiullina G. R. Antroponimy sluzhilykh tatar v pamyatnikakh pis'mennosti g. Tobol'ska 17–19 vv. v sravnitel'no-istoricheskom aspekte [Anthroponyms of service Tatars in the written monuments of Tobolsk from the 17th to 19th centuries in a comparative-historical aspect]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 9–21. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-9-21

Введение

На формирование и трансформацию антропонимикона существенное влияние оказывают исторические, политические и социокультурные процессы. Имя собственное является носителем значимой культурно-исторической информации. Тюркские антропонимы XVII–XIX вв. сыграли важную роль в формировании современного онимического пространства Тюменской области – топонимикона региона и фамильекона сибирских татар.

Изучение антропонимикона является одним из важных направлений современных историко-филологических исследований. При этом ономастика относится к одной из самых развитых отраслей татарского языкознания, изучается происхождение [Галиуллина 2008, 2013; Саттаров 1989], история формирования антропонимикона [Ахметзянов 1991; Галиуллина 2014; Хадиева 2015], источниковедение [Усманов 1972; Валиева 2022] и др.

В центре внимания исследователей языка и культуры сибирских татар находится исторический [Алишина 2016; Гильфанова 1999] и современный [Тимканова 2005; Чаукерова 2008] ономастикон. В лексикографическом плане известен «Словник личных имен жителей бухарских волостей Тобольской губернии XIX – начала XX века» [Словник 2023].

Вместе с тем ранний пласт именника сибирских татар редко попадает в поле зрения исследователей. Актуальность работы обусловлена введением в научный оборот функционировавших в XVII–XIX вв. антропонимов служилых татар на основе неизученных памятников письменности г. Тобольска. Антропонимический материал важен для дальнейших лингвистических, исторических и лингвокультурологических исследований. Новизна исследования заключается в том, что впервые вводится в научный оборот и проводится сравнительно-исторический анализ тюркских антропонимов на исторических источниках раннего периода в региональном аспекте. При изучении антропонимикона учитывается также сословный аспект, так как рассматривается именник этносоциальной группы служилых татар, его трансформация в течение определенного исторического периода.

Цель данной работы – рассмотрение антропонимов отдельной этносоциальной группы – служилых татар в определенный хронологический период для выявления характерных особенностей имяназвания, факторов, влияющих на формирование антропонимикона и его трансформацию, анализ воздействия интра- и экстралингвистических факторов на формирование и развитие сибирско-татарского именника.

Материал и методы исследования

При анализе материала использовались исторические и лингвистические методы: историографический анализ, сравнительно-исторический метод, ретроспективный метод, описание и экспертиза рукописного текста, источниковедческий анализ, этимологический анализ, лингвокультурологический анализ.

В течение XVII–XIX вв. одной из этносоциальных групп сибирских татар были служилые татары. Эта категория сибирско-татарского населения складывалась с конца XVI в. в основном из военно-служилой верхушки бывшего Сибирского ханства. В свое время С. В. Бахрушин отмечал, что формирование татарского военно-служилого контингента в Сибири происходило в интересах колонизаторской политики московской власти, которая «для продвижения вглубь Сибири и объясачения жителей» использовала бывших вассалов хана Кучума, «предоставив им за это ряд прав и преимуществ» [Бахрушин 1955: 163]. В итоге в первых русских сибирских городах возникли команды служилых людей, сыгравшие значимую роль в дальнейшем освоении Сибири.

В источниках упоминаются имена представителей сибирско-татарской знати: князь Енбулат, служивший в Тобольске в 90-е гг. XVI в., его сын князь Кутука и внук Аллагур-мурза, мурза Кайдаул Байсеитов, его сыновья Мамет, Читей и Аиткул Кайдауловы, тарский князец Тынмамет Берделей-мурзин, его сын Кучука Тынмаметов и внук Талайка Кучуков [Бахрушин 1955: 164–165], князь Аткачарко Ахманаев, тюменские «юртовские служивые татарове лучшие люди» Девей Иртышов, Буйдак Емачтаев, Тугока Келементеев, Моюмас Азехматов, Казад Енгильдеев, Устемир Канчюрин и др. [Миллер 1941: 159], «юртовские служивые татарове» Кызылбай Копландеев, Мамеделей Кызылбаев, Ишмурза Ендалеев, Козмамет Ахмаметов, Ебаргул Аллагулов, Келмамет княж Бегишов и др. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 14. Л. 98, 151 об. и др.].

Значительный пласт материалов по истории служилых татар хранится в архивных фондах г. Тобольска. Одним из наиболее информативных документов является «Дело об образовании городских казачьих команд» [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329, оп. 13, д. 7], в котором собраны различные сведения по истории служилых татар (рапорты, доношения, письма, ведомости, списки команд и пр.), относящиеся к периоду конца XVIII – начала XIX вв. Само «Дело» датируется 1795–1807 гг. Один из документов этого «Дела» – «Список Тобольской иррегулярной из магометан казачьей команды» [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329, оп. 13, д. 7, л. 195–221 об.] является ранним источником, где присутствует достаточно полный материал по антропонимикону тобольских служилых татар рубежа XVIII–XIX вв. Другой документ, более раннего периода, конца XVII в. – «Книги государева жалованья и окладные. 1696 г.», также содержит полный список тобольских служилых татар [Тобольск 1885: 59–61].

В источнике XVII в. употребляется 150 антропонимов, относящихся к 246 персонам, во втором – 204 антропонима, называющих 367 персон.

Таким образом, нами рассматриваются документы, содержащие полные списки служилых татар г. Тобольска второй половины XVII и рубежа XVIII–XIX вв. Отметим, что особенностью этносоциальной группы служилых татар на протяжении всего периода существования была определенная корпоративная замкнутость, так как в команды набирались в основном дети и племянники служилых [Тычинских 2010: 87]. Данные материалы, содержащие именник конкретной этносоциальной группы, позволяют зафиксировать происходившие в течение столетия изменения в антропонимиконе служилых татар.

Для установления происхождения личных имен нами использованы признанные в научном мире этимологические и толковые словари: «Древнетюркский словарь» [ДТС 1969], этимологические словари тюркских языков, размещенные на платформе Monumenta Altaica [<https://altaica.ru/index.html>], словари татарских личных имен [Саттаров 1998, 2019], «Этимологический словарь татарского языка» [Әхмәтъянов 2015] и др.

Сравнительно-исторический анализ антропонимов служилых татар

Исследование антропонимикона исторических памятников показывает, что в процессе фиксации произошло сильное искажение татарских имен и их адаптация к русской фонетической системе и графике. Это привело к появлению различных вариантов одного и того же антропонима. В отдельных случаях идентифицировать ряд антропонимов, провести их этимологический анализ, определить генезис и структурно-словообразовательные особенности представляется невозможным. Однако в большинстве случаев довольно легко восстанавливается первоначальное значение и структура антропонимов.

Как показывает анализ источников XVII в., в данный период была полностью сформирована двухкомпонентная антропонимическая формула, состоящая из личного имени и фамилии, которая является основной и единственной в списке имен служилых татар: *Аднягулко Меллыбаев, Кутайгулко Шамаев, Курбанбаки Уразаев, Уразайко Бекметев, Маметкулко Итсинин, Таушенко Айдяков*. Таким образом, в XVII–XVIII вв. используются только два элемента – имя и фамилия. На рубеже XVIII–XIX вв. преобладают двухкомпонентные формулы (94,8 %), а также наблюдается проникновение трехкомпонентной антропонимической формулы (5,2 %), состоящей из личного имени, отчества и фамилии. При этом отчества образуются по тем же моделям, что и фамилии: «мужское личное имя + аффикс *-ов / -ев*» и «мужское личное имя + аффикс *-ин*»: *Ишмамет=ов, Уразмет=ев, Камаш=ин* и т. п.: *Аксеит Миралиев Султаметев, Уцкурта Регимбакиев Алыков, Сеидмамат Муратов Багишев, Авазбакей Рахматуллов Кулмаметев, Уразай Аизбакиев Сафаралиев*. Ономатологи, изучавшие исторический русский антропонимикон, акцентируют внимание на функционировании в исторических памятниках XVI–XVII вв. указанной выше антропонимической формулы без специальных суффиксов, образующих отчества [Чичагов 1959; Зинин 1972; Бондалетов 1983; Суперанская 1990; и др.]. Мы можем предположить, что при фиксации имен служилых татар г. Тобольска соблюдалась традиция передачи антропонимических единиц, сложившаяся в XVI–XVIII вв.

В русских письменных источниках XVI–XVIII вв. для передачи татарских имен использовались аналитические и синтетические модели (см., например: [Писцовое описание... 2006; Список с писцовой и межевой книги... 1909; и др.]). Эта особенность соблюдается и в анализируемых нами источниках.

В XVII–XVIII вв. имеет место только синтетическая модель, при этом большинство имен записано в уменьшительно-уничижительной форме, что соответствовало традициям официально-делового стиля той эпохи: *Исенгулко, Кинчичко, Мамнячко, Турметко, Тохтаметко, Исенгилдейко*. Синтетическая модель наблюдается при написании как простых, так и сложных имен: *Сафарко* (арабский *Сафар* (1. Путешествие; 2. Название второго месяца хиджры) + *-ко* (формант, восходящий к уменьшительно-уничижительному суффиксу русского языка *-к-*), *Исенко* (*исән* > древнетюркский *esän* – здоровый, невредимый; употреблялся еще в древнетюркскую эпоху в составе собственных имен [ДТС 1969: 182]; *Ураско* (*ураз* ~ *ура*с ‘счастье’, ‘языческий бог счастья’ < др. перс. *роз* ‘день, солнце; счастье’ [Эхмэтьянов 2015: 350] + *-ко*; *Кутлумабет* (ср. казанско-татарская форма *Котлы* > древнетюркский *qutluğ* (счастливый, приносящий счастье, успех, удачу [ДТС 1969: 473]) + *Мамат* (сокращенная разговорная форма от араб. *Мохаммат* [Саттаров 2019: 242]), *Бектемирко* (*бек* ~ *бик* ~ *бэк* > древнетюркский *beg* – правитель, вождь, бек, князь, господин и др.; использовался в древнетюркскую эпоху в составе собственных имен [ДТС 1969: 91] + *темир* (ср. казанско-татарский *тимер* > древнетюркский *temir* (*d-*), функционировал в качестве компонента личного имени [ЕДРТ 1972: 509].

В русских письменных памятниках данного периода имена широко представлены в простонародной разговорной форме с использованием уничижительного форманта субъективной оценки *-ко, -ка*, который употребляется в составе имен простого народа, указывая на их социальную принадлежность. Однако в XVII в. данный показатель в антропонимиконе изменяет свое качество – «субъективной оценки» – и выступает как словообразующий формант [Зинин 1972: 121]. В нашем списке имена даются только в одной форме с показателем *-ко*.

Ряд имен в указанном документе употребляется без данного показателя например: *Азбакей, Сабанак, Кармышан, Тахлыбай, Мамет, Аптыш, Акиац, Кутлумабет*. На наш взгляд, это связано с высоким положением указанных лиц. О существовании социальной дифференциации в именах указывают и исследователи исторической русской антропонимии [Чичагов 1959: 9;

Бондалетов 1983: 105; Королева 2000: 19; и др.]. Обычно на места с высоким окладом русские власти назначали лиц, имевших наибольший вес в социальной иерархии. Все перечисленные служилые татары имели самые большие оклады, что соответствовало уважительному отношению к ним со стороны власти [Тычинских 2010: 74–76]. Это отразилось и в написании имен.

Все остальные служилые татары, как и рядовые русские служилые люди, наделялись при обращении к ним уменьшительной формой имени. Заметим, что для документа следующего периода – рубежа XVIII–XIX вв. – это уже не было характерно.

В источниках XVIII–XIX вв. при передаче сложносоставных имен аналитические и синтетические модели используются параллельно, кроме них употребляется полусинтетическая модель, которая наблюдается в именах, написанных через дефис: *Булат Мамет (Кылаев), Хош Бахты, Исенбай, Нурмамбет, Нияд-баки*. Вероятно, такая передача сложных имен связана с отсутствием традиции и опыта написания инородных имен, также эта особенность может быть связана и с субъективными факторами.

С точки зрения происхождения имени подразделяются на исконно тюркские и заимствованные. В списке XVII в. исконно тюркские имена достаточно распространены, а на рубеже XVIII–XIX вв. наблюдается тенденция увеличения гибридных и полностью заимствованных имен, что показывает постепенную исламизацию именника татар.

В семантике исконных тюркских личных имен сохраняются отголоски древних воззрений. Тотемистические и анимистические представления отразились в именах, которые активно функционировали до полной исламизации именника. Вплоть до середины XIX в. имена тюркского происхождения были неотъемлемой частью именника. Эту особенность мы наблюдаем и в изучаемых списках. При рассмотрении тюркских компонентов в антропонимиконе с лингвокультурологической позиции внимание на себя обращают онимы, образованные от зоонимов, отсылающие, по всей вероятности, к древним тотемистическим воззрениям тюрков. Остановимся на некоторых из них более подробно.

Название древнего тотема тюрков волка *буре* (пратюркское **bō:ri*) и его синоним *корт* ~ *курт* (пратюркское **qurt*) употреблялись в пратюркской антропонимической системе [Благова 2006: 716]. В наших списках с указанными компонентами зафиксированы следующие имена:

Буркибай < *буре* + *-кай* (уменьшительно-ласкательный аффикс) + *бай* (древнетюркский *baj* ‘богатый’, компонент сложносоставных древнетюркских имен [ДТС 1969: 79];

Уцкурта / *Уцкуртка* < *уц* (сибирско-татарский фонетический вариант чередования *ц* ~ *ч*; ср. казанско-татарский вариант *өч* > др. тюрк. *iç* ‘три’).

В списке XVII в. антропоним *Уцкурта* / *Уцкуртка* зафиксирован и в казанско-татарском фонетическом варианте *Учкуртка*. Трактовка образования антропонимов *Курткасичко*, *Курткашко* вызывает затруднения по причине сильного искажения; вероятно, они образованы присоединением к основе *курт* уменьшительно-ласкательного аффикса *-каш* (фонетические варианты *-каш*, *-кас*) и добавлением уничижительного суффикса. Указанные имена встречаются в обоих списках.

К языческим воззрениям восходят и другие тотемные антропонимы:

Куцюк – *Кучюк* (ср. казанско-татарский *көчек* ~ *көцек* ‘щенок’ (в обоих списках); в древнетюркскую эпоху употреблялся в качестве антропонима [ДТС 1969: 324]);

Араслан (*арыслан* ‘лев’) (в обоих списках); в древнетюркском языке лексема *Arslan* была распространенным компонентом личных имен [ДТС 1969: 55];

Кузей / *Кузейко* ‘ягненок, агнец, барашек’ (в обоих списках); в татарских диалектах встречаются формы *козе*, *кузы*; героя эпоса кыпчакских и южно-сибирских тюркских народов называли *Кузей Күрпәч* (*Күрпәч*), *Кузей Күрпә* [Әхмәтьянов 2015: 463];

Елка (в списке XVII в.) – от апеллятивной основы *елкы* ‘лошадь, конь’; как указывает Г. Ф. Благова, в пратюркской антропонимической системе употреблялось личное имя *Jylqu* в препозиции сложных имен; наличие имен с данным компонентом обусловлено особым почитанием лошади у тюрков [Благова 2006: 722];

Торгайко (в списке XVII в.) – от древнетюркской основы *toriya* ‘жаворонок’ [ДТС 1969: 578]; в татарском литературном языке *тургай* – ‘жаворонок’, в сибирско-татарском диалекте – ‘воробей’. Возможно имя *Кургайко*, зафиксированное в списке XVII в., является искаженным вариантом данного имени.

Анализ тотемных имен показывает, что в обоих списках они употребляются редко, представлены единичными примерами.

Анимистические представления древних тюрков сохранились в имени *Танатарко* (*таң* ‘рассвет, заря’ + *атар* ‘рассветает’). Мужское имя *Таңатар*, образованное по аналитической глагольно-именной модели *Таң атар*, известно еще с пратюркской антропонимической системы. Как указывает Г. Ф. Благова, метафоризацию основы можно увязывать с поклонением солнцу, при вторичной метафоризации происходило переосмысление «время рождения ребенка» [Благова 2006: 672]. В историческом татарском именнике зафиксировано много сложносоставных имен с компонентом *Таң*, хотя как самостоятельный антропоним лексема *таң* употребляется довольно редко. Если компонент *таң* использовался как личное имя, то второй компонент таких имен являлся, в основном, глагольной или именной основой с повествующей характеристикой [Галиуллина 2008: 75].

Култ предков является одним из ведущих у сибирских татар, сохранившим актуальность и по сей день. Традиция наречения именем умершего родственника характерна по отношению к лицам мужского и женского пола. Данная традиция способствовала образованию родовых имен, легших в основу фамильярона и новых антропонимов на базе терминов родства. Имена *Атейко* и *Атычко* образованы от термина родства *ата* ‘отец’: так обращались к лицам мужского пола, которые были названы в честь дедушки.

Среди исконно тюркских имен особое место занимают антропонимы, образованные от глагольных основ, в семантике которых прослеживается пожелание ребенку благополучия, здоровья и счастья. У тюркских народов, в том числе и у татар, такие имена составляют большой пласт. Имена с данным компонентом зафиксированы еще в древнетюркскую эпоху [ДТС 1969: 183]. В исследуемых нами списках встречаются следующие имена с основой *исән*- ‘благополучен, здоров’: *Исенко*, *Сенка* (с усечением первого гласного), *Исенийан*, *Исеньячко* (последние два имени являются, возможно, искаженными вариантами имен *Исәнэй* и *Исәншиэй*), *Исеньярко* (*исән* + *яр* (персидский элемент в значении ‘друг’)), *Исенбай* (*Исән* + *бай*), *Исенгилдейко* / *Исенгилди* (*Исән* + *килде* / *гелди* ‘пришел’).

В эту же группу входят имена, образованные от следующих глагольных основ: *Терекилде* (*тере* ‘живой’ + *килде* ‘пришел’, *Турсунко* (*турсун* ‘пусть остается (живет)’ + суффикс *-ко*)), *Калыш* (*кал* ‘останься’ + глагольная форма на *-ыш*), с глаголом *тохта* (ср. казанско-татарскую форму *тукта-* ‘остановись’: *Тохта* (при фиксации имени произошла замена *к* на *х*, которая проявляется регулярно и при фиксации имени казанских татар в исторических документах), *Тохтагул*, *Тохтабай*, *Тохтасун*, *Тохтарко*, *Тохтасичко*, *Тохтаметко*. Антропоним *Ямандычко* (*яман* ‘плохой’) является именем-оберегом от злых духов.

Долгожданного, вымоленного ребенка называли именами *Утей* ‘очень сильно вымоленный ребенок’, *Тлев* (от глагольной основы *теләү* ‘желать’), *Тлевбардейко* ‘выпрошенный ребенок’, *Такрингул* ‘раб Тенгри (Бога)’, *Танкгрибирди* ‘ребенок, данный Тенгри’.

Пожелание ребенку здоровья отражены и в именах с компонентом *таш* ‘камень’ и древним заимствованием из персидского *булат* ‘сталь’. Если в татарских семьях дети умирали или болели один за другим, то последующему ребенку давали имя с компонентами *таш*, *тимер*, *булат*, семантика которых включает понятие «выносливость, твердость». В антропонимиконе тюркских и других народов, относящихся к урало-алтайскому языковому союзу, функционирует большая группа имен с данными антропоформантами [Галиуллина 2008: 97]. В исследуемых списках нами зафиксированы следующие имена: *Ташбулат* ~ *Тажбулат*, *Таштимер*, *Булат*, *Бикбулат*.

Имена с компонентом *ураз* ‘счастье’ зафиксированы в следующих вариантах: *Уразайко* / *Уразай*, *Ураско*.

В исследуемых списках присутствует большое количество сложных имен с социальным детерминативом *бай*. Личные имена с данным компонентом известны еще с древнетюркской эпохи. В татарских именах данный компонент широко представлен в антропонимии татар как в препозитивной позиции, так и в постпозитиве [Галиуллина 2008: 87]. В наших материалах эта тенденция также наблюдается: *Байковко*, *Байшенячко*, *Тахлыбай*, *Буркибай*, *Исенбай*, *Кизылбай*, *Кутлубай*, *Салибай*, *Тохтабай* и др. В списке служилых татар XVII в. использовано еще одно имя, в составе встречается социальный детерминатив *чура* > *чо:r* ‘князь; храбрый’ [ЕДПТ 1972: 428]: *Чюрючейко*.

На сословный характер происхождения онимов указывают также компонент *бэк* (*бек* ‘князь’), употребляющийся в составе сложных имен: *Бегишко* (*бек* + *иш* ‘пара’), *Бекбавлучко* (*бек* + *баулы* ‘привязанный; с веревкой’), *Бектемирко* (*бек* + *тимер* ‘железо’).

Частотными в именнике являются производные от татарских титулов *мурза*, *бик-* / *бек-*, поскольку большая часть служилых татар происходила из военно-служилой знати Сибирского ханства: *Адня Мурза*, *Мурза*, *Бекбулат*, *Бикмаммет* и др.

Особо хотелось бы остановиться на имени *Бегиш*. В сибирской истории это имя известно как имя родоначальника клана служилых татар мурз Кульмаматьевых князя Бегиша, занимавшего высокое положение, возможно, беклярибека в Сибирском ханстве [Тычинских 2024: 50]. Имя *Бегиш*, по данным Г. Саттарова, сопоставимое с древнетюркским *begäč* ‘принц’, может дополнительно свидетельствовать об этом.

Имена служилой знати отразились и в сибирско-татарской топонимике: *Юрты Бегишевские*, *юрты Авазбакеевские*, *Кызылбаевские*, *Кильмамметские* и др.

Несколько имен связано с профессией, видом деятельности: *Сабанак*, *Атарко*, *Кулашко*.

Отметим наиболее употребительные исконно тюркские компоненты в личных именах:

1) в препозиции:

Бик-: *Бикбавлы*, *Бикбулат*, *Бикиня*, *Бикмаммет*;

Исән-: *Исенийан*, *Исеньячко*, *Исенбай*, *Исенгилди*;

Таш-: *Тажбулат*, *Таштимир*, *Ташмаммет*;

Тохта-: *Тохтамметко*, *Тохтабай*, *Тохтагул*, *Тохта Кучюк*;

Тәңре-: *Такрингул*, *Танкгрибирди*; в этих именах первый компонент при фиксации искажен.

Мы полагаем, что татарский звук [ң] по субъективным причинам при написании передавался сочетанием букв *к*, *нк*;

2) в постпозиции:

-*бай*: *Тахлыбай*, *Буркибай*, *Енбай*, *Исенбай*, *Кызылбай*, *Кутлубай*, *Салибай*, *Тохтабай*;

-*бирди*: *Алабирди*, *Ижбирди*, *Танкгрибирди*, *Ходайбирди*;

3) в обеих позициях:

Булат: *Бикбулат*, *Булат Маммет*, *Тажбулат*;

Кул ~ *гул* ~ *кол* от древнетюркского *kul* ‘раб, невольник’, который употреблялся еще в древнетюркскую эпоху в составе собственных имен [ДТС 1969: 464]. В русских письменных источниках как сибирских татар (в случае наших примеров ниже), так и казанских татар (см. например: [Писцовое описание... 2006; Список с писцовой и межевой книги... 1909]), татарский редуцированный звук [о] всегда передается буквой *у*: *Аднягулко*, *Аитгулко*, *Кутайгулко*, *Аллагул*, *Исгуль*, *Кулмаммет*, *Кулмет*, *Курбангул*, *Мамметкулко*, *Раимгулко*, *Сеигулко*, *Такрингул*, *Тохтагул*, *Хозамгул*, *Хоцайгул*.

Займствованные антропонимы имеют, как правило, арабские (*Аид*, *Аиса*, *Аюп*, *Баки*, *Зарывка*, *Ибрагим*, *Ильяс*, *Курбан*, *Лятип*) и персидские (*Адня*, *Батур*, *Калы*, *Мурзаш*, *Науруз*) корни. Основа антропонима *Ботайко*, видимо, восходит к монгольскому *Бату* / *Батый* ‘драгоценный камень’.

Следует отметить, что тенденция постепенной исламизации именника татар четко прослеживается в списке рубежа XVIII–XIX вв. Если в списке XVII в. преобладали исконно тюркские и гибридные имена (*Раимгулко*, *Мамметкулко*, *Сеитгулко*, *Аднягулко*, *Кутлумухаммет*), а займствованные имена, в основном, были простыми по структуре (*Сафарко*, *Меметко*, *Давлетко*, *Муратко*, *Саличко*, *Юсупко*, *Юзюп* и др.), то в списке рубежа XVIII–XIX вв. удельный вес займствованных сложносоставных имен увеличивается (*Сеидбаки*, *Сафарали*, *Абдуманям*, *Аитбаки*, *Маметрегим*, *Сафарали*, *Муллабаки* и др.). Также состав простых имен претерпевает изменения: появляются несвойственные первому периоду имена, например, *Рецен*, *Ибрагим*, *Нияз* ~ *Нияз*, *Мукмин*, *Муртаза*, *Муса*, *Исмаил*, *Лятип*, *Бахтияр* и др.

Следует отдельно остановиться на гибридных именах, которые составляют основной фонд списков. Ниже представлен полный список гибридных имен. В скобках указана современная форма имен у сибирских татар. Компоненты имен с неясной этимологией сопровождаются знаком вопроса (см. табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Модели гибридных имен служилых татар XVIII–XIX вв.
Models of hybrid names of Tatar service personnel of the XVIII–XIX centuries

Модели имен по происхождению	XVII в.	Рубеж XVIII–XIX вв.
араб. + исконно тюркский	<i>Аитгулко</i> (<i>Аит</i> > <i>гаит</i> + <i>кул</i> / <i>гул</i> + -<i>ко</i>) <i>Маметкулко</i> (<i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i> + <i>кул</i> / <i>гул</i> + -<i>ко</i>) <i>Раимгулко</i> (<i>Раим</i> + <i>кул</i> / <i>гул</i> + -<i>ко</i>) <i>Сеигулко</i> (<i>Сеи</i> > <i>Саит</i> + <i>кул</i> / <i>гул</i> + -<i>ко</i>) <i>Катыргулко</i> (<i>Катыр</i> > <i>Хатыр</i>?) + <i>кул</i> / <i>гул</i> + -<i>ко</i>)	<i>Алабирди</i> (<i>Ала</i> > <i>Алла</i> + <i>бирди</i>) <i>Аллагул</i> (<i>Алла</i> + <i>бирди</i>) <i>Курбангул</i> (<i>Курбан</i> + <i>кул</i> / <i>гул</i>) <i>Маметзаслан</i> (<i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i> ‘заслан’?) <i>Регимгул</i> / <i>Реимгул</i> (<i>Регим</i> / <i>Рехим</i> / <i>Реим</i> + <i>кул</i> / <i>гул</i>) <i>Сеидкуль</i> (<i>Сеид</i> + <i>кул</i> / <i>гул</i>)
перс. + исконно тюркский	<i>Аднягулко</i> (<i>Адня</i> / <i>Атна</i> + <i>кул</i> / <i>гул</i> + -<i>ко</i>) <i>Кутабердийко</i> (<i>Кута</i> > <i>Ходай</i>? или арабско-персидское заимствование в современных сибирских тюркских языках <i>Quday</i> + <i>берди</i> + -<i>ко</i>) <i>Кутайгулко</i> / <i>Куталгулко</i> (<i>Кутай</i> > <i>Ходай</i>? или заимствование в сибирских тюркских языках <i>Quday</i> + <i>кул</i> / <i>гул</i> + -<i>ко</i>) <i>Янгилдейко</i> (<i>Ян</i> / <i>Ен</i> > <i>яңан</i> + <i>гилде</i> / <i>килде</i> + -<i>ко</i>)	<i>Енбай</i> (<i>Ен</i> / <i>Ян</i> > <i>яңан</i> + <i>бай</i>) <i>Ходайбирди</i> (<i>Ходай</i> + <i>бирди</i>) <i>Хозамгул</i> (<i>Хужам</i>? <i>Ходай</i>? + <i>кул</i> / <i>гул</i>) <i>Хоцайгул</i> (возможно, искаженный вариант <i>Ходай</i> + <i>кул</i> / <i>гул</i>) <i>Хош Бахты</i> (<i>Хош</i> + <i>бахты</i>) <i>Шаббаба</i> (<i>Ша</i> > <i>шах</i> + <i>баба</i>)
исконно тюркский + араб.	<i>Ишмаматко</i> (<i>Иш</i> + <i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i> + -<i>ко</i>) <i>Кутлумамат</i> (<i>Кутлу</i> + <i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i>) <i>Тохтаматко</i> (<i>Тохта</i> / <i>Тукта</i> + <i>Мет</i> > <i>Мухаммат</i> + -<i>ко</i>) <i>Уразметко</i> (<i>Ураз</i> + <i>Мет</i> > <i>Мухаммат</i> + -<i>ко</i>) <i>Якишмаматко</i> (<i>Якиш</i> + <i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i> + -<i>ко</i>)	<i>Аксеит</i> (<i>Ак</i> + <i>Сеит</i>) <i>Бикмамат</i> (<i>Бик</i> + <i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i>) <i>Ельмет</i> (<i>Ель</i> > <i>Ел</i> / <i>Ил</i> + <i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i>) <i>Ишмамат</i> (<i>Иш</i> + <i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i>) <i>Калмамат</i> (<i>Кал</i> > <i>кул</i> / <i>гул</i>? или <i>кал</i> перс. ‘родинка’ + <i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i>) <i>Кулмамат</i> (<i>Кул</i> / <i>гул</i> + <i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i>) <i>Кулмет</i> (<i>Кул</i> / <i>гул</i> + <i>Мет</i> > <i>Мухаммат</i>) <i>Суюцбаки</i> / <i>Суюцбака</i> / <i>Сиючьбака</i> (<i>Суюц</i> > <i>сөөнеч</i> ‘радость’? + <i>баки</i>) <i>Ташмамат</i> (<i>Таш</i> + <i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i>) <i>Тлеумет</i> (<i>Теләу</i> + <i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i>) <i>Уразали</i> (<i>Ураз</i> + <i>Гали</i>) <i>Уразмамат</i> (<i>Ураз</i> + <i>Мамет</i> > <i>Мухаммат</i>)
исконно тюркский + перс.	<i>Исеньярко</i> (<i>Исен</i> / <i>исән</i> + <i>яр</i> + - <i>ко</i>)	–
араб. + исконно тюркский + араб.	–	<i>Реимгул Мамет</i>
исконно тюркский + перс. + исконно тюркский	<i>Ишамангулко</i> (<i>Ишаман</i> ? + <i>кул</i> / <i>гул</i> + - <i>ко</i>)	–

В списках имеются антропонимы, этимологию которых невозможно восстановить из-за сильного искажения при фиксации, например, в списке XVII в. имена *Аничка, Мелмярко, Овеско, Мамеселячко, Шаушачко, Теумко*; в списке рубежа XVIII–XIX вв.: *Итимган, Малиса, Калы, Теум*.

В полных именах прослеживается древняя традиция сибирских татар – наречение именем умершего родственника: *Куцаш Ниязов Куцашев, Мамей Мамеев Сафаров, Исматулла Кулмаметев Кулмаметев*.

В списках имена представлены в различных фонетических вариантах. Это связано со становлением норм написания иноязычных лексем в русском языке: *Авазбаки / Авазбакей, Аид Мамед / Аидмамед, Аидбаки / Аидбака / Аитбаки, Исенгилди / Исянгильди, Мамедбаки / Маметбаки, Нияд-баки / Ниядбаки, Регимгул / Реимгул, Сеидбаки / Сеитбаки, Суюцбаки / Суюцбака / Сиючьбака, Уцкурта / Уцкуртка, Хоцанакирь / Хоцязангир*.

В документах зафиксированы лексемы, имеющие региональные признаки в выговоре сибирских татар:

- цоканье: *Кинца, Куцаш, Куцюк, Рецеп, Хацаш, Абдульмецир, Абдуцелил, Куцееш, Уцкурта, Суюцбаки / Суюцбака, Хоцайгул, Хоцанакирь / Хоцязангир, Цырю*;
- переход *ф* → *п*: *Лятин*;
- оглушение: *Нияс, Саки*;
- опущение согласных в начале слова: *Ибадулла, Исматулла*.

Заключение

В анализируемый период сохраняется тюркское ядро антропонимов, которые отражают отголоски древних воззрений, при этом наблюдается тенденция к уменьшению количества тюркских имен и, соответственно, к увеличению числа арабских и персидских заимствований. Смешение национального и религиозных начал отражается в гибридных именах. В списке рубежа XVIII–XIX вв. проявляется постепенная исламизация именника в содержательном плане и осложнение структуры. Наличие фонетических и структурных вариантов имен обусловлено влиянием экстралингвистических и субъективных факторов. Сложносоставные имена строятся на основе аналитической и полусинтетической моделей. Раздельное написание имен может указывать на титул носителя имени, например, второй компонент имени *Адня Мурза* обозначает аристократический титул, сохранившийся, возможно, у представителя служилых татар. В именах тюркского происхождения прослеживается древняя традиция наречения двойными именами с целью защиты новорожденного от бед, имя *Тохта Кучюк*, вероятно, имеет подобный посыл.

Перспективы исследования антропонимов сибирских татар связаны с их изучением в сопоставлении с личными именами татарского населения других регионов (например, Поволжья) и других тюркоязычных народов. Кроме того, научный интерес представляет сравнительное исследование антропонимов представителей разных сословий.

Одним из ключевых факторов трансформации антропонимикона тюркских народов, принявших и исповедовавших ислам, была мусульманская религия. Развитие антропонимической системы в XVII–XIX вв. определяется переплетением доисламских традиций с исламскими. В связи с этим происходит постепенное вытеснение тюркского пласта в именнике сибирских татар арабскими основами. Данный процесс наглядно просматривается на примере изменений в именнике служилых татар тобольской иррегулярной из магометан команды. Основные тенденции имянаречения, структурно-имяобразующие модели показывают, что антропонимикон сибирских татар развевался идентично именнику казанских татар.

Список литературы

- Алишина Х. Ч. Исторический ономастикон сибирских татар. Тюмень: Печатник, 2016. 432 с.
- Ахметзянов М. И. Татарские шеджере. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 153 с.
- Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т. III. Ч. II. М., 1955. С. 153–175.
- Благова Г. Ф. Антропонимическая система как проекция космологических и социальных представлений пратюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 660–754.
- Бондалетов В. Д. Русская ономастика. Москва: Просвещение, 1983. 224 с.

Валиева М. З. Ономастикон татарских письменных источников (на примере письменного памятника «Дафтар-и Чингиз-наме») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 2. С. 449–453.

Галиуллина Г. Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. 348 с.

Галиуллина Г. Р. Личные имена арабо-персидского происхождения как составляющая духовной культуры татар // Филология и культура. 2013. Т. 150. № 8. С. 96–100.

Галиуллина Г. Р. О формировании и развитии татарского антропонимикона (по материалам писцовых книг Казани и Казанского уезда XVI века) // Средневековые тюркско-татарские государства. 2014. № 6. С. 196–199.

ГБУТО ГА в г. Тобольске – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 329, оп. 13, д. 7, л. 195–221 об.

Гильфанова Ф. Х. Антропонимия тобольских и тюменских татар середины XVIII–XIX вв. (к проблеме этнической истории): Дис. ... канд. истор. наук. Новосибирск, 1999. 172 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Зинин С. И. Введение в русскую антропонимию. Ташкент, 1972. 275 с.

Королева И. А. Становление русской антропонимической системы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 40 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 637 с.

Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов: Публикация текста / изд. подг. Д. А. Мустафиной. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2006. 660 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 14. Л. 98, 151 об.

Словник личных имен жителей бухарских волостей Тобольской губернии XIX – начала XX века / Сост. Г. Ч. Файзуллина, Э. Х. Кадирова, Л. Х. Фаизова, М. В. Прокопова, Е. Н. Ермакова. Казань: Отечество, 2023. 60 с.

Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и его уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Димитрия Андреевича Кикина 1565–1567 гг. Казань: Церковное ист. археол. о-во Казанской епархии, 1909.

Суперанская А. В. Имя – через века и страны. М.: Наука, 1990. 187 с.

Тимканова Г. Ф. Историко-лингвистический анализ личных имен татар г. Тюмени XX века: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 252 с.

Тобольск: материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1885. 163 с.

Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 288 с.

Тычинских З. А. Мурзы Кульмаметьевы. Кн. 1. Власть и могущество (XVII–XVIII вв.). Тюмень: ТюмГУ, 2024. 208 с.

Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 221 с.

Хадиева Г. К. Исконно тюркские антропонимы Республики Татарстан (по материалам писцовых книг XVI–XVII вв.) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–1. С. 365.

Чаукурова Г. К. Особенности функционирования сибирскотюркского антропонимикона в условиях полиэтнического пространства (на материале личных имен татар и казахов Тюменской области): Дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2008. 236 с.

Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М., 1959. 127 с.

EDPT – Sir G. Clauson. An Etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkic. Oxford: At the Clarendon Press, 1972. 1034 p.

Самтаров Г. Ф. Исемен матур, кемнәр куйган? Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 256 б.

Самтаров Г. Ф. Татар исемнәре: аңлатмалы сүзлек. Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. 551 б.

Самтаров Г. Ф. Татар исемнәре ни сөйли? Казан: «Раннур» нәшр., 1998. 486 б.

Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленәң этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А–Л). Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. 543 б.

Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленң этимологик сүзлеге: Ике томда. II том (М–Я). Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. 567 б.

References

- Akhmetzyanov M. I. *Tatarskie shedzhere* [Tatar shedders]. Kazan, Tatar. kn. izd., 1991, 153 p. (In Russian)
- Alishina Kh. Ch. *Istoricheskiy onomastikon sibirskikh tatar* [Historical onomasticon of the Siberian Tatars]. Tyumen, Pechatnik, 2016, 432 p. (In Russian)
- Bakhrushin S. V. *Sibirskie sluzhilye tatary v 17 v.* [Siberian Tatars in the 17th century]. In *Nauchnye Trudy* [Scientific works]. Moscow, 1955, vol. 3, pt. 2, pp. 153–175. (In Russian)
- Blagova G. F. *Antroponimicheskaya sistema kak proektsiya kosmologicheskikh i sotsial'nykh predstavleniy pratyurkov* [The anthroponymic system as a projection of cosmological and social representations of the Great Turks]. In *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language is the basis. The worldview of the Proto-Turkic ethnic group based on language data]. Moscow, Nauka, 2006, pp. 660–754. (In Russian)
- Bondaletov V. D. *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moscow, Prosveshchenie, 1983, 224 p. (In Russian)
- Chaukerova G. K. *Osobennosti funktsionirovaniya sibirskotyurkskogo antroponimikona v usloviyakh polietnicheskogo prostranstva (na materiale lichnykh imen tatar i kazakhov Tyumenskoy oblasti)* [Features of the functioning of the Siberian Turkic anthroponymicon in a multiethnic space (based on the personal names of Tatars and Kazakhs of the Tyumen region)]. Cand. philol. sci. diss. Tobolsk, 2008, 236 p. (In Russian)
- Chichagov V. K. *Iz istorii russkikh imen, otchestv i familiy (voprosy russkoy istoricheskoy onomastiki 15–17 vv.)* [From the history of Russian names, patronymics and surnames (issues of Russian historical onomastics of the 15th–17th centuries)]. Moscow, 1959, 127 p. (In Russian)
- Drevnyetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russian)
- Galiullina G. R. *O formirovani i razviti tatarskogo antroponimikona (po materialam pistsovykh knig Kazani i Kazanskogo uyezda 16 veka)* [On the formation and development of the Tatar anthroponymicon (based on the materials of the scribal books of Kazan and the Kazan district of the 16th century)]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar states]. 2014, no. 6, pp. 196–199. (In Russian)
- Galiullina G. R. *Lichnye imena arabo-persidskogo proiskhozhdeniya kak sostavlyayushchaya dukhovnoy kul'tury tatar* [Personal names of Arab-Persian origin as a component of the spiritual culture of the Tatars]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture]. 2013, vol. 150, no. 8, pp. 96–100. (In Russian)
- Galiullina G. R. *Tatarskie lichnye imena v kontekste lingvokul'turnykh traditsiy* [Tatar personal names in the context of linguistic and cultural traditions]. Kazan', KFU, 2008, 348 p. (In Russian)
- Gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie Tyumenskoy oblasti Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske* [State budgetary institution of the Tyumen region]. F. 329, op. 13, d. 7, l. 195–221 ob. (In Russian)
- Gil'fanova F. Kh. *Antroponimiya tobol'skikh i tyumenskikh tatar serediny 18–19 vv. (k probleme etnicheskoy istorii)* [Anthroponymy of the Tobolsk and Tyumen Tatars in the middle of the 18th–19th centuries (on the problem of ethnic history)]. Cand. hist. sci. diss. Novosibirsk, 1999, 172 p. (In Russian)
- Khadieva G. K. *Tyurko-tatarskie antropoikonimy Respubliki Tatarstan (po materialam pistsovykh knig 16–17 vv.)* [Turko-Tatar anthropoiconyms of the Republic of Tatarstan (based on the materials of scribal books of the 16th–17th centuries)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2015, no. 2–1, pp. 365. (In Russian)
- Koroleva I. A. *Stanovlenie russkoy antroponimicheskoy sistemy* [The formation of the Russian anthroponymic system]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2000, 40 p. (In Russian)
- Miller G. F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1941, vol. 2, 637 p. (In Russian)
- Pistsovoe opisanie Kazani i Kazanskogo uyezda 1565–1568 godov* [Scribe's description of Kazan and Kazan district 1565–1568]. Kazan, Izd. "Fən" AN RT, 2006, 660 p.

- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 214, Op. 1, Kn. 14, L. 98, 151 ob.
- Sattarov G. F. *Tatar isemnäre: aqlatmaly syzlek* [Tatar names: an explanatory dictionary]. Kazan, Tatar. kit. nashr., 2019, 551 p. (In Tatar)
- Sattarov G. F. *Tatar isemnäre ni söyli?* [What do Tatar names mean?]. Kazan, “Rannur” nashr., 1998, 486 p. (In Tatar)
- Sattarov G. *Isemeh matur, kemnar kuygan?* [Your name is beautiful, who put it on?]. Kazan’, Akademiya poznaniya, 2006, 544 p. (In Tatar)
- Sir Gerard Clauson. *An Etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkic*. Oxford, At the Clarendon Press, 1972, 1034 p.
- Slovník lichnykh imen zhiteley bukharskikh volostey Tobol’skoy gubernii 19 – nachala 20 veka* [Dictionary of personal names of residents of Bukhara volosts of the Tobolsk province of the late 19th – early 20th century]. Kazan, Otechestvo, 2023, 60 p. (In Tatar)
- Spisok s pistsovoy i mezhevoy knigi goroda Sviyazhska i ego uezda pis’ma i mezhevaniya Ni-kity Vasil’evicha Borisova i Dimitriya Andreevicha Kikina 1565–1567 g.* [A list from the census and land survey book of the city of Sviyazhsk and its district, letters and surveying of Nikita Vasilyevich Borisov and Dmitry Andreevich Kikin 1565–1567]. Kazan, Tserkovnoe ist. arkheol. o-vo Kazanskoy eparkhii, 1909. (In Russian)
- Superanskaya A. V. *Imya – cherez veka i strany* [The name – through centuries and countries]. Moscow, Nauka, 1990, 187 p. (In Russian)
- Timkanova G. F. *Istoriko-lingvisticheskiy analiz lichnykh imen tatar g. Tyumeni 20 veka* [Historical and linguistic analysis of personal names of Tatars of Tyumen of the 20th century]. Cand. philol. sci. diss. Kazan, 2005, 252 p. (In Russian)
- Tobol’sk: materialy dlya istorii goroda 17 i 18 stoletiy* [Tobolsk: materials for the history of the city of the 17th and 18th centuries]. Moscow, Tip. M. G. Volchaninova, 1885, 163 p. (In Russian)
- Tychinskikh Z. A. *Sluzhilye tatary i ikh rol’ v formirovanii etnicheskoy obshchnosti sibirskikh tatar (17–19 vv.)* [Military Tatars and their role in the formation of the ethnic community of the Siberian Tatars (17th–19th centuries)]. Kazan, “Fen” AN RT, 2010, 288 p. (In Russian)
- Tychinskikh Z. A. *Murzy Kul’mamet’evy* [Murzy Kulmametyev]. Tyumen, TyumSU, 2024, bk. 1: Vlast’ i mogushchestvo (17–18 vv.) [Power and might (17th–18th centuries)], 208 p.
- Usmanov M. A. *Tatarskie istoricheskie istochniki 17–18 vv.* [Tatar historical sources of the 17th–18th centuries]. Kazan, KSU, 1972, 221 p. (In Russian)
- Valieva M. Z. *Onomastikon tatarskikh pis’mennykh istochnikov (na primere pis’mennogo pamyatnika “Daftar-i Chingiz-name”)* [Onomasticon of Tatar written sources (on the example of the written monument “Daftar-i Chingiz-nama”)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2022, vol. 15, no. 2, pp. 449–453. (In Russian)
- Zinin S. I. *Vvedenie v russkuyu antroponimiyu* [Introduction to Russian Anthroponymy]. Tashkent, 1972, 275 p. (In Russian)
- Əkhmät’yanov R. G. *Tatar teleneḡ etimologik syzlege: Ike tomda* [Etymological dictionary of the Tatar language: in two volumes]. Kazan, Məgarif-Vakyt, 2015, vol. I (A–L), 543 p. (In Tatar)
- Əkhmät’yanov R. G. *Tatar teleneḡ etimologik syzlege* [Etymological dictionary of the Tatar language: in two volumes]. Kazan, Məgarif-Vakyt, 2015, vol. II (M–I), 567 p. (In Tatar)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
12.01.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Гузель Чахваровна Файзуллина – д-р филол. наук, доцент, профессор Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия)

utgus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2721-4063>

Guzel Chakhvarovna Faizullina – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, University in Tyumen (Tyumen, Russia)

Зайтуна Антрашитовна Тычинских – канд. истор. наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН (Тобольск, Россия)

zaituna.09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-8909>

Zaituna Aprashitovna Tychinskikh – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russia)

Гульшат Раисовна Галиуллина – д-р филол. наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия)

caliullina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-2190>

Gulshat Raisovna Galiullina – Doctor of Philology, Professor, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Влияние русского языка на тувинскую лексику: заимствования нового времени

Б. Ч. Ооржак, Э. К. Аннай, Н. М. Монгуш

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия*

Аннотация

В условиях глобализации тувинский язык испытывает влияние со стороны функционально мощного русского языка. На уровне лексики происходит интенсивный процесс пополнения лексического фонда тувинского языка русской заимствованной и интернациональной лексикой. Новые русские заимствования образуют более 30 тематических подгрупп, которые охватывают повседневную жизнь, политическую, экономико-социальную, научно-техническую, культурно-бытовую и другие сферы, связаны с политическими и социальными изменениями в обществе, развитием науки и технологий. Выделен новый период русских лексических заимствований в тувинском языке – с 90-х гг. XX в. по настоящее время. Материалом для анализа послужила составленная при участии авторов база данных «Русские лексические заимствования в тувинском языке» (6227 ед.).

Ключевые слова

тувинский язык, русский язык, база данных, лексика, заимствования из русского языка, тематические группы

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-10294 «Заимствования из русского языка в зеркале развития тувинского».

Для цитирования

Ооржак Б. Ч., Аннай Э. К., Монгуш Н. М. Влияние русского языка на тувинскую лексику: заимствования нового времени // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 22–32. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-22-32

The influence of the Russian language on the Tuvan vocabulary: borrowings of the new time

B. Ch. Oorzhak, E. K. Annay, N. M. Mongush

*Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia*

Abstract

Globalization has led to the Tuvan language being influenced by the dominant Russian language. Russian loanwords and international vocabulary are intensively enriching the Tuvan lexicon. Newly integrated Russian loanwords encompass over thirty thematic classifications, spanning diverse domains including daily life, political discourse, economics, social structures, scientific advancements, technological innovation, and cultural expressions, all reflecting societal, political, and technological developments. This study illuminates a novel phase of Russian lexical influx into the Tuvan language, spanning from the 1990s to the present. The current period is marked by shifts in political and economic paradigms, the rise of digital technologies, and profound global changes affecting the scope and influence of languages worldwide. A comparative semantic analysis of Russian loanwords is conducted across four distinct historical periods. The database “Russian lexical borrowings in the Tuvan language” (6227 units), compiled in collaboration with the authors, served as the basis for this analysis. For illustrative purposes, we examined instances of Russian loanwords in contemporary Tuvan-

© Б. Ч. Ооржак, Э. К. Аннай, Н. М. Монгуш, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

language media, including issues of the newspaper “Shyn” from the 1990s onward. This source provides insight into the daily Tuvan life, complemented by examples from Tuvan literature. Direct observation, comparative analysis, and descriptive techniques form the methodological basis of this study.

Keywords

Tuvan language, Russian database, vocabulary, borrowings from the Russian language, thematic groups

Acknowledgements

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-10294 “Borrowings from the Russian language in the mirror of Tuvan development.”

For citation

Oorzhak B. Ch., Annay E. K., Mongush N. M. Vliyanie russkogo yazyka na tuvinskuyu leksiku: zaimstvovaniya novogo vremeni [The influence of the Russian language on the Tuvan vocabulary: borrowings of the new time]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 22–32. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-22-32

Введение

Вопросы влияния русского языка на тувинский являются актуальными и представляют интерес как для теоретической, так и практической лингвистики. В современных исследованиях по тувинскому языку затрагиваются вопросы фонетического освоения русизмов в диалектах и литературном тувинском языке [Дамбыра 2003; Кечил-оол 2006; Саая 2018], рассматриваются словообразовательные процессы, обусловленные влиянием русского языка [Бавуу-Сюрюн 2000, 2015; Бавуу-Сюрюн, Ондар 2013], вопросы функционирования заимствований в тувинской речи [Аннай 2023].

К специальным работам по русским лексическим заимствованиям в тувинском языке относится фундаментальный труд Б. И. Татаринцева, в котором впервые проведена систематизация и периодизация русских заимствований и выделяется три периода: 1) до 30-х гг. XX в., когда в тувинский язык через устную речь вошли русские слова, преимущественно отражающие бытовую лексику; 2) до середины 40-х гг. XX в., когда заимствуются слова, обозначающие новые реалии жизни, явления русской культуры, образования, науки, новых типов хозяйствования и т. д.; 3) с середины 40-х гг. и «до наших дней» [Татаринцев 1974: 14].

Внешняя временная граница третьего периода, о котором говорит Б. И. Татаринцев, скорее всего относится к 70–80-м гг. XX в. – времени начала активного развития тувинско-русского двуязычия. Согласившись с предложенной периодизацией Б. И. Татаринцева и определив внешние границы третьего периода 80-ми гг. XX в., мы считаем, что четвертый период должен охватывать начало 90-х гг. XX в. по сегодняшние дни – период новых политических и хозяйственно-экономических отношений, компьютеризации и информатизации, время глобальных изменений в мировом обществе, которые затрагивают роль и области функционирования больших и малых языков.

Данная статья посвящена описанию русских заимствований, вошедших в тувинский язык в течение выделяемого нами четвертого периода.

Целью статьи является обоснование выделения нового периода в процессе заимствования лексики, ее характеристика с точки зрения тематической принадлежности и семантики. Материалом для анализа послужила составленная при участии авторов база данных «Русские лексические заимствования в тувинском языке», которая включает 6227 русских заимствований¹. Для иллюстрации использованы примеры употребления русских заимствований в современной прессе на тувинском языке – газете «Шын» («Правда») начиная с 90-х гг. XX в., в которой освещаются реалии повседневной жизни. В исследовании использованы методы прямого наблюдения, сравнения и описания.

1. Особенности русских заимствований в тувинском языке в период до 90-х гг. XX в.

Под заимствованием принято понимать: 1) переход элементов одного языка в систему другого языка как следствие более или менее длительных контактов между этими языками; 2) слово или оборот, вошедшие в язык в результате такого перехода [Крысин 1968: 78]. Причинами

¹ В «Русско-тувинском словаре» [1953] имеется 2596 лексем, заимствованных из русского языка.

заимствований являются потребности наименования новых предметов и явлений, необходимость в разграничении содержательно близких понятий, необходимость специализации понятий и др.

Б. И. Татаринцевым выделяется восемь тематических групп ранних русских лексических заимствований в тувинском языке в первый период (конец XIX в. – 1930-х гг. XX в.): 1) сельское хозяйство: *сараат* ‘зарод, стог’, *хөпээн* ‘копна’, *аңмаар* ‘амбар’, *моожа* ‘вожжи’ и др.; 2) одежда, обувь и материалы для их изготовления: *сапык* ‘сапог’, *сайтыын* ‘сатин’, *савыяа* ‘сафьян’ и др.; 3) предметы домашнего обихода: *кочал* ‘котел’, *бөдүрээ* ‘ведро’ и др.; 4) меры длины и веса, денежные единицы: *аржыын* ‘аршин’, *бырыстаа* ‘верста’, *буут* ‘пуд’, *көпеек* ‘копейка’; 5) охотничьи принадлежности: *дүүрге* ‘дробовик’, *бырдаан* ‘берданка’, *быстан* ‘пистон’ и др.; 6) продукты: *крупчаат* ‘крупчатка’, *калачык* ‘калачик’, *оодурба* ‘отруби’, *хилээн* ‘хлеб’ и др.; 7) этнонимы: *казак* ‘уст. русский’, *орус* ‘русский’; 8) прочие предметы обихода: *сереңги* ‘спички’, *точуула* ‘точило’ и др. [Татаринцев 1974: 18–19]. Многие из этих устных заимствований закрепились в современном правописании в этом же виде.

Второй период связан с созданием тувинской письменности в 1931 г. на основе латинской графики. Источниками русских заимствований служили в это время газеты, журналы, переводная с русского языка учебная и художественная литература. Русские заимствования этого периода распределяются по 15 тематическим группам: 1) общественно-политические термины (*feodalizm, sosializm, respublik, internasional*); 2) абстрактные понятия (*teori, system, kontrol*); 3) термины финансов и экономики (*kapital, ekonomik, import*); 4) термины производства (*fabrik, zavot, artel*); 5) термины транспорта (*aeroplan, avtomobil*); 6) термины культуры (*kultur, teatyr, muzej*); 7) термины медицины (*gigien, sanitar, aptek*); 8) термины связи (*pošta, telefon*); 9) различные названия людей (*kominist, agronom, uzbek, inteligenzi*); 10) названия материков (*Evrof, Azij, Afrik*); 11) названия стран, городов (*Rossij, Moskva, Angli*); 12) названия растений (*kukurus, kapus, kartofel*); 13) названия веществ и предметов домашнего обихода (*rezin, portfel, lampa*); 14) названия месяцев (*avgus, ijul, ijin*); 15) названия мер (*metir, litir, gektar, kil*) [Монгуш, Сат 1967: 70–71].

Орфографирование заимствованных слов состояло во введении эпентез (*metir, litir, teatyr*), в усечении конечных безударных гласных или целых слогов (*kultur, idej, elektri, kooperas*). Некоторые из них до сих пор употребляются в современном тувинском языке в усеченном виде и служат основами при образовании новых слов, например: *культур чок* ‘бескультурный’, *электри өшкен* ‘погасло электричество’, *революстуг шимчээшкин* ‘революционное движение’.

В это время начинает использоваться калькирование при передаче устойчивых сочетаний и оборотов: *бир дугаар ээлчегде* ‘в первую очередь’, *бир талазындан ... ийи талазындан* ‘с одной стороны ... с другой стороны’, *санал кишпер* ‘внести предложение’ и т. п. Складывается своего рода техника заимствования с использованием тувинских словообразовательных аффиксов, которые присоединялись к заимствованным усеченным русским основам (*культурлуг* ‘культурный’) или калькам (*чырыдыышкын* ‘просвещение’ от *чырыт* ‘освещать, делать светлым’) [Татаринцев 1974: 41, 45].

Этот период определяется временем группового (или культурного) билингвизма, когда русским языком владели отдельные группы лиц – государственные и общественные деятели, писатели, переводчики, работники газет, учителя, получившие образование в Советском Союзе [Там же: 33].

Третий период связан со значительным развитием тувинско-русского двуязычия. Однако преобладала форма рецептивного (пассивного) билингвизма, при котором знание второго (русского) языка ограничивалось лишь пониманием [Там же: 48]. Перепись населения 1970 г. показала, что в Тувинской АССР проживало 230,9 тыс. чел., из них тувинцы – 135,3 тыс. чел., русские – 88,4 тыс. чел. Отмечается, что 38,9 % тувинцев к этому времени уже владеет русским языком [Сат 1973: 77–78]. По данным Б. И. Татаринцева, в «Русско-тувинском словаре» 1953 г. зафиксировано 718 заимствованных слов из русского языка, в «Тувинско-русском словаре» 1968 г. – до 3 тыс. слов [Татаринцев 1974: 49]. Согласно установленным правилам, написание русских лексических заимствований начинает соответствовать правописанию, принятому в русской орфографии [Тыва орфографияның 2001: 12]. Поэтому такие русские заимствования, как *конфета, мороженое, цирк, капельница, столовая, ручка, тетрадь, билет, самолет, вертолет* т. д. сейчас пишутся как в языке-источнике.

2. Новые и новейшие русские заимствования в тувинском языке

Статистические и социолингвистические данные показывают, что русский язык занимает все большее место в жизни тувинцев. Анализ функциональной дистрибуции тувинского и русского языков в Республике Тыва показал сужение общественных функций тувинского языка под влиянием доминирующего во всех сферах общественной жизни русского [Цыбенкова 2017; Донгак 2021; Биткеева, Цыбенкова 2022; Ондар, Донгак, Монгуш 2023; Ооржак и др. 2024].

Согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., в Российской Федерации проживают 303 тыс. тувинцев, тувинским языком владеют 249 тыс. чел. (82,35 %), из них в повседневной жизни тувинский язык используют 248 тыс. чел. Указывается, что русским языком владеет 281 тыс. чел. (93 %) тувинской национальности [https://rosstat.gov.ru/vpn/2020]. Можно сказать, что в республике наблюдается массовое тувинско-русское двуязычие, которое является основным экстралингвистическим фактором, способствующим процессу заимствования [Крысин 2004: 35; Володарская 2002: 460]. При малой доле русскоязычного населения в республике и преимущественном проживании носителей тувинского языка в сельской местности прямых контактов с носителями русского языка происходит меньше. Мощнейшим механизмом воздействия на развитие массового тувинско-русского двуязычия являются современные русскоязычные средства массовой коммуникации и информации, количество которых несоизмеримо больше по сравнению с информационными источниками на тувинском языке [Ондар, Донгак, Монгуш 2023: 193]. Общественно-политическая газета «Шын» является фактически единственной в республике, выходящей полностью на тувинском языке. Материалы официальных новостей, как известно, готовятся на основе материалов СМИ на русском языке. Количество новых понятий и интенсивность их поступления в речевой оборот сегодня как никогда высоки. Новые понятия и термины переводятся с русского языка на тувинский, калькируются (см. примеры 1–3) или заимствуются.

- (1) *Аъш-чем болгаш өске-даа бирги хереглелдиң барааннарының өртектери өзүп туруп бээрге, аңаа удур боттуг өртектерниң негелдезин ажылдап кылгаи, ... типография тудуун шывыглыг рынок кылдыр эде деришр шиитпир хүлээп алдыган* [Шын, 11.02.99: 1].

аъш-чем	болгаш	өске-даа	бирги хереглел=диң	бараан=нар=ы=ның
пища	и	другие=PTCL	первая	необходимость=GEN
торек=тер=и	өзү=п	туру=п	бэ=эр=ге	аңаа
цена=PL=POSS.3SG	расти=CV	стоять=CV	дать=PrP=DAT	этому
боттуг	торек=тер=нин	негелде=зи=н	ажылда=п	кыл=гаи
реальный	цена=PL=GEN	требование=POSS.3SG=ACC	работать=CV	делать=CV
типография	уду=у=н	шывыглыг	рынок	кылдыр
типография	стройка=POSS.3SG=ACC	крытый	рынок	так
дери=ир	шиитпир	хүлээ=эп	ал=дын=ган	
оборудовать=PrP	решение	принимать=CV	братъ=RFL=PP.3SG	

‘Из-за повышения цен на продукты и товары первой необходимости принято решение, работав требования к реальным ценам, строящуюся типографию переоборудовать в крытый рынок.’

- (2) *Бо бажыңны таптаашкын үези дижиривис элбекшилдиг эки шагда республика типографиязы кылдыр тудуп эгелээн* [Шын, 11.02.99: 1].

бо	бажың=ны	таптаашкын	үез=и	дижиривис	элбекшилдиг	эки
это	дом=ACC	топание	время=POSS.3SG	так называемый	обильный	хороший
шагда	республика	типография=зы	кылдыр	туду=п	эгелэ=эн	
пора	республика	типография=POSS.3SG	так что	держать=CV	начинать=PP.3SG	

‘Этот дом начали строить как республиканскую типографию в так называемое застойное время, в хорошую пору изобилия.’

- (3) *Чуртта саң-хөө буураашкынының үезинде аъш-чемниң элбек болурун хандырап айтырыгны ... парламент дыңнадылары болуп эртип турда чугаалашкан* [Шын, 11.02.99: 1].

чурт=та	саң-хөө	буураашкын=ы=ның	үе=зи=н=де
страна=DAT	финансы	провал=POSS.3SG=GEN	время=POSS.3SG=INF=DAT

аыш чем=нинц элбек болурун хандыр=ар айтырыг=ны парламент
 продовольствие=GEN обильный быть обеспечить=PF вопрос=ACC парламент
 дыннадыг=лар бол=уп эрти=п тур=да чугаала=ш=кан
 сообщение=PL быть=CV проходить=CV стоять=DAT говорить=REC=PP.3SG

‘Вопрос обеспечения достаточным продовольствием во время **экономического кризиса** в стране обсудили во время **парламентских чтений** в Верховном Хурале Республики Тыва.’

Вопросы перевода и калькирования новых понятий с русского языка на тувинский заслуживают внимания специальных исследований. Пока же предварительные итоги анализа русских новых заимствований в тувинском языке позволяют говорить о том, что этот период характеризуется значительным расширением семантического и тематического круга заимствуемой лексики по сравнению с предыдущими периодами.

3. Тематические группы русских заимствований нового периода в тувинском языке

Новые русские заимствования образуют более 30 тематических подгрупп, которые охватывают повседневную жизнь, политическую, экономико-социальную, научно-техническую, культурно-бытовую и другие сферы, связаны с политическими и социальными изменениями в обществе, развитием наук и технологий. Важное место в числе заимствований занимают термины. Несмотря на то, что термины по определению относятся к словам ограниченного употребления и являются характерными для той или иной сферы деятельности, среди них выделяются общепонятные, вошедшие в широкий обиход (*диагноз, эпидемия, сканер, бизнес* и др.). Спецификой новейшего этапа является то, что заимствования этого периода носят характер вкраплений – они фонетически и семантически не адаптируются, переносятся на тувинскую почву без изменений. Это является следствием массового перехода на тувинско-русское двуязычие.

Так, среди активно заимствуемых лексем значительное место занимают общественно-политические термины (*перестройка, санкция, саммит, спикер* и др.). Например,

- (4) *Күрүне думазының чаа составының сонгулдалары декабрьда, а күрүне баштыңының соңгулдалары 1996 чылдың июньда болурун Төп соңгулда комиссиязының даргазының оралакчызы ... дыңнаткан* [Шын, 2.02.95: 1].

күрүне дума=ы=ның чаа состав=ы=ның сонгулда=лар=ы
 государство дума=POSS.3SG=GEN новый состав=POSS.3SG=GEN выбор=PL=POSS.3SG
 декабрь=да а күрүне баштыңы=ы=ның соңгулда=лар=ы 1996
 декабрь=DAT а государство глава=POSS.3SG=GEN выбор=PL=POSS.3SG 1996
 чыл=дың июнь=да бол=ур деп Төп соңгулда комиссия=зы=ның
 год=GEN июнь=LOC быть=PrP.3SG так центр выбор комиссия=POSS.3SG=GEN
 дарга=зы=ның оралакчы=зы дынна=т=кан
 начальник=POSS.3SG=GEN заместитель=POSS.3SG сообщить=CAUS=PP.3SG

‘Заместитель председателя Центральной избирательной комиссии... сообщил, что выборы нового состава Госдумы состоятся в декабре, а выборы президента – в июне 1996 года.’

- (5) *Эвээш санныг чоннарның болгаш этниктиг бөлүктөргө Бүгү-делегей лигазы чидип бар чы-дар дылдарның айтырыгларынга хамаарыштыр семинарны Москвага эрттирген* [Шын, 30 января 1999: 1].

Эвээш санныг чон=нар=ның болгаш этниктиг бөлүк=тер=ның Бүгү-делегей
 малочисленный народ=PL=GEN и этнический группа=PL=GEN Всемирный
 лига=зы чиди=п бар чыд=ар дыл=дар=ның
 лига=POSS.3SG исчезать=CV идти лежать=PrP язык=PL=GEN
 айтырыг=лар=ы=н=га хамаарыштыр семинар=ны Москва=га
 вопрос=PL=POSS.3SG=INF=DAT относительно семинар=ACC Москва=DAT
 эрт=тир=ген
 проводить=CAUS=PP.3SG

‘Всемирная лига малочисленных народов и этнических групп провела в Москве семинар по вопросам исчезающих языков.’

Заимствованные термины образования и науки отражают изменения в системе ступеней образования, новые формы методик преподавания и т. д. Например:

- (6) *Республикада 3 школада «Кванториумнар» ажылдап турар* [Шын, 30.12.23: 6].
 республика=да 3 школа=да **кванториум=нар** ажылд=ап тур=ар
 республика=LOC 3 школа=LOC **кванториум=PL** работать=CV стоять=PrP.3SG
 ‘В республике в трех школах работают «Кванториумы».’

- (7) *«Төрөөн дылга мастер-класс» деп номинацияга 1-ги черни алдым* [Шын, 30.12.23: 14].
 төрөөндыл=га **мастер-класс** деп номинация=га 1-ги чер=ни ал=ды=м
 родной язык=DAT **мастер-класс** так номинация=DAT 1-е место=ACC братъ=PP=1SG
 ‘Я получила 1-е место в номинации «Мастер-класс по родному языку».’

Термины медицины включают названия новых направлений в медицине, методик лечения болезней, названия препаратов (*фельдшер-акушер пунктузу, амбулатория, ковид, скрининг* и др.):

- (8) *Ковидке болгаш респираторлуг аарыгларга удур санитарлыг хемчеглер сагыттынын турар* [Шын, 27.12.23: 2].
ковид=ке болгаш **респираторлуг** **аарыг=лар=га** удур
ковид=DAT и **респираторный** **болезнь=PL=DAT** против
 санитарлыг хемчег=лер сагы=т=тын=ып тур=ар
 санитарный мера=PL соблюдать=CAUS=PFL=CV стоять=PrP.3SG
 ‘Соблюдаются санитарные меры по недопущению ковида и острых респираторных заболеваний.’

- (9) *...телемедицина консультацияларының саны көвүдөп турар* [Шын, 30.12.23: 6].
телемедицина **консультация=лар=ы=ның** сан=ы көвүд=еп
телемедицина **консультация=PL=POSS.3SG=GEN** число=POSS.3SG умножаться=CV
 тур=ар
 стоять=PP.3SG
 ‘...количество консультаций по телемедицине увеличивается.’

- (10) *Республиканың 1 дугаар эмнелгези... нейрохирургия, чүрек-дамыр хирургиязының, офтальмологияның, урология, травматология база ортопедия талазы-биле 1012 бедик технология-лыг кезишкиннерни кылган* [Шын, 30.12.23: 6].
 республика=ның 1 дугаар эмнелге=зи **нейрохирургия** **чүрек-дамыр**
 республика=GEN 1 номер больница=POSS.3SG **нейрохирургия** **сердечно-сосудистый**
хирургия=зы=ның **офтальмология=ның** **урология** **травматология** **база ортопедия**
хирургия=POSS.3SG=GEN **офтальмология=GEN** **урология** **травматология** и **ортопедия**
 талазы=биле 1012 **бедик** **технология=лыг** **кезишкин=нер=ни** кыл=ган
 сторона=INSTR 1012 **высокий** **технология=POSSV** **операция=PL=ACC** делать=PP.3SG
 ‘1-я республиканская больница выполнила 1012 высокотехнологичных операций по нейрохирургии, сердечно-сосудистой хирургии, офтальмологии, урологии, травматологии и ортопедии.’

Активно используются социально-экономические термины: *рынок экономиказы* ‘рыночная экономия’, *бизнес, субвенция, субсидия, субаренда* и др.:

- (11) *...спортчуларны акша сертификаттары-биле шаңнаан* [Шын, 27.12.23: 3].
 спортчу=лар=ны **акша** **сертификат=тар=ы-биле** шаңна=ан
 спортсмен=PL=ACC **деньги** **сертификат=PL=POSS.3SG-INSTR** награждать=PP.3SG
 ‘...спортсменов наградили денежными сертификатами.’

- (12) *Рынок экономиказынче шилчилге чоннуң социал хандырылганының кошкак кезээнге... салдарны чедирген* [Шын, 30.01.99: 1].
рынок **экономика=зы=н=че** шилчилге чон=нуң **социал**
рынок **экономика=POSS.3SG=INF=LAT** переход народ=GEN **социальный**

хандырылга=зы=нын кошкак кезэ=э=н=ге салдар=ны
обеспечение=POSS.3SG=GEN слабый часть=POSS.3SG=INF=DAT воздействие=ACC
чедир=ген
доставлять=PP.3SG

‘Переход на рыночную экономику оказал... воздействие на слабую сторону социального обеспечения народа.’

Вошли в обиход термины торговли и бизнеса (*кооператив, тендер, секонд-хенд, логистика, бизнес, маркетинг* и др.), новых форм торгово-промышленных отношений. В некоторых случаях заимствования обозначаются в письме латиницей:

- (13) ...*кооператив тендер конкурзунга тишлеп үнгеш, ... ажылдап турар* [Шын, 11.02.99: 1].

школьник кооператив=и тендер конкурз=ун=га
школьник кооператив=POSS.3SG тендер конкурс=POSS.3SG=DAT
тишле=п үн=геш ажылда=п тур=ар
победить=CV выходить=CV работать=CV стоять=PRES.3SG
‘...кооператив, выиграв тендеры, ... работает.’

- (14) *QR-код-биле садыглаашкынга баштай чон чаңчыгып чадашкан* [Шын, 27.12.23: 4].

QR.код-биле садыглаашкын=га баштай чон чаңчыг=ып чадаш=кан
QR.код-INSTR торговля=DAT сначала народ привыкать=CV не мочь=PAST.3SG
‘К оплате с кьюар-кодом в первое время народ не мог привыкнуть.’

- (15) *Еп+ холдинг болгаш Тываның даг-тывыш компаниязының удуртулгазы-биле ... маргыжын үскен* [Шын, 27.12.23: 4].

Еп+ холдинг болгаш Тыва=нын даг-тывыш компания=зы=нын
Еп+ холдинг и Тува=GEN камень-находить компания=POSS.3SG=GEN
удуртулга=зы-биле маргыж=ы=н үс=кен
правление=POSS.3SG-INSTR спор=POSS.3SG=ACC разрывать=PP.3SG
‘...прекратили споры с Еп+ холдингом и управлением Горнорудной компании Тувы.’

Значительное количество русских заимствований относится к числу спортивных терминов, прежде всего – названий видов спорта, активно вошедших в жизнь (*сумо, кикбоксинг, сноуборд, армреслинг* и др.):

- (16) ...*сумо маргылдаазынга 19 медальды тыва сумоистер чаалап алган* [Шын, 27.12.23: 3].

сумо маргылдаа=зы=нга 19 медаль=ды тыва сумоис=тер
сумо соревнование=POSS.3SG=DAT 19 медаль=ACC тувинский сумоист=PL
чаала=п ал=ган
завоевать=CV брать=PAST.3SG

‘В этом году на соревнованиях, которые прошли в Кызыле, 19 медалей завоевали тувинские сумоисты.’

- (17) *Кикбоксинг тренери М. Иргит ТР-ниң алдарлыг тренери болган* [Шын, 27.02.23: 3].

кикбоксинг тренер=и М. Иргит ТР=ниң
кикбоксинг тренер=POSS.3SG М. Иргит ТР=GEN
алдарлыг тренер=и бол=ган
известный тренер=POSS.3SG быть=PP.3SG

‘Тренер по кикбоксингу М. Иргит стал заслуженным тренером Республики Тыва.’

В тувинский язык проникло большое количество технических терминов, названий новых устройств: *компьютер, принтер, сканер, сервер, сенсор, технопарк* и т. д.

- (18) *Информастыг технологиялар үезинде кандыг-даа шинектер бар* [Шын, 27.12.23: 4].

информастыг технология=лар үе=зин=де кандыг даа шинек=тер
информационный технология=PL время=POSS.3SG=LOC всякий возможность=PL

бар=дыр ийин
есть=PTCL PTCL

‘Во времена информационных технологий есть разные возможности.’

- (19) «Гаджеттер болгаш оларның чаш уругнуң организмине салдары» деп семинарны ада-иелерге эрттирген мен [Шын, 30.12.23: 14].

гаджет=тер болгаш олар=ның чаш уруг=нун организм=ин=ге
гаджет=PL и они=GEN маленький ребенок=GEN организм=POSS.3SG=DAT
салдар=ы деп семинар=ны ада-ие=лер=ге эрттир=ген мен
воздействие=POSS.3SG такой семинар=ACC родитель=PL=DAT проводить=PP 1SG
‘Я провела семинар для родителей «Гаджеты и их воздействие на организм маленького ребенка».’

Названия новых занятий, профессий, названия должностей: *программист, робототехник, дизайнер, менеджер, волонтер, мэр* и т. д.

- (20) дизайнерлер материалдарның алдынналчак өңүн ажыглаарына ынак [Шын, 30.12.23: 18].

дизайнер=лер материал=дар=ның алдынналчак өң=ү=н
дизайнер=PL материал=PL=GEN золотистый цвет=POSS.3SG=ACC
ажыглаар=ын=га ынак
использовать=POSS.3SG=DAT любить
‘...дизайнеры любят использовать золотистый оттенок этого материала.’

- (21) ...солун хөгжүмнүг көргүзүгү ... волонтерлар бараалгаткан [Шын, 27.12.23: 2].

солун хөгжүмнүг көргүзүг=нү волонтер=лар бараалгат=кан
интересный музыкальный представление=ACC волонтер=PL представлять=PP.3SG
‘...интересное музыкальное представление показали волонтеры.’

- (22) ...хоорайның мэри мэрияның ажылын доктаамал чырыдып турар журналистерге өөрүп четтиргенин илереткен [Шын, 27.12.23: 5].

хоорай=ның мэр=и мэрия=ның ажыл=ы=н доктаамал
город=GEN мэр=POSS.3SG мэрия=GEN работа=POSS.3SG=ACC регулярно
чырыд=ып тур=ар журналист=тер=ге өөрүп четтирген=ин илерет=кен
освещать=CV стоять=PP журналист=PL=DAT благодарность=ACC выражать=PP.3SG
‘Мэр города Кызыла выразил благодарность журналистам, регулярно освещающим деятельность мэрии.’

Тематические группы новых и новейших русских заимствований расширяются далее терминами современных средств массовой информации, связи и массовой коммуникации (*Интернет, онлайн, IT*), кино и массовой культуры (*сериал, реклама, видеоклип*), культуры и искусства (*репертуар, мюзикл*), общенаучные термины (*аксиома, анализ, синтез*), военные термины (*демили-таризация, диверсия, теракт*), географические термины (*агломерация, анклав, геоэкология*), космические термины (*атмосфера, стратосфера*), термины психологии (*амбиция, стресс, коуч*), сельскохозяйственные термины (*фермер, гибрид*), названия химических веществ (*акрил, ацетон, битум*), математические и физические термины (*радиация, квант, тангенс, вакуум*), названия некоторых животных (*капибара, коала, лама*), названия природных явлений (*торнадо, тайфун*), названия строительных материалов (*арболит, пеноблок, профлист*), юридические термины (*санкция, коррупция*), названия различных предметов домашнего обихода (*контейнер, блендер, миксер*), названия одежды и обуви (*трэнч, бутсы, уги*), канцелярских принадлежностей (*стенлер, стикер, маркер*), типы и марки транспортных средств (*аэробус, нисан, тойота*), названия различных текстильных материалов (*флис, пайетка, страза*), названия украшений и аксессуаров (*клатч, колье*), названия продуктов (*йогурт, ряженка*), названия растений, овощей и фруктов (*баклажан, хурма, оливка*).

Заимствования как один из способов пополнения лексики играют важную роль в процессе обогащения лексического фонда языка. По происхождению новые лексические заимствования из русского языка в подавляющем большинстве представляют интернациональную лексику.

Заключение

Начиная с 90-х гг. XX в., в переломный период в жизни нашей страны, и в последующие годы из русского языка в тувинский входит большое количество заимствований. На их объемы и темпы освоения, а также на тематику влияют глобальные процессы изменений в мировой экономике, политике, науке, культуре и образовании. И сейчас можно констатировать факт формирования отдельного пласта новых и новейших русских заимствований в тувинском языке, относящихся к четвертому периоду – с 90-х гг. XX в. до наших дней. Это более 30 тематических подгрупп заимствованной лексики, характеризующей практически все сферы жизнедеятельности. Особенностью нового периода является характер заимствованной лексики – лексических вкраплений, прямо проникающих в тувинский язык без фонетических и семантических изменений, что является следствием массового перехода на тувинско-русское двуязычие. Сохраняются такие механизмы, как перевод и калькирование новых понятий с русского языка на тувинский, которые заслуживают специального рассмотрения.

Таким образом, заимствованные новые слова и термины, поступающие из русского языка в тувинский, требуют дальнейшей систематизации и осмысления. Особенности грамматической адаптации русских лексических заимствований в тувинском языке, их участия в тувинском словообразовании должны стать объектом отдельных исследований в области терминологии, грамматики, семантики, прагматики и языковых контактов. База данных русских лексических заимствований будет служить основой для дальнейшей работы в данном направлении.

Список условных сокращений и обозначений

1 – 1-е лицо; 3 – 3-е лицо; ACC – винительный падеж; CV – форма деепричастия; CAUS – понудительный залог; DAT – дательный падеж; FUT – будущее время; GEN – родительный падеж; INSTR – орудный падеж; LOC – местный падеж; POSS – посессивный аффикс; POSSV – форма обладания; PP – прошедшее время; PRTCL – частица; PR – причастие прошедшего времени на *-ган*; PrP – причастие будущего времени на *-ар*; PL – множественное число; Q – вопросительная частица; REC – совместно-взаимный залог; RFL – возвратный залог; SG – единственное число.

Список литературы

- Аннай Э. К. Русские заимствования в тувинской разговорной речи // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (Вып. 48). С. 15–23.
- Бавуу-Сюрюн М. В. Влияние русского языка на образование современных тувинских фамилий и имен // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 204–205.
- Бавуу-Сюрюн М. В. Современные словообразовательные процессы, обусловленные языковыми контактами (на материале тувинского языка) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 114–123.
- Бавуу-Сюрюн М. В., Ондар М. В. Русизмы в диалектах тувинского языка // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. С. 39–44.
- Биткеева А. Н., Цыбенова Ч. С. Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 6–27.
- Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 96–118.
- Дамбыра И. Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 224 с.
- Донгак Ч. Б. Тувинско-русский билингвизм в дискурсивном аспекте // Казанская наука. 2021. № 11. С. 168–171.
- Кечил-оол С. В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 362 с.
- Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968. 208 с.
- Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- Монгуш Д. А., Сат Ш. Ч. Совет үеде тыва дылдың хөгжүлдеси [Развитие тувинского языка в советский период]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1967. 142 с. (на тув. яз.)
- Ондар Ч. Г., Донгак В. С., Монгуш Д. Ш. Тувинский язык в Интернете: представленность,

проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 186–207.

Ооржак Ч. Б., Аннай Э. К., Ондар Ч. Г., Саая О. М. Функционирование тувинского и русского языков в Республике Тыва: опыт анализа // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2024. № 1 (41). С. 64–73.

Саая О. М. Фонетическая интерференция в тувинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 12 (90). Ч. 2. С. 376–381.

Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1973. 193 с.

Татаринцев Б. И. Русские лексические заимствования в тувинском языке. Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1974. 110 с.

Тыва орфографияның болгаш пунктуацияның дүрүмнери. Кызыл: Республика Типографиясы, 2001. 61 с.

Цыбенова Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 170 с.

Источники

Шын – общественно-политическая газета «Шын» («Правда»), выпуски: 11.02.1999, 30.01.1999, 27.12.2023, 30.12.2023. URL: <https://shyn.ru/novosti/khaaktyg-daiynchy/>

References

Annay E. K. Russkie zaimstvovaniya v tuvinskoy razgovornoy rechi [Russian borrowings in Tuvan colloquial speech]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2023, no. 4 (iss. 48), pp. 16–23. (In Russian)

Bavuu-Syuryun M. V. Vliyanie russkogo yazyka na obrazovanie sovremennykh tuvinskikh familiy i imen [The influence of the Russian language on the formation of modern Tuvan surnames and names]. In *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]*. Novosibirsk, 2000, pp. 204–205. (In Russian)

Bavuu-Syuryun M. V. Sovremennye slovoobrazovatel'nye protsessy, obuslovlennye yazykovymi kontaktami (na materiale tuvinskogo yazyka) [Modern word-formation processes caused by language contacts (based on the Tuvan language)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2015, no. 2, pp. 114–123. (In Russian)

Bavuu-Syuryun M. V., Ondar M. V. Rusizmy v dialektakh tuvinskogo yazyka [Russianisms in the dialects of the Tuvan language]. *Novye issledovaniya Tuvy [The New Research of Tuva]*. 2013, no. 4, pp. 39–44. (In Russian)

Bitkeeva A. N., Tsybenova Ch. S. Khronika yazykovogo sdviga v tuvinskom yazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the language shift in the Tuvan language in the Republic of Tyva]. *Novye issledovaniya Tuvy [The New Research of Tuva]*. 2022, no. 4, pp. 6–27. (In Russian)

Dambyra I. D. Vokalizm kaa-khemskogo govora v sopostavlenii s drugimi govorami i dialektami tuvinskogo yazyka [Vocalism of the Kaa-Khem dialect in comparison with other dialects and dialects of the Tuvan language]. Novosibirsk, Sova, 2005, 224 p. (In Russian)

Dongak Ch. B. Tuvinsko-russkiy bilingvizm v diskursivnom aspekte [Tuvan-Russian bilingualism in the discursive aspect]. *Kazanskaya nauka [Kazan Science]*. 2021, no. 11, pp. 168–171. (In Russian)

Kechil-ool S. V. Tipologicheskaya spetsifika konsonantizma sut-khol'skogo govora v sisteme govorov i dialektov tuvinskogo yazyka [Typological specificity of the consonantism of the Suthol dialect in the system of dialects and dialects of the Tuvan language]. Novosibirsk, Sova, 2006, 362 p. (In Russian)

Krysin L. P. Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke [Foreign words in modern Russian]. Moscow, Prosveshchenie, 1968, 208 p. (In Russian)

Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike [The Russian word, one's Own and another's: research on Modern Russian language and sociolinguistics]*. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 888 p. (In Russian)

Mongush D. A., Sat Sh. Ch. Sovet yede tyva dyldy khogzhyldezi [The development of the Tuvan language in the Soviet period]. Kyzyl, Tyvanyh nom yndyrer cheri, 1967, 142 p. (In Tuvan)

Ondar Ch. G., Dongak V. S., Mongush D. S. Tuvinskii iazyk v Internetе: predstavlennost', problemy i perspektivy [The Tuvan language on the Internet: representation, problems and prospects]. *Novye issledovaniya Tuvy [The New Research of Tuva]*. 2023, no. 1, pp. 186–207. (In Russian)

Oorzhak Ch. B., Annay E. K., Ondar Ch. G., Saaya O. M. Funktsionirovanie tuvinskogo i russkogo yazykov v Respublike Tyva: opyt analiza [Functioning of the Tuvan and Russian languages in the Republic of Tuva: an analysis experience]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayan-Altaï scientific review]. 2024, no. 1 (41), pp. 64–73. (In Russian)

Saaya O. M. Foneticheskaya interferentsiya v tuvinskom yazyke [Phonetic interference in the Tuvan language]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota, 2018, no. 12 (90), pt. 2, pp. 376–381. (In Russian)

Sat Sh. Ch. Formirovanie i razvitie tuvinskogo natsional'nogo literaturnogo yazyka [Formation and development of the Tuvan national literary language]. Kyzyl, Tuvan Publishing House, 1973, 193 p. (In Russian)

Tatarintsev B. I. Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v tuvinskom yazyke [Russian lexical borrowings in the Tuvan language]. Kyzyl, Tuvan Publishing House, 1974, 110 p. (In Russian)

Tsybenova Ch. S. Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Respublike Tyva: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Modern language situation in the Republic of Tuva: sociolinguistic aspect]. Irkutsk, Ottisk, 2017, 170 p. (In Russian)

Tyva orfografiyanyn bolgash punktuatsiyanyn dyrymneri [Rules of Tuvian spelling and punctuation]. Kyzyl, Respublika Publ., 2001, 61 p. (In Tuvan)

Volodarskaya E. F. Zaimstvovanie kak otrazhenie russko-angliyskikh kontaktov [Borrowing as a reflection of Russian-English contacts]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2002, no. 4, pp. 96–118. (In Russian)

List of sources

Obshchestvenno-politicheskaya gazeta "Shyn". Iss.: 11.02.1999, 30.01.1999, 27.12.2023, 30.12.2023. URL: <https://shyn.ru/novosti/khaaktyg-daiynchy/>

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
12.11.2024

Сведения об авторах – Information about the Authors

Байлак Чаш-ооловна Ооржак – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)

Baylak Ch. Oorzhak – Doctor of Philology, Senior Researcher, Linguistics Department, Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russian Federation)

oorzhak.baylak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8373-9107>

Эллада Кан-ооловна Аннай – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языка Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)

Ellada K. Annay – Candidate of Philology, Researcher, Linguistics Department, Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russian Federation)

eannaj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7892-0454>

Начын Михайлович Монгуш – главный специалист сектора словарей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)

Nachyn M. Mongush – Researcher, Department of Dictionary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russian Federation)

mongusnachyn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8784-3323>

Наименования перепончатокрылых насекомых в алтайском языке

Н. Р. Ойноткинова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

Охарактеризованы фонетические, лексические, словообразовательные особенности названий перепончатокрылых насекомых в алтайском языке. Большая часть из них образована аналитическим путем на основе общетюркских лексем *a:ryg* ‘пчела, оса, шершень’ и *kumyr-ska* ‘муравей’, а также древнетюркской лексемы *čötäli* ‘муравей’. Лексема *adaru* ‘пчела’ в литературном алтайском языке восходит к общетюркской лексеме *a:ryg* ‘пчела, оса, шершень’. Определен комплекс семантических признаков, легших в основу номинаций: «местообитание», «цвет», «способность производить действие и продукт», «форма», «половозрастные особенности». В алтайской лингвокультуре представители перепончатокрылых насекомых – пчелы, осы и муравьи – олицетворяют трудолюбие и организованность.

Ключевые слова

алтайский язык, лексико-семантическая группа, энтомологическая лексика, инсектоним, перепончатокрылые насекомые

Благодарности

Исследование выполнено по проекту Российского научного фонда № 23-28-10028 «Языковая картина мира алтайцев: лексика фауны Горного Алтая» (2023–2024 гг., руководитель – Н. Р. Ойноткинова).

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Наименования перепончатокрылых насекомых в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 33–42. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-33-42

Names of Hymenoptera insects in the Altai linguistic culture

N. R. Oynotkinova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

Abstract

This paper analyzes the phonetic and lexical features of Hymenoptera insect names within the Altai language. Lexical data from dictionaries, fiction, folklore, and Altai language texts, including dialectal variations, were analyzed using comparative and structural-morphological methods, as well as component and motivational analysis techniques. The analysis revealed the following results. Lexical structures were categorized as either synthetic (single-component) or analytic (dual-component). Phonetic and lexical alterations among identified lexeme variants proved to be insignificant. A prevalent formation method involved the analytical derivation from common Turkic lexemes, namely *a:ryg* and *kumyr-ska*, as well as the ancient Turkic lexeme *čötäli*. The lexeme *adaru* in the literary Altai language also goes back to the common Turkic lexeme *a:ryg*. The dialect variants of the lexeme in the auslaut position reveal transitions from the frontal sound *y* to the rounded *u*, as well as a reduction in duration. Two lexemes with phonetic variations were identified in the Altai literary language and its dialects: *chymaly* and *kymyskaiak* (Alt.), *kymyskaiak* (Teleng.), *shuvali*, *chivali*, *sary chivali*; *kara chivali*; *kantutu chivali*, *komyrska/komurska* (Tub.); *chubalgy*, *shubalga* (Kum.); *shyvalgy/shvalgy*, *kara shyvalgy*, *sary shyvalgy*, *tyazy shyvalgy* (Chalk.). A foundational set of semantic features for the nominations was identified, including “habitat” (*jer aru*), “color” (*sary adaru*, *kara chymaly*), “ability to produce an action and a product” (*möttö adaru*, *chagaan aru*), “form” (*üzükpel*), and “age and sex characteristics” (*ene adaru*). It is noteworthy that within the Altai linguistic and cultural context, Hymenoptera (bees, wasps, and ants) are recognized for their environmental benefits.

© Н. Р. Ойноткинова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

Keywords

Altai language, lexical-semantic group, entomological vocabulary, insectonym, hymenoptera insects

Acknowledgements

This research was conducted as part of the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-10028 “Linguistic picture of the world of the Altaians: vocabulary of the Gorny Altai fauna” (2023–2024, under the leadership of N. R. Oinotkina).

For citation

Oinotkina N. R. Naimenovaniya pereponchatokrylykh nasekomykh v altayskom yazyke [Names of Hymenoptera insects in the Altai linguistic culture]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 33–42. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-33-42

Введение

Наиболее мелкие представители фауны, насекомые, играют важную роль в человеческой культуре и языке. Пристальный интерес к миру насекомых у алтайцев обусловлен их сакральным отношением к природе, языческим мировосприятием. Образы насекомых в алтайских литературных источниках, как правило, имеют положительную коннотацию, олицетворяют стремление человека жить в гармонии с природой, учат видеть прекрасное в обыденном. Главным действующим лицом многих фольклорных текстов выступают насекомые: бабочки, стрекозы, пчелы. Каждый из образов несет в себе определенную сему (культурный смысл, символику). С насекомыми связаны многие мифы и верования, они стали неотъемлемой частью литературных сюжетов и мотивов.

Цель данной статьи – определение фонетических и лексико-семантических особенностей, а также принципов номинации инсектонимов, обозначающих перепончатокрылых насекомых в алтайском языке. Перепончатокрылые (лат. *Hymenoptera*) – один из крупнейших и наиболее развитых в эволюционном плане отрядов насекомых. В данную группу входят муравьи, пчелы, осы, шмели. Выбор темы исследования обусловлен необходимостью освещения тех лексико-тематических групп лексики алтайского языка, которые в определенной своей части до настоящего времени остаются неисследованными.

Материал отбирался из опубликованных текстов и словарей алтайского языка, а также из неопубликованных полевых источников, собранных в Республике Алтай.

В работе применялись различные методы лингвистического анализа: сопоставительный метод, метод сплошной выборки терминов, описательный метод, методики компонентного и мотивационного анализа. Методологической базой послужил лингвокультурологический анализ, в котором феномены культуры и языковые явления рассматриваются с точки зрения их роли в культуре.

При выяснении лексических значений зоонимов в алтайском языке мы опирались на труды исследователей-тюркологов [Баскаков 1972, 1985; ЭСТЯ 1974; Мухтарова 2009; Чебодаева и др. 2018], а также на «Сравнительно-историческую грамматику тюркских языков» [СИГТЯ 2001], где представлены названия животных наряду с другими лексико-семантическими группами в целях реконструкции лексики до пратюркского состояния. Фонетические и лексические соответствия анализируемых лексем были выбраны из «Древнетюркского словаря» [ДТС 1969], а также из словарей алтайского языка и его диалектов, указанных в библиографическом списке [Кандаракова 1994; ШРС 1993; Баскаков 1972; ТРС 1995; АРС 2018; КРС 1995; РКС 2021].

Новизна данного исследования заключается в том, что впервые алтайские лексемы, обозначающие перепончатокрылых насекомых, даны в сопоставлении с диалектными вариантами в контексте фольклора и литературы.

В языкознании под термином *энтомологическая лексика* понимается совокупность слов, обозначающих насекомых как живой организм, а под словом *инсектоним* – названия отрядов, семейств и видов насекомых [Мухтарова 2009: 4]. Инсектонимы являются одними из не устоявшихся лексико-семантических групп лексической системы языка. Часто одни и те же слова в диалектах обозначают разных насекомых, при этом некоторым из них присваиваются иносказательные или описательные наименования. В связи с этим требуется систематизация и унификация данной лексико-семантической группы. Итак, рассмотрим фонетические, лексико-

семантические и лингвокультурные особенности употребления лексем, обозначающих перепончатокрылых насекомых, в алтайском языке и его диалектах.

Адару ‘пчела’

Пчелы относятся к отряду перепончатокрылых и родственны осам и муравьям. В алтайском литературном языке лексема *адару* ‘пчела’ (*ат* ‘конь’ + *ару* ‘пчела’) является общей для обозначения всех видов пчел. От лексемы *адару* ‘пчела’ образовано название растения *адару-чечек бот*. ‘яснотка белая’ [АРС 2018: 26]. Укус пчелы обозначается глаголом *чак-* ‘жалить, кусать’, от этого глагола образовано слово *чагак* ‘жало’ с помощью словообразовательного аффикса имен существительных *-ак*: *адарунын чагагы* ‘жало пчелы’, *адарунын чагыжы* ‘укус пчелы’ [Там же: 487]. Специальный глагол *чак-* ‘жалить, кусать’ используется в отношении насекомых.

В диалектах алтайского языка встречаются фонетические варианты: кум. *ары* / *аары* / *ару* ‘пчела’ [Кандаракова 1994: 17; РКС 2021: 360]; ср. шор. *аары* [ШРС 1993: 13]; чалк. *ара*, *ары* [Кандаракова 1994: 17]; туб. *ары* [РТС 2019: 185]; тел. *аару* [ТРС 1995: 12]; теленг. *ару*¹. В диалектных вариантах лексемы в ауслатной позиции наблюдается переход переднерядного звука *ы* в огубленный *у* (кум. *ары* / *аары* / *ару* ‘пчела’; чалк. *ары*; туб. *ары*; тел. *аару*; теленг. *ару*), а также редукция по длительности (*аары* – *ары*).

В алтайском и телеутском языках произошло историческое стяжение финального слога *-ыг* тюркского *arığ* ‘чистый’ [ДТС 1969: 51] в краткий [у]. Произошла также элизия ауслатного гуттурального *-г* пратюркского состояния в кумандинском, чалканском и тубаларском языках.

Для пратюркского состояния выделяется форма *a:rug* [СИГТЯ 2001: 186]. В древнетюркском языке – *ari* ‘пчела’ [Там же]. В «Этимологическом словаре тюркских языков» – *a:ры* / *ari* ‘пчела’, ‘оса’, ‘шмель’, ‘большая черная муха’, ‘слепень’, ‘овод’. Здесь также приведена гипотеза М. Кашгарского об арабском происхождении слов: арабы называют мед *ari*; тюрки дали это имя производителям меда [ЭСТЯ 1974: 187]. Не исключаются этимологические связи *a:ры* со ср.-инд. *alih* ‘пчела’ [Там же]. Приведенные выше формы дают основание заключить, что древнетюркская лексема сохранилась в северных диалектах алтайского языка, а также в теленгитском диалекте. В литературном алтайском языке лексема *адару* ‘пчела’ восходит к общетюркской лексеме *a:rug* ‘пчела, оса, шершень’.

В мифах алтайцев пчела является созданием светлого божества Кудай, наряду с другими домашними и дикими животными: *Эрлик Кудайга көрүжип, онызы ат, уй, кой жайаарда, ... төөни, эчкини, сарлыкты жайаган. Онойдо ок (Эрлик) чочконы жайаган. Адаруны Кудай жайаган* [АКК 1994: 349–350] ‘Эрлик, подражая Кудая, когда он коня, корову, овцу сотворил, создал верблюда, козу, яка. А также (Эрлик) свинью сотворил. Пчелу Кудай сотворил’. Считается, что божеством нижнего мира были сотворены различные гады, лиса, свинья, медведь, верблюды. Данная мифологема устойчиво сохраняется в фольклорных и художественных текстах алтайцев.

В фольклорных текстах выделяются наиболее яркие признаки насекомых. Так, в загадке волосяной покров пчел образно сравнивается с ворсистой соболиной шапкой: *Кии кылгазы бөрүктү, / Кимирт эткен кожонду (Адару)* ‘В соболиной ворсистой шапке, / С непрерывной шумной песней (Пчела)’ [АЗ 1981: 52]. Как известно, тело пчел снаружи покрыто волосками, выполняющими функции органов осязания и защищающими покров от загрязнений.

Способность пчел размером с большой палец издавать звонкие звуки отождествляется с шумом большого моря: *Эргекче бойлу, / Анур-конгыр үндү. / Сүзен – кара бойлу, / Сүм талай үндү (Адару ла күүк)* ‘Одна с большой палец, / С гудящим голосом. / Другая серо-темная, / С равным шуму моря голосом (Пчела и кукушка)’ [Там же: 48]; *Эргекче бойы, эдил-коо үндү (Адару)* ‘Сама с большой палец [величиной], / Со звонким и изящным голосом (Пчела)’ [Там же: 52]. Желтоватый окрас пчелы образно называют золотым: *Эргекче алтын таи / Каан тергеезин өдө берт (Адару)* ‘Золотой камешек с большой палец / Проходит все царские владения (Пчела)’ [Там же: 52]. Признак «маленький» заменяется образным сравнением *эргекче* ‘размером с большой палец’.

Пчелы строят себе гнезда в дуплах деревьев, процесс их труда (признак действия) сравнивается с умением женщин шить, мастерить: *Карануй жерде кыс журтайт, / Ийне жокко ол көктөнөт*

¹ Зап. в июле 2024 г. в с. Кара-Кудьур Улаганского района РА от информанта 1954 г.р.

(*Адару уйазында*) ‘В темнице живет девица, / Без иглы она шьет (Пчела в своем улье и воск)’ [Там же].

Пчела является символом трудолюбия и красоты. В алтайской народной песне певец восхищается красотой цветка, на котором сидит пчела: *Ак чечектин бажына, / Адары конзо јаражын, / Айлу кӧлдӧ Алтайга, / Айдыжын јӱрзе јакшызын* ‘На белый цветочек / Пчела если сядет, как красиво. / На Алтае с лунным озером, / Если общаясь друг с другом, живут, как хорошо’ [ОТКА 2019: 505]. В песне «На головку синего цветка» («*Кӧк чечектин бажына*») образы пчелы и бабочки сопоставляются с образом возлюбленной: *Кӧк чечектин бажына / Кӧбӧлӧк качан конгой не? / Кӧзи јараиш кӧӧркийим, / Кӧрӱнип, качан келгей не? / Ак чечектин бажына / Адару качан конгой не? / Айдышкан јакшы кӧӧркийим, / Айланып, качан келгей не?* ‘На головку синего цветка / Бабочка когда же сядет? / С красивыми глазами милая моя / Когда же вновь появится и придет? / На головку белого цветка / Пчела когда же сядет? / Слово мне давшая хорошая, милая моя / Когда же вновь вернется и придет?’ [НПА 2025: 363].

На основе родового наименования *адару* ‘пчела’ в алтайском литературном языке образованы видовые наименования перепончатокрылых насекомых: *сары адару* ‘оса’ (букв.: желтая пчела), *кара адару* ‘шмель’ (букв.: черная пчела), *айу адару* ‘шершень’ (букв.: медведь пчела) [АРС 2018: 45], *јер адару* ‘шмель, оса’ (букв.: земляная пчела) [Там же: 26]. Производящую мед пчелу называют *мӧттӱ адару* ‘медоносная пчела’ (букв.: пчела с медом), а пчеломатку – *эне адару* (букв.: мать пчела) [Там же: 477, 917].

Лексема *адару* ‘пчела’ образовалась в результате сложения двух слов: *ат* ‘конь’ + *ару* ‘пчела’, озвончение фонемы *t* между гласными – закономерное явление. В основе других наименований этого ряда лежат другие способы номинации: по окрасу насекомого – *сары адару* ‘оса’ (букв.: желтая пчела), *кара адару* ‘шмель’ (букв.: черная пчела), по месту обитания – *јер адару* ‘шмель, оса’ (букв.: земляная пчела), по размеру – *айу адару* ‘шершень’ (букв.: медведь пчела), по способности осуществлять действие, характерное для насекомого – *мӧттӱ адару* ‘медоносная пчела’ (букв.: пчела с медом), по полу и возрасту *эне адару* ‘пчеломатка’ (букв.: мать пчела). В алтайском языке сравнение с размером животных используется для наименования насекомых, растений и является одним из средств номинации и словообразования.

Лексема *адару* ‘пчела’ входит в состав фразеологизмов, например: *адару чылап кыймыражат* ‘как пчелы жужжат’ (о множестве объектов; букв.: как пчелы кишат); *адару чылап чагар* ‘как пчела ужалил’ (о заносчивом человеке); *сары адару ‘оса’* (о человеке с русыми волосами); *адарудый иштенкей* ‘как пчела трудолюбивый’; *адарудый нак* ‘как пчелы дружные’².

Сары адару ‘оса’

В алтайском языке и его диалектах осы (не имеет научного названия) и шершни (лат. *Vespa*, букв.: оса) различаются слабо в силу их сходства, поскольку для этих представителей перепончатокрылых характерны крупные размеры.

В алтайском литературном языке за наименованиями *кортон* и *сары адару* закрепилось значение ‘оса’ (*быјыл сары адару кӧп эмтир* ‘в этом году, оказывается, ос много’) [Там же: 360, 574]. В основу двусоставного слова *сары адару* ‘оса’, состоящего из прилагательного *сары* ‘желтый’ и существительного *адару* ‘пчела’, положен признак окраса насекомого.

Теленгиты называют этих насекомых *чагаан ару* ‘оса’³. Двусоставное наименование образовано из лексем *чагаан* ‘жалящая’ (*чак* – ‘жалить’ в форме причастия на *-ган*) и *ару* ‘пчела, оса’. Продукт, производимый осами, очень полезен для животных. Так, по сообщению информанта, *уй чӧбин салбай турза, ийнекке чагаан арунын уйазын сууга салала, ичирер*⁴ ‘если у отелившейся коровы не спадает послед, то содержимое осиногo гнезда кладут в воду, дают пить корове’. Носители туба, чалканского и кумандинского диалектов называют насекомое по-своему: туб. *јӱзкпел* ‘оса’ [РТС 2019: 323]; чалк. *јӱзкпел* / *јӱзӧкпел* ‘оса’ (букв.: тонкая талия) [САНТЯ 2005: 17], *зӧкпел* (разг.); кум. *јӱзӱк-пел аары, јӱзӱк-пелдеш* [РКС 2021: 236]. В чалканском, кумандинском и тубаларском диалектах инсектонимы *јӱзкпел*, *јӱзӱк-пел* и *јӱзкпел* образованы словосложением

² Зап. в июле 2024 г. в с. Курай Кош-Агачского района РА от информанта 1958 г.р.

³ Зап. в июле 2024 г. в с. Кара-Кудьур Улаганского района РА от информанта 1954 г.р.

⁴ Зап. в июле 2024 г. в с. Кара-Кудьур Улаганского района РА от информанта 1954 г.р.

из двух слов: *ўзек* / *ўзўк* / *ўзик* ‘оторванная’ и *пел* ‘поясница’; *ўзек* + *пел* ‘оторванная поясница’, то есть ‘оса’. Наименования характеризуют форму тела, внешний вид насекомого.

***Јер адару* ‘земляной шмель (пчела)’**

Земляной шмель (лат. *Bombus terrestris*) – самый распространенный вид шмелей. Земляные пчелы гнездятся в почве, поэтому так называются. Они прячут свой мед в землю. Окраска у них бывает разнообразная: черная, голубая, зеленая, красная или оранжевая. Эти пчелы являются важными опылителями растений.

В диалектах выделяются фонетические варианты этого двусоставного наименования: кум. *чер ары* ‘шмель’ (букв.: земляная пчела) [РКС 2021: 495]; чалк. *јер ары*, *чер арызы*, *јер адару* ‘шмель’⁵; телеут. *јер аару* ‘шмель’; теленг. *јер ару* ‘земляной шмель’; туб. *јер ары* ‘шмель’ [РТС 2019: 171]. Данное название образовано по месту обитания лесной пчелы: *јер* / *чер* ‘земля’ и *ары* / *ару* / *адару* ‘пчела’.

***Айу адару* ‘шершень’**

Шёршни (лат. *Vespa*) – род общественных настоящих ос, для представителей которого характерны крупные размеры, отряд перепончатокрылые.

В литературном алтайском – *айу адару* ‘шершень’ (букв.: медведь пчела) [АРС 2018: 45], в диалектах шершня обозначают той же самой лексемой: туб. *адару* ‘шершень’ [РТС 2019: 370]; кум. *адару* ‘шершень’ [Баскаков 1972: 198]; чалк. *ат ары* [Кандаракова 1994: 17] (из двух основ: *ат* ‘лошадь’ + *ары* ‘пчела, шершень’), *ўзекпел* ‘шершень’. Наименование чалк. *ат ары* образовалось на основе метафоризации, отождествления пчелы с лошадью по признакам «крупный».

***Кара адару* ‘шмель’**

В алтайском литературном языке за двусоставной лексемой *кара адару* (букв.: черная пчела) закрепилось лексическое значение ‘шмель’. Синонимичным этому названию является сложная лексема *јер адару* ‘шмель’ [АРС 2018: 26].

В диалектах имеются другие наименования: кум. *кара ары* ‘шмель’ (букв.: черная пчела) [РКС 2021: 495]; чалк. *кара ару* / *ўзекпел* ‘шмель’; теленг. *јер ару* или *тўктў болчок ару* ‘шмель’ (букв.: волосатая круглая пчела)⁶; тел. *јер аару* ‘шмель’; туб. *јер ары* ‘шмель’, *манзас* ‘шмель’ [РТС 2019: 171].

Шмель как персонаж встречается в сказке «Как богатырь Сартакпай шмеля победил», в которой объясняется, почему это насекомое издает звуки «м-м-м», дается ответ на вопрос «какие звуки издает это насекомое»: Жили семеро братьев, семь мохнатых шмелей. Дьелбеген-людоед с горы спустился верхом на синем быке. Один из братьев-шмелей служил семиголовому чудовищу Дьелбегену. Тот посылает этого шмеля узнать, кто на земле слаще всех, чтобы съесть его. Полетел шмель, укусил собаку, корову, медведя, лошадь, курицу, мышонка, оленя, девочку. Он понял, что девочка слаще всех! Девочка и ее родители просят шмеля не выдавать ее людоеду, обещают поставить ему высокий аил. Об этом узнал богатырь Сартакпай и решил укоротить шмелю его длинный язык. И укоротил! Вот явился шмель к Дьелбегену. Тот как зарычит: «Где пропадал? Кто всех слаще? Говори!!!» А шмель в ответ издал звуки «м-м-м». С тех пор шмель ничего говорить не может [Гарф и др. 1937: 56].

***Чымалы* ‘муравей’**

Муравьи (лат. *Formicidae*) составляют надсемейство муравьиных отряда перепончатокрылых. В алтайском литературном языке и его диалектах употребляются две лексемы с фонетическими вариантами: алт. *чымалы* ‘муравей’ и *кымыскайак* ‘муравей’ [АРС 2018: 858, 440]; теленг. *кымыскайак* ‘муравей’; туб. *шувалы*⁷, *чивалы*, *сары чивалы* ‘желтый муравей’, *кара чивалы* ‘черный муравей’, *канатту чивалы* ‘крылатый муравей’ [РТС 2019: 131], *комырскa* / *комурска* ‘муравей’ [Баскаков 1972: 224]; кум. *чубалгы* ‘муравей’ [Там же: 269], *шубалга* ‘муравей’ [РКС 2021: 159]; чалк. *шывалгы* / *швалгы*, *кара шывалгы* ‘черные муравьи’, *сары шывалгы* ‘желтые муравьи’,

⁵ Зап. в июле 2024 г. в г. Горно-Алтайске от информанта 1975 г.р.

⁶ Зап. в июле 2024 г. в с. Язула Улаганского района РА от информанта 1984 г.р.

⁷ Зап. в августе 2024 г. в с. Иогач Турочакского района РА от информанта 1954 г.р.

тѳазы шывалгы ‘лесные муравьи’⁸.

Различают по окрасу две разновидности муравьев: *кара чымалы* ‘черный муравей’ и *сары чымалы* ‘рыжий (желтый) муравей’. Кумандинские, тубаларские и алтайские наименования *чубалгы* / *шубалга* / *чивалы* ‘муравей’, возможно, восходят к глаголу *чуба-* ‘вместе двигаться, тянуться вереницей, друг за другом’ [АРС 2018: 837]. В вариантах *чубалгы* / *чивалы* / *чымалы* произошли фонетические изменения: переход гласной у заднего ряда в гласные переднего и среднего ряда.

В некоторых тюркских языках, др.-уйг., крх.-уйг., ср.-кыпч., тат., алт., тув., туб., уйг. – *čümetli* ‘муравей’ [СИГТЯ 2001: 184]; др.-тюрк. *čötäli* ‘муравей’ [ДТС 1969: 155]. В других тюркских языках наиболее распространенной является лексема **kımır-ska* ‘муравей’: др.-уйг., турк., кум., тат., кирг., алт., узб., хак., тув., як. [СИГТЯ 2001: 183]; ср. шор. *кымыскаш* ‘муравей’ [ШРС 1993: 31], хак. *хымысха* ‘муравей’ [СИГТЯ 2001: 183].

У муравьев существует разделение труда и развитая система коммуникации и самоорганизации, позволяющие им координировать свои действия при выполнении определенных задач. В фольклоре образ муравья стал олицетворением трудолюбия и бесстрашия. Муравьиное общество сравнивают с трудолюбивым народом: *Быдыр туунын алдында мун албаты иштенет* (*Чымалынын уйазы*) ‘Под горой Быдыр трудится тысяча людей (Муравейник)’; *Бойы кичинек те болзо, / Жаан курттан коркыбайт* (*Чымалы*) ‘Сам маленький, / А не боится змеи (Муравей)’ [АЗ 1981: 54].

Муравьи живут семьями в гнездах, называемых муравейниками, которые устраивают в почве, древесине, под камнями; некоторые сооружают муравейники из мелких растений. Множественное движение муравьев обозначается метафорическими глаголами *кайна-* ‘кипеть, кишеть’: *чымалылар уйазында кайнайт* ‘муравьи кишат в своем муравейнике’ (букв.: в гнезде) [АРС 2018: 258]. В загадках многочисленное гнездо муравьев ассоциируется с кипящим котлом, в котором готовится пища: *Аркада казан кайнайт* (*Чымалынын уйазы*) ‘В лесу котел кипит (Муравейник)’ [АЗ 1981: 54].

Признак трудолюбия позволяет отождествлять муравьев с лошастью: *Белим, белим, белим ат, / Бели чичке кўрен ат, / Тууга чыкса, талбас ат, / Жанмыр тийзе, өлбөс ат* (*Чымалы*) ‘Сила на ее спине лошадиная, / Поджарая эта каурая лошадь, / В гору взбираясь, не устает эта лошадь, / Под дождь попадет, не умирает эта лошадь (Муравей)’ [Там же].

Муравьи, согласно представлениям алтайцев, являют собой идеал большой семьи, многочисленности и силы, поэтому их образ используется в сравнениях. На свадьбе молодоженам желают, чтобы в семье было много детей, как муравьев: *Чыдырмадый бек болзын, / Чымалыдый көп болзын. / Алты эдегине бала бассын, / Кийини эдегине мал бассын* ‘Как корень таволги, пусть крепким будет, / Как муравьев, много пусть будет. / На нижний подол пусть дети наступают, / На задний подол пусть скот наступает’ [ОТКА 2019: 495]. В следующем примере желают, чтобы у молодых супругов родилось много детей: *Чымалыдый кин ползын! / Чыдырмандый нек жатсын!* [Анохин 1924: 90] ‘Пусть, как муравьи, будут (обильны) пуповины (то есть дети) / И живут крепко, как чаща лесная’. Метонимия *кин* ‘пуповина’ обозначает новорожденного ребенка. Муравьи также символизируют дружную семью, общество: *Чыдырмандый бек болзын, чымалыдый нак болзын!* ‘Пусть будут крепкими, как чаща деревьев, дружными, как муравьи!’ [АРС 2018: 852].

С муравьями, их гнездами связано много поверий. Так, считается, что если разрушить муравейник, то в результате этого могут пойти сильные ливневые дожди. В некоторых случаях это является одним из способов вызвать дождь. По повадкам муравьев можно предсказать погоду: перед ненастьем они прячутся в своем гнезде.

Алтайцы верили, что муравейник может стать местом силы, если закопать под него послед домашнего животного. Закапывание постола объясняется архаичными представлениями о постоле как магической субстанции, от которой зависит плодородие и благополучие скота: *Малын көптөддөгө турган кижин болзо, уйдын, беенин, койдын чөбин чеберлеп алала, тайгадан барып эн жаан чымалынын уйазын табала, алкыш-бийан сурап, онын алдына көмүп салар керек* ‘Если человек хочет преумножить скот, [то] бережно взяв послед коровы, кобылы, овцы, [он] идет в тайгу и, найдя самый большой муравейник, испросив благословения, под него зарыть [послед]

⁸ Зап. в июле 2024 г. в г. Горно-Алтайске от информанта 1975 г.р.

должен' [Тюхтенева 2017: 66]. Если забросить послед скота на крышу кошары, то стадо будет хорошо размножаться. В алтайской литературе отмечается польза муравьев: *Бир уйа чымалы бир гектар јердин агаштарын ла өзүмдерин јеткерлү курт-конгыстан аргадап алат* (Л. Кокышев) 'Одно гнездо муравьев спасает от вредных червей-насекомых деревья и растения одного гектара земли' [АРС 2018: 151].

В отличие от других наименований насекомых, номинация *чымалы* 'муравей' используется в алтайской топонимии. Зафиксировано несколько названий урочищ, логов, например: *Чымалы-Ойбок* (букв.: углубление в лесу с муравьями) – название лога, находящегося в начале урочища Божулан вблизи с. Нижняя Талда в Онгудайском районе Республики Алтай [ТРА 2022а: 118]; *Чымалы-Јалаг* (Чымалу-Дьалан) (букв.: поляна с муравьями) – название лога, урочища вблизи с. Хабаровка в Онгудайском районе [Там же: 138]; *Чымалылу* (букв.: муравьиный, с муравьями) – название лога, расположенного на северо-западе от с. Беш-Өзөк в Шебалинском районе [Там же: 145].

Заключение

Таким образом, нами были рассмотрены фонетические, лексико-семантические, а также лингвокультурные особенности наименований перепончатокрылых насекомых в алтайском языке и его диалектах: чалканском, кумандинском, тубаларском, телеутском и теленгитском. Всего выявлено 26 лексем, используемых для номинации перепончатокрылых. В алтайском языке для номинации перепончатокрылых насекомых используются общетюркские слова **a:ryg* 'пчела, оса, шершень' и *kutyr-ska* 'муравей', а также слово *čötäli* 'муравей', зафиксированное в «Древнетюркском словаре». Анализ структурного состава названий перепончатокрылых насекомых в алтайском языке показывает наличие синтетических (однокомпонентных) и аналитических (двухкомпонентных) наименований. Некоторые из них образованы аналитическим способом на основе лексем *aar / adaru* 'пчела' и *чымалы / kutyr-ska* 'муравей'.

В ходе анализа лексем, обозначающих перепончатокрылых насекомых, в алтайском языке выделен комплекс номинативных признаков, характеризующих объекты:

- 1) «место обитания»: *јер ару* 'оса' (букв.: земляная пчела);
- 2) «цвет»: *сары adaru* 'оса' (букв.: желтая пчела), *кара adaru* 'шмель, земляная пчела' (букв.: черная пчела), *кара чымалы* 'черные муравьи', *сары чымалы* 'желтые муравьи';
- 3) «размер»: *айу adaru* 'шершень' (букв.: медведь-пчела), *adaru* 'пчела' (букв.: конь-пчела);
- 4) «способность производить продукт»: *мөттү adaru* 'медоносная пчела';
- 5) «способность совершать действие»: *чагаан ару* 'оса' (букв.: жалящая пчела);
- 6) «форма»: *үзүкпел* 'оса' (букв.: оторванная поясница);
- 7) «пол» и «возраст»: *эне adaru* 'мать пчел'.

В алтайской лингвокультуре пчелы, осы и муравьи характеризуются как насекомые, приносящие пользу окружающей среде. Пчелы, осы, шмели описываются как летающие насекомые, издающие определенные звуки; образно они сравниваются с поющими птицами. На основе таких количественных и качественных признаков и признаков действия насекомых, пчел и муравьев, как многочисленность, трудоспособность, способность воспроизводить определенные звуки, возникли сравнения и метафоры, обозначающие качества человека.

Список сокращений

алт. – алтайский; др.уйг. – древнеуйгурский, крх-уйг. – караханидско-уйгурский, кирг. – киргизский; кум. – кумандинский; монг. – монгольский; тат. – татарский; тел. – телеутский; теленг. – теленгитский; туб. – тубаларский; тув. – тувинский; хак. – хакаский; чал. – чалканский; саг. – сагайский; ср.-кыпч. – среднекыпчакский; турк. – туркменский; тат. – татарский; узб. – узбекский; уйг. – уйгурский; хак. – хакаский; шор. – шорский; як. – якутский.

Список литературы

АРС – *Алтайско-русский словарь* / Отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
 Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи): граммат. очерк, тексты, пер., слов. / Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1972. 279 с.

Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: диалект лебединских татар чалканцев (куу-кижи): грамматический очерк, тексты, переводы, словарь / Отв. ред. К. М. Мусаев; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1985. 231 с.

Кандаракова Е. П. Түндештирү сөзлик. Сопоставительный словарь. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1994. 85 с.

КРС – Кумандинско-русский словарь: ок. 10 000 слов / Сост. Л. М. Тукмачев, М. Б. Петрушова, Е. И. Тукмачева. Бийск: Бийск. котельщик, 1995. 150 с.

Мухтарова Г. М. Этимологическая лексика в татарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 26 с.

Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

РКС – Русско-кумандинский словарь / Сост. М. Б. Петрушова, В. М. Данилов, ред. Н. А. Дьайым. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2021. 504 с.

РТС – Русско-тубаларский словарь / Сост. А. С. Кучукова, ред. С. Б. Сарбашева. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2019. 384 с.

СААНТЯ – Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / сост. Протоирей В. Вербицкий. Изд. Православного Миссионерского общества. Казань: Тип. В. М. Ключникова, Большая Проломная улица, 1884; 2-е изд. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. Переизд. 504 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

ТРС – Телеутско-русский словарь / Сост. Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1995. 119 с.

ТРА – Топонимика Республики Алтай. Кн. 1. Шебалинский район / редкол.: Н. В. Екеев (отв. ред.), Б. Б. Саналова, А. Э. Чумакаев; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022а. 213 с.

Топонимика Республики Алтай. Кн. 2. Онгудайский район / редкол.: Н. В. Екеев (отв. ред.), Б. Б. Саналова, А. Э. Чумакаев; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022б. 202 с.

Тюхтенева С. П. О скотоводческой магии у современных алтайцев // Oriental Studies (Вестн. Калмыц. ин-та гуманитар. исслед. РАН). 2017. Vol. 34, iss. 6. Рр. 62–70.

Чебодаева Л. И., Федотов Е. А. Номинация перепончатокрылых насекомых в хакасском языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 23. С. 106–108.

ШРС – Шорско-русский словарь. Русско-шорский словарь / Сост. Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1993. 149 с.

ЭСТЯ – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ». М.: Наука, 1974. 768 с.

Список источников

АЗ – Алтайские загадки = Алтай табышкактар / Сост. К. Е. Укачина. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1981. 176 с.

АКК – Алтай кеп-куучындар / Сост. И. Б. Шинжин, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 415 с. (на алт. яз.)

Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии / предисл. С. Е. Малова. Л.: Изд-во РАН, 1924. 150 с.

Гарф А., Кучияк П. Сказки Алтая. Антология. Под ред. С. Кожевникова. Новосибирск: Новосибир. обл. изд-во, 1937. 103 с.

Народные песни алтайцев / Сост. М. А. Демчинова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2025. 900 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 35).

ОТКА – Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Коллективная монография / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»; Редколлегия: Екеев Н. В. (отв. ред.), Кузьмина Е. Н. (науч. ред.), Конунов А. А., Тадышева Н. О. Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2019. 704 с.

References

- Altaysko-russkiy slovar'* [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018, 936 p. (In Russian)
- Baskakov N. A. *Dialekt kumandintsev (kumandy-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov.* [Kumandin dialect (Kumandi-kiji): grammar. essay, text, trans., slov]. Institut yazykoznaniya AN SSSR. Moscow, Nauka, 1972, 279 p. (In Russian)
- Baskakov N. A. *Severnye dialekty altayskogo (oyrotskogo) yazyka: dialekt lebedinskikh ta-tar chalkantsev (kuu-kizhi): grammaticheskiy ocherk, teksty, perevody, slovar'* [Northern dialects of the Altai (Oiro) language: the dialect of Lebedin Tatars Chalkants (Kuu-kizhi): grammatical essay, texts, translations, dictionary]. Institut yazykoznaniya AN SSSR. Moscow, Nauka, 1985, 231 p. (In Russian)
- Chebodaeva L. I., Fedotov E. A. Nominatsiya pereponchatokrylykh nasekomykh v khakasskom yazyke [Nomination of hymenopterous insects in the Khakassian language]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of Katanov Khakass State University]. 2018, no. 23, pp. 106–108. (In Russian)
- Kandarakova E. P. *Tj̣ndeshtir̄y s̄ozlik. Sopostavitel'nyy slovar'* [Comparative dictionary]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaia tip., 1994, 85 p. (In Russian)
- Kumandinsko-russkiy slovar': ok. 10 000 slov* [Kumandin-Russian dictionary: about 10,000 words]. Biysk, Biysk. Kotel'shchik, 1995, 150 p. (In Russian)
- Mukhtarova G. M. *Entomologicheskaya leksika v tatarskom iazyke* [Entomological vocabulary in the Tatar language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Kazan, 2009, 26 p. (In Russian)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russian)
- Russko-kumandinskiy slovar'* [Russian-Kumandin dictionary]. Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu, 2021, 504 p. (In Russian)
- Russko-tubarskiy slovar'* [Russian-Tuba dictionary]. Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu, 2019, 384 p. (In Russian)
- Sevortian E. V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy K, "K"* [Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and inter-Turkic bases of letters "K", "K"]. Moscow, Nauka, 1974, 768 p. (In Russian)
- Shorsko-russkiy slovar'. Russko-shorskiy slovar'* [Shor-Russian dictionary. Russian-Shor dictionary]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993, 149 p. (In Russian)
- Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka* [Dictionary of Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Izd. Pravoslavnogo Missionerskogo obshchestva. Kazan, Tip. V. M. Kliuchnikova, Bol'shaia Prolomnaia ulitsa, 1884; 2nd ed. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek, 2005, 504 p. (In Russian)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexicon]. Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (In Russian)
- Teleutsko-russkiy slovar'* [Teleutsko-Russian dictionary]. Kemerovo, Kemerov. kn. izd., 1995, 119 p. (In Russian)
- Toponimika Respubliki Altay. Kn. 1. Shebalinskiy rayon* [Toponymy of the Altai Republic. Bk. 1. Shebalinsky district]. S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics. Gorno-Altaysk, 2022, 213 p. (In Russian)
- Toponimika Respubliki Altay. Kn. 2. Ongudayskiy rayon* [Toponymy of the Altai Republic. Bk. 2. Ongudaisky district]. S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics. Gorno-Altaysk, 2022, 202 p. (In Russian)
- Tyukhteneva S. P. O skotovodcheskoy magii u sovremennykh altaytsev [About cattle breeding magic of modern Altayans]. *Oriental Studies*. 2017, vol. 34, iss. 6, pp. 62–70. (In Russian)

List of sources

- Altay tabyshkaktar* [Altai riddles]. Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd., 1981, 176 p. (In Russian)
- Altay kep-kuuchyndar* [Altai oral histories]. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 1994, 415 p. (In Altai)
- Anokhin A. V. *Materialy po shamanstvu u altaytsev, sobrannye vo vremya puteshestviy po Altayu v 1910–1912 gg. po porucheniyu Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii* [Materials on shamanism from Altai, collected during travels in Altai in 1910–1912. on behalf of the Russian

Committee for the Study of Central and Eastern Asia]. Leningrad, RAS, 1924, 150 p. (In Russian)

Garf A., Kuchiyak P. *Skazki Altaya. Antologiya* [*Tales of Altai. Anthology*]. Novosibirsk, Novosibirskoe obl. izd., 1937, 103 p. (In Russian)

Narodnye pesni altaytsev [*Altai folk songs*]. Novosibirsk, SB RAS, 2025, 900 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 35). (In Russian)

Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev: Kollektivnaya monografiya [*Ritual in the traditional culture of the Altaics: Collective monograph*]. Gorno-Altaysk, Azbuka, 2019, 704 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

02.12.2024

Сведения об авторе – Information about the Author

Надежда Романовна Ойноткинова – доктор филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия)

Nadezhda R. Oinotkinova – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Altai Philology, Faculty of Altaic and Turkic Studies, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russia)

sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Глагольная лексика собирательства в языках Саяно-Алтая

Е. В. Тюнтешева, О. Ю. Шагдурова, И. М. Плотников

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Анализируются глаголы собирательства в алтайском, чалканском и хакасском языках с точки зрения семантики, распространения и происхождения. Выявлены глаголы с общим значением 'собирать' и глаголы с инкорпорированными в семантику компонентами, конкретизирующими тот или иной аспект сбора (объект, способ, место сбора и др.). Описан набор признаков, на основании которых формируются оппозиции в семантике и сочетаемости глаголов в разных языках. Среди глаголов сбора имеются непроизводные, относящиеся к общетюркской лексике, и производные, которые образуются от наименований объектов сбора разного происхождения (тюркские, монгольские, русские, слова субстратного и неизвестного происхождения).

Ключевые слова

тюркские языки Сибири, промысловая лексика, глагольная лексика собирательства, семантика, глагол

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01738, <https://rscf.ru/project/24-28-01738/>, «Промысловая лексика тюркских языков Саяно-Алтая: документация, опыт сравнительного и лексикографического описания» (2024–2025 гг., руководитель – О. Ю. Шагдурова).

Для цитирования

Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю., Плотников И. М. Глагольная лексика собирательства в языках Саяно-Алтая // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 43–55. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-43-55

Verbal vocabulary of foraging in the languages of the Altai-Sayan region

E. V. Tyunteshева, O. Yu. Shagdurova, I. M. Plotnikov

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This study investigates the semantics, distribution, and origins of verbs related to foraging. This analysis focuses on three Turkic languages from the Altai-Sayan region: Altai, Chalkan, and Khakass. A total of 100 verbs were analyzed, with 48 exhibiting cognates across the languages under investigation. Given the multifaceted nature of foraging, its lexical expression exhibits significant variability. The verbs were categorized based on the foraging aspects embedded within their semantic structures, yielding several distinct groups. These groups include: (1) basic verbs with the general meaning "to gather"; (2) verbs limited by object type (individualized objects vs. uniform mass); (3) verbs specifying objects (e. g., "to gather pine nuts"), places of foraging (e. g., "to forage in taiga"), spatial disposition of the object (e. g., "laying on the ground" vs. "hanging on a bush"), or gathering methods (e. g., "plucking, uprooting, or knocking off trees"); (4) verbs indicating object quantity; and (5) verbs with foraging as a secondary context-based meaning ("to wander," "to search"). The foraging verb systems in these languages were found to be distinct, with some cognates falling into different semantic categories. Non-derivative verbs were found to be elements of the common Turkic lexicon. However,

© Е. В. Тюнтешева, О. Ю. Шагдурова, И. М. Плотников, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

a substantial portion of verbs follow derivational patterns unique to Siberian Turkic and non-Turkic languages. Such verbs can be derived from nouns of diverse etymologies, including native Turkic, Mongolian, and Russian loanwords, as well as Ket or unknown substrates.

Keywords

Siberian Turkic languages, vocabulary of traditional occupations, foraging, semantics, verb

Acknowledgements

This research was supported by the grant from the Russian Science Foundation (Project No. 24-28-01738, <https://rscf.ru/project/24-28-01738>) titled “Trade Vocabulary of Altai-Sayan Turkic Languages: Documentation and Experience in Comparative and Lexicographic Description” (2024–2025, led by O. Yu. Shagdurova).

For citation

Tyuntseva E. V., Shagdurova. O. Yu., Plotnikov I. M. Glagol'naya leksika sobiratel'stva v yazykakh Sayano-Altaya [Verbal vocabulary of foraging in the languages of the Altai-Sayan region]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 43–55 (In Russian). DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-43-55

Введение

Изучение лексики традиционных промыслов актуально в связи с изменением условий жизни представителей коренных народов Сибири. Целью данной статьи является анализ семантики, распространения и происхождения глаголов, обозначающих сбор и способы сбора дикорастущих ягод, грибов и растений, в трех тюркских языках Южной Сибири – алтайском, чалканском и хакасском.

Описание таежного промысла, в том числе собирательства, у сибирских тюркских народов содержится в ряде этнографических работ [Потапов 1953; Вайнштейн 1972; Бутанаев 2002; Кыржинаков 2005; Селезнев, Селезнева, Бельгибаев 2006; Ачимова 2020; и др.]. В тюркологии имеется большое количество исследований, посвященных фитонимам, обозначающим объекты сбора, выполненных как на материале отдельных языков, так и в сравнительном освещении [Сумачакова 2005; Чиспиякова 2008; Гаврилова, Кергилова 2020; Каскаракова 2023; Боргояков 2018, 2021; Осорова 2024; Малышева 2024; СИГТЯ 1997; и др.], изданы также специальные словари фитонимов алтайского [Ачимова 2007] и хакасского [Каксин, Чертыкова 2020] языков, в то время как глагольная лексика, связанная с собирательством, не становилась объектом специального исследования.

Материалом исследования послужили примеры, полученные методом сплошной выборки из словарей, художественной литературы, а также при работе с информантами. Выявлено 100 глаголов собирательства, среди которых 52 не имеют установленных параллелей в рассматриваемых языках, а оставшиеся 48 глаголов образуют 21 группу когнатов.

1. Глаголы собирательства с точки зрения семантики

Ситуация сбора является комплексной и включает целый ряд аспектов, которые могут потенциально отражаться в семантике глагола. Так, ситуация сбора предполагает, что его объект статично находится в пространстве определенного типа (лес, тайга), причем объект может характеризоваться определенным расположением в этом пространстве, например на дереве, кусте, на поверхности земли или в земле. Процесс сбора состоит из серии действий собирателя: переход в пространство, в котором находится объект, выявление и перемещение объекта из исходного положения в пространстве (снять с куста, сорвать, срезать, выдернуть или выкопать из земли), иногда с использованием специального орудия сбора (колотушка для сбивания шишек). Результатом этой серии действий является накопление какого-то количества предметов, которые предназначены для употребления в пищу или использования в хозяйственных целях.

Глагол обозначает ситуацию сбора в наиболее общем виде или отражает специфические разновидности этой ситуации, инкорпорируя часть ее аспектов в свою семантику. В соответствии с этим в рассматриваемых языках выделяется ограниченный набор глаголов с общим значением ‘собирать’ и ряд глаголов с более узким значением, которые мы классифицируем в зависимости от типа инкорпорированных в их семантику компонентов.

1.1. Базовые глаголы со значением ‘собирать’

К базовым относятся наиболее частотные глаголы собирательства, семантика которых не содержит указания на конкретное место, объект сбора или специфические действия, совершаемые собирателем. Тем не менее некоторые из этих глаголов частично ограничены с точки зрения типов объекта сбора или особенностей их расположения в пространстве.

алт. **ЈУУ-** ~ хак. **ЧЫҒ-**

В алтайском языке у глагола *јуу-* выделяются следующие значения: 1) собирать (с конкретными объектами); 2) собирать, накапливать *что-л.* (с конкретными и абстрактными объектами); 3) собирать в единое целое (что-л. разобранное); 4) собирать, снаряжать *кого-л.*; 5) хоронить [АРС: 213]:

алт. *Салкыннын кийнинде, тобого јууп улус тайга баргылады* ‘После ветра, чтобы **собрать кедровые шишки**, люди поехали в тайгу’; *Јай келгенде ле, Аня эмеген кере ле тўжине чўлдин ѓлўнин јууп, оны кайнадып, кургадып, улус эмдейтен эм белетен јўретен* [Коқышев 1980: 251] ‘Как только приходило лето, бабушка Аня целый день **собирала степные травы**, варила их, сушила, готовила лекарства, которые лечат людей’.

Хакасская лексема *чыг-* имеет значения: 1) собирать, копить, собирать в кучу *что-л.*; 2) убирать, вести уборку; 3) взимать, собирать; 4) собирать, снаряжать в дорогу; 5) собирать, созывать; 6) прятать, хранить *что-л.*; 7) хоронить *кого-л.* [ХРС: 1028]. В значении ‘собирать’ глагол *чыг-* имеет более узкую сочетаемость, чем глагол *јуу-*, так как употребляется исключительно по отношению к объектам, воспринимаемым как однородная масса (смола, трава):

хак. *Хыбыртты хурударга чыгарга* [ТСХЯ 2023: 527] ‘**Собирать хвои** для сушки’; *Агам ѓнетін ынаах чыгарга чўрцең* [ТСХЯ 2023: 711] ‘Мой дед специально ходил **собирать сосновую смолу**’; *Саас чыырга* ‘Добывать **смолу лиственницы**’ [ТСХЯ 2023: 14].

Когнат этого глагола *тыг-* имеется также в чалканском, но он не относится к глаголам собирательства, так как используется только в значениях ‘сгрести (сено в стог)’ и ‘заправлять, прибирать постель’.

чалк. **ҚАВЫР-**

Глагол *қавыр-* зафиксирован в значениях: 1) собирать; 2) убирать (урожай); 3) убирать (вещи); при употреблении в значении ‘собирать’ сочетается с любыми объектами собирательства:

чалк. *Аным јеглек қавыра парјыт* ‘Мама идет **собирать ягоду**’; *Танде пыс торыцк қавыра партыс* ‘Завтра мы идем **собирать шишки**’; *Аксақты јасқыде қавыртыр* ‘**Орляк собирают весной**’.

алт., чалк. **ТЕР-** ~ хак. **ТЕЕР-**

Глаголы алт. *тер-* и хак. *теер-* имеют значение ‘собирать; подбирать поштучно’ и сочетаются с любыми типами объектов, воспринимаемых как множество отдельных предметов. При употреблении в значении ‘собирать разбросанные предметы’ (например, рассыпанные бусины, картошку, щепки, одежду) предполагается их расположение на полу или на земле. Однако при употреблении с наименованиями объектов собирательства место расположения собираемых объектов (земля, кустарник или дерево) не ограничено, поэтому данные глаголы могут употребляться по отношению к широкому кругу объектов (ягод, почек, грибов, шишек-паданцев и т. п.):

хак. *Хара суг озариндагы олтырыхсар миске теерерге сыгыбысханнар* [ТСХЯ 2020: 386] ‘[Они] вышли **собирать грибы** на острове, находящемся за Черной речкой’; *Ол кўн пу ікўлең хазыңнарның сісклебіскен пўрчўктерін теергеннер* [Халларов 1984: 23] ‘В тот день эти двое **собирали** набухшие **почки** берез’; *Ѓзеннің оң саринда олғаннар, хойлар чіли, чистек тееріп, тарас парғаннар* [Халларов 1984: 10] ‘На правой стороне ложбины ребята, **собирая клубнику**, словно овцы, разбрелись’; *Теерген агас чистегі ширге ылчап парыбыстыр* [ТСХЯ 2023: 708] ‘**Собранная малина** к вечеру размякла’.

алт. *Кобыда кызылгатты тергилен салган эмтир. Орой барганыс* 'В логу, оказывается, уже **собрали красную смородину**. Поздно мы пошли'.

В отличие от хакасского и алтайского языков, лексема *тер-* в чалканском сочетается только с обозначениями объектов, расположенных на земле или у поверхности земли (например, грибы и ягоды травянистых растений):

чалк. *Јер јегле теракып, қайныдазе керек, қышқыде јире* '**Собрав землянику**, нужно сварить, чтобы есть зимой'.

чалк. САҒ-

Основным значением глаголов *саа-* ~ *сағ-* во всех рассматриваемых языках является значение 'доить'. В чалканском языке он употребляется для обозначения сбора ягоды с куста, то есть ограничен с точки зрения типа объекта и особенностей его расположения в пространстве:

чалк. *Ағаш јегле пышпандыле, пес Байголнын қаттары јеглек сағыра партыр* 'Как только созревает малина, все женщины Байгола идут **собирать (с куста) ягоду**'.

В теленгитском диалекте алтайского языка это значение глагола *саа-* дополнено значением повышенной количественности, и потому он описан в разделе 1.6.

Таким образом, в рассматриваемых языках наблюдаются сходные наборы глаголов со значением 'собирать', однако система значений и, следовательно, сочетаемость этих глаголов различается. Базовые глаголы собирательства могут быть разделены на следующие группы:

- не включающие дополнительных сем, указывающих на тип или особенности расположения объекта в пространстве: алт. *јуу-*, чалк. *қавыр-*;
- указывающие на тип объекта: хак. *теер-* ~ алт. *тер-* (отдельные предметы); хак. *чығ-* (однородная масса);
- указывающие на особенности расположения объекта в пространстве: чалк. *тер-* (на или у поверхности земли);
- указывающие на тип объекта и особенности его расположения в пространстве: чалк. *сағ-* (ягоды с куста).

В зависимости от того, глаголы какого типа присутствуют в каждом языке, между ними формируются разные оппозиции. В алтайском и чалканском языках употребляется один базовый глагол, сочетающийся с широким кругом объектов собирательства (алт. *јуу-*, чалк. *қавыр-*). В хакасском языке единый глагол с общей семантикой отсутствует, поэтому употребляются два глагола, образующие оппозицию по типу объекта (*теер-* ↔ *чығ-*). В чалканском языке наравне с базовым глаголом *қавыр-* наблюдается дополнительная оппозиция по особенностям расположения объекта в пространстве (*тер-* ↔ *сағ-*). В теленгитском аналогичной оппозиции нет, так как этот признак выражен только глаголом *саа-*, но в контексте сбора ягод с куста формируется оппозиция на основании признака количественности (*јуу-* 'собирать' ↔ *саа-* 'собирать в большом количестве').

Аналогичные оппозиции наблюдаются и в других тюркских языках Саяно-Алтая. Например, в близком чалканскому тубаларском глаголы *тер-* и *сав-* (когнаты *тер-* и *сағ-*) противопоставлены по смешанному признаку: «объект – предметы, лежащие на земле (шишки-паданцы, лежащая на земле картошка)» и «объект – ягода»: *јишлек савар* 'собирать ягоды', *тоорчық терер* 'собирать шишки' [РТубС: 311].

1.2. Глаголы, в семантику которых инкорпорирован объект сбора

Во всех рассматриваемых языках имеются глаголы, в семантику которых инкорпорировано представление об объекте сбора. Хотя некоторые лексемы из предыдущего раздела могут рассматриваться как указывающие на широкие классы объектов, специфика глаголов, описываемых в этом разделе, состоит в том, что в их семантику включена сема, указывающая на конкретный тип объекта сбора. Такие глаголы образуются от наименований объектов сбора по продуктивной словообразовательной модели «существительное + аффикс -*ЛА*», значение которой варьируется в зависимости от семантики существительного. Глаголы, образованные по этой модели от существительных, обозначающих типичные объекты сбора (ягоды, травы, грибы и т. п.), имеют значение «собирать / идти с целью собирать предмет, названный основой». Посредством этой

модели также образуются глаголы, связанные с другими традиционными промыслами (охотой, рыболовством).

Такие глаголы широко представлены в алтайском и хакасском языках и во многих случаях имеют параллели в обоих языках, например:

алт. *кандыкта-* ~ хак. *хандыхта-* ‘собирать кандык (луковицы)’ (< *кандык* ~ *хандых* ‘кандык’): хак. *Kiçigde pis arызгзар хандыхтирга чӧрчеңміс* [ТСХЯ 2023: 445] ‘В детстве мы ходили в лес **собирать** луковицы кандыка’.

алт. *кузукта-* ~ хак. *хузухта-* ‘орешничать’ (< *кузук* ~ *хузух* ‘кедровый орех’): алт. *Кузуктаар эдим ле, је эдилбеген иштер эмди де көп* [Шинжин 1981: 22] ‘Я бы **орешничал**, но дел, которые надо сделать, еще много’.

Глаголы такого типа могут образовываться и от русских названий, например: алт. *брусникте-* ‘собирать бруснику’, алт. (теленг.) *рыжикта-* ‘собирать рыжики’.

В чалканском глаголах собирательства, образованных по этой модели, немного. В первую очередь отмечаются глаголы, образованные от обобщенных названий объектов собирательства (‘ягоды’, ‘грибы’, ‘шишки’), но встречаются и более конкретные (‘черемша’): чалк. *јеглект-* ‘собирать ягоду, ходить за ягодой’ (< *јеглек* ‘ягода’), *ащотта-* ‘собирать черемшу, ходить за черемшой’ (< *ащот* ‘черемша’), *мещкеле-* ‘собирать грибы, ходить за грибами’ (< *мещке* ‘гриб’), *ториқықта-* ‘собирать шишки, ходить за шишками’ (< *ториқық* ‘шишка’).

В алтайском и хакасском языках многие такие глаголы могут употребляться как в деепричастной форме на *-(b)п*, так и в финитной. В чалканском они употребляются преимущественно в деепричастной форме. Чаще всего глаголы в деепричастной форме сочетаются с глаголами движения (алт., чалк., хак. *пар-*, хак. *чӧр-*, чалк. *јор-* ‘ходить, идти’) и выражают цель движения:

алт. (теленг.) *Јышкындап барак па?* ‘Пойдем **собирать** ремень?’

чалк. *Јайгыде палыр јеглектен јортыр* ‘Летом дети ходят **собирать** ягоду / **собирают** ягоду’.

хак. *Сорокиннеп хайди даа парам, Сабис!* [Доможаков 1975: 179] ‘Сабис, [я] обязательно пойду **собирать** чертополох!’, *Хатыг чылларда мӧкезіннеп чӧрчеңнер* [Бутанаев 1999: 63] ‘В трудные годы ходили **собирать** горец змеиный’.

Глаголы, построенные по данной модели, характерны и для других тюркских языков Сибири, например тувинского [Исхаков, Пальмбах 1961: 258] и якутского. В якутском языке они могут принимать аффикс возвратного залога, выражая семантику ‘собирать что-л. для себя’, чего не наблюдается в южносибирских языках: *дьэдьэн=нээ-* ‘собирать землянику’ – *дьэдьэн=нээ=н-* ‘собирать землянику для себя’; *тэллэй=дээ-* ‘собирать грибы’ – *тэллэй=дээ=н-* ‘собирать грибы для себя’ [ЯРС 1972: 425].

Модель образования глаголов собирательства, аналогичная тюркской, имеется и в других языках Сибири (тунгусо-маньчжурских, уральских, кетском), например:

хант. (вах.) *морәк* ‘морошка’ – *морқита* ‘собирать морошку’, *пауәр* ‘кедровая шишка’ – *пауҕита* ‘заготавливать шишки’ [Терешкин 1981: 262–263, 278];

сельк. *топыр* ‘ягода’ – *топырышца* ‘собирать ягоды’ [Ириков 1988: 198], *tōqyl* ‘саранка (дикий лук)’ – *tōqylyško* ‘собирать дикий лук’ [Казакевич, Кузнецова, Хелимский 2002: 56];

ненец. *тудако* ‘гриб’ – *тудакунзь* ‘собирать грибы’ [Терещенко 1947: 170–171], *марауҕа* ‘морошка’ – *марауҕынзь* ‘собирать морошку’ [ДСНЯ: 57];

кет. *хи* ‘черемуха (ягода)’ – *хитий* ‘собирать черемуху’, *тирь* ‘корень’ – *тириңей* ‘собирать корни растений’ [Вернер 2002: 211].

Особенностью тунгусо-маньчжурских языков по сравнению с тюркскими является наличие двух словообразовательных моделей, противопоставленных по семантике. Модель «именная основа + аффикс *-ли*» имеет значение ‘собирать предмет, названный основой’: эвенк. *нүтэли-* ‘собирать смолу’ (< *нүтэ* ‘сера’) [ССТМЯ: 649], *энгутли-* ‘собирать дикий лук, черемшу’ (< *энгут* ‘дикий лук, черемша’) [Цинциус 1947: 170]. Слова, образованные по модели «именная основа + аффикс *-ла* / *-лэ*» обозначают движение, целью которого является собирательство предмета,

названного основой: эвенк. *энгутлэ*- ‘пойти за диким луком, черемшой’ (< *энгут* ‘дикий лук, черемша’), *тэвлэ*- ‘пойти за ягодами’ (< *тэв* ‘ягода’), *бокла*- ‘пойти за кедровыми шишками’ (< *бок* ‘кедровая шишка’) [Цинциус 1947: 170].

Таким образом, данная модель образования глаголов собирательства характерна для языков сибирского ареала. Сопоставление с другими языками Сибири позволяет предположить, что ее функционирование в сибирских тюркских языках относится к субстратным явлениям.

1.3. Глаголы, обозначающие способ добычи объекта

Способ добычи предполагает комплекс действий, совершаемых собирателем при сборе объекта. Глаголы, обозначающие способ добычи объекта, обычно имеют ограниченную сочетаемость, так как способ добычи, как правило, обусловлен свойствами объекта и характером расположения в пространстве. Семантика некоторых из таких глаголов подразумевает используемый при данном способе добычи инструмент (нож, лопатка и т. п.).

‘срывать’ – ‘сбирать части растения (ягоды, цветы, листья) путем их отделения от самого растения’

алт., чалк., хак. *јс*- ‘рвать, срывать’:

алт. *јишлек јс*- ‘сорвать ягоду’, *арчын јс*- ‘срывать можжевельник’;

чалк. *Агаиш јегле јзал партым* ‘Сорвав малину, иду’; *Палыр қараттын қавықтарын јстыр* ‘Дети срывают листья смородины’;

хак. *Ах пас одын, парып, јс кил, амох ізіг чайын хайнадып ізербіс* ‘Сходи, собери белоголовник, сейчас сварим горячий чай из него, попьем’.

‘выдергивать’ – ‘вырывать стебли или луковицы растений’

алт., чалк. *јул*- ~ хак. *чул*- ‘рвать, вырывать, выщипывать, выдергивать (траву)’:

алт. (теленг.) *Таңәртән бойыска эм өлән јулалдыс* ‘Утром нарвали себе лекарственные травы’; *Бар, јана јул* ‘Иди, сорви дикий чеснок’;

чалк. *Өлөнны јулал угза эқыркен* ‘Сорвав траву, занес домой’;

хак. *Чыл сай чайгы тузында іңем ирбен чуларга чөрче* ‘Каждый год летом моя мама ходит заготавливать чабрец’; ...*арғыстарымнаң сала тастыхти араһ халба чул чөргем* [Костяков 2011: 11] ‘От друзей своих чуть подальше черемшу [я] рвал’.

‘выкапывать’ – ‘извлекать из земли корни и корневища растений’

алт. *кас*- ~ хак. *хас*- ‘копать, рыть; выкапывать’:

алт. *Алтын тазыл казар* ‘Выкапывать золотой корень’;

чалк. *Қиңец тужынде қандықтың тазылын қазал, матап јийтын помыс* ‘Когда мы были маленькими, выкопав корень кандыка, часто ели’;

хак. *Молат осыпнаң сип-сиңне хас чөр* ‘Стальной корнекопалкой копает сарану и дикий пион’ [Бутанаев 1999: 71].

‘сдирать’ – ‘снимать с поверхности растения (кору)’

алт. *сыйры*- ‘сдирать, отдирать что-л. (шкуру, кору)’, хак. *хохта*- в значении ‘сдирать’;

алт., хак. *сой*- в значении ‘снимать, сдирать (шкуру, кору)’:

алт. *Тыттын чөбрөзин сыйрып салды* ‘Он содрал с лиственницы кору’;

хак. *Ағас хахпазын хохтирга* ‘Сдирать кору дерева’; *Хазың тозын часхыда сойчаңнар* ‘Бересту березы снимали весной’ [ХРС: 487].

‘соскабливать’ – ‘снимать с поверхности растения’

хак. *хохта*- в значении ‘соскабливать, ковырять’:

Анда иргі азыр тыттың хыринда саас хохтаан [ТСХЯ 2023: 504] ‘Там у старой раздвоенной лиственницы соскабливал серу’.

Набор глаголов такого типа в рассматриваемых языках ограничен и в основном относится к общетюркскому фонду.

1.4. Глаголы с дополнительной семантикой количественности

К группе глаголов, указывающих на большое количество собранных объектов, относятся алт. (теленг.) *саа-*, хак. *иңдер-* и чалк. *сус-*:

алт. (теленг.) 1) доить; 2) собирать ягоду с куста в большом количестве: *Уу, карагат деп немä быжыл кошту бүйткән, барала, жангыс ла сааларын* ‘Уу, в этом году голубика уродилась очень хорошо, пойдешь и **насобираешь**’; *Казрангатты бис жуубанус не, а сааланус* ‘Черную кислицу мы не собирали, а просто **набрали**’.

хак. *иңдер-* 1) валить; 2) насобирать в большом количестве; ср. алт. *энтер-* ‘переворачивать; перепахивать’, *антар-* ‘переворачивать, опрокидывать’: *Пуул пис хазың мискезін иледе иңдер килгебіс* [ТСХЯ 2020: 166] ‘Нынче мы **набрали** очень много подберезовиков’.

чалк. *сус-* 1) черпать (жидкости, сыпучие тела); 2) собрать много ягоды за короткое время: *По жыл нумут матап көп, пар сузалсынле* ‘В этом году черники очень много, приходишь и сразу **начерпаешь**’.

Значение ‘собирать в большом количестве’ во всех случаях сформировалось в рассматриваемых языках в результате однотипных переносов семантики глаголов перемещения, основу которых составляет представление о нерасчлененной массе вещества или предметов: ‘перемещать однородную массу’ → ‘собирать в большом количестве’.

алт. (теленг.) *саа-* ~ чалк. *саг-* ‘доить’

→ алт. (теленг.) ‘собирать ягоду с куста в большом количестве’

чалк. *сус-* ‘черпать’

→ ‘собирать много ягоды за короткое время’

хак. *иңдер-* ‘валить’

→ ‘насобирать в большом количестве’

Эти глаголы являются общетюркскими, но развитие вторичных значений, связанных с собирательством, является специфической чертой их функционирования в отдельных языках и диалектах.

1.5. Глаголы с пространственной семантикой, включающие дополнительную сему ‘собирать’

У части выявленных глаголов значение, относящееся к собирательству, образуется путем добавления к первичному значению (‘искать’, ‘бродить’) семы действия, осуществляемого параллельно или обозначающего цель исходного действия:

алт. (теленг.) *бедрән-* 1) искать что-л. (себе); 2) бродить, много ходить (в поисках грибов, ягод): *Керä тужинä бедрәнйlä, жарым сабат мешкә жууп алдым* ‘[Я] целый день **бродя** (в поисках), собрала полведра грибов’;

хак. *чораахтан-* 1) бродить, постоянно передвигаться, постоянно скитаться, отбиваться от стада (о животных); 2) *перен.* бродить, много ходить (в поисках грибов, ягод): *Чораахтанып, ние дее теер полбадым* ‘[Я] **пробродил** и ничего почти не собрал (ягод, грибов и т. п.)’ [ХРС: 990].

К этой же группе примыкают выявленные в хакасском языке глаголы, образованные по модели, которая включает уже упомянутый продуктивный аффикс *-ЛА*, но имеет значение ‘пребывать в местности, обозначенной основой, с целью занятия промыслом, который с ней ассоциирован’:

хак. *чазыла-* ‘ходить в лес, степь с какой-л. целью (на охоту, за ягодами, грибами)’ (< *чазы* ‘степь’): *Мискелеп чөріп, күн тооза чазыладым* ‘В поисках грибов, целый день **прошла по полям и лесам**’.

хак. *тайгала-* ‘ходить в тайгу, таежничать (на охоту, за ягодами)’ (< *тайга* ‘тайга’): *Тайгалап чөріп, чистек тее чахсы урунмады* ‘В тайгу **съездил**, [но] даже ягода не встретила’.

В семантику таких глаголов инкорпорировано представление о месте, в котором осуществляется деятельность. Значение этих глаголов шире, чем у других глаголов, рассматриваемых в данной работе, так как они обозначают всю совокупность промыслов, связанных с определенной местностью, в том числе охоту.

Аналогичный глагол *тайгала-* в алтайском имеет значение ‘ездить по тайге, горам’, но он не употребляется в значениях, связанных с собирательством.

2. Глагольная лексика собирательства в тюркских языках Сибири с точки зрения происхождения и распространения

Выявленные глаголы делятся на непроемные, которые имеют тюркское происхождение, и производные, которые образуются от основ разного происхождения. Как непроемные глаголы, так и основы производных глаголов могут иметь широкое распространение в тюркских языках или быть ограничены небольшим кругом языков, древних и современных.

Общетюркскими являются в основном непроемные глаголы, передающие общее значение ‘собирать’ или обозначающие способ добычи объектов собирательства:

– алт. *жуу-* ~ хак. *чыг-*, ср. др.-т. *jü-* ‘собирать’ [ДТС: 265];

– алт. *тер-* ~ чалк. *теер-*, хак. *теер-*, который отмечен в древнетюркских памятниках в значениях ‘собирать, копить’, встречаются также его парные употребления с другими глаголами собирательства: *ter-jü-* ‘собирать’, *ter-qavir-* [ДТС: 553];

– алт., чалк., хак. *үс-* ‘рвать’, ср. др.-тюрк. *üz-* ‘рвать, отрывать, вырывать’ [ДТС: 629];

– алт. *кас-* ~ чалк. *кас-* ~ хак. *кас-* ‘выкапывать’, ср. др.-т. *qaz-* с тем же значением [ДТС: 439];

– алт., чалк. *жул-* ~ хак. *чул-* ‘выдергивать’, ср. *jol-* ‘ощипывать, снимать перо’ [ДТС: 271].

Ограничены сибирскими языками глаголы собирательства, образованные при помощи аффикса *-ла*, причем параллели этой словообразовательной модели прослеживаются и в языках Сибири других генетических групп. Среди производных основ таких глаголов, обозначающих объекты сбора, выделяются общетюркские (например, алт. *жулек* ~ чалк. *желек* ‘ягода’, ср. каз. *жидек*, башк. *йеләк*), характерные для языков Сибири или Саяно-Алтая (хак. *торым*, чалк. *торык* ‘кедровая шишка’, ср. шор. *торум*), имеющие монгольское (алт. *согоно* ‘лук’, ср. тув. *согуна* ‘лук’, монг. *сонгино* [БАМРС III: 110]) или русское (алт. *брусникте-* ‘собирать бруснику’ > *брусника*) происхождение, а также относящиеся к словам неизвестного происхождения (алт. *калба* / *калма* ~ хак. *халба* ‘черемша’ [Рассадин 1971: 89]) или с установленным субстратным источником, например кетским (хак. *сойбе*, шор. *сейбе* / *сөйге* ‘рябина’ [Чиспиякова 1992: 153]).

К глаголам собирательства, общим для некоторых языков севера Саяно-Алтая, относится чалк. *қавыр-* ‘собирать’, который зафиксирован в древнеуйгурских памятниках (*qavir-* ‘собирать, сводить; сжимать, обобщать’ [ДТС: 436]), тубаларском и кумандинском: туб. *Тубалар аксак кавурбыт* ‘Тубалары собирают орляк’ [Материалы... 2013: 22]; кум. *Пуун тоорчык кавырса керек* ‘Сегодня надо бы собрать орехи’ [Там же]. Дж. Клосон восстановил первичную глагольную основу как *kav-* [ЭСТЯ 2000: 13]; ср. хак. *хабыс-* ‘соединяться, сцепляться’ [ХРС: 769]. Допускают также генетическую связь с тюрк. *qap-* (А. Йоки) и приводят возможную монгольскую параллель тюрк. *qabış-* с монг. *qatı-* ‘соединяться’, *qabir-* ‘соединять’ (А. Йоки, Г. Рамстедт, М. Ряснянен) [ЭСТЯ 2000: 13].

К глаголам собирательства, специфичным для отдельных рассматриваемых языков, относятся глаголы, которые, будучи общетюркскими, в отдельных языках и диалектах сформировали вторичное значение, связанное с собирательством (чалк. *саг-* ~ алт. (теленг.) *саа-* ‘доить’, чалк. *сус-* ‘черпать’, хак. *индер-* ‘валить’).

Таким образом, среди рассматриваемых глаголов собирательства выделены 1) общетюркские, встречающиеся в языках Сибири или Южной Сибири, 2) объединяющие языки севера Саяно-Алтая и 3) имеющиеся только в одном из рассматриваемых языков.

Заключение

Исследование глаголов собирательства показало наличие в рассматриваемых языках как общих, так и различных черт. Система глаголов сбора во всех языках устроена похожим образом: выделяются глаголы, передающие общее значение ‘собирать’, и глаголы с более специализированным значением, в семантику которых инкорпорированы разные аспекты ситуации сбора:

место сбора, объект и особенности его расположения в пространстве, способ сбора, орудие, с помощью которого он осуществляется, количество собранных объектов.

Некоторые глаголы с общим значением ‘собрать’ (жуу- ~ чыг-, тер- ~ теер-) присутствуют во всех рассматриваемых языках, однако в каждом из них имеют разные значения и сочетаемость. Это ведет к различиям в системе оппозиций между глаголами собирательства разных языков (по типу объекта сбора, месту его расположения, количеству собранных объектов). Общей чертой отдельных языков и диалектов является возникновение в них глаголов со значением сбора в большом количестве на базе разных общетюркских глаголов (хак. *иңдер-* ‘валить’, чалк. *сус-* ‘черпать’ и алт. (теленг.) *саа-* ‘доить’).

Проанализированы две группы глаголов собирательства более специализированного характера: глаголы, обозначающие метод сбора, которые в основном относятся к общетюркской лексике и употребляются в рассматриваемых языках одинаково, и глаголы с инкорпорированным объектом. Спецификой сибирских тюркских языков является наличие в них общей модели образования глаголов с инкорпорированным объектом, которая зафиксирована и в нетюркских языках Сибири. Тем не менее наблюдаются и различия в функционировании этой модели в разных тюркских языках. Так, в якутском она получила дальнейшее развитие за счет возможности включения в такую глагольную словоформу возвратного аффикса, что формирует семантику ‘собрать для себя’. С другой стороны, в современном чалканском языке такие глаголы образуются только от ограниченного круга существительных и в основном употребляются в форме деепричастия. Глаголы могут образовываться по этой модели от широкого круга основ, среди которых отмечаются основы тюркского происхождения, встречающиеся в древнетюркских памятниках, являются монгольскими или русскими заимствованиями, а также принадлежат к субстратной лексике или имеют неизвестное происхождение.

Список условных сокращений

алт. – алтайский язык; алт. (теленг.) – теленгитский диалект алтайского языка; др.-т. – древнетюркский язык; ненец. – ненецкий язык; хак. – хакасский язык; хант. (вах.) – ваховский диалект хантыйского языка; чалк. – чалканский язык; эвенк. – эвенкийский язык

Список литературы

- Ачимова А. А. Растительная пища алтайцев. Барнаул: Арусвати, 2020. 132 с.
- Боргояков В. А. Наименования ягод в хакасском языке и его диалектах (в сравнении с другими тюркскими языками Южной Сибири) // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 26. С. 25–28.
- Боргояков В. А. Наименования трав в сагайском диалекте хакасского языка // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2021. № 2 (36). С. 32–37.
- Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) XIX – начала XX вв. Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2002. 212 с.
- Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, Глав. ред. вост. литературы, 1972. 314 с.
- Гаврилова Р. В., Кергилова Л. А. Основные способы пополнения фитонимической лексики алтайского языка // Colloquium journal. 2020. № 11 (63). С. 129–134.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 472 с.
- Каскаракова З. Е. Названия растений в хакасском языке. Абакан, 2023. 208 с.
- Кыржинаков А. А. Таежные промыслы хакасов в XIX–XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2005. 229 с.
- Мальшева Н. В. Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2024. 503 с.
- Осорова М. А. Названия растений: формально-семантическая структура и мотивационные признаки (на материале якутского, тувинского, хакасского, алтайского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2024. 251 с.
- Потапов Л. П. Народы Южной Сибири. Новосибирск: Новосиб. книж. изд-во, 1953. 192 с.
- Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1971. 250 с.
- Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Бельгибаев Е. А. Мир таежных культур юга Сибири

(традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск: Наука, 2006. 259 с.

Сумачакова М. В. Названия растений в чалканском языке // Языки коренных народов Сибири. Чалканский сборник. Вып. 17. Новосибирск, 2005. С. 63–85.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. 800 с.

Тереженко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Гос. уч. -пед. изд-во Мин-ва просв. РСФСР, Ленингр. отд-ние, 1947. 270 с.

Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Л.: Гос. уч. -пед. изд-во Мин-ва просв. РСФСР, Ленингр. отд-ние, 1947. 268 с.

Чистякова Ф. Г. Исторические пласты в лексике кондомского диалекта // Хакасская диалектология. Абакан, 1992. С. 144–156.

Чистякова Ф. Г. К вопросу изучения фитонимов в шорском языке // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири. Новокузнецк: КузГПА, 2008. С. 161–165.

Список словарей

АРС – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 935 с.

Ачимова А. А. Алтайско-русский словарь животного и растительного мира Горного Алтая. Ч. 1. Растения. Новосибирск: Любава, 2007. 479 с.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 3. М.: Academia, 2001. 440 с.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. 240 с.

Вернер Г. К. Словарь кетско-русский и русско-кетский. СПб.: Дрофа, 2002. 240 с.

ДСНЯ – Диалектологический словарь ненецкого языка / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2010. 352 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Ириков С. И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Л.: Просвещение, 1988. 224 с.

Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 3. Русско-селькупский словарь. Разнопрофильные селькупские словари. М.: МГУ, 2002. 219 с.

Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь (разделы «Человек», «Флора и фауна»). Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2020. 224 с.

Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая / Отв. ред. Н. Н. Широбокова, О. Ю. Шагдурова. Новосибирск: Омега Принт, 2013. 176 с.

РТубС – Кучукова А. С. Русско-тубаларский словарь / Под ред. С. Б. Сарбашевой. Горно-Алтайск: Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2019. 384 с.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I / Отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. 672 с.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. 388 с.

Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 545 с.

ТСХЯ 2020 – Толковый словарь хакасского языка / Под ред. К. Н. Бурнаковой. Т. 1. Абакан: Хакас. книж. изд-во им. В. М. Торосова, 2020. 608 с.

ТСХЯ 2023 – Толковый словарь хакасского языка / Под ред. К. Н. Бурнаковой. Т. 2. Абакан: Хакас. книж. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. 736 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь / Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1112 с.

ЭСТЯ 2000 – Этимологический словарь тюркских языков. М.: Индрик, 2000. 261 с.

ЯРС – Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 606 с.

Список источников

- Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. Красноярск, 1975. 256 с.
Кокышев Л. В. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. отд-ние Алтайск. книжн. изд-ва, 1980. 495 с.
Костяков И. М. Пастағы тоғазығлар. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2011. 224 с.
Халларов А. А. Акай. Ағбан, 1984. 184 с.
Шинжин Т. Ак кулун. Горно-Алтайск, 1981. 115 с.

References

- Achimova A. A. *Rastitel'naya pishcha altaytsev* [Plant food of the Altai people]. Barnaul, Arusvati, 2020, 132 p. (In Russian)
- Borgoyakov V. A. Naimenovaniya yagod v khakasskom yazyke i ego dialektakh (v sravnenii s drugimi tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri) [Names of berries in the Khakass language and its dialects (in comparison with other Turkic languages of Southern Siberia)]. *Vestnik KhGU im. N.F. Katanova* [Bulletin of Katanov Khakass State University]. 2018, no. 26, pp. 25–28. (In Russian)
- Borgoyakov V. A. Naimenovaniya trav v sagayskom dialekte khakasskogo yazyka [Names of herbs in the Sagai dialect of the Khakass language]. *Vestnik KhGU im. N. F. Katanova* [Bulletin of Katanov Khakass State University]. 2021, no. 2 (36), pp. 32–37. (In Russian)
- Butanaev V. Ya. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Khongoraya (Khakasii) 19 – nachala 20 vv.* [Socio-economic history of Khongorai (Khakassia) in 19th and early 20th centuries]. Abakan, Katanov Khakass State University, 2002, 212 p. (In Russian)
- Chispiyakova F. G. Istoricheskie plasty v leksike kondomskogo dialekta [Historical layers in the vocabulary of the Kondom dialect]. In *Khakasskaya dialektologiya* [Khakass dialectology]. Abakan, 1992, pp. 144–156. (In Russian)
- Chispiyakova F. G. K voprosu izucheniya fitonimov v shorskoy yazyke [On the issue of studying phytonyms in the Shor language]. In *Istoriko-kul'turnoe vzaimodeystvie narodov Sibiri* [Historical and cultural interaction of the peoples of Siberia]. Novokuznetsk, KuzSPA, 2008, pp. 161–165. (In Russian)
- Gavrilova R. V., Kergilova L. A. Osnovnye sposoby popolneniya fitonimicheskoy leksiki altayskogo yazyka [The main ways of expanding the phytonymic vocabulary of the Altai language]. *Colloquium journal*. 2020, no. 11 (63), pp. 129–134. (In Russian)
- Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow, Vos. lit., 1961, 472 p. (In Russian)
- Kaskarakova Z. E. *Nazvaniya rasteniy v khakasskom yazyke* [Plant names in the Khakass language]. Abakan, 2023, 208 p. (In Russian)
- Kyrzhinakov A. A. *Taezhnye promysly khakasov v 19–20 vv.* [Traditional taiga occupations of the Khakass people in the 19th–20th centuries]. Cand. hist. sci. diss. Abakan, 2005, 229 p. (In Russian)
- Malysheva N. V. *Proiskhozhdenie leksiki zhivoy prirody: onomasiologiya i etimologiya (yakutskiy yazyk i ego dialekty)* [The origin of the vocabulary of living nature: onomasiology and etymology (Yakut language and its dialects)]. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2024, 503 p. (In Russian)
- Osorova M. A. *Nazvaniya rasteniy: formal'no-semanticheskaya struktura i motivatsionnye priznaki (na materiale yakutskogo, tuvinskogo, khakasskogo, altayskogo yazykov)* [Plant names: formal and semantic structure and motivational features (on the material of Yakut, Tuvan, Khakass, Altai languages)]. Cand. philol. sci. diss. Yakutsk, 2024, 251 p. (In Russian)
- Potapov L. P. *Narody Yuzhnoy Sibiri* [Peoples of Southern Siberia]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1953, 192 p. (In Russian)
- Rassadin V. I. *Fonetika i leksika tofalarskogo yazyka* [Phonetics and vocabulary of the Tofalar language]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1971, 250 p. (In Russian)
- Seleznev A. G., Selezneva I. A., Bel'gibaev E. A. *Mir taezhnykh kul'tur yuga Sibiri (traditsionnoe khozyaystvo i soputstvuyushchie komponenty zhiznedeyatel'nosti)* [The universe of taiga cultures of Southern Siberia (traditional economy and components of accompanying activities)]. Omsk, Nauka, 2006, 259 p. (In Russian)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary]. Moscow, Nauka, 1997, 800 p. (In Russian)

Sumachakova M. V. Nazvaniya rasteniy v chalkanskom yazyke [Plant names in the Chalkan language]. In *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia.]. Novosibirsk, 2005, iss. 17: Chalkanskiy sbornik [Chalkan collection], pp. 63–85. (In Russian)

Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [Outline of the grammar of the Nenets (Yurak-Samoyed) language]. Leningrad, Gos. uch. -ped. izd. Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, Leningradskoe otdelenie, 1947, 270 p. (In Russian)

Tsintsius V. I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka. Ch. I. Fonetika i morfologiya* [Outline of the grammar of the Even (Lamut) language. Pt. 1. Phonetics and morphology]. Leningrad, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, Leningradskoe otdelenie, 1947, 268 p. (In Russian)

Vaynshteyn S. I. *Istoricheskaya etnografiya tuvintsev. Problemy kochevogo khozyaystva* [Historical ethnography of Tuvans. Problems of nomadic economy]. Moscow, Nauka, Glav. red. vost. lit., 1972, 314 p. (In Russian)

List of dictionaries

Achimova A. A. *Altaysko-russkiy slovar' zhivotnogo i rastitel'nogo mira Gornogo Altaya* [Altai-Russian dictionary of flora and fauna of the Altai Mountains]. Novosibirsk, Lyubava, 2007, pt. 1: Rasteniya [Plants], 479 p. (In Altai and Russian)

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018, 935 p. (In Altai and Russian)

Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkiy slovar'. V 4-kh t. [Large academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 vols.]. Moscow, Academia, 2001, vol. 3, 440 p. (In Mongol and Russian)

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakass-Russian historical and ethnographic dictionary]. Abakan, 1999, 240 p. (In Khakass and Russian)

Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Nenets language]. Ekaterinburg, Basko, 2010, 352 p. (In Nenets and Russian)

Drevnetyurkskiy slovar' [Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russian)

Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow, Indrik, 2000, 261 p. (In Russian)

Irikov S. I. *Slovar' sel'kupsko-russkiy i russko-sel'kupskiy* [Selkup-Russian and Russian-Selkup dictionary]. Leningrad, Prosveshchenie, 1988, 224 p. (In Selkup and Russian)

Kaksin A. D., Chertykova M. D. *Khakassko-russkiy i russko-khakasskiy tematicheskiy slovar' (razdely "Chelovek," "Flora i fauna")* [Khakass-Russian and Russian-Khakass thematic dictionary. (sections "Human", "Flora and Fauna")]. Abakan, Katanov Khakass State University, 2020, 224 p. (In Khakass and Russian)

Kazakevich O. A., Kuznetsova A. I., Khelimskiy E. A. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Outline of the Selkup language. Taz dialect]. Moscow, MSU, 2002, vol. 3: Russko-sel'kupskiy slovar'. Raznoprofil'nye sel'kupskie slovari [Russian-Selkup dictionary. Multidisciplinary Selkup dictionaries], 219 p. (In Selkup and Russian)

Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1112 p. (In Khakass and Russian)

Kuchukova A. S. *Russko-tubalarskiy slovar'* [Russian-Tubalar dictionary]. Gorno-Altaysk, AU RA Literaturno-izdatel'skiy Dom "Altyn-Tuu", 2019, 384 p. (In Tubalar and Russian)

Materialy k sravnitel'nomu slovaryu glagol'noy leksiki tyurkskikh yazykov Sayano-Altaya [Materials to comparative dictionary of verbal vocabulary of the Turkic languages of the Altai-Sayan region]. Novosibirsk, Omega Print, 2013, 176 p. (In Russian)

Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovaryu [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages. Materials for the etymological dictionary]. Leningrad, Nauka, 1975, vol. I, 672 p. (In Russian)

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2002, 388 p. (In Tuvan and Russian)

Tereshkin N. I. *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [Dictionary of East Khanty dialects]. Leningrad, Nauka, 1981, 545 p. (In Khanty and Russian)

Tolkovyy slovar' khakasskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Khakass language]. Abakan, Khakass. kn. izd. im. V. M. Torosova, 2020, vol. 1, 608 p. (In Khakass and Russian)

Tolkovyy slovar' khakasskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Khakass language]. Abakan, Khakass. kn. izd. im. V. M. Torosova, 2023, vol. 2, 736 p. (In Khakass and Russian)

Verner G. K. *Slovar' ketsko-russkiy i russko-ketskiy* [Ket-Russian and Russian-Ket dictionary]. St. Petersburg, Drofa, 2002, 240 p. (In Ket and Russian)

Yakutsko-russkiy slovar' [Yakut-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1972, 606 p. (In Yakut and in Russian)

List of sources

Domozhakov N. G. *Yrakhkhy aalda*. Krasnoyarsk, 1975, 256 p. (In Khakass)

Khallarov A. A. *Akay*. Ayban, 1984, 184 p. (In Khakass)

Kokyshev L. V. *Altaydyn kystary*. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk. otd. Altaysk. kn. izd., 1980, 495 p. (In Altai)

Kostyakov I. M. *Pastayy toyazyylar*. Abakan, Dom literatorov Khakasii, 2011, 224 p. (In Khakass)

Shinzhin T. *Ak kulun*. Gorno-Altaysk, 1981, 115 p. (In Altai)

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

12.04.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Елена Валерьевна Тюнтешева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Elena V. Tyuntesheva – Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

tyunteshevae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4819-8306>

Ольга Юрьевна Шагдурова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Olga Yu. Shagdurova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

kokoshnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

Илья Михайлович Плотников – младший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Ilya M. Plotnikov – Junior Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Метафорические модели с глаголами движения в хантыйском языке (на фоне мансийского языка)

В. Н. Соловар

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация

Фразеологические сочетания хантыйского и мансийского языков с глаголами движения описывают психическое и физическое состояние человека, переживание им какой-либо жизненной ситуации, определенного положения дел, межличностные отношения, осуществление потребностей человека в интеллектуальной или социальной сфере. Метафорические модели восходят к конструкциям со значением движения по направлению к одушевленному субъекту, со значением движения внутрь тела человека, изнутри наружу, по вертикали вверх или вниз и др. Метафора формируется за счет неизосемического заполнения позиций субъекта или директива: в роли субъекта могут выступать номинации эмоций или состояний, в роли директивов – наименования человека или частей его тела.

Ключевые слова

фразеологические сочетания, глаголы движения, стертая метафора, хантыйский язык, мансийский язык

Для цитирования

Соловар В. Н. Метафорические модели с глаголами движения в хантыйском языке (на фоне мансийского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 56–67. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-56-67

Metaphorical models with verbs of movement in the Khanty language (against the background of the Mansi language)

V. N. Solovar

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

Abstract

The article discusses phraseological combinations of the Khanty and Mansi languages, which are based on the metaphor of movement. These combinations represent the mental and physical state of a person, their experience of a life situation, a certain state of affairs, interpersonal relationships, and the fulfillment of human needs in the intellectual or social sphere. Metaphorical models trace their origins to prototypical constructions signifying movement toward an animate subject, encompassing movement within the human body, both vertically and internally. The metaphor is formed by non-isosemic filling of the positions of the subject or directive. The role of the subject can be expressed by emotion or state nominations, and the role of directives by the names of a person or parts of the body. Data for this study comprised materials compiled by the author, including expert consultations with native Khanty and Mansi speakers, and data from multiple textual and dictionary sources. Methods implemented in this study include, but are not limited to, component analysis, systematization, classification, modeling, and comparative analysis. A novel contribution of this research is the application of spatial metaphor as a basis for analyzing the development of figurative meanings of verbs of motion within physiological, emotional, intellectual, and social spheres, using Ob-Ugric languages as a primary source. This research is relevant given the imminent risk of extinction facing the Khanty and

© В. Н. Соловар, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

Mansi languages. Phraseology as the most idiomatic and figurative part of the lexical composition of the language is seen to be displaced by everyday speech.

Keywords

phraseological combinations, verbs of movement, erased metaphor, Khanty language, Mansi language

For citation

Solovar V. N. Metaforicheskie modeli s glagolami dvizheniya v khantyyskom yazyke (na fone mansiyskogo yazyka) [Metaphorical models with verbs of movement in the Khanty language (against the background of the Mansi language)]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 56–67. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-56-67

Введение

Представления о пространстве передаются в языке посредством специальных языковых единиц, которые отражают их значимость для носителя языковой традиции. В формах языка закреплены результаты познавательной и преобразующей деятельности человека, «с самого начала направленной на осознание им своего места в окружающем пространственном и временном мире, поддающемся прямому чувственному восприятию и воздействию» [Ибрагимова 1992: 64]; «категория пространства в языке получает сложную репрезентацию на всех знаковых уровнях языка: лексическое выражение эта категория находит в системе существительных, прилагательных, наречий, глаголов; морфологическое – в приставках и предложно-падежных формах имен; синтаксическое – в конструкциях с глаголами определенных классов» [Там же: 71].

А. П. Чудинов отмечает, что когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира [Чудинов 2003: 5]. Метафорическое употребление глаголов движения, включая и устойчивые сочетания, метафорические модели движения изучались на материале различных языков [Lakoff, Johnson 1980; Булыгина, Шмелев 2000; Долгова 2007; Надеина 2007; Гусейн-Заде 2012; и мн. др.]. Многозначность и некоторые особенности употребления глаголов движения, в том числе в переносном значении, в тюркских языках Сибири получили отражение в диссертационных исследованиях, монографиях и статьях [Кокошникова 2002; 2004; Барыс-Хоо 2006; Чугункова 2016; Тюттешева 2022; и др.]. На материале обско-угорских языков проблема полисемии глаголов почти не исследована, исключение составляет работа, посвященная системе значений мансийского глагола *патуукве* ‘падать’ [Жорник, Харитонов 2021], а глаголы движения в составе устойчивых сочетаний ранее не рассматривались.

В данной статье исследуются хантыйские фразеологические сочетания (ФС) на фоне родственного мансийского языка, реализующие стертую метафору движения, где движение переосмыслено как переживание человеком определенного состояния, жизненной ситуации и др. Предпринимается попытка построения моделей этих ФС и их анализа в сравнении с мансийским языком. Метафора движения в них является стертой, прочно интегрированной в язык и не воспринимаемой уже как таковая. В. Н. Телия отмечает, что некоторые исследователи выделяют такие сочетания среди фразеологических, называя их лексическими коллокациями с аналитическим типом значения в силу их способности «за счет “связанного” по значению слова-компонента обозначать смыслы, которые обладают общекатегориальным содержанием» [Телия 1996: 66]: указывают на способ протекания, фазисные характеристики действия и т. п.

ФС с этими глаголами обозначают физиологическое, эмоциональное, ментальное состояние человека, переход из одного состояния в другое, высокую степень проявления эмоций. Субъектом состояния в исследуемых ФС является человек, при этом далеко не всегда он называется прямо и эксплицитно. Вместо этого в позицию подлежащего выдвигаются наименования эмоциональных или физиологических состояний, соматизмы, что является основой для формирования метафоры. Другой механизм переноса значений связан с особенностями заполнения позиции локализаторов, которые также могут быть выражены соматизмами или называют неопределенные, удаленные или, наоборот, максимально приближенные к субъекту пространства. Ситуация

движения переосмысливается как ситуация перехода из одного состояния в другое, причем актуализируется начальная либо конечная фаза события, его продолжительность и интенсивность.

В составе ФС рассматриваемых языков используются многочисленные и разнообразные глаголы движения: хант. каз. *йухэ́тты* 'прийти', *ма́нты* 'идти, уйти', *йиты* 'идти по направлению к говорящему', *этты* 'выходить', *кэ́риты* 'упасть', *илы лакне́маты* 'провалиться', *ньухла́ты* 'двинуться, шевельнуться', *шөйла́ты* 'погрузиться', *луу́ты* 'войти', *йухлы кэрла́ты* 'возвращаться' и др.; манс. *мину́кве* 'уйти', *эхтуу́кве* 'прийти', *йиу́кве* 'идти' (по направлению к говорящему); *нэ́глуу́кве* 'выходить', *рагатау́кве* (*патуу́кве*) 'упасть', *торгуу́кве* 'дрожать', *но́х-ли́люу́кве* 'встать' и мн. др. Глаголы движения в составе устойчивых сочетаний обозначают разные виды движения: по горизонтали (вовнутрь и вовне) и по вертикали (вверх и вниз) и др.

Вслед за Е. В. Тюнтешевой, моделью, в основе которой лежит метафора движения, или метафорической моделью (ММ) движения, мы считаем реализацию представлений о движении в лексическом составе и смысловой структуре устойчивого сочетания, формирующих определенную семантику [Тюнтешева 2022: 145]. В хантыйском и мансийском языках мы выявили несколько основных ММ движения, реализующихся в ФС. В самом общем виде их можно представить как «движение → переход в новое физиологическое или эмотивное состояние», «движение → установление новых межличностных отношений».

Материалом для исследования послужили собственные данные автора, полученные в процессе консультаций с экспертами – носителями хантыйского и мансийского языков, а также разнообразные текстовые и словарные источники, например словарь мансийского языка [Баландин, Вахрушева 1958]. В исследовании используются методы компонентного анализа, систематизации, классификации, моделирования, сопоставления и др. Новизна состоит в том, что впервые на материале обско-угорских языков рассматривается пространственная метафора и развитие переносных значений глаголов движения в разных сферах – физиологической, эмотивной, интеллектуальной, социальной. Актуальность связана с тем, что фразеология как наиболее идиоматизированная и образная часть лексического состава языка в первую очередь вытесняется в бытовой речи, фиксация образных средств послужит развитию литературных форм обско-угорских языков.

1. Метафорическая модель «движение → переход в новое состояние»

Глаголы движения являются предикатами пространственных конструкций, при помощи которых кодируется ситуация перемещения субъекта из одной точки пространства в другую по определенной трассе. Изосемически позицию субъекта занимает имя, обозначающее активно действующее лицо, начальная и конечная точки движения указывают на те или иные пространственные ориентиры. Типичной метафорической моделью является перенос из физической сферы в физиологическую, эмотивную, интеллектуальную и социальную, при котором позиции субъекта и начальной и конечной точек движения получают неизосемическое наполнение.

С помощью стертой метафоры ФС движения описывают переход человека в новое состояние и интенсивность его переживания.

Основной в обско-угорских языках является ММ, обозначающая начало или прекращение того или иного состояния: «прийти в какое-л. эмоциональное или физиологическое состояние → начать испытывать (интенсивно) какое-л. эмоциональное (обычно негативное) или физиологическое состояние» и «выйти из какого-л. состояния → перестать испытывать какое-л. состояние».

1.1. Метафора, в основе которой лежит представление о движении в горизонтальной плоскости

Переход в новое физиологическое или эмотивное состояние (часто отрицательное, интенсивное) выражается при помощи базовых глаголов хант. каз. *йухэ́тты* 'прийти', *ма́нты* 'уйти', манс. *эхтуу́кве* 'прийти' и др., которые формируют несколько структурных разновидностей конструкций, реализующихся в физиологической, эмотивной, интеллектуальной, социальной сферах.

1) Первая разновидность конструкций включает два компонента – «имя + глагол». Позицию субъекта занимает наименование эмоции, физиологического состояния или абстрактное существительное с обобщенным значением 'речь', за счет чего происходит метафорический перенос

в физиологическую, эмотивную или интеллектуальную сферы. Лично-притяжательные аффиксы, оформляющие название физиологического состояния или эмоции, указывают на лицо – носителя данного состояния: *Лыкэл йухтэс* ‘Он разозлился’ (букв.: злость=его пришла); *Пэлтап вер ци йухтэс* ‘Испугался’ (букв.: страшное дело пришло); манс. *Лаве юве* ‘Ненавидит кого-то’ (букв.: ненависть=его идет); *Ам тай тамле хётпа нупыл сака лавум юве, тав паттатэнт тасэвит мэхманув порславёсыт* ‘Я такого человека вообще ненавижу, из-за него столько наших людей погибло’ [Динисламова 2022: 19]; *Акеум лэви, сүйт пил ватым пилыцман ёхтувес, тувыл мот мят минас* ‘Тетя говорит, на бору собирая ягоды, испугалась’ (букв.: страх к ней пришел), оттуда в другое место ушла’ [Там же: 22].

Если позицию субъекта при глаголах хант. каз. *йухэтты* и манс. *ёхтуукве* ‘прийти’, занимает лексема с семантикой ‘смерть’, то конструкция выражает переход от жизни к смерти: *Имухты ци сурмэл йухтамтэл* ‘Сразу умер’ (букв.: смерть=его пришла); *Сурмэл йухтэс* ‘Находится при смерти’; манс. *Сормён ёхтувес* ‘Смерть=его пришла’.

Глагол хант. каз. *йухэтты* ‘прийти (о сне, о холоде, о силе, усталости и др.)’ сигнализирует о начальной стадии какого-либо состояния, тогда как глагол *мэнтты* ‘идти, уйти’ – о его завершении, ср.: *Наврем олмэл йухтэс* ‘Ребенок захотел спать’ (букв.: сон=его пришел); *Олмэл нур ант йухэтла* ‘Сон совсем не приходит’; *Икэн лыкэл мэнас* ‘Муж=твой перестал сердиться’ (букв.: злость=его ушла); *Имэл лык сухэл мэнас* ‘Жена перестала сердиться’ (букв.: злая шкура жены ушла); манс. *Ойкам кантэ минас* ‘Муж мой не злится’ (букв.: злость=его ушла).

ФС с глаголами движения могут привносить значение интенсивности проявления чувств и эмоций: манс. *Кантэ ёт хайтыгты* ‘Злится (кто-либо)’ (букв.: со злостью=своей вместе бегает); манс. *Аквтон сэмыл кутюв хайтыс* ‘Неожиданно возникла неприязнь, отчуждение, недоброжелательность по отношению друг к другу’ (букв.: будто черная собака пробежала).

Глагол *мэнтты* ‘идти, уйти’ может характеризовать течение того или иного процесса в интеллектуальной сфере, если позицию субъекта занимают абстрактные имена существительные типа ‘речь’, ‘мысль’, ‘слово’. Сравнительные обороты вносят значение интенсивности или образа действия. Уверенная речь передается ФС, в котором слово сравнивается с резким, прямым движением топора или стрелы: *Йасуэл лайэм мөнх иты мэнал* ‘Он говорил убедительно’ (букв.: слово=его, как обух топора, идет); *Лув лупэм йасуэл китэм нол иты мэнал* ‘Он высказал мысль прямо, честно’ (букв.: сказанное им слово, как выпущенная стрела, летит); манс. *Номтэ вит хольт ови* ‘Хорошо думается (кому-либо)’ (букв.: мысль=его как вода течет).

2) Вторая разновидность основана на модели движения по направлению к конечной или начальной точке, в которой позиция подлежащего замещается названием лица, испытывающего определенное эмоциональное состояние, или части его тела (часто используется соматизм ‘сердце’), а также наименованием эмоции (‘злость’, ‘тяжесть’). Базовые для данной модели глаголы обозначают движение либо из той точки, где находится субъект (хант. *мэнтты* ‘уйти’), либо в точку, где находится говорящий (хант. каз. *йухэтты* ‘прийти’), при тех и других глаголах возможны обстоятельства места, указывающие на начальную или конечную точки движения.

а) Движение к конечной точке. Позицию директива-финиша занимают обозначения самого человека, его тела в целом или части тела. В зависимости от того, какая именно часть тела человека мыслится как конечная точка движения, эмоция интерпретируется как положительная или отрицательная.

Движение по направлению к горлу, печени, пальцу ноги связано с представлением об отрицательных эмоциях – злости, страхе, тоске и печали: хант. каз. *Ма пэлама лыкэл этэл* ‘Он злится на меня’ (ко мне злость=его выходит); *Аукэл щиты ултал кутэн, тўра ци йухэтэл* ‘Когда мама так лежала, разозлилась’ (букв.: к горлу пришла); манс. *Сыме лэгыл туёлёвылн ёхтыгналыс* ‘Испугался’ (букв.: сердце=его очень близко к пальцу ноги доходило); *Кантэ мэйтын ёхтыс* ‘Сильно разозлился, рассвирепел (кто-либо)’ (букв.: злость=его до печени дошла); *Сыме тэвритын ёхтувес* ‘Печалится, тоскует’ (букв.: на сердце=его тяжесть пришла) [Динисламова 2022: 22].

Интенсивность отрицательных эмоций выражается сочетанием глагола *шөшэмты* ‘шагнуть’ со словом ‘кровь’ в позиции конечной точки движения: *Лай вўра, пит вўра шөшэмты* ‘Разъяриться, рассвирепеть’ (букв.: в темную кровь, в черную кровь шагнуть).

Средоточием эмоций чаще всего является сердце, которое выступает либо как субъект, либо как конечная точка движения. Выход сердца наружу ассоциируется с испугом: хант. каз. *Сэмем*

хóлты мáйнэс ‘Я испугался’ (букв. сердце=мое куда-то ушло); Сáмем иса мáйнэс ‘Я очень испугался’ (букв.: сердце=мое ушло); Сáмем щиты мáйнэс ‘Я очень испугалась’ (букв.: сердце=мое так ушло); хант. шур. Сáм мáнты хорти ‘Испытать испуг’ (букв.: сердце ушло, похоже) [Возелова 2024: 92]; хант. сург. Ма сáмам áйнам вóнта мáнэл ‘Сердце=мое совсем в лес уходит’.

Перемещение сердца внутри тела человека – к горлу, ко рту и т. д. – символизирует печаль, отчаяние, неудовлетворенность, утрату желания к какой-либо деятельности, страх: манс. Тáве хунтлым сáмум сяр турын ёхтыс ‘Слушая его, отчаиваюсь’ (букв.: его слушая, сердце мое к горлу пришло) [Динисламова 2022: 22]; Турумн ёхтүвёсум ‘Надоело мне’ (букв.: в горло мне пришло); Нáнан аквосытыл лёуктантáнке ам турумн ёхтүвёсум ‘Вам постоянно повторять мне надоело’; хант. сург. Сáм дуд вáса йёвтылэл ‘Сердце до рта доходит’ (о состоянии страха); хант. шур. Сáмем пýйа мáйнэс ‘Я очень испугался’ (букв.: сердце в зад ушло).

Движение внутрь сердца, напротив, символизирует положительные эмоции: хант. каз. Сáм хура лóңэл ‘Он хочет понравиться’ (букв.: в щель сердца заходит); Ма сáмема лууэс ‘Я влюбилась’ (букв.: он вошел в мое сердце); хант. шур. Сáмем вóйэн óвэа ‘Я испытываю радость, счастье, блаженство’ (букв.: в сердце=мое жир течет); манс. Сыме сáлтнэ ‘Любимый человек’ (букв.: в сердце=ее вошедший).

Проникновение внутрь тела человека инородного существа обозначает отрицательные эмоции: манс. Аквотп матарын сáлтвес ‘Разгневался, разозлился’ (букв.: будто что-то внутрь вошло). Ср. в хантыйском языке аналогичное представление о «пестрой женщине», проникающей в тело человека, также воспринимается как отрицательное явление: хант. каз. Хáйшау имийэн лууса ‘Он постоянно много ест’ (букв.: пестрое существо вошло; о ненасытном, прожорливом человеке).

Директив-финиш ‘пазуха’ воспринимается как неотъемлемая часть человека, нарушение целостности которой вызывает состояние ужаса, шока, особенно при проникновении в нее чужеродного субъекта, например, собаки: хант. приур. Амтем лумемна лáңэс ‘Собака ко мне за пазуху влезла’ (в ситуации, когда человек очень сильно испугался). Ср. тот же директив-финиш при описании поведения человека, которое вызывает отторжение: Пухэл лытийа лууэл ‘Ведет себя навязчиво’ (букв.: за пазуху лезет).

Аналогичный перенос наблюдается и в социальной сфере, где метафора движения, связанная с необычным директивом-финишем, обозначает странное, отрицательно оцениваемое поведение: Лúв акаñ хотэла ци лууэс ‘Он чувствует себя неловко’ (букв.: в дом куклы залез; то есть старается быть меньше, незаметнее).

Если ФС с глаголом йухлы керлэты ‘повернуться назад’ используется в интеллектуальной сфере при субъекте, обозначающем слова, то ситуация их возвращения оценивается слушателем неодобрительно: Йúвра йасуэн лáпэт пýи йухлы керлэл ‘Неправильные (букв.: кривые) слова семь раз возвратятся’ (букв.: назад повернутся).

В физиологической сфере потеря сознания или голоса передается глаголом хант. мáнты ‘уйти’, конечная точка, как правило, не определена и часто не указывается или обозначается неопределенными местоимениями типа ‘куда-то’: каз. Ма хулт пéла ци мáйнсам ‘Я потеряла сознание’ (букв.: куда-то ушла); Лúв лáп ци мáйнэс ‘Он ушел в забытье’; Ухэл-сэмэл мунтáлмáсы, ухэл-сэмэл лáп мáйнса, ци улáмтэс ‘Голову-глаза=его закрыли, голова-глаза уснули’ (букв.: голова-глаза=его зашли), лег он спать; Ци кýт иса лáп мáйнсайэм ‘В это время я потеряла сознание’ (меня закрыли); сург. Ньэврэм нáмсэл бóлты мэн ‘Ребенок потерял сознание’ (букв.: мысль куда-то ушла); манс. Ты кумт сайтэ лап-минас ‘В это время она потеряла сознание’; хант. каз. Тýрэл лáп мáйнэс ‘Он потерял голос’ (букв.: к закрытию зашел); Мýн па ньýр áл лáп мáйнсайэв ‘Мы просто замолчали’ (букв.: к закрытию ушли); манс. Няврам лап-минас лóньсéтыл ‘Ребенок закатился, захлебнулся плачем’ (букв.: закрытие ушел); манс. Турсуе лап-минас ‘Голос=его потерялся’. Ухудшение состояния зрения фиксируется глаголом лáп увты ‘затечь’: Семуэл лáп увсайуэн ‘Глаза=ее заплыли’ (затекли).

ФС, обозначающее переход от жизни к смерти, включает многозначный глагол хант. мáнты, манс. минуукве и обозначает движение прочь, к морю, вниз по течению, в южные земли, то есть в иные миры: хант. каз. Лýлэс мáйнэс ‘Он умер’ (букв.: дыхание=его ушло); Па тóрэма ци мáйнэс ‘Умер’ (букв.: ушел в другой мир); Щорэса мáйнэс ‘Умер’ (букв.: отправился к морю); Ув са мáйнэс ‘Умер’ (букв.: ушлыл по течению); Морты мýва мáйнэс ‘Умер’ (букв.: к южной земле ушел); шур. Хáжа мýва касэлты ‘Умереть’ (букв.: на землю мертвых переехать); хант.

приур. *Лэпэк велты мйнэс* ‘Он умер’ (букв.: ушел добывать песцов); манс. *Лылытэ минас* ‘Умер’ (букв.: душа ушла); *Мот м̄ нупыл минас* ‘Умер’ (букв.: в сторону иного места ушел); *Хотталь с̄ялтыс* ‘Умер’ (букв.: куда-то (в иной мир) вошел); *Мот м̄н аквай та м̄инас* ‘Умер’ (букв.: безвозвратно ушел в иной мир) [Иванова 2014: 172].

В социальной сфере движение по направлению к абстрактному ориентиру трактуется как положительная ситуация. ММ «Идти навстречу явлению социальной жизни → вступить в определенные отношения / вызвать какую-л. положительную реакцию в социуме» представлена единичными примерами: *Лаймән-кэшән хө вөлты нөптәл уйән йэцалт йицлы* ‘Трудолюбивому человеку удача всю жизнь навстречу идет’ (букв.: к мужчине с топором-ножом удача навстречу идет).

Глаголы движения могут использоваться также в разных фразеологизированных конструкциях, в которых и субъект, и директив-финиш выражаются неизосемически, например: [*Ин икэлән на йөшәл ләп вўсы.*] *Иса кўтән вана ци йухтәс* ‘[И этот мужчина перегородил ему дорогу.] Разозлился он’ (букв.: промежуток=их к короткому пришел). Базовой для данного высказывания является конструкция с семантикой характеристики ‘промежуток короткий’, в которой позиция предиката выражается именем прилагательным *ван* ‘короткий’. В хантыйском языке для выражения изменения качества используется структура, по форме совпадающая с конструкциями движения: сказуемое – это глагол движения, а прилагательное в форме дательного-направительного падежа занимает позицию директива-финиша. В позиции субъекта стоит нарицательное имя существительное *кўтән* ‘промежуток’, в позиции директива-финиша – прилагательное. Такое выражение обозначает, что расстояние между людьми чрезмерно укоротилось, уменьшилось, что привело к раздражению и злобе.

Таким образом, в конструкциях типа «кто движется куда» метафора возникает на основе неизосемического заполнения позиций субъекта и директива-финиша. Если в прототипических конструкциях движения подразумевается одушевленный субъект, то в метафорических моделях это может быть абстрактное имя существительное с семантикой того или иного состояния или соматизм. В позиции, обозначающей конечную точку движения, вместо названия географического пространства может также стоять соматизм, указывающий на то, что движение замкнуто внутри самого субъекта, переживающего ту или иную эмоцию. Переход из одного физиологического состояния в другое, от жизни к смерти сопровождается указанием на запретные пространства, не освоенные человеком, неведомые ему. Таким образом, конструкции, прототипически предназначенные для выражения движения по направлению к конечной точке, в физиологической, эмотивной, интеллектуальной и социальной сферах передают значение перехода из одного состояния в другое, приобретение нового качества.

б) Движение из начальной точки. Переход в новое состояние может передаваться также ММ, в основе которой лежит представление о движении изнутри наружу: «выйти из пространства какого-л. эмоционального / ментального / физического состояния → испытывать (интенсивно) какое-л. эмоциональное (обычно негативное) / ментальное / физическое состояние», которые обладают теми же самыми характеристиками, которые описаны для предыдущей группы.

В состав таких сочетаний входят глаголы хант. каз. *етты* ‘выходить, исходить’, *м̄нты* ‘уйти’, *н̄ухлэты* ‘шевелнуть, сдвинуться’. Субъектную позицию занимают наименования эмоций, таких как злость, ненависть, или соматизмы – чаще всего *с̄м* ‘сердце’, например: хант. каз. *с̄м=// м̄нты* ‘испугаться’ (букв.: сердце уйти); *с̄м=// н̄ухлэты* ‘встревожиться’ (букв.: сердце шевелнуться, сдвинуться); хант. шур. *Щиты пакәнсәм, на с̄мем унәл ус элты ким х̄йц навәрмәс* ‘Так я испугалась, и сердце=мое из рта чуть не выпрыгнуло’; *С̄мем х̄йц ким р̄кәнәл* ‘Сердце=мое чуть не выпадает наружу’ (о состоянии страха) [Вальгамова и др. 2010: 137]; хант. сург. *С̄мхән т̄вәтат йтлэхән* ‘Из глаз пламя выходит’ (букв.: глаза огнем исходят; об агрессивном поведении человека; интенсивность передается агенсом *т̄вәт* ‘огонь’); манс. *Ты н̄э руманэ́тэ лавыл н̄э́лытэ* ‘Эта женщина ненавидит подругу’ (букв.: ненавистью выходит); *Н̄э́лы сыме лавыл н̄э́лы* ‘Ненавидит (кто-либо кого-либо)’ (букв.: сердце=его ненавистью исходит); *Восьрамын кон ты паты* ‘Свиристует, неистовствует (кто-либо)’ (букв.: желчь=его вот-вот наружу выпадет) [Динисламова 2022: 19].

В интеллектуальной сфере данная модель обозначает отрицательную оценку речи человека, если она шокирует, приводит к прекращению общения: хант. шур. *Ўнәл н̄авәрән этәл*

‘Он чрезмерно много говорит’ (букв.: изо рта=его пена выходит) [Возелова 2024: 92]; *Путарэн хөн этлайэн, путар хөн этэл* ‘Беседа не получается’ (букв.: разговор не выходит).

Желание также выражается конструкцией, в которой отражается представление о выходе мысли наружу: *Мун эвалтава нумэс ат этэл, мәнлэв цив муй аң мәнлэв* ‘Мы должны выразить желание (букв.: от нас мысль пусть исходит), поедем туда или не поедем’.

По этой же модели описывается физическое состояние: хант. каз. *Лыҕэм ци этэс* ‘Я выжил’ (букв.: дыхание=мое вышло) – о состоянии радости и удовлетворения после испытанного потрясения.

Положительные эмоции ассоциируются также с движением чувств выше пояса: хант. каз. *Ши неун кутлэпэл элты мәнэл* ‘Эта женщина очень довольна’ (букв.: выше пояса идет).

Характеристика поведения человека в социальной сфере передается глаголами *этты* ‘входить’ и *лууты* ‘выходить’: *Иса ци кутэн аҕ этэл, аҕ луул* ‘Между тем как ни в чем не бывало ходит’ (букв.: просто выходит, просто входит; подразумевается, что субъект никак не реагирует на свое предшествующее поведение, которое осуждается).

Таким образом, для описания перехода из одного состояния в другое используется конструкция с прототипической семантикой движения внутрь или наружу, субъектом движения являются эмоции или соматизмы (наиболее частотный соматизм – ‘сердце’), которые могут входить или выходить из тела человека или перемещаться внутри него, что символизирует изменение состояния в разных сферах.

3) Третий структурный вариант содержит глагол движения в форме пассива, субъект называет лицо, испытывающее то или иное состояние или эмоцию, а название состояния или эмоции выражается существительным в форме местно-творительного падежа: хант. каз. *Ма ухэм олэмэн ци йухэтса* ‘Я захотел спать’ (букв.: голова=моя сном приходима); *Лүв ньхэн йухэтса* ‘Ему стало смешно’ (букв.: он смехом приходим); *Пәлтанэн па ци йухэтсайам* ‘Я опять испугался’ (букв.: страхом приходим); *Потам рүвэн элэм ци йухэтла* ‘Тело=мое охватило холодом’ (букв.: холодом приходимо); *Ма ньхтыян йухэтсайам* ‘Я чихнул’ (чиханием приходим); *Вөнтәр нитрәм пәлтәнән йухэтса* ‘Поясницу начало колоть’ (букв.: покалыванием приходим); *Төймәһсыйән йухэтса* ‘Он устал’ (букв.: усталостью приходим); *Ма шөкән йухэтсайам* ‘Мне стало лень’ (букв.: я ленью приходим); *Пирәцән йухэтты нитсайам* ‘Я стал стареть’ (букв.: старостью приходим стал); *Муй кем йөраҕ йухтэс, ци йүвэһтэс* ‘Сколько сил хватило (букв.: пришло), стрелял он’; манс. *Ам олмыл җтүвесум* ‘Я хочу спать’ (букв.: я сном приходим); *Атың хұл исмит тәгын – җрын җтавен* ‘Вкусную уху съешь – сила прибавится’ (букв.: придет); манс. *Ам олмыл җтүвесум* ‘Я хочу спать’ (букв.: я сном приходим).

Кроме специальных лексем, называющих те или иные разновидности состояний, в форме местно-творительного падежа может выступать слово со значением ‘шкура’ или неопределенное местоимение: хант. каз. *Щиты хулты па пәлты сухэн ци йухэтты нитса* ‘И так как-то ему стало становиться страшно’ (букв.: бояться шкурой приходим стал); хант. шур. *Атәм сухән йухэтса* ‘Он разозлился очень’ (букв.: плохой шкурой приходим) [Возелова 2024: 91]; манс. *Матарын җхтыглаве* ‘Раздражается (кто-либо)’ (букв.: что-то к нему приходит) [Динисламова 2022: 19].

Аналогично строятся предложения, в которых выражается желание или нежелание совершить то или иное действие: хант. каз. *Арән йухэтсайам* ‘Захотелось мне петь’ (букв.: я песней приходим).

Интеллектуальную деятельность передают следующие ФС: каз. *Имәлтыйән ма нумәсән ци йухэтсайам* ‘Однажды мне пришла мысль’ (букв.: я мыслью прийдён); манс. *Номтын җхтүвес* ‘Задумал он’ (букв.: мысль пришла).

Особенностью этого структурного варианта является неизосемическое кодирование ситуации движения, в которой движущимся субъектом выступает то или иное состояние или эмоция (смех, страх, чихание, усталость, старость и др.), а лицо является конечной точкой, к которой это движение направлено. Но иерархия одушевленности не позволяет в обско-угорских языках поставить в более высокую позицию обозначение неодушевленного предмета, поэтому в позиции подлежащего стоит название лица как конечной точки, а пассивная форма сказуемого указывает на «перевернутые» отношения между одушевленным предметом и воздействующими на него эмоциями или состояниями.

2. Метафора, в основе которой лежит представление о движении в вертикальной плоскости

1) ММ, в основе которой лежит представление о движении вниз: «опуститься в пространство какого-л. эмоционального / ментального / физического состояния → испытывать (интенсивно) какое-л. эмоциональное (обычно негативное) / ментальное / физическое состояние».

Отрицательные эмоции передаются при помощи глаголов падения: хант. каз. *питты* ‘падать’, *рйкэнтты* ‘упасть’, *кэритты* ‘упасть’, *илы лакнемэты* ‘провалиться’, *илы лакнемэты* ‘горевать’ (букв.: провалиться), *илы хйтэмэты* ‘скатиться’, *пйрыты* ‘сыпаться’, *посыты* ‘капать’, *мйнты* ‘уйти, опуститься’, *шөйлэты* ‘погрузиться’; манс. *патуункве* ‘падать’, *пасгуункве* ‘капать’, *ёл-рагатаункве* ‘упасть’, *ёл-патуункве* ‘упасть’, например: хант. каз. *Йошнэлам илы лакнемэсун* ‘Руки мои опустились’ (букв.: вниз провалились; о состоянии горя); *Семүэл кйлыён посылаун* ‘Покраснели глаза от злости’ (букв.: глаза кровью капают; интенсивность отрицательных эмоций выражена сочетаемостью глагола *посыты* с агенсом *кйлыён* ‘кровью’); хант. шур. *Лүв вени сэхэл лык, йл пйрыйэл* ‘У нее лицо злое’ (букв.: кожа ее лица злая, просто сыпется); манс. *Восьраме нас пāсги* ‘Свирепствует, неистовствует (кто-либо)’ (букв.: желчь=его так и капает); хант. шур. *Вени сохэл ил пйрыйэл* ‘Она злится’ (букв.: кожа лица сыпется); *Ин ими сймлы кэрийэс* ‘Женщина испугалась’ (букв.: без сердца упала); манс. *Сыме ёл рагатас (патыс)* ‘Испугался (кто-либо)’ (букв.: сердце=его вниз упало); *Пункен тйра паты* ‘Умный, сообразительный человек’ (букв.: в голову=его сразу падает) [Динисламова 2022: 16]; *Сяр нэматыр ул лавён, сымум ёл ты паты* ‘Совсем ничего мне не говорите, а то я расстроюсь’ (букв.: сердце мое упадет); *(Аквтон) мйн сялты* ‘Стыдится (кто-либо)’ (букв.: будто в землю входит); каз. хант. *Сймэл илы хйтэмэма* ‘Он обрадовался’ (букв.: сердце вниз скатилось).

Перечисленные глаголы обозначают также изменение физиологического состояния человека в отрицательную сторону: хант. каз. *Ин икэт ци пакэнсэт, олэмжал па ци рйкэнсэт* ‘Мужчины испугались, потеряли сон’ (букв.: сны их упали); *Ин икэв ёлпэл иса рйкнэс* ‘Мужчина совсем побледнел’ (букв.: внешность совсем упала); *Шйнк йиунка шөйлэты* ‘Очень сильно вспотеть’ (букв.: в пот погрузиться). Изменение состояния фиксирует также близкий по семантике глагол *йира рйкэнтты* ‘отпасть’: каз. *Наврэм сема пйтэс, мөшэл йира рйкэнэл* ‘Ребенок увидел глазами нечто необычное во время болезни’ (привиделось), значит, он выздоровеет’ (букв.: болезнь=его отпадет); манс. *Тыгыл тйрын вйглы* ‘Он скоро умрет’ (букв.: в озеро спустится; о старом человеке).

По этой же модели строятся предложения, передающие речь человека, которая в таких высказываниях может получать одобрительную оценку слушающего: хант. каз. *Лүв лупэм йаснэл тал мйва йн мйнэл* ‘На него можно положиться, он надежный’ (букв.: сказанные слова=его просто в землю не уйдут); *Йасэна-путэра шөйлэты* ‘увлечься беседой’ (букв.: погрузиться в слово-разговор).

В социальной сфере глаголы падения описывают негативно оцениваемые ситуации: манс. *Тав ёссырман патыс* ‘Она опозорилась’ (букв.: в стыд упала).

2) ММ, в основе которой лежит представление о движении вверх: «подняться в пространство какого-л. эмоционального / ментального / физического состояния → испытывать (интенсивно) какое-л. эмоциональное / ментальное / физическое состояние». Движение вверх связано как с отрицательными, так и с положительными чувствами. В мансийском языке состояние страха фиксируется как движение волос вверх: *Атанэ нōх-алмхатсыт (нōх-лйольсыт)* ‘Волосы встали дыбом’ (букв.: волосы=его вверх поднялись).

ФС, включающее в свой состав глагол хант. каз. *хүйлэты* ‘всплыть’, описывает чувство жалости: *Нумсэл хүйлэл* ‘Он сжалился’ (букв.: мысль=его всплыла); *Шальэл хүйлэс* ‘Пожалела она его’ (букв.: жалость=ее всплыла). Данный глагол обозначает также неодобрение пустых разговоров: *Пуй кйниэм тылцэл хүйлэс* ‘Болтает она, треплется’ (букв.: месяц=ее чесания зада всплыл).

Вертикальное движение вверх передают также глаголы хант. *нух рйкэнтты* ‘подпрыгнуть’ (букв.: вверх упасть), манс. *нох-лапуункве* ‘взойти, подниматься’, которые в составе ФС обозначают радость: хант. шур. *Щит йастамэл кемэн, сймем нох рйкнэс* ‘Когда она это сказала, я обрадовалась’ (букв.: сердце=мое вверх упало); манс. *Сыме нōх-лапи* ‘Счастливый, радостный человек’ (букв.: сердце=его вверх поднимается); *Таве касалым, сымум нōх-лапыс* ‘Его увидев, так

обрадовалась' (букв.: сердце мое вверх поднялось). Подъем сердца символизирует также счастье и удовольствие [Динисламова 2022: 20].

При помощи глаголов данной группы описывается также переход из одного физиологического состояния в другое: хант. каз. *Ма нух р'ак'анс'ам* 'Я проснулась'; *Эвие нух р'ак'н'ас* 'Девочка вздрогнула'; хант. сург. *С'ам'ам ц'а'ва'х'ул'ал* 'Тошнит' (букв.: сердце всплывает).

Начало нового события обозначается при помощи глагола хант. каз. *нух х'ув'л'аты* 'всплыть'. Он формирует уникальную ММ «всплыть / уйти в какое-л. жизненное негативное событие → переживать какое-л. негативное жизненное событие, какие-л. жизненные перипетии»: *М'ош-к'айиш нух х'ув'л'ал* 'Начнутся болезни' (букв.: болезнь-боль всплывает); *Ин ц'а'та на ц'и ат'ам вер нух ц'и х'ув'л'ас* 'Вот затем там и открылось' (букв.: всплыло) плохое дело'.

3. Метафора, в основе которой лежит представление о колебательном или вращательном движении

ММ, в основе которой лежит представление о колебательном или вращательном движении, описывает ситуацию «находиться в колебательном или вращательном движении в пространстве какого-л. эмоционального / ментального / физического состояния → испытывать (интенсивно) какое-л. эмоциональное (обычно негативное) / ментальное / физическое состояние».

Волнение человека, тревога, сомнения передаются в хантыйском языке глаголами *тор'ул'тый'ал'ты* 'волноваться' (букв.: трястись), *ара п'ер'ан'т'ты* 'наступать (топтать) в разные стороны'. Эти эмоции ассоциируются с представлениями о колебательных движениях сердца и др. органов: хант. каз. *Л'ув тор'ул'тый'ал* 'Он волнуется'; *А'ук'ем м'ан'ты п'ан'т й'эл'ний'эн тор'ул'тый'ал* 'Мама перед дорогой волнуется'; *Э'в'ем х'ул'на ара п'ер'ан'тал, м'ан'ал м'уй'ан'т'о* 'Дочь=моя еще сомневается (букв.: в разные стороны топчет), поедет или нет'; *Ма с'ам'ем н'ух'л'ас* 'Я встревожилась' (букв.: сердце=мое сдвинулось); манс. *К'а'та'гум нас т'ор'ы'г'та'ве'г* 'Действует на нервы (кто-либо)' (букв.: руки=мои будто так и трясет); хант. сург. *К'а'н'п'ак'ин'т'мин, ма и'х'н'ам л'а'п'а'х'ул'ал* 'От испуга у меня подбородок дрожит'; *С'ам тор'а'х'ул'ал* 'Сердце дрожит' (от страха, горя, испуга); *Ма с'ам'ам, н'а'ва'м т'ор'а'х'ул'ал* 'У меня сердце, тело трясется'; *С'ам'ем а'л тар'ый'ал* 'Сердце просто дрожит' (о состоянии испуга); хант. шур. *С'ам'ем т'ор'ый'ал* 'Я переживаю, нервничаю' (букв.: сердце=мое дрожит); манс. *С'умум нас тор'ги* 'Сердце=мое дрожит' (о состоянии страха).

Злоба человека передается скрежетом зубов: *П'е'ук'л'ал в'оп'и'ца а'л ц'и р'ыв'с'ат* 'Зубы просто стучат друг об друга' (букв.: вместе отскакивают; о состоянии злобы).

Положительные или отрицательные эмоции (в зависимости от контекста) передает глагол хант. каз. *пу'х'л'ам'т'ты* 'шевелиться': *С'ам'ем пу'х'л'ам'т'ас* 'Я испытываю радость или испуг' (букв.: сердце=мое шевельнулось).

По этой же модели строится ФС, обозначающее интеллектуальную деятельность: *Н'ум'с'ем л'а'р'ый'ал* 'Я постоянно думаю об одном и том же' (букв.: мысль=моя кружится).

Физиологическое состояние передает ММ с глаголом *н'ух'аты* 'шевелиться': *К'ур па'ул'ал х'ул'на н'ух'ал* 'Он только умер' (букв.: большой палец ноги еще шевелится).

4. Метафора, в которой отражается представление о трассе

Переосмысление трассы приводит к формированию переносных значений глаголов движения, которые передают положительные или отрицательные эмоции: ММ «пойти по хорошему, легкому пути → испытать положительные эмоции». Радость связана с представлением о движении сердца по маслу: *С'ы'ме в'ой'т о'ви* 'Радостно, приятно на душе (у кого-либо)' (букв.: сердце=его по маслу течет); *На'у ё'тын х'он'т'х'ат'су'мен, ты ур с'умум ан' в'ой'т о'ви* 'С тобой встретились, поэтому мне радостно' (букв.: сердце мое сейчас по маслу течет).

В социальной сфере осуждение, неодобрение избранного человеком образа жизни сопровождается указанием на неправильно выбранную дорогу: хант. каз. *А'мп й'о'ш, с'ав й'о'ш х'ув'ат ц'и м'ан'ас* 'По собачей дороге, по дороге сороки отправился' [Каксина 2017: 170]. В данном случае ММ имеет значение «пойти по неверному пути → вести себя неподобающим образом».

5. Метафора, в которой отражается представление о преграде

Еще одним важным компонентом пространственной ситуации, который также задействован в формировании переносных значений, является компонент «преграда», на основе которого формируется ММ «преодолеть преграду → нарушить те или иные социальные нормы поведения». Данная модель формируется глаголами хант. *шөшэмты* 'шагнуть', *шөпи навэрмэты* 'перепрыгнуть' и др.: хант. каз. *Сайлы-мухаллы войэн шөпи навэрмэлыён* 'Тебе станет лень работать' (букв.: животное без сердца-печени через тебя перепрыгнет); хант. шур. *Ащи ух, аңки ух шөпа ал вүниэ* 'Нужно прислушиваться к советам родителей' (букв.: через голову отца, голову матери не переходить); *Йайэн / опен ой эдты мандэн* 'Заберешь удачу / счастье у сестры / брата' (букв.: через счастье старшего брата / сестры перешагнешь; речь идет о запрете переступить через пояс, вещи брата; выходить замуж / жениться раньше старших). Такие поступки, как правило, отрицательно оцениваются в социуме.

Заключение

Наиболее многочисленная группа ФС представлена типом «движение – переход в новое состояние». Она формируется ФС, в состав которых входят глаголы, обозначающие движение в горизонтальной плоскости, направленное к конечной точке движения или, наоборот, из начальной точки движения. Для выражения этих смыслов чаще всего используются многозначные глаголы хант. каз. *йухэтты* 'прийти', манс. *ёхтуункве* 'прийти', хант. *мандты* 'идти, уйти', манс. *минуункве* 'идти, уйти' и др. Часть ФС совпадает в обоих языках, встречаются полные соответствия при передаче чувства страха, злобы, ненависти, при формировании мыслительной деятельности и физического состояния. Частные различия касаются представлений о форме проявления и причинах эмоций. Так, материал хантыйского языка показывает, что злость возникает при нарушении границы между людьми, короткое расстояние ведет к ссоре и злобе; в мансийском языке интенсивность злобы передается ее движением до печени. Представления о чувстве любви, привязанности совпадают: оно ассоциируется с движением внутрь сердца.

Мы полагаем, что анализ более обширного материала позволит уточнить наши представления о системе ММ движения хантыйского и мансийского языков. Однако уже имеющийся материал демонстрирует особенное представление этих этносов о движении и пространстве, физическом и идеальном, которое является частью их языковой картины мира.

Список сокращений

каз. – казымский диалект хантыйского языка; манс. – мансийский язык; приур. – приуральский диалект хантыйского языка; сург. – сургутский диалект хантыйского языка; шур. – шурышкарский диалект хантыйского языка; хант. – хантыйский язык

Список литературы

- Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1958. 227 с.
- Барыс-Хоо В. С. Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке: в сопоставительном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 23 с.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка: языки пространств. М., 2000. С. 277–288.
- Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты). Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
- Возелова Л. Г. Глагольные фразеологические единицы шурышкарского диалекта хантыйского языка // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 7. С. 89–94.
- Гусейн-Заде И. А. Метафора движения по вертикали в образной характеристике чувств и эмоций // Вестник Том. гос. ун-та. 2012. № 1 (5). С. 5–10.
- Динисламова О. Ю. Образ человека во фразеологической картине мира мансийского и русского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2022. 26 с.
- Долгова И. А. Метафорическая модель перемещения в пространстве: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 242 с.

Жорник Д. О, Харитонов В. С. Модель полисемии глагола *патуукв(е)* в мансийском языке // Материалы Всероссийской научно-практической конференции XIX Югорские чтения (1 декабря 2020 года, г. Ханты-Мансийск) «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации». Ханты-Мансийск, 2021. С. 91–109.

Ибрагимова В. Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1992. 167 с.

Иванова В. С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века). Санкт-Петербург: Алмаз-Граф, 2014. 282 с.

Каксина Е. Д. Голова как основной аспект соматического пространства человека в языковой картине мира хантов // Культура и время перемен. 2019. № 2 (25). URL: timekguki.esrae.ru/ru/41-452 (дата обращения: 28.02.2025).

Каксина Е. Д. Символическое значение образа дороги в фольклоре казымских ханты // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Ханты-Мансийск; Тюмень: ФОРМАТ, 2017. С. 161–175.

Кокошников О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке (в сопоставлении с русским): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 281 с.

Кокошников О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск, 2004. 144 с.

Надеина Л. В. Метафора движения и оценка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 1 (8). С. 116–119.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 141 с.

Тюнтешева Е. В. Метафорические модели фразеологических сочетаний с глаголами движения в алтайском и хакасском языках (в сравнительно-сопоставительном аспекте) // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 142–157.

Чугункова А. Н. Категория пространства в хакасском языке (в сравнительно-типологическом аспекте): Дис. ... д-ра филол. наук. Абакан, 2016. 345 с.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 250 с.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: Uni. Of Chicago Press, 1980. 242 p.

References

Balandin A. N., Vahrusheva M. P. *Mansiysko-russkiy slovar'* [*Mansi-Russian dictionary*]. Leningrad, Uchpedgiz, Leningr. otd., 1958, 227 p. (In Mansi and Russian)

Barys-Hoo V. S. *Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov dvizheniya v tuvinskom yazyke: v sopostavitel'nom aspekte* [*Lexico-semantic group of verbs of movement in the Tuvan language: in a comparative aspect*]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2006, 23 p. (In Russian)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Peremeshchenie v prostranstve kak metafora emotsiy* [Moving in space as a metaphor for emotions]. In *Logicheskii analiz yazyka: yazyki prostranstv* [*Logical language analysis: languages of spaces*]. Moscow, 2000, pp. 277–288. (In Russian)

Chudinov A. P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [*Metaphorical mosaic in modern political communication*]. Ekaterinburg, 2003, 250 p. (In Russian)

Chugunekova A. N. *Kategorija prostranstva v hakasskom yazyke (v sravnitel'no-tipologicheskome aspekte)* [*The category of space in the Khakass language (in the comparative-typological aspect)*]. Dr. philol. sci. diss. Abakan, 2016, 345 p. (In Russian)

Dinislamova O. Yu. *Obraz cheloveka vo frazeologicheskoy kartine mira mansiyskogo i russkogo yazykov* [*The image of a person in the phraseological worldview of the Mansi and Russian languages*]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2022, 26 p. (In Russian)

Dolgova I. A. *Metaforicheskaya model' peremeshcheniya v prostranstve* [*Metaphorical model of movement in space*]. Cand. philol. sci. diss. Samara, 2007, 242 p. (In Russian)

Guseyn-Zade I. A. *Metafora dvizheniya po vertikali v obraznoy kharakteristike chuvstv i emotsiy* [Metaphor of vertical motion as figurative characteristic of emotions]. *Vestnik Tom. gos. un-ta* [*Tomsk State University Journal*]. 2012, no. 1 (5), pp. 5–10. (In Russian)

Ibragimova V. L. *Semantika glagolov prostranstvennoy lokalizatsii v sovremennom russkom yazyke* [*Semantics of spatial localization verbs in modern Russian*]. Ufa, BSU, 1992, 167 p. (In Russian)

Ivanova V. S. *Lokal'nye osobennosti v obrjadnosti severnykh mansi (konec 19 – nachalo 20 veka)* [Local peculiarities in the rituals of the northern Mansi (late 19th – early 21st century)]. St. Petersburg, Almaz-Graf, 2014, 293 p. (In Russian)

Kaksina E. D. Golova kak osnovnoy aspekt somaticheskogo prostranstva cheloveka v yazykovoy kartine mira khantov [The head as the main aspect of the human somatic space in the linguistic picture of the Khanty world]. *Kul'tura i vremya peremen* [Culture and time of change]. 2019, no. 2 (25). URL: timekguki.esrae.ru/ru/41-452 (accessed 28.02.2025). (In Russian)

Kaksina E. D. Simvolicheskoe znachenie obraza dorogi v fol'klore kazymskikh khanty [The symbolic meaning of the road image in the folklore of the Kazim Khanty]. In *Problemy i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya korennnykh malochislennykh narodov Severa* [Problems and prospects of socio-economic and ethnocultural development of the indigenous peoples of the North]. Khanty-Mansiysk, Tyumen, FORMAT, 2017, pp. 161–175. (In Russian)

Kokoshnikova O. Yu. *Semanticheskaya struktura mnogoznachnogo glagola v khakasskom yazyke (v sopostavlenii s russkim)* [Semantic structure of polysemantic Khakass verbs (in comparison with Russian)]. Cand. Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2002, 281 p. (In Russian)

Kokoshnikova O. Yu. *Semanticheskaya struktura mnogoznachnogo glagola v khakasskom yazyke v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri* [Semantic structure of polysemantic Khakass verbs in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, 2004, 144 p. (In Russian)

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, Uni. Of Chicago Press, 1980, 242 p.

Nadeina L. V. Metafora dvizheniya i otsenka [Metaphor of movement and evaluation]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, 2011, no. 1 (8), pp. 116–119. (In Russian)

Teliya V. N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow, 1986, 141 p. (In Russian)

Tyuntseva E. V. Metaforicheskie modeli frazeologicheskikh sochetaniy s glagolami dvizheniya v altayskom i khakasskom yazykakh (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte) [Metaphorical models of phraseological combinations with verbs of movement in the Altai and Khakass languages (in a comparative aspect)]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics]. 2022, no. 2, pp. 142–157. (In Russian)

Val'gamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shiyanova A. A. *Dialektologicheskii slovar' khantyyskogo yazyka (shuryshkarskiy i priural'skiy dialekty)* [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Uralic dialects)]. Ekaterinburg, Basko, 2011, 208 p. (In Khanty and Russian)

Vozelova L. G. Glagol'nye frazeologicheskie edinity shuryshkarskogo dialekta khantyyskogo yazyka [Verbal phraseological units of the Shuryshkar dialect of the Khanty language]. *Vestnik filologicheskikh nauk* [Philological Sciences Bulletin]. 2024, vol. 4, no. 7, pp. 89–94. (In Russian)

Zhornik D. O., Kharitonov V. S. Model' polisemii glagola patuykv(e) v mansiyskom yazyke [The polysemy model of the verb pathukv(e) in the Mansi language]. In *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii XIX Yugorskie chteniya (1 dekab-rya 2020 goda, g. Khanty-Mansiysk) "Korennnye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'ne-go Vostoka: traditsii i innovatsii"* [Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference XIX Yugra readings (December 1, 2020, Khanty-Mansiysk) "Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations"]. Khanty-Mansiysk, 2021, pp. 91–109. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
09.03.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Валентина Николаевна Соловар – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела хантыйской филологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск, Россия)

Valentina N. Solovar – Doctor of Philology, Docent, Principal Researcher, Department of Khanty philology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, Russian Federation)

solovary@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4894-0117>

МОРФОЛОГИЯ

УДК 81'23, 81'367 + 811.512.212
DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-68-80

Перфективная и имперфективная формы глагола в эвенкийском языке

Е. Л. Рудницкая

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Аннотация

Обсуждается проблема перфективной и имперфективной основы в эвенкийском языке. Эти две основы, в частности, нужны для аспектуальной классификации глаголов по методике С. Г. Татевосова. Сравниваются аспектуальные свойства перфективной основы (глагольной основы без видовых показателей) и имперфективной основы (глагольной основы с показателем имперфектива). Привлекаются и другие деривационные показатели, при присоединении которых к основе меняются ее аспектуальные свойства. Исследуются свойства перфективных и имперфективных основ глаголов разных аспектуальных классов. Таким образом делается попытка апробировать методику С. Г. Татевосова применительно к языку с деривационным видом, каким является эвенкийский.

Ключевые слова

эвенкийский язык, морфология, глагол, аспектуальный показатель, аспектуальная классификация

Для цитирования

Рудницкая Е. Л. Перфективная и имперфективная основа в эвенкийском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 68–80. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-68-80

Perfective and imperfective verb bases in Evenki

E. L. Rudnitskaya

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

Abstract

This paper addresses perfective and imperfective verb bases in the Evenki language. This language is characterized by extensive verb derivation, with a specific marker signaling imperfective meaning. A verb stem lacking aspect markers is classified as a perfective base, while a stem incorporating an imperfective marker is classified as an imperfective base. For the aspectual classification of verbs using the method developed by S. G. Tatevosov, these two bases are necessary components of the analysis. Analysis using this method requires consideration of the aspectual properties of both perfective and imperfective bases in languages employing specialized aspectual markers, with Evenki being the example of such a language. Syntactic and interpretative testing underpins the aspectual classification, which is predicated on the properties of the two bases. The aspectual classification of verbs includes three primary categories: activities (processes), events, and states. Telicity and stativity constitute the principal parameters of classification. Unlike other languages with established aspectual classifications, including the Tungus language Nanai, Evenki exhibits a scarcity of atelic process verbs due to the near-universal telic interpretation of its perfective base. Additional derivational markers, for example, the durative marker, are also considered. Verb bases incorporating the durative marker may exhibit a process-oriented (imperfective) interpretation, regardless of the presence of an imperfective marker in the base. Hence, applying Tatevosov's theory to the Evenki language and attempting to manipulate perfective and imperfective bases reveals inherent difficulties that necessitate careful consideration.

© Е. Л. Рудницкая, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

Keywords

Evenki, morphology, verb, aspectual marker, aspectual classification

For citation

Rudnitskaya E. L. Perfektivnaya i imperfektivnaya formy glagola v evenkiyskom yazyke [Perfective and imperfective verb forms in Evenki]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 68–80. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-68-80

Введение: вид в эвенкийском языке

Предметом настоящей статьи является основа глагола в эвенкийском языке и ее дериваты, полученные с помощью словообразовательных суффиксов. В эвенкийском языке много глагольной видовой деривации [Василевич 1940; Горелова 1979; Константинова 1964; Bulatova, Grenoble 1999; Nedjalkov 1997; Болдырев 2007]. Выделяются следующие видовые показатели, и список этот неполный: DSPRS дисперсив *-ktA-*¹, ITER итератив *-wAn-* / *-wAt-*, DUR дуратив *-t-* / *-či-*, STAT статив *-čA*, IPFV имперфектив *-d'A*, DISTR дистрибутив *-t(i)-*, INCH инхоатив *-l*, INCER инцептив (или семельфактив) *-sin-* / *-hin-*², HAB хабитуалис *-ɲnA-* и др.

Л. М. Горелова отмечает, что имперфективный показатель *-d'A* – наиболее регулярный из всех перечисленных [Горелова 1979: 41], и поэтому она считает его словоизменительным, а не словообразовательным. Однако если использовать критерий обязательности грамматической категории В. А. Плунгяна [Плунгян 2003: 107], то *-d'A* следует признать деривационным³.

Проблема перфективной и имперфективной основы в очередной раз встает в связи с задачей построения аспектуальной классификации глаголов в эвенкийском языке. Такая классификация не проводилась, хотя ее элементы присутствуют в описании видов И. В. Недялкова [Nedjalkov 1997: 246–259]. Для проведения такой классификации с использованием методики С. Г. Татевосова необходимо предварительно фиксировать в исследуемом языке перфективную и имперфективную формы глагола. На данном этапе в эвенкийском языке появляются определенные трудности, к которым мы обратимся в настоящей статье.

1. Основа без видовых показателей (перфективная) и имперфективная основа

С. Г. Татевосов предлагает методику исследования акциональных классов глаголов, которая позволяет произвести акциональную классификацию глагольной лексики в типологически различных языках [Татевосов 2015, 2016]. Каждому эпизодическому употреблению глагола ставится в соответствие один из пяти типов ситуаций (эти типы задаются диагностическими контекстами): процесс⁴ ('бежать'), вхождение в процесс ('побежать'), состояние ('знать'), вхождение в состояние ('узнать'), мультипликативный процесс ('дрожать'). При этом событие ('прибежать') считается вхождением в состояние (когда X прибежал, возникает результирующее состояние 'X находится около говорящего'). Акциональная характеристика глагола складывается или

¹ Заглавные буквы типа *A* в *-ktA* используются для обозначения гласных в аффиксах, которые, подчиняясь нетривиальной разновидности закона гармонии гласных в эвенкийском языке, имеют по три варианта ([a], [ə], [o]), в зависимости от последнего гласного корня. Подробнее см. [Nedjalkov 1997: 314–315].

² Вариант с начальным *-h-* в *-hin-* / *-sin-* употребляется в северных и восточных говорах, а с *-s-* – в южных говорах [Василевич 1948: 12]; в восточных говорах начальное *-h* может выпадать (*-in*). Показатель *-hin-* / *-sin-* часто сокращается до *-h* / *-s* или *-hi* / *-si*, то есть конечное *-in* или *-n* в *-hin* / *-sin* также может выпадать. Возможна форма *-i* (в тех восточных диалектах, в которых выпадает начальное *-h*).

³ Считая показатель *-d'A* словоизменительным, мы признаем, что в случаях его отсутствия у глагольной основы всегда должна быть перфективная интерпретация, то есть она должна обозначать законченное действие. Но это неверно, ср. пример (2а), в котором может быть представлена основа глагола без видовых показателей. В (2а) представлена процессная (имперфективная) интерпретация: то, что он писал письмо два часа, не значит, что письмо было написано за эти два часа (хотя это часто подразумевается).

⁴ Процесс – термин С. Г. Татевосова. В дальнейшем мы употребляем терминологию С. Г. Татевосова, а не З. Вендлера [Vendler 1957]. Примерное соответствие этих двух терминологических систем: деятельность – непределенный процесс, достижение – предельный процесс, свершение – пунктив. См. также сноску 7.

из характеристик отдельных употреблений словоформ этого глагола в разных временных формах, или из характеристик дериватов одной основы⁵.

Все языки делятся на языки со словоизменительным и словообразовательным (деривационным) видом. В языке со словоизменительным видом для исследования акциональной характеристики берется глагол в так называемом «перфективном» и «имперфективном» времени – двух временах, в которых с наибольшей частотностью возникает перфективная и имперфективная интерпретации. «Перфективные» времена – это обычно прошедшее время или перфект, а «имперфективные» – настоящее время, имперфект, прогрессив. Пример языка со словоизменительным видом – английский. При описании акциональных характеристик глагола учитываются характеристики этих двух форм в диагностических контекстах.

В языках со словообразовательным видом типа русского перфективные и имперфективные глаголы являются отдельными лексемами, например, русские глаголы *читать* и *прочитать*. Поэтому акциональная характеристика дается не одному глаголу, а группе, включающей перфективный и имперфективный глаголы. Так, *читать* и *прочитать* попадают в одну группу глаголов с общей акциональной характеристикой. В эвенкийском языке, если считать вид деривационным, основы с *-d'A* и без *-d'A* также следует считать отдельными лексемами (что не всегда соблюдается в словарях).

Таким образом, в языке со словоизменительным видом акциональная характеристика присваивается лексеме и выводится из характеристик словоформ «перфективного» и «имперфективного» времени этой лексемы. В языке со словообразовательным видом берутся деривационно связанные лексемы совершенного и несовершенного вида, и акциональная характеристика присваивается группе из этих лексем.

Перфективной С. Г. Татевосов называет «наиболее перфективную» форму, то есть такую, которая в большинстве употреблений обозначает достижение предела. Такое решение носит практический характер (см. сноску 5): мы не можем наблюдать акциональные характеристики лексемы, а только грамматические формы слов в предложении.

Рассмотрим возможные интерпретации эвенкийской глагольной основы без видовых показателей. Событийная интерпретация должна возникать с обстоятельством завершенности (рус. *за две минуты*, *в две минуты*). В работе [Татевосов 2016: 178–179] вводится диагностический контекст для выявления процессной интерпретации: обстоятельство времени в форме аккумулятива (ср. рус. *две минуты*). При переводе предложений с такими обстоятельствами на эвенкийский используется или основа без видовых показателей, или основа с показателем имперфектива *-d'A*. Ср. (1a–б).

- (1) a. *volod'a t̚y̥i-ča-n* *ŋalə-l-wi* *d'ur* *m'inutə-du*
 Володя чистить-PST-3SG рука-PL-RFL два минута-DAT
 'Володя вытер руки за две минуты.'
- б. *volod'a t̚y̥i-(d'ə)-ča-n* *unta-l-b'i* *d'ur* *m'inutə-wə*
 Володя чистить-IPFV-PST-3SG обувь-PL-RFL два минута-ACC
 'Володя вытирал обувь две минуты.'

Можно ли считать перфективной формой глагольную основу без показателей (1a), а имперфективной – основу с показателем IPFV *-d'A* (1б)? И. В. Недалков утверждает, что основу глагола в эвенкийском следует считать нейтральной в аспектуальном отношении (*common*), а не перфективной [Nedjalkov 1997: 247]. Однако перфективная интерпретация основы без аспектуальных показателей очень частотна. В настоящей статье мы придерживаемся точки зрения О. А. Константиновой и Л. М. Гореловой, которые считают, что такой основе свойственна перфективная интерпретация [Константинова 1964: 163; Горелова 1979].

Перфективная форма может обозначать не только событие, как в (1a), но и процесс, как в (2a). В (2a) глагол *duku-* 'писать' обозначает ограниченный промежутком времени, но не приведший

⁵ Такое решение обусловлено проблемой непрямого доступа: непосредственному наблюдению доступны только акциональные характеристики отдельных форм, но не характеристика самой лексемы (лексема – абстрактная единица языка, а не единица живой речи).

к логическому пределу и результату процесс. В (2б) мы видим интерпретацию основы *duku-* как предельного процесса (события).

- (2) а. *niŋan dukuwun-ma d'ur čas-wə duku(-d'a)-ča-n*
 он письмо-ACC два час-ACC написать(-IPFV)-PST-3SG
 'Он (по)писал письмо два часа' {письмо не дописано} [элицитация].
- б. *niŋan dukuwun-ma d'ur čas-li duku(*-d'a)-ra-n*
 он письмо-ACC два час-PROL написать(-IPFV)-NFUT-3SG
 'Он написал письмо за два часа' {письмо дописано} [элицитация].

В (2а) у глагола *duku-* возможна как перфективная (без показателей), так и имперфективная (с показателем *-d'a*) основа. Обе эти основы интерпретируются как процесс. За то, чтобы считать основу глагола без видовых показателей перфективной, свидетельствует тот факт, что эта форма невозможна в наиболее важном для имперфективного значения контексте – актуально-длительном или процессном (3а-б).

- (3) а. *urə-duk əmə-rəki-m niŋan orn-*(d'i)-ča-n*⁶
 тайга-ABL прийти-CVB.COND-PS.1SG он учиться-IPFV-PST-3SG
 'Когда я приехал из тайги, он учился' [элицитация].
- б. *əmə-rək-wun imanna in-*(d'a)-ča-n*
 прийти-CVB.COND-PS.1PL снег таять-IPFV-PST-3SG
 'Когда мы приехали, снег таял' [элицитация].

Имперфективная основа *tukša-d'a-* в (4) с показателем имперфектива *-d'a* может иметь только интерпретацию процесса, но не события (вхождения в состояние).

- (4) *tukša-d'a-ča*
 бежать-IPFV-PTCP.ANT
 '(Он) бежал', *'(Он) прибежал / подбежал / убежал' [элицитация].

Таким образом, мы пришли к тому же выводу, что и Л. М. Горелова и О. А. Константинова: перфективная глагольная основа для эвенкийского языка – это основа без видовых показателей, а имперфективная – основа с показателем *-d'a*. Для другого тунгусского языка, нанайского, в котором аспектуальная классификация по методу С. Г. Татевосова уже проводилась, принято другое исходное предположение [Оскольская 2017: 155–156]: хотя в нанайском есть показатель имперфектива, по крайней мере часть нанайских глаголов допускает и перфективную, и имперфективную (актуально-длительную) интерпретацию основы в контексте (3а-б).

Некоторые основы (*xulə-* 'копать') в данном контексте интерпретируются и как перфективные ('Когда я приехал, он выкопал яму'), и как имперфективные ('Когда я приехал, он копал яму'), а некоторые (*buj-* 'умереть') – только как перфективные ('Когда я приехал, он умер (*умирал)'). Глагол *xulə-* 'копать' должен был бы анализироваться по методике языка со словоизменительным видом, а *buj-* 'умереть' – по методике языка со словообразовательным видом. Поэтому С. А. Оскольская считает, что в нанайском сочетаются признаки языка со словоизменительным и со словообразовательным видом. Такая смешанная методика делает данные по нанайскому языку сравнимыми с данными по другим языкам.

В нанайском языке, в котором, как и в эвенкийском, около десяти аспектуальных показателей, тем не менее нельзя выделить основы, соответствующие перфективной и имперфективной основе в языке типа русского. Значит, основанное на русском видовом противопоставлении определение языка со словообразовательным видом приложимо не ко всем языкам с богатой

⁶ В этом примере мы ставим не звездочку, а звездочку со знаком вопроса, потому что глагол без *-d'a* в данном контексте не является полностью неграмматичным. Носители говорят, что словоформа с *-d'a* более правильная, чем без *-d'a*.

деривацией. Представленные выше данные позволяют все же предположить, что в эвенкийском языке выделение перфективной и имперфективной основ возможно.

2. Анализ глаголов неопределенного процесса

В предыдущем пункте мы обосновали решение считать эвенкийский язык языком с деривационным видом. Мы зафиксировали две основы: перфективную (без видовых показателей) и имперфективную (с показателем имперфектива *-d'A*).

В классификации С. Г. Татевосова выделяется несколько базовых классов динамических глаголов. Они делятся на предельные и неопределенные: первые в перфективной форме обозначают вхождение в состояние (событие), а вторые – процесс. Предельные глаголы далее делятся на сильные и слабые⁷, а среди неопределенных можно выделить подвиды, связанные с инхоативной интерпретацией (вхождение в процесс).

При таком исходном предположении тест на принадлежность к группе сильных предельных глаголов в эвенкийском языке – это невозможность перфективной формы в контексте аккумулятивного обстоятельства длительности или в контексте с экспликацией незаконченности действия. Например, сильный предельный глагол *bu-* ‘дать’ допускает только имперфективную форму с обстоятельством времени в аккумулятиве (5а). В (5б) показан контекст с *i-* ‘войти’ с экспликацией незавершенности действия.

- (5) а. *Nuŋan* *buʔ(-t)ʰ*(-d'A)-ča-n* *omolgi-čan-du*
 он дать-DUR-IPFV-PST-3SG мальчик-DIM-DAT
pəktira-wun-mə *tunŋa* *minuta-wə*
 стрелнуть-NMLZ-ACC пять минута-ACC
 ‘Он давал мальчику ружье пять минут’ [элицитация].

- б. *nuŋan* *i*(-d'A)-čə-n* *d'u-l'a,*
 он войти-IPFV-PST-3SG дом-LOC
ə-mnə-n *i-rə*
 NEG-DER⁹-3SG войти-PTCP.NEG
 ‘Он входил в дом, (но) не вошел’ [элицитация].

В класс неопределенных глаголов (обозначающих процесс, не имеющий результата или естественного предела) в багвалинском, марийском и татарском языках входят такие глаголы, как ‘кружиться’, ‘идти (о дожде)’, ‘мучить’, ‘кашлять’, ‘бежать’, ‘жужжать’, ‘лететь’ [Татевосов 2016: 217]. У таких глаголов в перфективной форме имеется только процессная, но не предельная интерпретация: получается, что у них в обеих исследуемых формах нет предельной интерпретации.

В эвенкийском языке многие из данных глаголов являются слабыми предельными, как и «прототипические» слабые предельные глаголы, такие как ‘писать’ (см. (2а-б)) – к этой группе относятся глаголы движения. Такие глаголы без показателя *-d'A* могут интерпретироваться как события (предельные процессы), ср. (6а-б) с глаголами *dəg-* ‘лететь’ и *tuksa-* ‘бежать’. В (7а-б)–(9а-б) приведены данные по глаголам *tuŋna-* ‘мучить’, *tigdə-* ‘идти (о дожде)’, *karaj-* ‘заботиться’.

⁷ Сильным предельным глаголом С. Г. Татевосов называет глагол, который в перфективной форме не может интерпретироваться как процесс. Слабым предельным глаголом называется глагол, который в перфективной форме имеет и интерпретацию процесса, и вхождения в состояние (события).

⁸ В имперфективной словоформе также может быть показатель дуратива *-t / -či* – о нем см. п. 3.

⁹ Г. М. Василевич называет *-mnA* суффиксом вторичной основы глагола [Василевич 1958: 774], то есть суффиксом, образующим от глагольной основы другую глагольную основу с родственным, но отличным значением. Например, *ildu-* ‘дать займы’ → *ildu-mna* ‘оказать помощь’, *il-* ‘встать’ → *ili-mna* ‘поставить’. Подобные показатели вторичной основы, инвариант значения которых трудно установить, широко распространены в эвенкийском языке.

- (6) а. *ju-rəki-m* *dəyi dəy-ča-n* *d'u ojo-li-n*
 выйти-CVB.COND-1SG птица лететь-PST-3SG дом верх-PROL-PS.3SG
 ‘Когда я вышел, птица пролетела (#летела) над домом’ [элицитация].
- б. *tukša-ra-n*
 бежать-NFUT-3SG
 ‘(Он) прибежал (подбежал)’ [элицитация].
- (7) а. *si minə-wə muŋna-θ-nni*
 ты я.OBL-ACC мучить-NFUT-2SG
 ‘Ты меня замучил’ [элицитация].
- б. *si minə-wə muŋna-d'ə-θ-nni*
 ты я.OBL-ACC мучить-IPFV-NFUT-2SG ¹⁰
 ‘Ты меня мучишь’ [элицитация].
- (8) а. *ju-čal'a-m tigda-ča-n*
 выйти-CVB.LIM-1SG идти(о дожде)-PST-3SG
 ‘Когда я вышел, прошел (небольшой) дождь’, *‘Когда я вышел, шел дождь’ [элицитация].
- б. *əmə-čal'a-m tigda-d'a-ča-n*
 прийти-CVB.LIM-1SG идти (о дожде)-IPFV-PST-3SG
 ‘Когда я приехал, шел дождь’ [элицитация].
- (9) а. *nuŋan minə-wə karaj-ča-n* ¹¹
 он я.OBL-ACC заботиться-PST-3SG
 (А) ‘Он меня воспитал’, (Б) ‘Он обо мне заботился’ [элицитация].
- б. *nuŋan minə-wə karaj-d'a-ča-n*
 он я.OBL-ACC заботиться-IPFV-PST-3SG
 ‘Он обо мне заботился’ [элицитация]

Мы видим, что перфективная форма от всех трех глаголов имеет как минимум одно событийное осмысление. С нашей точки зрения, ‘прошел дождь’ в (8а) – это событие, так как дождь начался, шел и перестал. В (9а) перфективная форма *karaj-* может в одном из осмыслений (‘воспитать’) обозначать предельный процесс. Можно рассматривать эти значения как два отдельных глагола (предельный ‘воспитывать’ и неопредельный ‘заботиться’). Так, в [Татевосов 2016: 307] глаголы *писа́ть* и *дописа́ть* не считаются членами одной аспектуальной группы, потому что между ними не только аспектуальные, но и другие смысловые различия.

В работе [Татевосов 2016: 214] отмечается, что неопредельные глаголы движения, например, в марийском языке, могут иметь свойства предельных (синтаксическая предельность) при наличии у них обстоятельства, указывающего на конечную точку типа ‘в контору’. В примерах выше мы сталкиваемся с предельностью этих глаголов без дополнительного синтаксического контекста. По приведенным результатам получается, что неопредельных глагольных основ в эвенкийском почти нет. Примером такого глагола можно считать *tiŋina* ‘жужжать’ – жужжание вообще ни в какой ситуации не предполагает логического предела (кроме окончания):

¹⁰ В этом примере мы привели глоссирование *muŋna-d'a-ra-n* как ‘мучить-IPFV-NFUT-3SG’. Большинство исследователей считает, что показатели *-d'A* и *-rA* грамматикализуются в один показатель *-d'ArA* со значением настоящего времени (PRS). В работе [Морозова, Рудницкая 2022] высказываются аргументы против полной грамматикализации данного сочетания. В настоящей работе *-d'ara* рассматривается как имперфективная основа, состоящая из двух показателей. Если заменить *-rA* на показатель прошедшего времени *-čA*, интерпретации предложений будут аналогичные.

¹¹ Заимствование из якутского (*haraj-*).

- (10) *d'uɣu.ktu* *tiɣina-rə-n* *dəɣi-l-lə-n*
пчела жужжать-NFUT-3SG лететь-INCH-NFUT-3SG
'Пчела прожужжала (#зажужжала) и улетела' [элицитация].

В корпусах рассказов для глаголов движения выявлены похожие закономерности. Например, у глагола *tukša-* 'бежать (о человеке)' встречаются осмысления 'прибежать', 'подбежать', 'убежать'; у *hukti-* 'бежать (о животном)' – осмысления 'побежать', 'убежать', 'бежать'; у *dəg-* 'лететь' – осмысления 'лететь', 'полететь', 'прилететь', 'подлететь' и т. д.

- (11) а. *əwa* *amaški* *tukša-o-š?*
почему назад бежать-NFUT-2PL
{Наши мужья спрашивают:} 'Почему вы прибежали обратно?' [корпус INEL].

б. *hilba-kal* *min-du* *ud'a* – *i-tiki*
показать-IMPER.2SG я.OBL-DAT дорога где-ALL
bi *tukša-d'a-m*
я бежать-FUTCNT-1SG
'Покажи мне дорогу, по которой я убегу!' {Девочка спасается от Бабы Яги} [корпус INEL].

в. *tukša-ra-wun* *tādū ... in-d'a-rə-n*
бежать-NFUT-1PL(EXCL)там жить-IPFV-NFUT-3SG
ješ'o *tiha-ktā-d'a-rə-n*
еще плыть-DSPRS-IPFV-NFUT-3SG
'Подбежали мы, там он живет еще, плавает...' {о медведе}[корпус].

Осмысление 'бежать' (процесс) возникает редко: или при элицитации в контексте аккумулятивного обстоятельства (12а), или в контексте долго продолжающегося действия (найденно только для другого глагола *asa-* 'гнать' (12б)).

- (12) а. *nuɣan* *goro-wo* *tukša-ča*
он далекий-ACC бежать-PTCP.ANT ¹²
'Он долго бежал' [элицитация].

б. *həta-n* *asa-ra-n* *asa-ra-n*
прыгать-NMLZ гнать-NFUT-3SG гнать-NFUT-3SG
'Вскачь гнал, гнал' {Муж рассказчицы с собакой так и не догнал медведя} [корпус].

Таким образом, большинство глаголов движения и многие другие глаголы, которые в других исследованных языках попадают в класс неопределенных, в эвенкийском языке являются предельными. Эта закономерность свидетельствует в пользу того, что глагольная основа без видовых показателей является перфективной.

3. Показатель дуратива *-t / -č'i* и его соотношение с перфективной и имперфективной основами

В пилотном эксперименте носители иногда давали перевод (русской) имперфективной основы в стимульных предложениях с аккумулятивным обстоятельством с показателем *-t / -č'i*, а не с имперфективным показателем *-d'A*. Например:

- (13) а. *nuɣan* *i-t-tə-n* ¹³ *d'u-la* *d'ur* *minutə-wə*
он войти-DUR-NFUT-3SG дом-LOC два минута-ACC
'Он входил в дом две минуты' [элицитация].

¹² Причастия в эвенкийском языке могут функционировать как финитные глаголы [Калинина 2001].

¹³ Как вариант, носители указывают словоформу *i-t-čə-ča* войти-DUR-IPFV-PTCP.ANT 'входил' с показателями *-d'A* и *-t / -č'i*.

б. <i>nuɣan uyiri-t-tə-n</i> 3SG поднять-DUR-NFUT-3SG 'Он поднимал ведро две минуты' [элицитация].	<i>wədro-wə</i> ведро-ACC	<i>d'ur</i> два	<i>minuta-wə</i> минута-ACC
в. <i>kuɣakan ukčə-t-tə-n</i> ребенок ломать-DUR-NFUT-3SG 'Ребенок ломал игрушку (целый) час' [элицитация].	<i>əwikan-mə</i> игрушка-ACC	<i>umun</i> один	<i>čas-wə</i> час-ACC

Из примеров (13 а, б, в) ¹⁴ мы заключаем, что основа с *-t / -či* обозначает процесс, а не событие: это диагностический контекст для процессной интерпретации. Основа с *-t / -či* перфективная или имперфективная? Если имперфективная, то придется считать не одну, а две глагольные основы имперфективными: с *-t / -či* и с *-d'A*. Если перфективная, то данные глаголы будут считаться слабыми предельными, в то время как по крайней мере глагол *i-* 'входить' по результатам исследованных по методике С. Г. Татевосова языков – кандидат в класс сильных предельных глаголов. В (5б) показано, что перфективная форма *i-* невозможна в контексте эксплицирования незаконченности действия, а в (14а) видно, что для *i-*, как и для *bu-* 'дать' в (5а), перфективная форма невозможна в конструкции с аккузативным обстоятельством времени. (14б) в сравнении с (13б) показывает, что форма с *-t / -či* заменима на форму с *-d'A*:

(14) а. <i>*nuɣan i-rə-n</i> он войти-NFUT-3SG 'Он входил в дом две минуты' [элицитация].	<i>d'u-la</i> дом-LOC	<i>d'ur</i> два	<i>minutə-wə</i> минута-ACC
б. <i>nuɣan uyiri-čə-rə-n</i> он поднять-IPFV-NFUT-3SG 'Он поднимал ведро две минуты' [элицитация, тот же носитель, что (13б)].	<i>wədro-wə</i> ведро-ACC	<i>d'ur</i> два	<i>minuta-wə</i> минута-ACC

Не вдаваясь в семантику *-t / -či*, на которую у исследователей нет единой точки зрения ¹⁵, заметим, что в корпусах этот показатель выглядит как нейтральный по перфективности. Исследователи отмечают, что *-t / -či* во многих случаях – деривационный показатель без четко определенного значения: для дериваций в (15а-д) трудно найти общий инвариант. В (16а-б) из корпуса с *-t / -či* подразумевается множественное действие (с несколькими субъектами), но не процесс. Примеры, в которых, словоформа с *-t / -či* и без *-d'A* имеет процессную интерпретацию, в корпусе также найдены, см. (17б) в сравнении с (17а).

(15) а. <i>təgə-</i> 'сесть' → <i>təgə-t-</i> 'сидеть' [Болдырев 2007: 607–612; Мыреева 2004]
б. <i>ɣəl'ə-</i> 'испугаться' → <i>ɣəl'ə-t-</i> 'бояться'
в. <i>buri</i> 'выронить' → <i>buri-t-</i> 'ронять (листья, перья, шерсть)'
г. <i>anɣə-</i> 'ночевать' → <i>anɣə-t-</i> 'ночевать, спать'
д. <i>əti-</i> 'разорвать' → <i>əti-t-</i> 'порвать, вырвать, оторвать, оборвать'

¹⁴ Все эти примеры объединены тем, что описываемый процесс чрезмерно затянут. На вопрос о том, чем отличаются формы с показателями *-d'A* и *-t / -či*, носители отвечают, что формы с *-d'A* более нейтральны, а формы с *-t / -či* предполагают, что действие производилось недостаточно хорошо для достижения результата, например:

(i) а. <i>nuɣan i-t-tə-n – i-t-tə-n</i> он войти-DUR-NFUT-3SG дом-LOC два час-ACC 'Он входил в дом два часа, так и не вошел' [элицитация].	<i>d'u-la</i> дом-LOC	<i>d'ur</i> два	<i>čas-wə</i> час-ACC	<i>əčə-dat</i> NEG-FOC	<i>i-rə</i> войти-PTCP.NEG
б. <i>nuɣan i-d'ə-rə-n</i> он войти-IPFV-NFUT-3SG дом-LOC два час-ACC 'Он входит в дом две минуты' [элицитация].	<i>d'u-la</i> дом-LOC	<i>d'ur</i> два	<i>minutə-wə</i> минута-ACC		

¹⁵ Есть несколько точек зрения на значение показателя дуратива *-t / -či*: он обозначает (ограниченно) продолженный вид [Константинова 1964: 164–165, Горелова 1979: 51]; основным его значением является результативное [Болдырев 2007: 607–612], например, в (15а-б); *-t / -či* – вид «краткости, действительности» действия [Василевич 1958: 790]. Последнее определение не связывает *-t / -či* с перфективностью или имперфективностью, или результативом, однако упоминает параметр длительности. В (15г), например, значения производной основы и деривата идентичны, тут подходит только определение Г. М. Василевич.

- (16) а. *kətə omolgi-l min-tiki əmə-do-wər*
 много юноша-PL я.OBL-ALL прийти-CVB.PURP-RFL.PL
n'ikə-ŋki-tin, hokto-du bu-t-tə-ø.
 собираться-PSTITER-3PL дорога-DAT умереть-DUR-NFUT-3PL
 'Ко мне пытались приезжать многие юноши, но они погибли по дороге' [корпус INEL].

- б. *doktor luča-l hulyapti-r'-wa-tin*
 доктор русский-PL принести в жертву-NMLZ.INST-ACC-PS.3PL
n'odu-ra-ø, hal-wa-tin toyo-du ili-t-a-ø
 бросить-NFUT-3PL часть-ACC-PS.3PL огонь-DAT сжечь-DUR-NFUT-3PL
 'Русские доктора побросали жертвы, некоторые сожгли на огне' [корпус INEL].

- (17) а. *ami-m ičə-t-tə-n tər=kə*
 отец-PS.1SG видеть-DUR-NFUT-3SG тот=FOC
mōtī nuŋan-dulā-n hukti-d'ə-rə-n
 лось 3SG-LOC-PS.3SG бежать (о животном)-IPFV-NFUT-3SG
 'Отец посмотрел: тот-то лось на него бежит' [корпус].

- б. *goro-di-wə ičə-t-tə-w mǎ-r-wər*
 долгое.время-ATR-ACC видеть-DUR-NFUT-1PL(EXCL) RFL-PL-ACC.RFL.PL
 'Долгое время смотрели друг на друга' [корпус].

Глагол с показателем *-t / -čī* в корпусе также может переводиться настоящим историческим временем глагола, ср. (18а-б).

- (18) а. *nuŋan bodo-wu-t-tə-n oror-wo*
 он следовать-CAUS-DUR-NFUT-3SG олень-ACC
 'Он ведет оленей' (настоящее историческое) [корпус].

- б. *bi guni-čī-Ø-m*
 я сказать-DUR-NFUT-1SG
 'Я говорю: ...' (настоящее историческое) [корпус].

При элицитации были получены дополнительные примеры (19а-б):

- (19) а. *ukčə-wu-t-tə-n*
 ломать-PASS-DUR-NFUT-3SG
 'Ломался (один раз, когда-то)' {о буране, ответ на вопрос, ломается ли буран} [элици-
 тация].

- б. *nuŋan simki-t-tə-n*
 он кашлять-DUR-NFUT-3SG
 'Он покашлял' [элицитация].

Если в (19а) употребление глагола с *-t / -čī* неэпизодическое, то в (19б), как кажется, имеется в виду мультипликативный процесс. Таким образом, показатель дуратива является проблемой для применения акциональной анкеты.

В аспектуальной анкете исследование можно ограничить «неосложненной» перфективной и имперфективной основами, не учитывая «дополнительные» основы с другими аспектуальными показателями. Возможно, такое решение и следует принять, хотя оно не подходит для языка с богатой деривацией. Это решение также расходится с решением С. А. Оскольской в нанайском языке [Оскольская 2017]. Как уже говорилось в конце п. 1, С. А. Оскольская полагает, что если данная основа без видовых показателей принимает то или иное аспектуальное значение, она рассматривается сама по себе, а если это аспектуальное значение не найдено у данной основы, основа рассматривается вместе с некоторым видовым показателем, с тем, с которым у нее есть нужное аспектуальное значение. Мы же предлагаем рассматривать основу без видовых

показателей и основу с показателем имперфектива, не рассматривая больше никакие видовые показатели.

Есть и эмпирические данные против такого подхода. Например, у глаголов *od'o-* 'экономить' и *simki-* 'кашлять', как показано в (20) и (21), имперфективная основа образуется с помощью *-t / -či*, а перфективная – с помощью *-hin / -sin*¹⁶. Употребление этих основ без этих видовых показателей не зафиксировано ((20а,в) и (21а,в))¹⁷.

(20) а. **niŋan simki-ra-n*
он кашлять-NFUT-3SG
подр. 'Он кашлял', 'Он кашлянул'
[элицитация].

б. *niŋan simki-in-a-n*
он кашлять-INCEP-NFUT-3SG
'Он кашлянул' [элицитация].

в. **niŋan simki-d'a-ra-n*
он кашлять-IPFV-NFUT-3SG
подр. 'Он кашляет' [элицитация].

г. *niŋan simki-t-ča-ra-n*
он кашлять-DUR-IPFV-NFUT-3SG
'Он кашляет' [элицитация].

(21) а. **niŋan od'o-ro-n*
он экономить-NFUT-3SG
подр. 'Он экономил', 'Он сэкономил'
[элицитация].

б. *niŋan od'o-in-a-n* [элицитация]
он экономить-INCEP-NFUT-3SG
'Он сэкономил' [элицитация].

в. **niŋan od'o-d'o-ro-n*
он экономить-IPFV-NFUT-3SG
подр. 'Он экономит' [элицитация].

г. *niŋan od'o-t-čo-ro-n / od'o-t-to-n*
он экономить-DUR(-IPFV)-NFUT-3SG
'Он экономит' [элицитация].

Кроме того, методика С. Г. Татевосова для языка со словоизменительным видом предполагает, что аспектуальная характеристика дается не видовым парам, а множествам родственных между собой глаголов, между которыми есть (только) аспектуальные различия, например, в (22а-б).

(22) а. [написать, пописать, писать] [P, ES; P]¹⁸ [Татевосов 2016: 315]
б. [запеть, спеть, попеть, запевать, петь] [EP, ES, P; P] [Там же: 329]

Если следовать данному принципу, дериваты глагольной основы со всеми аспектуальными показателями и их комбинациями должны учитываться (см. также [Оскольская 2017: 161 и далее]). Действительно, если взять неосложненную основу и родственную ей основу с показателем *-t / -či* (15а-б) или *-ča* (стативный вид, (23а-б)), мы получаем группы родственных глаголов с инцептивно-стативной характеристикой. Группа из неосложненной основы и основы с показателем *-hin / -sin* (23в-г) характеризуется как двупредельная.

(23) а. *d'on-* 'вспомнить' → *d'on-ča-* 'помнить'
б. *awla-* 'надеть шапку' → *awla-ča-* 'быть в шапке'
в. *tuksa-* 'бежать, прибежать, подбежать' → *tuksa-hin-* 'убежать, побежать'
г. *aŋa-* 'гнать, прогнать' → *aŋa-hin-* 'прогнать, погнаться'

В этой связи встает вопрос и о показателе инхоатива *-l*, родственном нанайскому показателю *-lo / -lu*. С. А. Оскольская излагает аргументы против того, чтобы учитывать дериваты с *-lo / -lu* в акциональной классификации: (а) то, что этот показатель регулярен; (б) то, что он всегда меняет акциональный класс (процесс → вхождение в процесс, состояние → вхождение в состояние); (в) то, что он переводит некоторые глаголы из класса состояний в класс процессов (состояние → процесс) [Оскольская 2017: 171–173]. По нашим данным, последний аргумент для эвенкийского языка не совсем верен, потому что в этом случае исходный глагол 'состояние'

¹⁶ Вслед за грамматикой [Nedjalkov 1997], в работе [Рудницкая, в печати] отмечается, что *-hin / -sin* в эвенкийском языке – показатель семейфактива.

¹⁷ Хотя в других диалектах основы типа (20а) и (20в) зафиксированы.

¹⁸ P, ES, EP и др. – обозначения аспектуальных типов ситуаций, см. список сокращений.

омонимичен существительному: *aktira* ‘темнота’, ‘темный’ → *aktira-l-* ‘темнеть’ (ср. *hawa* ‘работа’ → *hawa-l-* ‘работать’). Так что показатель *-l* в таких словах – это, вероятно, омонимичный инхоативному показатель вербализации¹⁹.

Заключение

В данной статье эвенкийский язык был рассмотрен с точки зрения аспектуальной классификации глаголов. Были приведены промежуточные результаты применения аспектуальной классификации по методике С. Г. Татевосова к эвенкийскому языку, показаны плюсы и минусы этой методики. Мы пришли к выводу, что данная методика только частично применима к эвенкийскому языку. С. Г. Татевосов создавал свою методику для языка с деривационным видом на материале русского языка, и эта методика прошла апробацию только на материале нанайского языка (языка с большим количеством деривационных показателей, так же как и эвенкийский язык). Как и С. А. Оскольская, мы полагаем, что данная методика нуждается в модификации, чтобы получить все те классы, которые были получены С. Г. Татевосовым на материале языков со словоизменительным видом.

Список условных обозначений

1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ALL – аллатив; ANT – (причастие) предшествования; ATR – атрибутив; CAUS – каузатив; COND – (конверб) условия; CVB – конверб (деепричастие); DAT – датив; DISTR – дистрибутив; DSPRS – дисперсив; DUR – дуратив; EP – вхождение в процесс; ES – вхождение в состояние; EXCL – эксклюзивное (множественное число); FOC – фокусная частица; FUTCNT – непосредственно будущее (время); HAB – хабитуальное (причастие); IMPER – императив; INCEP – инцептив (вид); INCH – инхоатив (вид); INST – инструментальная (номинализация); IPFV – имперфектив (вид); ITER – итератив (вид); LIM – лимитативное (деепричастие); LOC – локатив (падеж); MP – мультипликативный процесс; NEG – отрицательное (причастие); NFUT – небудущее (время); NMLZ – показатель номинализации; OBL – косвенная (основа); P – процесс; PASS – пассив; PL – множественное число; PROL – пролатив (падеж); PS – посессивный (аффикс); PST – прошедшее (время); PSTITER – прошедшее итеративное (время); PTCP – причастие; PURP – (конверб) цели; RFL – рефлексив; S – состояние; SG – единственное число; STAT – статив (вид).

Список литературы

- Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка / Под ред. В. А. Роббека. Новосибирск: Наука, 2007. 477 с.
- Василевич Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Учпедгиз, 1940. 195 с.
- Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Учпедгиз, 1948. 352 с.
- Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1958. 802 с.
- Горелова Л. М. Категория вида в эвенкийском языке / Под ред. М. И. Черемисиной. Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
- Калинина Е. Ю. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 221 с.
- Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964. 274 с.
- Морозова О. Н., Рудницкая Е. Л. Аорист в эвенкийском языке // Малые языки в большой лингвистике. Вып. 4 / Под ред. И. А. Хомченковой. М.: Буки-веди, 2022. С. 222–240.
- Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук / Под ред. В. А. Роббека. Новосибирск: Наука, 2004. 796 с.
- Оскольская С. А. Аспект в нанайском языке: Дис. канд. ... филол. наук. СПб: ИЛИ РАН, 2017. 420 с.
- Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: УРСС, 2003. 383 с.

¹⁹ Г. М. Василевич выделяет два омонимичных показателя *-l* – показатель номинализации и инхоативный показатель [Василевич 1958: 765–766].

Рудницкая Е. Л. Особенности семelfактива в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. № 11 (2). С. 101–112.

Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015. 368 с.

Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016. 555 с.

Bulatova N., Grenoble L. *Evenki (Languages of the world / Material 141)*. München: Lincom Europa, 1999. 67 p.

Nedjalkov I. *Evenki*. London; New York: Routledge, 1997. 344 p.

Список источников

Корпус – Малые языки России. Эвенкийский корпус / Создан Е. Л. Клячко (2010–2023 гг.). URL: <https://minlang.iling-ran.ru/corpora/evenki>, <http://gisly.net/corpus/>

Корпус INEL – Däbritz C. L., Gusev V., Stoyanova N. 2024. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D>, <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/EvenkiCorpus/search>. In: The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>

References

Boldyrev B. V. *Morfologiya evenkiyskogo yazyka [Morphology of the Evenki language]*. Novosibirsk, Nauka, 2007, 477 p. (In Russian)

Bulatova N., Grenoble L. *Evenki (Languages of the world/Material 141)*. München, Lincom Europa, 1999, 67 p.

Gorelova L. M. *Kategoriya vida v evenkiyskom yazyke [Aspect category in the Evenki language]*. Novosibirsk, Nauka, 1979, 120 p. (In Russian)

Kalinina E. Yu. *Nefinitnye skazuemye v nezavisimom predlozhenii [Non-finite predicates in matrix sentences]*. Moscow, ILS RAS, 2001, 221 p. (In Russian)

Konstantinova O. A. *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya [Evenki. Phonetics. Morphology]*. Moscow, Nauka, 1964, 274 p. (In Russian)

Morozova O. N., Rudnitskaya E. L. Aorist v evenkiyskom yazyke [Aorist in the Evenki language]. In *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike [Minor languages in general linguistics]*. Moscow, Buki-vedi, 2022, vol. 4, pp. 222–240. (In Russian)

Myreeva A. N. *Evenkiysko-russkiy slovar' [Evenki-Russian vocabulary]*. Novosibirsk, Nauka, 2004, 796 p. (In Russian)

Nedjalkov I. *Evenki*. London – New York, Routledge, 1997, 344 p.

Oskol'skaya S. A. *Aspekt v nanayskom yazyke [Aspect in Nanai]*. Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, ILS RAS, 2017, 420 p. (In Russian)

Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku [General morphology. Introduction to problematics]*. Moscow, URSS, 2003, 383 p. (In Russian)

Rudnitskaya E. L. Osobennosti semel'faktiva v evenkiyskom yazyke [Special features of semelfactive in Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and applied linguistics]*, 2025, no. 11 (2), pp. 101–112. (In Russian)

Tatevosov S. G. *Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya [Actionality in vocabulary and grammar]*. Moscow, LRC Publishing House, 2015, 368 p. (In Russian)

Tatevosov S. G. *Glagol'nye klassy i tipologiya aktsional'nosti [Verb classes and typology of actionality]*. Moscow, LRC Publishing House, 2016, 555 p. (In Russian)

Vasilevich G. M. *Evenkiysko-russkiy slovar' [Evenki-Russian dictionary]*. Moscow, GIINS, 1958, 802 p. (In Russian)

Vasilevich G. M. *Ocherk grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka [Essays on Evenki (Tungus) grammar]*. Leningrad, Uchpedgiz, 1940, 195 p. (In Russian)

Vasilevich G. M. *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka [Essays on Evenki (Tungus) dialects]*. Leningrad, Uchpedgiz, 1948, 352 p. (In Russian)

List of sources

Däbritz C. L., Gusev V., Stoyanova N. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D>, <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/EvenkiCorpus/search> In *The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages*. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>

Malye yazyki Rossii. Evenkiyskiy korpus [Corpus – Minor languages of Russia. Evenki corpus]. Compiled by E. L. Klyachko (2010–2023). URL: <https://minlang.iling-ran.ru/corpora/evenki>, <http://gisly.net/corpus/> (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
28.02.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Елена Леонидовна Рудницкая – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Elena L. Rudnitskaya – Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Asian and African Languages, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

erudnitskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4455-262X>

Сравнительная степень в тунгусо-маньчжурских языках

В. Ю. Гусев ¹, Н. Б. Аралова ²

¹ *Институт языкознания РАН, Москва, Россия*

² *Университет имени Кристиана Альбрехта, Киль, Германия*

Аннотация

Рассматриваются формы сравнительной степени прилагательных, которые возникли в диалектах северных тунгусо-маньчжурских языков. Морфологическая сравнительная степень – типологически довольно редкое явление, которое отсутствует, в том числе, в большинстве языков Сибири. Однако во многих диалектах эвенкийского, эвенского и негидальского языков эти формы появились, грамматикализовавшись в континентальных диалектах из селективного показателя, а в быстринском эвенском (Камчатка) – из аттенуатива. В южных тунгусских языках (нанайском, ульчском, уильтинском, орочском, удэгейском) компаративное употребление селектива упоминается в грамматиках, но не встречается в текстах. Переход селектива и аттенуатива в показатели сравнительной степени засвидетельствован типологически, в частности в индоевропейских и уральских языках.

Ключевые слова

сравнительная степень, селектив, аттенуатив, грамматикализация, тунгусо-маньчжурские языки

Благодарности

Авторы благодарны Б. Вагнер-Надь, Р. М. Егоровой, Е. Л. Клячко, Н. Б. Кошкаревой, Д. Матичу, Л. В. Озолине, Б. Пакендорф, Е. В. Перехвальской и Н. М. Стойновой за предоставленные материалы, консультации и замечания к статье.

Для цитирования

Гусев В. Ю., Аралова Н. Б. Сравнительная степень в тунгусо-маньчжурских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 81–95. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-81-95

Comparative in Tungusic languages

V. Ju. Gusev ¹, N. B. Aralova ²

¹ *Institute of Linguistics, Moscow, Russia*

² *Christian-Albrechts-Universität, Kiel, Germany*

Abstract

The morphological marking of adjectival comparatives, although prevalent in European languages, is a cross-linguistically uncommon feature. Grammaticalization of comparative markers represent a typologically underexplored field of study. Similar to other linguistic areas, the majority of Siberian languages lack morphological comparative markers. However, the Northern Tungusic languages display a distinctive characteristic: a prevalent use of morphologically marked adjectives within comparative constructions is observed in multiple Evenki and Even dialects and in Upper Negidal. This study investigates the provenance of comparative markers and their distribution across a range of dialects. Textual data forms the principal basis of this research. Examples of comparative constructions were drawn from published electronic corpora and field-collected texts. The analysis has revealed an ongoing grammaticalization of comparative morphological markers in Evenki, Even, and Upper Negidal dialects. Across all investigated continental Northern Tungusic varieties, the suffix with selective meaning is found to develop a comparative function. A shared suffix is frequently noted in descriptions of Nanaic and Oroch-Udihe grammar, yet it is absent from the corpus of available texts. The Bystraia Even dialect of the Kamchatka Peninsula utilizes the attenuative suffix to express comparison, disregarding its typical

© В. Ю. Гусев, Н. Б. Аралова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

attenuative meaning. Typologically, both selective and attenuative semantics is related to comparative constructions, sometimes sharing identical forms (e.g., in Indo-European and Uralic languages).

Keywords

comparative, selective, attenuative, grammaticalization, Tungusic languages

Acknowledgements

We express our sincere gratitude to Elena Klyachko, Natalya Koshkareva, Dejan Matić, Larisa Ozolinya, Brigitte Pakendorf, Elena Perekhval'skaya, Natalia Stoyanova, Beáta Wagner-Nagy, and Rimma Yegorova for their consultations, insightful comments, and generous sharing of field data.

For citation

Gusev V. Ju, Aralova N. B. Sravnitel'naya stepen' v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [Comparative in Tungusic languages]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 81–95. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-81-95

Введение

Сравнительная степень прилагательных – это особая форма, сигнализирующая, что прилагательное является частью сравнительной конструкции; в [Плунгян 2011: 423] она рассматривается как пример актантной деривации, поскольку у прилагательного, помимо значения большей интенсивности, появляется валентность на стандарт сравнения: 'интенсивнее, чем X'. Эта форма привычна для европейских (причем не только индоевропейских) языков, однако типологически представляет собой относительно редкое явление. Нам неизвестны типологические исследования форм сравнительной степени. Л. Стассен ограничивается замечанием о том, что этимология этих показателей «в основном неизвестна», а также что это «почти исключительно европейское явление» [Stassen 2013]. Исключительно редкой называют эту форму также П. Кудзолин и Кр. Леман [Cuzzolin, Lehmann 2004: 1215]. Правда, в известной статье [Dixon 2008] дается довольно много форм из языков разных географических ареалов, которые напоминают сравнительную степень, хотя, возможно, не все ею в полной степени являются. С. Ито приводит несколько примеров из австронезийских и австроазиатских языков [Ito 2008: 199], из чего можно заключить, что как минимум еще один ареал морфологической сравнительной степени может располагаться в Юго-Восточной Азии. Верно, однако, что об этимологии этих форм известно немного.

Нехарактерны эти формы и для большинства языков Сибири. Тем неожиданнее оказывается их наличие в некоторых эвенкийских, эвенских и негидальских диалектах. В настоящей статье рассматривается происхождение форм сравнительной степени в этих идиомах и их распределение по диалектам.

В нашем исследовании мы столкнулись с двумя основными проблемами.

Первая, вполне ожидаемая, – это недостаточность данных по некоторым диалектам. Не всегда оказалось возможным по опубликованным материалам – описаниям и корпусам – с уверенностью установить наличие такого (как выяснилось) довольно периферийного явления, как морфологическая сравнительная степень. Кроме того, результаты анализа корпусов и опубликованных текстов не всегда соответствуют грамматическим описаниям; как кажется, формы сравнительной степени в грамматиках представлены больше, чем в жизни. Это вызвало необходимость сплошного просмотра доступных текстов на предмет сравнительных конструкций (список использованных источников дан в конце статьи). К сожалению, оказалось, что сравнительная конструкция довольно редко встречается в текстах (либо ее употребительность сильно зависит от жанра или содержания текста).

Вторая проблема связана с тем, что во всех случаях показатель, используемый для сравнительной степени, имеет и другие значения либо в том же, либо в других идиомах; соответственно, перед нами стояла задача понять, используется ли данный показатель в каждом из примеров в значении компаратива или, например, в значении небольшой степени признака и в сравнительной конструкции встретился более или менее случайно.

Для решения первой проблемы, естественно, можно лишь надеяться найти дополнительную информацию, и не для всех диалектов нам удалось получить уверенный ответ. Что же касается разграничения между специализированными показателями компаратива и аффиксами, которые часто встречаются в сравнительных конструкциях, но не выражают сравнение сами по себе, мы старались найти контексты, где выражение другого потенциального значения было бы невозможно. Например, если суффикс в других диалектах выражает значение небольшой степени

признака (аттенуатива), диагностическим может служить контекст типа «X намного больше, чем Y»: если обсуждаемый суффикс в таком контексте возможен, значит, он уже утратил связь со своей первоначальной семантикой и превратился именно в показатель компаратива.

Ниже в разделе 1 рассматриваются показатели сравнительной степени, восходящие к селективу, а в разделе 2 – происходящие из аттенуатива.

1. Показатели сравнительной степени, восходящие к селективу

1.1. К определению селектива

Селектив¹ – это грамматическое значение, указывающее на выделение одного члена из заданного множества. Ср. следующие два примера²:

(1) уильтинский (орокский)

Чомзика ду ситто му=вэ итэ=хэ=ни, гйда сэгдэ, гйда=дума тагда.
 вдруг два бочка вода=ACC видеть=PST=3SG другой красный другой=SEL белый
Тагда=дума=ки хунигэн=зи чиполо=хо=ни-тани – паккэ о=си=ни,
 белый=SEL=PROL указательный палец=INSTR окунуть=PST=3SG-PTL плохо стать=PRS=3SG
сэгдэ=думэ=ки чиполло=ги=ни – зин улинга о=си=ни.
 красный=SEL=PROL окунуть=COND=3SG очень хороший стать=PRS=3SG
 ‘Вдруг две посуды воды увидал – одна красная, другая белая. В ту, которая белая, свой указательный палец окунул – хуже стало, в ту, которая красная, окунул – очень хорошо стало’ [Петрова 1967: 147/149].

(2) кур-урмийский нанайский

Сиксэри аму=димэ кэкэчэ" мукэ=вэ гэлэ=уэсу=ми сою=j.
 вечером один=SEL служанка вода=ACC идти за=AND=CONV плакать=PRS
Тймун=димэ кэкэчэ" мб=ва чапче=ми за=pi.
 другой=SEL служанка дерево=ACC рубить=CONV петь=PRS
 ‘Вечером одна из служанок носит воду и плачет, а другая рубит дрова и поет’ [Суник 1958: 139/148].

В Сибири и связанных с ней языковых ареалах, помимо тунгусо-маньчжурских языков, представленных в двух примерах выше, селективы присутствуют в ряде уральских языков и в алеутском, ср. примеры из нганасанского и венгерского языков:

(3) нганасанский

Kuəd'ümubta'a=d'üm nüə=δj tjbjk'a'ku, ηam'aj=t'ü labśü'ta=?a
 мужчина=SEL ребенок=3SG подросток другой=3SG быть в люльке=PT.PRS=AUGM
 ‘[Женщина ведет двоих детей, одна из них девочка, другой мальчик.] Мальчик (= мужчина ребенок) уже подрос, а другая в люльке лежит’ [Brykina et al. 2018, KSM_061105_DrowningMan_nar 012].

(4) венгерский

(A kocsi) szebb, mint a más=ik
 DEF машина красивый.COMP как DEF другой=SEL
 ‘(Эта машина) лучше, чем другая [та, которая была раньше]’.

¹ Это значение также часто называется *контрастивом*; встречается также термин *antinomic*, а в некоторых грамматиках используются названия *партитив* или *дуалис*, не соответствующие общепринятому значению этих терминов.

² Во всех примерах ниже сохраняется орфография источников. Глоссирование везде наше. При примерах из электронных корпусов приводится название текста (как оно дано в корпусе) и номер предложения. При примерах из текстов, опубликованных только в печатном виде, приводится номер страницы (если текст и перевод напечатаны на разных страницах, их номера даются через косую черту).

Как видно, селектив никак не модифицирует значение того слова, к которому присоединяется. Его функция в том, чтобы указать, что объект, обладающий данным признаком, входит в известное множество и выделен по данному признаку из этого множества (то есть единственный в этом множестве, кто им обладает). Важное отличие селективных конструкций от сравнительных (что будет существенно для нас ниже) в том, что селектив маркирует не степень признака, а лишь его наличие; так, в примере (3) старший ребенок – не «более мужчина», а просто «мужчина», в примере (4) форму *másik* невозможно понять как «более другая (машина)», и аналогично для двух других примеров выше.

В соответствии с семантикой селектива типичное его употребление – со словами, которые сами по себе подразумевают выделение объекта из множества:

– ‘другой, один из’ (в некоторых языках это абсолютный лидер по употреблению селектива, например в ламунхинском эвенском, из 35 примеров селектива – 21 с *gia* ‘другой’; ср. также примеры (1) и (4) выше);

– ‘старший брат’, ‘младший брат’, ‘старшая сестра’, ‘младшая сестра’, ‘отец’, ‘мать’: эти термины родства однозначно выделяют одного из членов семьи;

– ‘большой’, ‘маленький’, ‘старый’.

При присоединении к вопросительному местоимению ‘какой’ селектив образует местоимение ‘который’, поскольку вопрос о признаке превращается в вопрос об одном из членов множества. Так образовано венгерское *tely-ik* от *tely* или уильтинское *hawwi-duma* от *hawwi*; таково же происхождение и русского *который* (см. в Заключении о древних индоевропейских фактах).

В тунгусо-маньчжурских языках южной ветви (маньчжурском и чжурчжэньском) селектив не зафиксирован, а в остальных выражается серией похожих суффиксов (есть, однако, мнение, что сведение этих суффиксов к единой праформе затруднительно [Alonso de la Fuente 2011]):

нанайский	-дима / -димэ
ульчский	-дума / -думэ
орокский	-дума / -думэ
негидальский	-тма / -тмэ, -нма / -нмэ
эвенкийский	-тмар / -тмэр ~ -дымар / -дымэр
эвенский	-тмар / -тмэр

1.2. Амурская и орочско-удэгейская группы

В описаниях тунгусо-маньчжурских языков в число функций этого суффикса традиционно включается образование сравнительной степени; ср. нанайские примеры [Аврорин 1959: 211–212]:

(5) нанайский

Улги *мана=дуй горо сэтуй. Тотами-да сэтуй=димэ дабди=ха=ни.*
 бурундук медведь=ABL очень слабый однако-PTL слабый=SEL победить=PST=3SG
 ‘Бурундук медведя много слабее. Тем не менее слабый (тот из них, который слабый) победил’.

(6) нанайский

Улги *мана=дуй сэтуй=димэ.*
 бурундук медведь=ABL слабый=SEL
 ‘Бурундук медведя слабее’.

В. А. Аврорин при этом отмечает, что употребление данной формы «в сравнительных оборотах ... факультативно и даже больше того, встречается относительно крайне редко, причем преимущественно в переводной литературе» [Там же: 212]. Не найдена селективная форма в сравнительном значении и в корпусе нанайских текстов [Оскольская и др. 2024], в который, на момент написания статьи, входили тексты из книги [Аврорин 1986] и экспедиционные материалы последних лет.

Та же форма трактовалась как сравнительная в ульчском [Петрова 1936: 39] и уильтинском [Петрова 1967: 62–63; Озолиня 2013: 214] языках. В доступных нам текстах на этих языках сравнительные конструкции с *-дума / -думэ* не встречаются. Применительно к ульчскому языку этому суффиксу также отказывают в статусе показателя сравнительной степени [Горбунова 2023: 289–290; 2024: 68] (эти работы основаны на сплошной выборке сравнительных конструкций из опубликованных текстов на ульчском языке). Что касается уильтинского языка, то в специальной работе [Озолиня 2025], посвященной сравнительным конструкциям, приводятся примеры с этим суффиксом, например (7); неясно, однако, элицитированы они или взяты из текстов:

(7) уильтинский

мама угда=ни сама(н) угда=ди=ни орки=дума би=ччи=н(и)
 старуха лодка=3SG шаман лодка=INSTR=3SG плохой=SEL быть=PST=3SG
 ‘Старухина лодка была хуже лодки шамана’ [Озолиня 2025: 96].

В удэгейском и ороческом языках ситуация похожая. И. В. Кормушин пишет, что в удэгейском языке прилагательное имеет единственную морфологическую форму на *-дима* «со значением усиленности признака», однако специально отмечает, что «значения компаратива и превосходной степени выражаются синтаксически, без морфологического изменения прилагательного» [Кормушин 1998: 90]. В грамматике [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 188] говорится, что этот суффикс может факультативно употребляться в сравнительных конструкциях, как в примере (8).

(8) удэгейский

Biki bāsa=ni eyme=ndima Xu: bāsa=digi=ni
 Бикин река=3SG широкий=SEL Хор река=ABL=3SG
 ‘Река Бикин шире, чем река Хор’.

Однако в текстах, собранных Е. Р. Шнейдером [1937] и И. В. Кормушиным [1998: 103–200], как и в ороческих текстах В. А. Аврорина и Е. П. Лебедевой [1978: 62–136], показатель *-дима* в сравнительных конструкциях не встретился (правда, и количество сравнительных конструкций в них невелико).

1.3. Северные тунгусские языки

Иное положение в северных тунгусских языках: негидальском, эвенкийском и эвенском³.

В негидальском языке селективный суффикс имеет вид *-тма* в верховском диалекте и *-нма* в низовском. В корпусе верховского диалекта [Pakendorf, Aralova 2017] количество сравнительных конструкций с показателем *-тма* и без него примерно одинаковое; ср. два предложения из одного текста (GIK_rugatsja_mytj: 2, 7):

(9) негидальский, верховской диалект

a. *man=dukki=j sagdi bəjə=ji o=ŋati=s ipe=je*
 сам=ABL=RFL.SG старый человек=INS NEG=DEB=2SG смеяться=CNG
 ‘С человеком старше себя не будешь смеяться’.

b. *Taj sagdi bəjə=ji [...] ipe=je=ki=s*
 тот старый человек=INS смеяться=NFUT=COND=2SG
man=si na:n=duki=n-da osa=tma o:=ja=s
 сам=2SG он=ABL=3SG-ADD плохой=SEL стать=FUT2=2SG
 ‘Если над старым человеком смеешься, хуже его будешь (в старости будешь хуже его выглядеть)’.

³ Данные по солонскому языку немногочисленны. В очерке [Tsumagari 2009: 15] сказано, что грамматическая форма сравнительной степени отсутствует; в текстах, опубликованных А. О. Ивановским [1894] и Н. Н. Поппе [1931], прилагательные в сравнительных конструкциях не маркированы (но примеров крайне мало); в других работах по эвенкийским диалектам Китая [Булатова 2013; Чжао Кэ 1995, 2009] информации о сравнительных конструкциях нет.

Возможно, распределение форм зависит от каких-то не установленных пока факторов, например от предикативной или атрибутивной позиции. Во всяком случае, из примеров видно, что прилагательные в негидальском языке могут маркироваться в сравнительной конструкции. При этом приведенные примеры не являются селективными, поскольку в явном виде указывают на большую по сравнению с выраженным эталоном сравнения степень признака.

С другой стороны, суффикс *-тма* сохранил и селективные употребления тоже:

(10) негидальский, верховской диалект

əki=tma gun=ə=n gə si əsi mo:=la:=kal
старшая сестра=SEL сказать=NFUT=3SG DP ты сейчас дерево=VR=IMP.2SG

‘Старшая сестра говорит: «Иди теперь ты за дровами»’ [Pakendorf, Aralova 2017, DIN_girl_devil: 26].

Что касается низовского диалекта негидальского языка, то сравнительное употребление суффикса *-тма* в текстах, опубликованных в [Хасанова, Певнов 2003], не встретилось, а в грамматическом очерке авторы пишут: «В верховском диалекте аффикс *-тма*, кроме выделительного значения, имеет сравнительное:

ǰул пйрэстэ или байа=тма.

два верста или много=SEL

‘Два километра (версты) или **больше**’» [Там же: 252] (гlossирование примера наше – Авт.).

Вероятно, это следует интерпретировать как указание на то, что в низовском диалекте соответствующий суффикс в сравнительном значении не употребляется. Если это так, то граница ареала сравнительного употребления аффикса селектива проходит между двумя негидальскими диалектами, из которых верховской, как известно [Хасанова 1986: 4], находился в тесном контакте с эвенкийским языком, о котором см. ниже, а низовской, напротив, соседствовал с ульчским.

В западных говорах эвенкийского языка ситуация аналогична верховскому негидальскому (ср. [Попова 2015]): прилагательные в сравнительных конструкциях могут оформляться суффиксом селектива, а могут обходиться без него; распределения заметить не удастся:

(11) эвенкий, западный диалект, ламунхинский говор

а. *Abagańdza noŋan=duku=n hawdi=dmar aka=dmar bi=če go:=ŋne=r.*
дед он=ABL=3SG старый=SEL старший=SEL быть=PF.PTC говорить=HAB=3PL

‘Говорят, дед был старше ее, старше ее’ [Pakendorf et al., 2007–2012, IVK_childhood 115].

б. *Omen, dzo:r anŋani=t akan min=duk.*

один два год=INSTR старший я=ABL

‘На 1–2 года старше меня’ [полевые материалы Б. Пакендорф, Alekseeva_RD_stado_then_now 002].

(12) эвенкий, западный диалект, томпонский говор

а. *İamĭ-gut-ta mut=ŋi=duk go:=mi nq:da=tmar bi=we:t=ten taŋġa=tnan*
почему-INDEF-PTL мы=POSS=ABL сказать=CVB красивый=SEL быть=GNR=3PL рога=3PL

‘Почему-то их рога бывают красивее наших’ [полевые материалы Д. Матича, Top09_GNM_4 1.268].

б. *Emie=de taŋġa=lka:n-da, dzil=a=n bolla:na taŋġa=duku=n-da kučuke:n.*

также=PTL рога=PROP-PTL голова=EP=3SG DP рога=ABL=3SG-PTL маленький

‘С рогами, а голова меньше, чем рога’ [полевые материалы Д. Матича, Top07_GNM_4_Creation-Animals 064].

Нам не удалось найти пример сравнительной конструкции с селективным суффиксом в нижнеколымском диалекте, но это не показательно, поскольку корпус его небольшой.

Из говоров восточного диалекта мы рассмотрели данные березовского и быстринского эвенского. По описанию [Роббек 1989: 90–91], в березовском говоре в сравнительной конструкции с прилагательным могут использоваться три суффикса: *-ста* / *-стэ*, аттенуативный суффикс *-сукан* / *-сукэн* и селективный суффикс *-дмар* / *-дмэр*. Из одиннадцати примеров, обнаруженных нами в [Роббек 2005], в шести прилагательное маркировано селективом. В остальных случаях оно либо не маркировано, либо (в двух примерах) интерпретация конструкции затруднительна. Ср. пример (13), где в первой части загадки прилагательное *koŋuke:n* ‘маленький’ не маркируется специальным суффиксом, а во второй части *eŋi* ‘сильный’ маркируется селективом. Стандарт сравнения при этом в обеих частях эксплицитно выражен и оформлен аблативом:

(13) эвенский, восточный диалект, березовский говор

Тэвтэ=дук-тэ көчукэн, тар-да би=ми накат=тук энг=дмэр
ягода=ABL-PTL маленький тот-PTL быть=SIM.CVB медведь=ABL сильный=SEL
‘Меньше ягоды, но сильнее медведя’ (отгадка: пуля) [Роббек 2005: 299].

Об использовании аттенуативных суффиксов в сравнительной функции в восточных эвенских диалектах – березовском и быстринском – см. в разделе 2. Сравнительных конструкций с суффиксом *-ста* / *-стэ* в текстах нам не встретилось.

Перейдем теперь к эвенкийскому языку.

В северном диалекте (илимпийском и ербогаченском говорах), для которого создан достаточно представительный корпус [Däbritz et al. 2024], практически все сравнительные конструкции содержат показатель *-dimar* / *-tmar*:

(14) эвенкийский, северный диалект, ербогаченский говор, с. Ербогачен

иҥкә:n bi=hi=n әҥәһи:, әҥәһи:=tmär nuŋar=duk=t̃iŋ
один быть=PRS=3SG сильный сильный=SEL они=ABL=3PL
‘[Много лет прошло, слышали, что где-то у якутов] есть один силач, сильнее их’ [Василевич 1936: 93].

Примеры из южного и восточного диалектов мы искали путем сплошного просмотра русских переводов в сборниках [Василевич 1936] и [Василевич 1966]; сравнительных конструкций в них встретилось, как обычно, немного, но почти все содержат суффикс *-tmar*, ср. примеры:

(15) эвенкийский, южный диалект, непский говор, с. Непа

iri=mī si min=duk həgdi=tmär ḡ=ḡaŋā=s, ə=siki=s iri=rə,
пожарить=SIM.CVB ты я=ABL большой=SEL статья=FUT=2SG NEG=COND=2SG пожарить=CNG
vi sin=duk həgdi=tmär ḡ=ḡaŋā=w
я ты=ABL большой=SEL статья=FUT=1SG
‘Сжаривши [мясо], ты станешь больше меня, если не сжаришь, я буду больше тебя’ [Василевич 1936: 74].

(16) эвенкийский, восточный диалект, кур-урмийский диалект, р. Урми

Bəjə nuŋan=duk=in әҥәһи:=tmär ḡ=na=n təkəni=n vi=cə.
человек он=ABL=3SG сильный=SEL статья=PT.PF=3SG корень=3SG быть=PST
‘Человек его [медведя] сильнее творения основой (при сотворении) был’⁴ [Василевич 1936: 18].

(17) эвенкийский, восточный диалект, сахалинский диалект, о. Сахалин

Дулин буга Кэдэрэһинд'э=n эгдi=t=пи эгдi=мэр,
средний земля Кэдэрэһинде=3SG широкий=INSTR=REFL широкий=SEL

⁴ По-видимому, «когда человек или медведь только появились, человек был сильнее медведя».

эңэхй=*m=ni* эңэхй=*тмэр*, *гүгдә*=*m=ni* *гүгдә*=*тмар*.
 сильный=INSTR=REFL сильный=SEL высокий=INSTR=REFL высокий=SEL
 ‘Средней земли Кэдэрэнинде шире, сильнее и выше, [чем Гарпани]’ ⁵ [Василевич 1966: 99/252].

В следующих двух примерах к сравнительной форме прилагательного присоединяется суффикс инструменталиса, образуя тем самым сравнительную форму наречия (образование наречия от прилагательного с помощью показателя инструменталиса обычно для тунгусо-маньчжурских языков); пример (18) из текста 1935 г., пример (19) – современный, 2007 г.:

(18) эвенкийский, южный диалект, подкаменно-тунгусский говор, р. Тычаны
Эвэнки=л *бурдук*=ва *га*=л=ла, *айа*=*тмар*=*ит* *д’эвү*=л=лэ [...].
 эвенк=PL хлеб=ACC брат=INCH=PRS хороший=SEL=INSTR есть=INCH=PRS
Купёси=л *айа*=*тмар*=*ит* *иргичй*=л=ла.
 купец=PL хороший=SEL=INSTR кормить=INCH=PRS
 ‘Эвенки начали забирать у них хлеб. Стали лучше питаться [...] Купцы стали лучше кормить их’ [Василевич 1966: 141/296].

(19) эвенкийский, южный диалект, подкаменно-тунгусский говор, пос. Стрелка-Чуны
нуҕар=*tin* *сō*=*tmār*=*it* *бунт*=*d’a*=*pkī*=*l*
 он=3PL сильный=SEL=INSTR быть=IPFV=PT.HAB=PL
 ‘Они [волки] сильнее воют’ [Казакевич, Клячко 2013: «Волки»].

Интересно, что сравнительная форма может образовываться и от существительного:

(20) эвенкийский, южный говор, верхнеленский говор, с. Тутура
Tari *ōlān*=*duk* *ōlān*=*ditmār* ⁶.
 тот мастер=ABL мастер=SEL
 ‘Тот из мастеров мастер’ [Василевич 1936: 118].

Отметим для полноты картины, что сравнительные конструкции без суффикса *-tmār* все же возможны. Как и в других тунгусо-маньчжурских идиомах, правила, объясняющего появление или отсутствие этого суффикса, мы предложить не можем. Однако как минимум в части примеров он отсутствует тогда, когда в предложении сравнение выражается иным способом. Это может быть, к примеру, количественное выражение разницы, как в (21):

(21) эвенкийский, восточный диалект, тутуро-чумиканский говор, пос. Тутур
бэйэ *ō*=*мй*, *Умүсликэн*=*дук* *д’āн*=*д’и* *сō* *бэйэ* *ō*=*ңāt*.
 мужчина стать=SIM.CVB Умүсликэн=ABL десять=INSTR сильный человек быть=DEB
 ‘[Такой ребенок] став мужчиной, в десять раз сильнее Умүсликэна будет’ [Василевич 1966: 96/248].

Итак, в эвенкийском языке показатель сравнительной степени развивается из селектива (в функции селектива этот суффикс тоже сохранился). Такой же процесс мы наблюдаем и в западном эвенском диалекте и в березовском говоре восточного диалекта, а также в верховском диалекте негидальского (а низовской его диалект, по-видимому, ближе в данном отношении к амурским языкам – ульчскому и нанайскому).

В быстринском говоре эвенского языка (на Камчатке) селектив в сравнительных конструкциях, насколько известно из полевых данных, совсем не употребляется; однако используется другой показатель, о котором см. следующий раздел.

⁵ Эта конструкция не очень понятна; вероятно, ее надо понимать как «в ширину шире, силой сильнее, в высоту выше» либо, быть может, как указание на большую степень отличия: «намного шире, сильнее и выше».

⁶ Последняя форма представляет собой контаминацию двух вариантов суффикса селектива: *-dimār* и *-tmār* либо сочетание адъективного суффикса *-di* и *-tmār*.

2. Показатели сравнительной степени, восходящие к аттенуативу

Аттенуатив – это значение слабой степени признака. Употребление аттенуативных форм в сравнительных конструкциях исходно, по-видимому, указывает на слабую степень отличия: «от X немного большей» значит ‘немного больше, чем X’. В русском языке для таких случаев есть специальные формы типа *побольше*; как мы видим на этом примере, значение «небольшого отличия» по какой-то причине достаточно важно, чтобы быть способным к грамматикализации. В дальнейшем исходно аттенуативные формы могут терять компонент небольшого отличия и начинать указывать просто на отличие, то есть становиться сравнительной формой.

Аттенуатив может использоваться как показатель сравнительной степени в восточном эвенском.

В березовском говоре оформление предположительно сравнительной конструкции аттенуативным суффиксом нам встретилось лишь один раз. При этом в предложении отсутствует объект сравнения, и общая интерпретация имеет скорее аттенуативный характер, т. е. трактовка этой конструкции как сравнительной скорее условна:

- (22) эвенский, восточный диалект, березовский говор

Эсимэ=сукэн хөр=дэ=ку

поздний=ATTN идти=FUT.IMP=1SG

‘Попозже пойду’ [Роббек 2005: 274/275].

Что касается быстринского говора, то большинство примеров из корпуса не содержат объекта сравнения. Кроме того, мы не могли полностью исключить аттенуативное значение, опираясь исключительно на контекст (примеры 23, 24). Однако в элицированных примерах мы скомбинировали прилагательное, маркированное аттенуативом, с наречием ‘гораздо’, таким образом исключив возможность аттенуативного прочтения (примеры 25, 26).

- (23) эвенский, восточный диалект, быстринский говор

erek urumku=šukan aŋan=ča=l biše=ke=ten-kana

это короткий=ATTN шить=PT.PF=PL быть=COND=3PL-CONTR

‘Вот это покороче бы надо было шить’ [полевые материалы Б. Пакендорф, Ichanga_Adukanov_muzej1_cont 153].

- (24) эвенский, восточный диалект, быстринский говор

...gie=ši, mun=duk uŋ bi=ši=n,

другой=EMPH мы.EX=ABL HES быть=PST=3SG

aŋdi=šukan aši, tarak ukal etike=lken bi=ši=n.

старый=ATTN женщина тот уже старик=PROP быть=PST=POSS.3SG

‘...другая же – нас старше женщина – замужем была’ [полевые материалы Б. Пакендорф, Grigoreva_NI_shkola_remesel_1 273].

- (25) эвенский, восточный диалект, быстринский говор

Кобылан тившич эгден(=шукэн) чимыкчан=дук

медведь гораздо большой=ATTENмышь=ABL

‘Медведь гораздо больше мыши’ [Полевые материалы Н. Б. Араловой].

- (26) эвенский, восточный диалект, быстринский говор

Мин аҕдыҕ=у уркэн тившич мин=дук аҕын=шукан

мой старший=1SG мальчик гораздо я=ABL старший=ATTEN

‘Мой брат гораздо старше меня’ [Полевые материалы Н. Б. Араловой].

Кроме суффикса *-šukan / -šuken*, в быстринском говоре есть также аттенуативный суффикс *-šta / -šte*, о котором мы упоминали выше в связи с говором Берёзовки. К сожалению, в корпусе явно недостаточно примеров для его детального описания, но, судя по имеющимся данным, этот суффикс, как и суффикс *-šukan / -šuken*, не обязательно используется в сравнительной

конструкции. Так, в примере (27) он маркирует реляционное имя *degde*- ‘верх’, в результате чего мы получаем значение ‘повыше оврага’.

(27) эвенкийский, восточный диалект, быстринский говор

Nan-da uč=i=d=du=si dzawal kobalan birakčan

и-PTL гнать=EP=PROG=1PL.EX=EMPH дьявол медведь овраг

de:gde=ste=li=n ho:ŋči=n

высота=ATTN=PROL=3SG бежать=3SG

‘Опять погнались, дьявол-медведь повыше оврага побежал’ [Полевые материалы

Н. Б. Араловой, Solodikov_AA_bearhunt 010].

По данным элицитации мы видим, что этот суффикс может использоваться и в сравнительной конструкции, аналогично суффиксу *-šukan / -šuken* (примеры 28, 29). Уточнение семантики и дистрибуции этих суффиксов требует дальнейшего исследования.

(28) эвенкийский, восточный диалект, быстринский говор

bi noŋan=duk agdi=šte

я он=ABL старый=ATTN

‘Я чуть постарше его’ [полевые материалы Б. Пакендорф].

(29) эвенкийский, восточный диалект, быстринский говор

no:de=šte noŋan=duku=n

красивый=ATTN он=ABL=3SG

‘более красивая, чем она’ [полевые материалы Б. Пакендорф]

Заключение

Мы постарались продемонстрировать, что в части тунгусо-маньчжурских языков, прежде всего в северных – эвенкийском, негидальском и эвенском, возникают морфологические формы сравнительной степени прилагательного. Источниками этих форм стали суффиксы селектива (в эвенкийских, континентальных эвенских и верховском негидальском диалектах) и аттенуатива (в камчатском эвенском). В южных тунгусских языках (нанайском, ульчском, уильтинском, удэгейском, орочком) употребление форм селектива в функции сравнительной степени упоминается в грамматических описаниях, но отсутствует в текстах. Нам вовсе не удалось обнаружить такие формы в низовском негидальском диалекте, в солонском языке и в эвенкийских диалектах Китая, равно как и в чжурчжэньском и маньчжурском языках.

Как кажется, даже в тех идиомах, где маркирование сравнения на прилагательном присутствует, оно нигде не стало полностью обязательным, как оно является обязательным, например, в европейских языках. Из-за небольшого объема материала (сравнительные конструкции в принципе не очень частотны) у нас нет числовых данных, но по приблизительной оценке частотность употребления таких форм варьируется от «почти всех» сравнительных конструкций в северном эвенкийском диалекте до «примерно половины» в верховском негидальском и эвенском. Возможно, в тех говорах южного эвенкийского диалекта, которые непосредственно соседствуют с северным (то есть подкаменно-тунгусском и сымском), частотность форм на *-tmar* в сравнительных конструкциях выше, чем в других южноэвенкийских говорах, однако этот вопрос требует дополнительного исследования. В нанайском, ульчском, уильтинском, орочком, удэгейском языках сравнительные употребления *-tmar*, очевидно, потенциально возможны и выдаются при элицитации, благодаря чему попадают в грамматические описания, но практически не встречаются в реальной речи. Таким образом, представляется, что частотность форм сравнительной степени максимальна на северо-западе указанного ареала и уменьшается к югу и востоку.

Трудно здесь не процитировать ительменскую грамматику А. П. Володина, где упоминаются две формы сравнительной степени, которые отмечались во всех предыдущих описаниях, но реально не встречались. Одна из них – форма на *-чейе*, которая «существует, и информанты охотно подтверждают ее, но при этом она не используется ни в текстах, ни в живой речи»; вторая – форма на *-ус*, которая «существует, но не используется; кроме того, она известна лишь отдельным информантам». При этом у второй формы «иногда наличествует» оттенок неполноты

признака, но «преобладает компаративный оттенок» [Володин 1976: 326–327]. То, что вторая форма напоминает о компаративных употреблении аттенуативных суффиксов в эвенском, вряд ли случайно (а эвенские данные, таким образом, косвенно подтверждают семантику слабо засвидетельствованного показателя в ительменском), а ситуация «есть в грамматиках, но не в жизни» подобна той, которую мы видели в амурских языках, удэгейском и ороцком. Вероятно, ительменский язык также принадлежал к периферии ареала сравнительной степени, занимая его крайне восточный край.

И селектив, и аттенуатив типологически засвидетельствованы как значения, которые могут совмещаться с компаративом в одной форме (возможно – как источники компаратива, если мы предполагаем везде то же направление развития, как в тунгусо-маньчжурских языках). Индоевропейский селективный суффикс **-ter*, присутствующий, в частности, в слове **kwo-ter-os*, откуда русское *который*, в **deksi-ter-os* ‘правый’ и **sinis-ter-os* ‘левый’ (а также, возможно, в словах **ph₂ter* ‘отец’, **mātēr* ‘мать’, **dhugh₂ter* ‘дочь’, **bhreh₂ter* ‘брат’ [Pinault 2007], то есть в типично сочетающихся с селективным суффиксом лексемах), принял функцию сравнительной степени в греческом и индоиранских языках [Cowgill 1970: 115–116]. Полисемия аттенуатива и компаратива засвидетельствована в некоторых финно-угорских языках ([Черемисинова 2022], см. там же ссылки на более раннюю литературу). Уральский суффикс **-mpi* выполняет функцию компаратива в венгерском, селектива и компаратива в финском, селектива в саамском и аттенуатива в немецком [Bergsland 1982: 107; Nikolaeva 2014: 135; Ylikoski 2018: 18].

Таким образом, в самом по себе развитии форм сравнительной степени из селектива и аттенуатива ничего неожиданного нет. Интересно, однако, что типологически редкая (хотя, быть может, не такая редкая, как это представлено в [Cuzzolin, Lehmann 2004] или [Stassen 2013]) форма возникла в континентальных тунгусо-маньчжурских идиомах и в эвенском языке Камчатки, по-видимому, независимо и относительно недавно, судя по тому, что она не полностью грамматизировалась (не стала обязательной), и при этом, в отличие от финно-угорских языков Европы, в отсутствие какой-либо известной ареальной поддержки.

Список сокращений

1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица; AND – андатив; ATTN – аттенуатив; AUGM – аугментатив; CNG – коннегатив; COND – условная форма; CONTR – контрастивная частица; CVB – деепричастие; DEB – дебитив; DEF – определенный артикль; DP – дискурсивная частица; EMPH – эмфатический показатель; EP – эпендетический звук; EX – эксклюзивная форма 1-го л. мн. ч.; FUT – будущее время; FUT2 – второе будущее время; FUT.IMP – императивное будущее; GNR – генерическое настоящее; HAB – хабитуалис; HES – хезитатив; IMP – императив; INCH – инхоатив; INDEF – неопределенная форма; INS – инструменталис; IPFV – имперфектив; NEG – отрицание; NFUT – небудущее время; POSS – посессив; PROL – пролатив; PROP – проприетив; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PT – причастие; PTL – частица; SEL – селектив; SIM.CVB – деепричастие одновременности; VR – вербализатор.

Список литературы

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 282 с.
 Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. 256 с.
 Аврорин В. А., Лебедева Е. П. Ороцкие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
 Булатова Н. Я. Новые материалы по солонскому языку // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2013. Т. IX, ч. 3. С. 147–165.
 Василевич Г. М. (сост.) Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л.: Ин-т народов Севера, 1936. 290 с.
 Василевич Г. М. (сост.). Исторический фольклор эвенков. М.; Л.: Наука, 1966. 400 с.
 Володин А. П. Ительменский язык. Л., 1976. 426 с.
 Горбунова В. А. Способы выражения сравнения в ульчском языке // *Сибирский филологический журнал*. 2023. № 2. С. 286–299.
 Горбунова В. А. Способы выражения сравнительных отношений неравенства в ульчском и других тунгусо-маньчжурских языках // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 62–73.

- Ивановский А. О. Mandjurica. I: Образцы солонского и дагурского языков. СПб, 1894. 79 с. (переизд.: *Ivanovskiy A. O. Mandjurica. I: Specimens of the Solon and Dagur languages.* Budapest: Akadémiai kiadó, 1982).
- Казакевич О. А., Клячко Е. Л. Создание мультимедийного аннотированного корпуса текстов как исследовательская процедура // Корпусная лингвистика – 2013: Труды международной конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 292–300.
- Кормушин И. В. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998. 320 с.
- Озолия Л. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Гео, 2013. 373 с.
- Озолия Л. В. Сравнение в тунгусо-маньчжурских языках (на материале орокского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11. № 1. С. 92–101.
- Оскольская С. А., Шрейбер А. С., Якубой А. И. Корпус нанайского языка. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ, 2024 (дата обращения: 22.04.2025).
- Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 156 с.
- Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 156 с.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
- Попова М. Д. Степени сравнения прилагательных в эвенском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (Вып. 43), часть 2. С. 169–171.
- Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 144 с.
- Роббек В. А. Язык эвенков Березовки. Л.: Наука, 1989. 206 с.
- Роббек В. А. Фольклор эвенков Березовки. Образцы шедевров. Якутск: Ин-т малочисленных народов Севера СО РАН, 2005. 370 с.
- Суник О. П. Кур-урмийский диалект: исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1958. 208 с.
- Хасанова М. М. Повелительное наклонение в эвенкийском языке. Л.: Наука, 1986. 104 с.
- Хасанова М. М., Певнов А. М. Мифы и сказки негидальцев. Осака, 2003. 297 с.
- Цинциус В. И. Негидальский язык. Л.: Наука, 1982. 312 с.
- Черемисинова М. О. Компаративно-аттенуативная полисемия в финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2022. № 3 (Вып. 46). С. 75–95.
- Чжао Кэ. Эвэнькэюй цанькао юйфа. Пекин, 2009. Zhao Ke. Ewenkeyu cankao yufa [Reference grammar of Evenki]. Beijing, 2009. 366 с.
- Чжао Кэ. Эвэнькэюй яньцзю. Пекин, 1995. Zhao Ke. Ewenkeyu yanjiu [Studies on Evenki]. Beijing, 1995. 252 с.
- Шнейдер Е. Р. Материалы по языку анюйских удэ. М.; Л.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1937. 134 с.
- Alonso de la Fuente J. A. Northern Tungusic */V^o-tmAr/~*/C^o-d(i)mAr/ // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011. No. 64:2. Pp. 183–200.
- Bergsland K. Sydsamisk grammatikk. Oslo: Universitetsforlaget, 1982. 138 p.
- Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. URL: <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>
- Cowgill W. Italic and Celtic superlatives and the dialects of Indo-European // Indo-European and the Indo-Europeans. Philadelphia / Eds. George Cardona, Henry M. Hoenigswald, and Alfred Senn. University of Pennsylvania Press, 1970. Pp. 113–153.
- Cuzzolin P., Lehmann Chr. Comparison and Gradation // Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung. 2. Halbband. / Eds. G. Booij, Chr. Lehmann, J. Mugdan. Berlin: De Gruyter, 2004. Pp. 1212–1220.
- Däbritz Chr. L., Gusev V., Stoyanova N. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D> // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>
- Dixon R. M. W. Comparative constructions: a cross-linguistic typology // Studies in Language. 2008. Vol. 32 (4). Pp. 787–817.
- Ito S. Typology of comparatives // 22nd Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation / Ed. Rachel Edita O. Roxas. Manila: De La Salle University, 2008. Pp. 197–206.
- Nikolaeva I. A grammar of Tundra Nenets. Berlin; Boston: De Gruyter, 2014. 528 p.

Nikolaeva I., Tolskaya M. A grammar of Udihe. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2001. 1002 p.

Pakendorf B., Aralova N. Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur. Endangered Languages Archive. 2017. URL: <http://hdl.handle.net/2196/00-0000-0000-000F-E387-1>

Pakendorf B., Matic D., Aralova N., Lavrillier A. Documentation of the dialectal and cultural diversity among Evens in Siberia. The Language Archive. 2007–2012. URL: <https://Hdl.Handle.Net/1839/00-0000-0000-000F-2DFE-0> (accessed on 03.07.2025).

Pinault G.-J. A Star is Born: A “New” PIE *-ter- Suffix // Verba docenti. Studies in historical and Indo-European linguistics presented to Jay H. Jasanoff by students, colleagues, and friends / Ed. Alan J. Nussbaum. Ann Arbor: Beech Stave, 2007. Pp. 271–279.

Stassen L. Comparative Constructions // Matthew S. Dryer, Martin Haspelmath (eds.). WALS Online (v2020.3) 2013.

Tsumagari T. A sketch of Solon grammar // 北方人文研究 = Journal of the Center for Northern Humanities. 2009. No. 2. Pp. 1–21.

Ylikoski J. The so-called relation form of nouns in South Saami // Finno-ugrische Forschungen. 2018. No 2. Pp. 6–71.

References

Alonso de la Fuente J. A. Northern Tungusic */V°-tmAr/~*/C°-d(i)mAr/. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2011, no. 64:2, pp. 183–200.

Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [A grammar of the Nanai language]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1959, vol. 1, 282 p. (In Russian)

Avrorin V. A. *Materialy po nanayskomu yazyku i fol'kloru* [Data on the Nanai language and folklore]. Leningrad, Nauka, 1986, 256 p. (In Russian)

Avrorin V. A., Lebedeva E. P. *Orochskie teksty i slovar'* [Oroch texts and dictionary]. Leningrad, Nauka, 1978, 264 p. (In Russian)

Bergsland K. *Sydsamisk grammatikk*. Oslo, Universitetsforlaget, 1982, 138 p.

Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. *Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC)*. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. URL: <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.

Bulatova N. Ya. Novye materialy po solonskomu yazyku [New data on the Solon language]. *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta linguistica Petropolitana]. 2013, vol. IX, pt. 3, pp. 147–165. (In Russian)

Cheremisina M. O. Komparativno-attenuativnaya polisemiya v finno-ugorskikh yazykakh [Comparative-attenuative polysemy in Finno-Ugric languages]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies]. 2022, no. 3 (iss. 46), pp. 75–95. (In Russian)

Cowgill W. Italic and Celtic superlatives and the dialects of Indo-European. In *Indo-European and the Indo-Europeans*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1970, pp. 113–153.

Cuzzolin P., Lehmann Chr. Comparison and Gradation. In *Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. 2. Halbband. Berlin, De Gruyter, 2004, pp. 1212–1220.

Däbritz Chr. L., Gusev V., Stoyanova N. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D> In *The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages*. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>

Dixon R. M. W. Comparative constructions: a cross-linguistic typology. *Studies in Language*. 2008, vol. 32 (4), pp. 787–817.

Gorbunova V. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v ul'chskom yazyke [Ways of expressing comparison in the Ulch language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2023, no. 2, pp. 286–299. (In Russian)

Gorbunova V. A. Sposoby vyrazheniya sravnitel'nykh otnosheniy neravenstva v ul'chskom i drugih tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [Ways of expressing comparative inequality in the Ulch and other Tungusic languages]. *Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 62–73. (In Russian)

- Istoricheskiy fol'klor evenkov* [*Historical folklore of Evenkis*]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, 400 p. (In Russian)
- Ito S. Typology of comparatives. In *22nd Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation*. Manila, De La Salle University, 2008, pp. 197–206.
- Ivanovskiy A. O. *Mandjurica. I: Obraztsy solonskogo i dagurskogo yazykov* [*Mandjurica. I: Specimens of the Solon and Dagur languages*]. St. Petersburg, 1894, 79 p. (reprinted: Ivanovskiy A. O. *Mandjurica. I: Specimens of the Solon and Dagur languages*. Budapest: Akadémiai kiadó, 1982). (In Russian)
- Kazakevich O. A., Klyachko E. L. Sozdanie mul'timediynogo annotirovannogo korpusa tekstov kak issledovatel'skaya protsedura [Creation of multimedia annotated corpus of texts as a research procedure]. In *Korpusnaya lingvistika – 2013: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii* [*Corpus linguistics – 2013: Proceedings of an international conference*]. St. Petersburg, SPbSU, 2013, pp. 292–300. (In Russian)
- Khasanova M. M. *Povelitel'noe naklonenie v evenkiyskom yazyke* [*Imperative in Evenki*]. Leningrad, Nauka, 1986, 104 p. (In Russian)
- Khasanova M. M., Pevnov A. M. *Mify i skazki negidal'tsev* [*Myths and tales of the Negidals*]. Osaka, 2003, 297 p. (In Russian and Negidal)
- Kormushin I. V. *Udykheyskiy yazyk* [*Udihe language*]. Moscow, Nauka, 1998, 320 p. (In Russian)
- Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2014, 528 p.
- Nikolaeva I., Tolskaya M. *A grammar of Udihe*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2001, 1002 p.
- Oskol'skaya S. A., Shreyber A. S., Yakubov A. I. *Korpus nanayskogo yazyka* [*Corpus of Nanai*]. Moscow, Mezhdunarodnaya laboratoriya yazykovoy konvergentsii, NRU HSE, 2024. (accessed 22.04.2025). (In Russian)
- Ozolinya L. V. *Grammatika orokskogo yazyka* [*A grammar of Orok (Uilta)*]. Novosibirsk, Geo, 2013, 373 p. (In Russian)
- Ozolinya L. V. Sravnenie v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh (na materiale orokskogo yazyka) [Comparison in the Tungusic languages (case of Orok)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [*Theoretical and applied linguistics*]. 2025, iss. 11, no. 1, pp. 92–101. (In Russian)
- Pakendorf B., Aralova N. *Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur*. Endangered Languages Archive. 2017. URL: <http://hdl.handle.net/2196/00-0000-0000-000F-E387-1>.
- Pakendorf B., Matić D., Aralova N., Lavrillier A. *Documentation of the dialectal and cultural diversity among Evens in Siberia. The Language Archive*. 2007–2012. URL: <https://Hdl.Handle.Net/1839/00-0000-0000-000F-2DFE-0> (accessed on 03 July 2025).
- Petrova T. I. *Ul'chskiy dialekt nanayskogo yazyka* [*Ulchi dialect of Nanai*]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1936, 156 p. (In Russian)
- Petrova T. I. *Yazyk orokov (ul'ta)* [*Language of the Oroks (Uilta)*]. Leningrad, Nauka, 1967, 156 p. (In Russian)
- Pinault G.-J. A Star is Born: A “New” PIE *-ter- Suffix. In *Verba docenti. Studies in historical and Indo-European linguistics presented to Jay H. Jasanoff by students, colleagues, and friends*. Ann Arbor, Beech Stave, 2007, pp. 271–279.
- Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [*Introduction into grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages*]. Moscow, RSUH, 2011, 672 p. (In Russian)
- Popova M. D. Stepeni sravneniya prilagatel'nykh v evenskom yazyke [Degrees of comparison of adjectives in the Even language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [*Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*]. 2015, no. 1 (iss. 43), pt. 2, pp. 169–171.
- Poppe N. N. *Materialy po solonskomu yazyku* [*Data on Solon*]. Leningrad, AN SSSR, 1931, 144 p. (In Russian)
- Robbek V. A. *Fol'klor evenov Berezovki. Obraztsy shedevrov* [*Folklore of the Evens of Berezovka: Specimens of masterpieces*]. Yakutsk, Institut malochislennykh narodov Severa SO RAN, 2005, 370 p. (In Russian)
- Robbek V. A. *Yazyk evenov Berezovki* [*Language of the Evens of Berezovka*]. Leningrad, Nauka, 1989, 206 p. (In Russian)

- Sbornik materialov po evenkiyskomu (tungusskomu) fol'kloru* [Collection of materials on the Evenki (Tungus) folklore]. Leningrad, Institut narodov Severa, 1936, 290 p. (In Russian)
- Shneyder E. R. *Materialy po yazyku anyuyskikh ude* [Materials on the language of the Udihses of Anyuy]. Moscow, Leningrad, Gos. uch. ped. izd., 1937, 134 p. (In Russian)
- Stassen L. Comparative Constructions. In *WALS Online* (v2020.4). 2013.
- Sunik O. P. *Kur-urmiyskiy dialekt: issledovaniya i materialy po nanayskomu yazyku* [Kur-Urmi dialect: Studies and data on Nanai]. Leningrad, Uchpedgiz, Leningr. otd., 1958, 208 p. (In Russian)
- Tsintsius V. I. *Negidal'skiy yazyk* [Negidal language]. Leningrad, Nauka, 1982, 312 p. (In Russian)
- Tsumagari T. A sketch of Solon grammar. In 北方人文研究 [Journal of the Center for Northern Humanities]. 2009, no. 2, pp. 1–21.
- Volodin A. P. *Itel'menskiy yazyk* [Itelmen language]. Leningrad, 1976, 426 p. (In Russian)
- Ylikoski J. The so-called relation form of nouns in South Saami. *Finno-ugrische Forschungen*. 2018, no. 2, pp. 6–71.
- Zhao Ke. *Ewenkeyu cankao yufa* [Reference grammar of Evenki]. Beijing, 2009, 366 p. (In Chinese)
- Zhao Ke. *Ewenkeyu yanjiu* [Studies on Evenki]. Beijing, 1995, 252 p. (In Chinese)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
01.05.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Валентин Юрьевич Гусев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Valentin Yu. Gusev – Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of typology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

valentin.gusev@iling-ran.ru; <https://orcid.org/0009-0004-3729-5807>

Наталья Борисовна Аралова – PhD, научный сотрудник Университета им. Кристиана Альбрехта (Киль, Германия)

Natalia B. Aralova – PhD, Research Fellow, Christian-Albrechts-Universität (Kiel, Germany)

n.aralova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9087-311X>

Маркеры *-биле* и *дег* как средство выражения компаративной семантики в тувинском языке

Л. А. Шамина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Рассмотрен семантический потенциал конструкций с маркерами *-биле* 'с' и *дег* 'как, будто' в функции операторов сравнения. Отмечена полисемия комитатива *-биле*, возможность его использования в некомитативных значениях. Показана возможность использования комитативного показателя *-биле* 'с' для обозначения стандарта (эталона) сравнения (прежде всего равенства). Обсуждаемые компаративы традиционно причисляются к послелогам, но обладают свойствами, отличающими их от послелогов. Эти свойства сближают их с падежами, частицами, в частности компаративными. В аналитическом употреблении форманта *дег* усматривается параллель с древнеуйгурским языком, в котором отмечается возможность аналитического употребления падежей. В современном тувинском языке сохранилась негармонирующая модель поведения древнеуйгурского падежного аффикса и его раздельное написание.

Ключевые слова

тувинский язык, сравнение, компаративная конструкция, падеж, послелог, стандарт, эталон, параметр сравнения

Для цитирования

Шамина Л. А. Маркеры *-биле* и *дег* как средство выражения компаративной семантики в тувинском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 96–106. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-96-106

Markers *-bile* and *deg* as a means of expressing comparative semantics in the Tuvan language

L. A. Shamina

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article defines comparison as a syntactic construction comprising several requisite components. The basis of any comparison is a shared attribute or quality between the things being compared. However, comparison can serve either to reveal the unique qualitative aspects of the main object or to measure the general quality, indicating a greater degree in one object than in the other. The requisite components of a comparative construction are CMPR1 (the first comparative element, or object of comparison), CMPR2 (the second comparative element, or comparison standard), and PRM (the comparison parameter/module specifying the basis of comparison). CMPR2 can be articulated as a single word, a word combination, or a predicative unit that represents the object or, less frequently, the event, action, state, or characteristic against which a comparison is drawn. PRM indicates a shared or disparate quality between the compared object and the standard, primarily conveyed through verbs and adjectives that explicitly denote actions or attributes. In Tuvan, adjectival types are most frequently used, with adjectives denoting the fixed attributes of objects. Hence, comparisons involving these modules concentrate on the static, unchanging properties of individuals or entities. While predominantly employing inanimate objects, the standards for adjectival comparison can also encompass animals and people,

© Л. А. Шамина, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

provided they are characterized by stable intrinsic or extrinsic properties. This study identifies and characterizes the structural and semantic mechanisms of image representations within Tuvan texts, focusing on the markers *deg* and *-bile* that primarily convey simulative semantics.

Keywords

Tuvan language, comparison, comparative construction, case, postposition, standard, standard, parameter of comparison

For citation

Shamina L. A. Markery *-bile* i *deg* kak sredstvo vyrazheniya komparativnoy semantiki v tuvinskom yazyke [Markers *-bile* and *deg* as a means of expressing comparative semantics in the Tuvan language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 96–106. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-96-106

Введение

Цель настоящего исследования – выявление и описание структурных и семантических стратегий репрезентации сравнения в тувинских текстах маркерами *-биле* и *дег*.

Исследования сравнения в работах М. И. Черемисиной на материале русского языка [Черемисина 1972, 1976] стали отправной точкой изучения сравнительных конструкций тюркских языков Сибири – якутского [Васильев 1986], алтайского [Тыбыкова 1989], хакаского [Кыржинакова 2010] и др. Первое структурно-синтаксическое описание сравнительных конструкций тувинского языка выполнено в работе [Черемисина, Шамина 1996], где выявлены модели сравнения и их семантика, рассмотрены конструкции со сказуемым, выраженным прилагательным или глаголом и называющим признак (параметр) сравнения.

Задача данной статьи – установить общее и различное в использовании показателей *-биле* и *дег* для выражения семантики эквивалентности в тувинском языке.

Разрабатываемая тема вписывается в проблематику компаративности в рамках проекта Института филологии СО РАН по сопоставительному описанию сравнительных конструкций в урало-алтайских языках Сибири. В статье используются термины и понятия, выработанные в рамках этого проекта для сопоставительного описания сравнительных конструкций в урало-алтайских языках Сибири [Кошкарева, Плотников 2023].

Сравнения всегда основываются на том, что между двумя предметами или ситуациями находится общий признак, общее качество. Но само сравнение может идти по линии раскрытия качественного своеобразия основного «предмета мысли» (путем сравнения с чем-то другим) или по линии «меры» общего качества – большей у одного и меньшей у другого из сравниваемых предметов.

Сравнение понимается нами как синтаксическая конструкция, состоящая из определенного числа необходимых компонентов: CMPR1 – первый компарат (предмет сравнения); CMPR2 – второй компарат (стандарт, эталон сравнения), PRM – параметр сравнения (свойства компаратов, являющиеся основанием для их сопоставления), который складывается из совокупности двух признаков: PRM.FUND – основание параметра (свойство компарата, на которое направлено внимание, например «рост», «цвет», «форма» и т. п.), PRM.ASP – аспект параметра (конкретное качество, проявление которого оценивается, например, «высокий» / «низкий», «красный» / «синий» / «зеленый», «круглый» / «овальный» / «квадратный» и др.) [Кошкарева, Соловар 2024: 83]. Параметр сравнения в работах М. И. Черемисиной определяется термином *модуль* [Черемисина 1976; Черемисина, Шамина 1996]. Эталон сравнения в тувинском языке может быть выражен словом, сочетанием слов или предикативной единицей, представляющей тот предмет или, реже, то событие, действие, состояние или признак, с которым сравнивается что-то другое. Важным свойством сравнительных конструкций в плане выражения является редукция компонентов [Арутюнова 1998: 833; Кошкарева, Соловар 2024: 80]. Параметр (модуль) сравнения выражает некое качество, которым сравниваемый объект и стандарт обладают в равной или неравной мере.

Эквивалентность – это такой тип сравнительных отношений, при помощи которого «устанавливается тождество, сходство или подобие сравниваемых предметов по тому или иному признаку («такой же как», «похожий»)» [Кошкарева, Соловар 2024: 81]. Семантические типы сравнительных конструкций, выражающие эквивалентные отношения, передают отношения равенства (эквативность) и подобия (симилятивность) объектов. Поллюсом эквивалентности является дифференциальность.

Основной языковой материал исследования (тексты на тувинском языке, записи переводных анкет) был собран автором в Республике Тыва в 1980–1985 гг. в ходе командировок и двух лингвистических экспедиций, организованных Институтом филологии СО РАН в разные регионы Тувы. Использовались также примеры из художественной литературы и текста Библии на тувинском языке.

1. Морфологический статус показателей *-биле* и *дег*

Во всех тюркских языках выделяются два типа незнаменательных слов – собственно послелоги и служебные имена. Однако этими двумя группами круг служебных слов не ограничивается. Существует целый ряд таких служебных слов, статус которых однозначно определить непросто. Среди них есть как не попавшие в списки послелогов (например, *дөмей* ‘подобный’, *олчаан* ‘очень похожий’), так и традиционно причисляемые к послелогам, но обладающие свойствами, отличающими их от послелогов и сближающими их с падежами и частицами, в частности компаративными. В тувинском это *-биле* ‘с’ и *дег* ‘как, будто’. Для характеристики их статуса употребляются термины *послелог*, *падеж* и *частица*.

1.1. Показатель *-биле*

Полисемантичесность тувинского комитативно-инструментального падежа *-биле* проявляется в возможности его использования, помимо значений комитатива и инструменталиса (пример 1), также и в других функциях: трассы (пример 2), совместности (пример 3) и др.

- (1) ...а кандыг хемчээл-биле хемчээп бээр силер, Бурган силерге база ынчаар хемчээп бээр [Ыдыктыг Библия 2011: 1336].

а	кандыг	хемчээл-биле	хемчээ=п	бээ=эр	силер
а	какой	размер- INSTR ¹	отмеривать=CV	AUX=PrP	вы
Бурган	силер=ге	база	ынчаар	хемчээ=п	бээ=р
Бог	вы=DAT	тоже	так	отмеривать=CV	AUX=PrP

‘...а какой мерой мерите, Бог такой же [мерой] отмерит вам.’

В примере (1) предметом сравнения (COMPR1) является ‘[мера] (которой Бог отмерит вам)’, стандартом сравнения (COMPR2) – ‘мера (которой вы мерите)’. Поскольку порядок следования частей в этом примере обратный, эксплицитное выражение при помощи существительного *хемчээл* ‘размер’ получает стандарт сравнения, а предмет сравнения, под которым также подразумевается ‘размер’, не выражен. Отношение равенства передается соотношением указательного местоимения *ынчаар* ‘так’ и вопросительного местоимения *кандыг* ‘какой’. Параметр обозначает меру, которой обладают компараты.

- (2) Олар арыгда орук-биле келгеннер [ГТЯ: 438].

олар	арыг=да	орук-биле	кел=ген=нер
они	лес=LOC	дорога- TR	идти=PP=3PL

‘Они пришли по лесной дороге.’

- (3) Доржу-биле кады келдивис [ТРС 1958: 103].

Доржу-биле	кады	кел=ди=вис
Доржу- COMIT	вместе	приходить=PAST _{fin} =1PL

‘Мы пришли вместе с Доржу.’

Как и во многих тюркских языках, тувинский инструментально-комитативный аффикс *-биле* восходит к послелогу *birlen*. Как отмечал А. М. Щербак, в основе показателя формы творительного падежа обнаруживается послелог *birlä(n)* – *bilä(n)*, имеющий большое количество структурных разновидностей в языках. Формы грамматических падежей «сохраняют те или иные признаки послеложных конструкций: отсутствие ударения на аффиксальной морфеме, нарушение гармонии гласных, изменения в основе» [Щербак 1994: 79].

¹ В глоссах мы отражаем функции показателя *-биле*: INSTR – инструментальную, COMIT – комитативную, COMP – компаративную, TR – значение трассы.

В тувинском языке этот маркер записывается через дефис, что указывает на его спаянность с предшествующим словом. В «Грамматике тувинского языка» и «Тувинско-русском словаре» он определяется как послелог ‘с, вместе, посредством’ [ГТЯ 1961: 438; ТРС 1968: 103], функционально соответствующий русскому творительному падежу. В «Толковом словаре тувинского языка» представлено 12 значений, среди которых отмечено интересующее нас значение сравнения [ТСТЯ 2003: 255].

Не оспаривая мнения исследователей о грамматическом статусе данных аффиксов как специфических грамматических формах, мы попытаемся уточнить их функции.

Соглашаясь с мнением авторитетных исследователей о том, что показатель *-биле* грамматизировался из послелога, мы отмечаем ранее употребление оператора *-биле* для выражения инструментального (орудного) и локативного (трасса движения) значения. Также нами рассмотрены случаи обозначения соучастника действия (комитатива) и другие функции. Это позволило нам отнести оператор *-биле* к полифункциональным падежам с семантикой комитатива-инструменталиса, маркера плюрализации участника и ситуации, используя термин «комитатив» для обозначения всего спектра этих функций [Шамина 2022: 361]. Об образовании некоторых падежных аффиксов «в результате грамматикализации» на материале тунгусо-маньчжурских языков писал А. М. Певнов [Певнов 2025: 71].

Полисемантичность русского творительного, как показано в работах [Черемисина 1972: 72–92; Архипов 2009: 227, 248–249], является довольно распространенным типологическим явлением. В этих работах рассматриваются модификации комитативных конструкций, используемые в некомитативных функциях: отмечается возможность применения комитативных показателей для «обозначения стандарта (эталона) сравнения (особенно равенства: большой, как что)» [Архипов 2009: 227].

М. И. Черемисина характеризует творительный падеж в русском языке как «самый многофункциональный», в падежной парадигме которого творительный сравнительный рассматривается «как одно из средств выражения сравнения» [Черемисина 1972: 74]. При этом понимание формы творительного как образа, а не орудия, определяется глаголом. М. И. Черемисина выделила три семантические группы глаголов в русском языке, сочетающиеся с творительным сравнительным, в их число входят глаголы движения, положения (с примыкающими к ним глаголами ‘зрительного восприятия’) и звучания [Там же: 80].

1.2. Показатель *дег*

В современном тувинском языке сохраняется негармонирующая модель поведения древнетюркского падежного аффикса *дег* и его раздельное написание.

Компаративный маркер *дег*, как и его аналоги в других тюркских языках (= *тый* / = *дый*), давно привлекли к себе внимание исследователей. Первые сведения о тувинском (урянхайском) компаративе *дег* мы извлекаем из фундаментального труда Н. Ф. Катанова [Катанов 1903]. Главным аргументом, на основании которого Н. Ф. Катанов оценил формант *дег* как послелог, была «отдельность» написания «в южных наречиях» урянхайского языка, отсутствие гармонического подчинения *дег* предшествующему слову – признака, противопоставляющего его аффиксам. Однако в «западных диалектах» форманты *тäg*, *дäg* сливаются «со словами, к которым приставляются уже тесно» [Там же: 205]. В примерах, которые приводит автор, объект (предмет) сравнения оформляется маркером *дег* через дефис: *Кой-дäg таиты көра тәнүңиң, кодан-дäg чәрнi сө тәнүңиң* [Там же: 1002] ‘Камни величиною с овцу раскалывались, комья с зайца обращались в пыль’.

В тех языках, где этот показатель гармонирует, его называют аффиксом сравнительного или «приравнительного» падежа: кирг. *ат басындаI алтын* [Мелиоранский 1897: 24] ‘Кусок золота с конскую голову’; уйг. *tömyrdäk* ‘подобный железу’, *kutyşdak* ‘как серебро’ [Насилов 1940: 46].

Применительно к языку желтых уйгуров С. Е. Малов говорит не о послелоге, а о «частице сравнения» *-дег*, которая, судя по примерам, гармонирует: *сақысқадаг* ‘как сорока’; *қыздаг* ‘как девица’; *мындаг* ‘этакий’ [Малов 1951: 172].

В древнетюркском словаре *teg* определен как послелог с семантикой ‘как, словно, будто, подобно’: *jayımız tegirä uşuq teg erti* [ДТС 1969: 546] ‘Враги наши были кругом **словно** хищные птицы’. Авторы указывают также, что в «сочетании с глагольными формами *teg* выражает сравнение и соответствует по значению сравнительному союзу и частице *как, как будто*» [ДТС 1969:

546]: *künüm batyalır teg jarumas tünüm* [ДТС 1969: 546] ‘Мое солнце **как будто** заходит и не будет света в моей ночи’.

По справедливому утверждению Е. И. Убрятовой, слово в своем развитии может последовательно проходить путь из полнозначного в аффикс. О возможности аналитического употребления некоторых падежных аффиксов в тюркских языках, со ссылкой на работы В. В. Радлова и Н. К. Дмитриева, она писала: «В древнеуйгурском отдельно писались все падежные аффиксы. В языках Южной Сибири это наблюдается, главным образом, в отношении древних падежных аффиксов *-ча*, *-дег*» [Убрятова 2011: 62, 249].

2. Стратегии маркирования компаративной семантики показателями *-биле* и *дег*

Показатели *-биле* и *дег* являются выразителями отношений симилиативности, характеризующих «действие или свойство, подобное стандарту» [Кошкарева, Соловар 2024].

2.1. Маркирование компаративной семантики аффиксом *-биле*

В немногочисленных примерах (около 10 фраз), выписанных из текста «Откровения Иоанна Богослова», а также из современных художественных текстов и текстов тувинских героических сказаний, показателем *-биле* кодируются конструкции, выражающие подобие объектов.

(4) *Иудея черинде турар Вифлеем, сен Иудеяның чагырга турар хоорайларындан чүнүң-биле-даа дора эвес сен...* [МФ 2011: 1328].

Иудея	чер=ин=де	тур=ар	Вифлеем	сен	Иудея=ның
Иудея	земля=INFIX=LOC	AUX=PrP	Вифлеем	ты	Иудея=GEN
чагыр=га	тур=ар	хоорай=лар=ын=дан		чүнүң-биле-даа	
управление	AUX=PrP	город=3PL=INFIX=ABL		чего-COMP-PTCL	
дора	эвес	сен			
хуже	не	ты			

‘И ты, Вифлеем в земле иудейской, вовсе не меньший среди городов Иудеи...’

(5) *Ай-биле сиилээн, хүн-биле сиилээн* [ТГС 2010: 235].

ай-биле	сиилэ=эн,	хүн-биле	сиилэ=эн
месяц-COMP	украшать=PP	солнце-COMP	украшать=PP
хүн	херел=диг	хүмүш	эзер=и
солнце	луч=POSSV	серебро	седло=POSS.3SG

‘Как месяц украшенное, как солнце украшенное, [как] лучистое солнце сверкающее серебряное седло...’

В примере (5) седло как важный атрибут снаряжения воина, сравнивается с сиянием небесных светил – солнца и месяца.

(6) *Көргөн чүмеңни² көргөнниң-биле чугаалаар сен деп...* [ТГС 2010: 94].

көр=ген	чүме=н=ни	көр=ген=ниң-биле	чугаала=ар
видеть=PP	вещь=2SG=ACC	смотреть=PP=GEN-COMP	говорить=PrP
сен деп			
ты что			

‘Про то, что видел, ты [так], как видел, скажи.’

(7) *Хартыганың кашпагайы-биле алдырбас* [ТГС 2010: 218].

хартыга=ның	кашпагайы-биле	алдырбас
ястреб=GEN	быстро-COMP	убегать

‘Увернулся (убежал) быстро, как ястреб.’

В примере (7) речь идет о войне – герое повествования, который является предметом сравнения и не вербализуется, так как очевиден по контексту; эталоном сравнения выступает ‘ястреб’; параметр сравнения – «скорость», наречие *кашпагайы* ‘быстро, проворно’ указывает на аспект

² Чүме – диалектный вариант, лит. чүве ‘вещь’ [ТГС 2010: 534].

параметра – высокую степень скорости: герой убежал быстро, подобно тому, как быстро улетает ястреб. Здесь выражено событийное сравнение – сходство двух событий на основе общего образа действия.

(8) *Бурган Бодунуң окур-хевири-биле Бодунга дөмейлештир кижии амытанны – эр биле кыс кижини чаяап каан* [Эге дөс 1:27: 16].

Бурган	Боду=нуң	окур-хевир=и-биле	Бодун=га	
Бог	Сам=GEN	образ=POSS.3SG-COMP	Сам=DAT	
дөмейле=ш=тир		кижи	амытан=ны	эр
быть подобным=RECIP=CAUS		человек	живое существо=ACC	мужчина
биле	кыс	кижи=ни	чаяа=п	ка=ан
и	женщина	человек=ACC	творить=CV	AUX.клась=PP

‘Бог сотворил человека – мужчину и женщину, подобного образу Своему, подобного Богу.’

В примере (8) представлена определительная полипредикативная конструкция. Главная предикативная единица: *Бурган кижии амытанны – эр биле кыс кижини – чаяап каан* ‘Бог сотворил живое существо, человека – мужчину и женщину’; зависимая предикативная единица: *Бодунуң окур-хевири-биле Бодунга дөмейлештир* ‘подобного образу Своему, подобного Себе’. Предмет сравнения – определяемые имена существительные *кижи амытан=ны* ‘человек живое существо’, *эр биле кыс кижии=ни* ‘мужчина и женщина человек’ в аккумулятиве. Эталон сравнения *Бурган* ‘Бог’ выражен именем существительным в номинативе; параметр – *Бодунуң окур-хевири* ‘по образу Своему’ – выражен изафетной конструкцией, первый компонент которой (*Боду=нуң*) оформлен аффиксом генитива, а второй (*окур-хевир=и*) – посессивным показателем 3-го л. ед. ч. ‘Сам образ=его’. Семантика подобия выражена синтетическим падежным маркером *-биле*. Параметр *Бодунга дөмейле=ш=тир* ‘Богу быть подобному’ выражен глагольной лексемой *дөмейлер*, оформленной двойным залоговым аффиксом (совместно-взаимного *-и* и понудительного *-тир* залога). Предикат (*чаяап каан* ‘сотворил’) имеет нулевое оформление 3-го л. ед. ч.

Выражение эталона сравнения группой имен требует оформления последнего (в данном случае – второго) имени аффиксом аккумулятива (*-ни / -ни*). Одиночное подлежащее имеет нулевой показатель номинатива.

Таким образом, показатель *-биле* является полифункциональным компаративным средством: он выражает симилитивность в предметной и событийной сферах.

2.2. Маркирование компаративной семантики показателем *дег*

Роль параметра сравнения в глагольных предложениях выполняют прилагательные и наречия, называющие признак предмета или действия [Черемисина, Шамина 1996: 67]. Наиболее представителен в тувинском языке адъективный тип выражения признака сравнения. Прилагательные обозначают статические признаки предметов. Поэтому и сравнения с такими параметрами ориентированы на статические, постоянные характеристики. Эталонами адъективных сравнений являются преимущественно предметы, хотя могут быть и животные, и люди, если они рассматриваются с точки зрения характерных для них стабильных внешних или внутренних признаков.

В примере (9) представлены элементы описания внешности человека. Показатели *дег* ‘как’ и *ышкаш* ‘как, подобный’ выражают отношения подобия. Части тела (нос, уши, голова, подбородок, лоб и др.) сравниваются с предметами быта или уподобляются животным.

(9) *Ногаанзымаар сыгыр карактарлыг, эзер хаайлыг, бала бажы дег, узун сегелдиг, манчы дүрзүлүг делбигир кулактарының бирээзи «имниг», бажының дүгү ширбиши дег, агбагар сарыг, хаваа, сарбашкынны дег, достак, хул-узар дег адыштарлыг, малдыр ышкаш дораалап кылаштаар, узунзумаар, долгай ыяш дег мага-боттуг, чаш уругнуу дег чиңге үннүг – ындыг кижии Өдекпен башкы ол деп танып алыр силер* [Хомушку 1993: 69].

ногаан=зымаар	сыгыр	карак=тар=лыг	
зеленоватый=ADVcomp	узкие	глаза=3PL=POSSV	
эзер	хаай=лыг	бажы	дег
седло	нос=POSSV	пестик	голова

COMP

узуу	сегел=диг	манчы	дүрзү=лүг	делбигир
длинный	подбородок=POSSV	пельмени	вид=POSSV	оттопыренный
кулак=тар=ы=ның		бирээзи	«им=ниг»	
ухо=3PL=POSS.3=GEN		один из	метки=POSSV	
баж=ы=ның		дүг=ү	рбииш	дег
голова=POSS.3SG=GEN		волос=POSS.3SG	веник	COMP
сары	сарбашкын=ыы	дег	достак	агбагар
рыжий	обезьяна=POSS.3SG	COMP	пишкочуватый	взломаченный
хаваа	хул-узар	дег	адыш=тар=лыг	
лоб.POSS.3SG	совок	COMP	ладонь=3PL=POSSV	
малдыр	ышкыш	дораал=ап	кылаштаар	
лопата	COMP	ухудшаться=CV	ходить	
узуу=зумаар		долгай	баш	дег
длинный=ADVcomp		скрученный	дерево	COMP
чаш	уруг=нуу	дег	чиңге	ун=нүг
младенец	ребенок=POSS.3SG	COMP	тонкий	голос=POSSV
ындыг	кижи	Өдекпен	башкы	ол
этот	человек	Одекпен	учитель	он
ал=ыр	силер			называемый
брат.AUX	вы			узнавать=CV

‘Зеленоватые узкие глаза, курносый нос, голова как пестик, длинный подбородок как ступа, у одного из больших ушей, словно пельмени, имеется отметина; лохматые, как веник, рыжие волосы, лоб как у обезьяны, ладони как совок (кочерга), ходит как лопата для уборки снега, тело как скрученное дерево, тоненький голос как у младенца, если вы встретите такого человека, то это Одекпен.’

В примере (9) представлены разные способы выражения сравнительных отношений, при которых параметр может занимать разные синтаксические позиции либо оставаться имплицитным:

– длинный подбородок как ступа: «подбородок» – подлежащее, предмет сравнения; «ступа» – сказуемое, эталон сравнения; «длинный» – определение к подлежащему, параметр (длинный подбородок КАК длинная ступа);

– голова как пестик: «голова» – предмет сравнения; «пестик» – эталон сравнения; параметр не выражен, но можно себе представить форму головы на основе знания о том, какой формы бывает пестик;

В остальных предложениях также определения указывают на параметр: лохматые волосы = лохматый веник, скрученное дерево = скрученное тело и т. п.

Сказуемое, называющее параметр сравнения, может быть выражено прилагательным или наречием, которое в составе предложения является обстоятельством, а в составе сравнительной конструкции – параметром сравнения (модулем). Оба эти показателя формируют серию сравнительных конструкций, которые можно разделить на несколько типов в зависимости от того, какую синтаксическую позицию занимают элементы конструкции.

2.2.1. Предметные сравнения с параметром, выраженным прилагательным

Часто предметом сравнения становится какая-то характерная часть тела: губы, волосы и др.

(10) *Бажының дүгү, дүмбей дүн дег, хөө кара* [Сүрүн-оол 1994: 201].

баж=ы=ның	дүг=ү	дүмбей	дүн	дег
голова=POSS.3SG=GEN	волос=POSS.3PL	темный	ночь	COMP
хөө	кара			
сажа	черный			

‘Ее волосы, как темная ночь, [как] сажа, черные.’

В примере (10) второй компаративный маркер редуцирован. Здесь выражена симилиативная семантика. Параметр реконструируется, но не вербализуется. Сочетание *хөө кара* ‘сажа черный’ – устойчивое сравнение, характеризующее внешность персонажа.

2.2.2. Событийные сравнения с параметром, выраженным наречием

При сравнении событий параметр выражается наречием, например:

- (11) *Аңнар, көргени мээстиң бажындан, хөлегелер дег, шип-шимээн чок харап келгеннер* [Суван 1994: 123].

аң=нар	көр=ген=и	мээс=тиң	бажындан	хөлеге=лер
зверь=3PL	смотреть=PP=POSS.3	солнечная сторона=GEN	от начала	тень=3PL
дег	шип-шимээн	чок	хар=ап	кел=ген=нер
COMP	совершенно тихо	нет	двигаться=CV	AUX=PP=3PL

‘Звери с солнечной долины обозревали местность тихо, не двигаясь, как тени.’

Здесь основная семантика сравнения ложится на наречие *шип-шимээн* ‘тихо’ (как тени): звери обозревали местность **тихо**, КАК тени стояли, не двигаясь, **тихо**.

Указание на параметр может быть инкорпорировано в семантику глагола, который передает идею множественности, большого количества, интенсивности движения:

- (12) *Чээрэннер шаанда аңаа, куу туман дег көжүп турган* [Черлиг-оол 1990: 117].

чээрэн=нер	шаанда	аңаа	куу	туман	дег	көж=үп
антилопа=3PL	в старину	там	сизый	туман	COMP	передвигаться=CV
тур=ган						
AUX=PP						

‘В старину там антилопы, как сизый туман, передвигались.’

В примере (12) движение антилоп уподобляется движению тумана, как именно осуществлялось это движение, отдельным словом не называется, однако глагол указывает на множественность объектов движения, их «плотность», «густоту».

Если параметр не вербализуется, то два предметных представления непосредственно сопоставляются, а второе существительное маркируется показателем сравнения.

- (13) *Бистиң бичии киживис диис оглу дег* [ПМА].

бис=тиң	бичии	кижи=вис	диис	оглу	дег
мы=GEN	маленький	человек=POSS.1PL	кошка	[ее] сын	как

‘Наш малыш как котенок.’

Как видим, формируя значение сравнения, *дег* принимает на себя основную семантическую и синтаксическую нагрузку, вражая симилиативные отношения.

Заключение

Семантическая сфера «эквивалентность» включает лексические, грамматические и словообразовательные средства. В статье исследованы морфологические и синтаксические способы выражения эквивалентности в тувинском языке. Показана возможность использования комитативного показателя *-биле* ‘с’ для обозначения стандарта сравнения. Падежный аффикс *-биле* является полифункциональным компаративным средством, выражающим симилиативность в предметной и событийной сферах. Область его употребления ограничивается историческими нарративами. Следует отметить, что и в этих текстах аффикс *-биле* используется редко.

Аналитический падежный аффикс *дег* универсален. Его употребление не ограничено семантикой нарратива: он широко употребителен как в современных текстах, так и в героических сказаниях, сказках, преданиях и легендах. В данной статье мы рассмотрели функционирование форманта *дег* в параллели с *-биле*, пытаясь выявить либо сходство, либо их различие. Оба эти показателя выражают отношения симилиативности, но замена одного другим невозможна. По имеющимся в нашем распоряжении примерам, можно говорить о предпочтительном выражении событийной семантики формантом *-биле*.

Формант *дег* может выражать как реальные, так и нереальные сравнения. Формируя значение сравнения, *дег* принимает на себя основную семантическую и синтаксическую нагрузку. Функции форманта *дег* довольно разнообразны.

В этом состоит общее и различное в использовании данных маркеров, выражающих компаративную семантику эквивалентности в тувинском языке. Рассмотренные нами полифункциональные аналитические падежные маркеры *-биле* и *дег* составляют специфику грамматической системы тувинского языка. Используемые в сравнительных конструкциях образы-эталон, формируемые рассмотренными падежными маркерами, характерны для той или иной лингвокультурной общности, и являются важным источником культурно-национальной интерпретации.

Список условных сокращений

ACC – винительный падеж; ADVcomp – наречие-компаратив; AUX – вспомогательный глагол; CAUS – каузатив; COMP – показатель сравнения; CMPR1 – первый компарат (предмет сравнения); CMPR2 – второй компарат (стандарт, эталон сравнения); CV – деепричастие; DAT – дательный падеж; GEN – родительный падеж; INSTR – творительный падеж; LOC – местный падеж; PAST_{fin} – финитная форма прошедшего времени на *=ды*; PL – множественное число; POSS.3 – посессивный показатель 3-го л; POSSV – посессивный аффикс *-лыг*; PP – причастие прошедшего времени на *=ган*; PrP – причастие настоящего-будущего времени на *=ар*; RECIP – совместно-взаимный залог; SG – единственное число.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- Архипов А. В. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009. 293 с.
- Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1986. 109 с.
- ГТЯ – Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 472 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь. М.: Наука, 1969. 676 с.
- Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. 933 с.
- Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216.
- Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Компаративные конструкции с семантикой эквивалентности в мансийском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 80–94.
- Кыржисинакова Э. В. Способы выражения сравнения в хакасском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2010. 262 с.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
- Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. 2. Синтаксис. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1897. X, 92 с.
- Насилов В. М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940. 152 с.
- Певнов А. М. О происхождении показателя творительного падежа в тунгусо-маньчжурских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 1 (Вып. 53). С. 70–79.
- ТРС – Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
- ТСТЯ – Толковый словарь тувинского языка с переводом значений слов и устойчивых словосочетаний на рус. яз. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2003. 596 с.; Т. 2. Новосибирск: Наука, 2011. 795 с.
- Тыбыкова Л. Н. Сравнительные конструкции алтайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989. 19 с.
- Убрятова Е. И. Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных языках Сибири // Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. С. 58–67.
- Черемисина М. И. Творительный падеж как средство формирования образа // Грамматика русского языка. Вып. 1. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1972. С. 72–92.
- Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с.

Черемисина М. И., Шамина Л. А. Выражение сравнения в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1996. Вып. 3. С. 65–84.

Шамина Л. А. Морфосинтаксические способы кодирования множественности ситуаций и их участников в тувинском языке // Тюркские ареалы Сибири. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 358–375.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л.: Наука, 1987. 152 с.

Список источников

- Черлиг-оол К. Аялга. Кызыл, 1990. 192 с.
Хомушку В. У. Мончарлыг кижиги. Кызыл, 1993. 191 с.
Ыдыктыг Библия. М.: Библия очулгазының институту, 2011. С. 1327–1379.
Суван Ш. Тоол чурттуг оол. Кызыл: ТывНУЧ, 1994. 64 с.
Сүрүн-оол С. Тывалаар кускун. Кызыл: ТывНУЧ, 1994. 348 с.
ТГС – Тувинские героические сказания: Хунан-Кара, Боктут-Кириш, Бора-Шээлей // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с.

References

- Arkhipov A. V. *Tipologiya komitativnykh konstruktivnykh* [Typology of comitative constructions]. Moscow, Znack, 2009, 293 p. (In Russian)
- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow, LRC Publishing House, 1998, 896 p. (In Russian)
- Cheremisina M. I. Tvoritel'nyy padezh kak sredstvo formirovaniya obraza [The instrumental case as a means of image formation]. In *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of the Russian language]. Irkutsk, Irkutsk univ., 1972, pp. 72–92. (In Russian)
- Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruktivnyye russkogo yazyka* [Comparative constructions of the Russian language]. Novosibirsk, Nauka, 1976, 270 p. (In Russian)
- Cheremisina M. I., Shamina L. A. Vyrazhenie sravneniya v tuvinskom yazyke [Expression of comparison in the Tuvan language]. In *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the Indigenous Peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1996, iss. 3, pp. 65–84. (In Russian)
- Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Moscow, Nauka, 1969, 676 p.
- Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka* [Grammar of the Tuvan language]. Moscow, Vost. lit., 1961, 472 p. (In Russian)
- Katanov N. F. *Opyt issledovaniya uryankhayskogo yazyka s ukazaniem glavneyshikh rodstvennykh otnosheniy ego k drugim yazykam tyurkskogo kornya* [Experience in researching the Uriankhai language with an indication of its main family relations to other languages of the Turkic root]. Kazan, Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1903, 933 p. (In Russian)
- Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Metazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Metalinguistic representation of the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics]. 2023, no. 2, pp. 180–216. (In Russian)
- Koshkareva N. B., Solov'ov V. N. Komparativnye konstruktivnyye s semantikoy ekvivalentnosti v mansiyskom yazyke [Comparative constructions with equivalence semantics in the Mansi language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 3, pp. 80–94. (In Russian)
- Kyrzhinakova E. V. *Sposoby vyrazheniya sravneniya v khakasskom yazyke* [Means of expressing comparison in the Khakass language]. Cand. philol. sci. diss. Abakan, 2010, 262 p. (In Russian)
- Malov C. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. Teksty i issledovaniya* [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and studies]. Moscow, Leningrad, AN USSR, 1951, 451 p. (In Russian)
- Melioranskiy P. M. *Kratkaya grammatika kazak-kirgizskogo yazyka* [Brief grammar of the Cossack-Kyrgyz language]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy akad. nauk, 1897, pt. 2: Sintaksis [Syntax], 92 p. (In Russian)
- Nasilov V. M. *Grammatika uygurskogo yazyka* [Grammar of the Uyghur language]. Moscow, 1940, 152 p. (In Russian)
- Pevnov A. M. O proiskhozhdenii pokazatelya tvoritel'nogo padezha v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [On the origin of the instrumental case marker in the Manchu-Tungusic languages]. *Yazyki*

i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 1 (iss. 53), pp. 70–79. (In Russian)

Shamina L. A. Morfosintaksicheskie sposoby kodirovaniya mnozhestvennosti situatsiy i ikh uchastnikov v tuvinskom yazyke [Morphosyntactic methods of encoding the plurality of situations and their participants in the Tuvan language]. In *Tyurkskie arealy Sibiri* [Turkic areas of Siberia]. Novosibirsk, Akademizdat, 2022, pp. 358–375. (In Russian)

Shcherbak A. M. *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (narechie, sluzhebnye chasti rechi, izobrazitel'nye slova)* [Essays on the comparative morphology of Turkic languages (adverbs, functional parts of speech, figurative words)]. Leningrad, Nauka, 1987, 152 p. (In Russian)

Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka s perevodom znacheniy slov i ustoychivyykh slovo-sochetaniy na rus. yaz. [Explanatory dictionary of the Tuvan language with translation of the meanings of words and stable word combinations into Russian Language]. Vol. 1. Novosibirsk, Nauka, 2003, 596 pp.; Vol. 2. Novosibirsk, Nauka, 2011, 795 p. (In Russian)

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1968, 646 p. (In Russian)

Tybykova L. N. *Sravnitel'nye konstruktii altayskogo yazyka* [Comparative constructions in the Altai language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Alma-Ata, 1989, 19 p. (In Russian)

Ubratova E. I. Sledy drevnikh tyurkskogo, uygurskogo i kirgizskogo yazykov v sovremennykh yazykakh Sibiri [Traces of ancient Turkic, Uyghur, and Kyrgyz languages in modern languages of Siberia]. In *Izbrannye trudy. Issledovaniya po tyurkskim yazykam* [Selected works. Research on Turkic languages]. Novosibirsk, Editorial and Publishing Center of NSU, 2011, pp. 58–67. (In Russian)

Vasiliev Yu. I. *Sposoby vyrazheniya sravneniya v yakutskom yazyke* [Ways of expressing comparison in the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 111 p. (In Russian)

List of sources

Cherlig-ool K. *Ayalga*. Kyzyl, 1990, 192 p. (In Tuvan)

Khomushku V. U. *Moncharlyg kizhi*. Kyzyl, 1993, 191 p. (In Tuvan)

Surun-ool S. *Tyvalaar kuskun*. Kyzyl, 1994, 348 p. (In Tuvan)

Suvan Sh. *Tool churttug ool*. Kyzyl, 1994, 64 p. (In Tuvan)

Tuvinskie geroicheskie skazaniya: Khunan-Kara, Bektug-Kirish, Bora-Sheeley [Tuvan heroic tales: Hunan-Kara, Bektug-Kirish, Bora-Sheeley]. In *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka, 1997, 584 p. (In Tuvan)

Ydyktyg Bibliya [Ydyktyg Bible]. Moscow, Bibliya ochulgazynyn institudu, 2011, pp. 1327–1379. (In Tuvan)

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

20.03.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Людмила Алексеевна Шамина – д-р филол. наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Lyudmila A. Shamina – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

shamina_la@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0539-7732>

ФОНЕТИКА

УДК 811.51 + 81'34 + 81'35 + 81'27 + 81'26
DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-107-123

Основные фонетические особенности нанайского идиома *хэдзэни*

В. С. Харитонов

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

Описаны основные фонетические особенности нанайского идиома *хэдзэни*, центр которого располагается в настоящее время в с. Дада Нанайского района Хабаровского края: наличие веляризованных аффрикат, монофтонгизация дифтонгов и другие сопутствующие явления. Учитывается социолингвистический контекст, в том числе представления носителей о звуках, которые тесно связаны с кириллическими буквами, используемыми для мажоритарного русского языка. В соответствии с описанными в статье интерпретациями носителей языка специфики произношения тех или иных звуков, их соответствия буквенным обозначениям, стилям нанайской речи, предложены практические рекомендации, применимые для нанайского языкового планирования.

Ключевые слова

нанайский язык, диалектология, фонология, языковые идеологии, языковое планирование

Для цитирования

Харитонов В. С. Основные фонетические особенности нанайского идиома *хэдзэни* // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 107–123. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-107-123

The main phonetic features of the Nanai idiom *Hedzeni*

V. S. Kharitonov

The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article provides a detailed account of the primary phonetic characteristics unique to the Hedzeni idiom, a dialect spoken by the Nanai ethnosocial group residing in the village of Dada within the Nanai district of Khabarovsk Krai. The analysis centers on the distinctions between standard Nanai and Hedzeni, focusing on the velarized pronunciation of affricates preceding non-front vowels, the monophthongization of AI → Ī and AO → Ō in morphemes that are not initial or root morphemes, and associated phenomena such as the formation of causative and imperative verb forms. When the verb root ends in an affricate, an interesting phenomenon is observed where two competing trends, the velarization of affricates preceding non-front vowels and the monophthongization of vowels, are present. A detailed consideration is given to the sociolinguistic context of contemporary linguistic phenomena concerning speaker perceptions of native language phonology, specifically as it relates to the Cyrillic script of the predominantly Russian-speaking population. Several observation methods are presented for determining the acceptability of pronunciation variants. Of particular note is the unacceptability marked by a shift from Nanai to Russian when discussing the Nanai language or its dialectal variations. Following careful academic reflection, this paper presents practical recommendations for the development of the Nanai language and its revitalization through various practices, including the crucial work of developing a standardized Nanai orthography.

Keywords

Nanai language, dialectology, phonology, language attitude, language planning

© В. С. Харитонов, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

For citation

Kharitonov V. S. Osnovnye foneticheskie osobennosti nanayskogo idioma *khedzeni* [The main phonetic features of the Nanai idiom *Hedzeni*]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 107–123. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-107-123

Введение

В нанайском языке выделяют несколько диалектов, наиболее витальными на сегодняшний день являются идиомы Нанайского и Амурского районов Хабаровского края. Диалектное членение рассматривалось исследователями не раз, но нельзя сказать, что отдельные диалекты описаны в достаточной степени: диалектологические атласы отсутствуют, грамматические и фонетические исследования говоров имеют спорадический характер, в словарях содержатся лишь общие диалектные пометы, что не позволяет выявлять системность как внутри говоров, так и в сравнении с другими близкородственными и прилегающими идиомами, некоторые из которых: бикинский нанайский [Сем 1976], кур-урмийский [Суник 1948, 1958], ульчский – считаются отдельными языками¹. Границы «собственно нанайского языка» в настоящее время располагаются вдоль Амура от с. Сикачи-Алян на юге до с. Нижние Халбы на севере, на побережье о. Болонь и вверх по р. Горин до с. Кондон. Диалектное членение в некоторой степени коррелирует с современными административными границами районов. Относительно изученным можно считать найхинский говор, на базе которого существует литературная норма.

1. Хэдзэни среди других идиомов нанайского языка

Говор с. Дада (Нанайский район Хабаровского края) связан с субэтнической группой нанайцев, самоназвание которых можно записать по-русски как *хэдзэни* (нан. *хэдэни* или *хэденай*, транскрипция [хэ́э́э́ни], [хэ́э́э́ни], этимологически ‘человек низовья реки’). Географически эта группа охватывает на текущий момент, кроме «эпицентра» в собственно с. Дада, также частично и другие села Нанайского района – Даерга и Найхин, Джари и Троицкое, Синда, Маяк.

Для многих носителей этой зоны самоопределение *хэдзэни* на нанайском языке является более привычным, чем самоназвание нанайцев на большей части остального нанайского ареала – *нани* (*на́най* или *на́ни*, транскрипция [на:н’и] или [на:ни], этимологически ‘человек земли’). Для части респондентов *хэдзэни* является этнонимом, исключаящим *нани*, для других эти этнонимы могут быть синонимами, для третьих релевантно иерархическое соотношение *нани* как более общее, а *хэдзэни* как более частное. Среди остальных *нани* принято считать, что на *хэдзэни* «сильно повлияли китайцы, поэтому цокают», намекая на близость к ханьскому ареалу, с одной стороны, и отмечая или даже не приемля самую яркую черту говора *хэдзэни*, с другой².

1.1. Социолингвистическое состояние нанайского языка

В настоящее время носителей *нани* несколько сотен, включая «пассивных носителей» [Кириленко 2021]. Для оценки их возраста и количества автором, владеющим нанайским языком, и его коллегами проводились специальные исследования. Село Дада является одним³ из самых «молодых» по владению нанайским языком, возраст «активного носительства» или «возраст говорения» соответствует примерно 50 годам и старше. Возраст «пассивного носительства» доходит до 40 лет с единичными исключениями чуть более младшего возраста. В других селах *хэдзэни* проживают разреженно рядом с носителями других нанайских идиомов (а в основном среди вовсе не владеющих нанайским), и возраст носителей существенно выше, за исключением недавно переехавших выходцев из с. Дада. Многие *хэдзэни*, проживающие в Синде, Даде, Троицком, Найхине, – выходцы из ныне несуществующего с. Муха (нан. *Муху*), располагавшегося несколько ниже по течению от с. Синда и Искра.

¹ См. список языков Института языкознания РАН 2023. URL: https://jazykirf.iling-ran.ru/list_2023.shtml (дата обращения: 31.03.2025).

² Это представление релевантно в части культуры, например, огородничества: в этой сфере много китайских заимствований; при этом влияние в целом на фонетические особенности не выдерживает критики, начиная с того, что в пунунхуа присутствуют как *ц*-образные, так и *ч*-образные фонемы.

³ На несколько лет «моложе» носительство только в с. Джуен Амурского района.

Все носители нанайского языка владеют и активно используют русский язык, причем практически для всех нанайцев, проживающих в России, русский язык сейчас является основным или единственным языком общения. Языковой сдвиг происходит в пользу русского одноязычия. При этом в с. Дада при участии автора ведется деятельность по ревитализации нанайского языка, в том числе в рамках школьного обучения. Поэтому уже сейчас есть основания говорить о детском возрасте «новых пассивных носителей» по отношению к некоторым детям, которые частично понимают и способны на ограниченную коммуникацию на нанайском языке.

1.2. Литературная норма, орфография и отношение к ним

Литература на нанайском языке развивалась в основном благодаря внешним воздействиям в 30-е гг. XX в., сперва на базе латиницы, затем кириллицы, в основу литературной нормы был положен найхинский говор. При этом с точки зрения особенностей *хэдзэни* территория Найхина (включая вплотную прилегающие к нему территории, в том числе с. Даерга) представляет собой зону со смешанными диалектными признаками. Такое же, если не более яркое, смешение характерно для Синды. При этом литературная норма развивалась как компромиссный вариант, сочетающий в себе черты различных диалектов, в ряде случаев отражая более архаичные варианты (лит. *чимай*, найх. *чими* ‘утро’), в других – более прогрессивные (лит. *гучкули*, а не более архаичный диал. *гудюкули* ‘красивый’). Некоторые различающиеся лексемы используются наравне (лит., диал. *депури*, *сиаори* ‘есть, кушать’). Это позволяет говорить о наддиалектном характере нанайского литературного языка.

В нанайской орфографии на кириллической основе используются возможности йотированных букв (они обозначают наличие глайда [й] в начале слова и в интервокальной позиции, а также используются в сочетании с буквами **д** и **н** для обозначения фонем <з> и <нь> соответственно). Для глухой аффрикаты используется буква **ч**, а нефонематичная палатализация других согласных обусловлена контекстом. На практике при соположении с буквой **и** буква **й** не пишется. В конце слов буква **н** не передает согласный звук, а отражает назализацию последнего слога и «проявляется» в качестве согласного при добавлении других морфем. В официальном нанайском алфавите существует дополнительная буква **ң**, передающая заднеязычный носовой [ɲ], но в литературе эта буква имела ограниченное применение вплоть до конца 80-х гг. XX в. и использовалось сочетание букв **нг**, которое может означать как [ɲ], так и [ɲɡ]. Долготы гласных на этапе становления литературной нормы не были признаны важными для отражения на письме [Петрова 1941: 19], но в современный период в учебной литературе часто используется обозначение долгот в виде макрона над гласными: **ā, ō, ĭ, ē** и др. Также в некоторых учебных материалах, издаваемых преподавателями Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, используется специальная надстрочная конечная буква " (см., например, [Нанайская литература 2007]).

В 90-е гг. XX в. вышло много изданий в различающихся авторских орфографиях. Обычно это выражается в нарушении принципа сингармонизма, использовании буквы **ц** и, реже, сочетания букв **дз**, в двойном написании долгих гласных, несистемном использовании йотированных букв⁴, отражении стилистических и аллегорических редукций, в обозначении звуков [i] и [ɛ] одной буквой **э**. Такие тексты и издания выходят по сей день наряду с изданиями в действующей орфографии, в первую очередь учебными⁵.

На нанайском языке в разных орфографических вариантах вышло более 100 изданий (часть из них представлена в [Сводный каталог 2019]). В разные периоды издавались также и газеты. Обучение на нанайском языке велось вплоть до 60-х гг. XX в. с опорой на литературную норму [Аврорин 1957: 5], существовали учебники по некоторым предметам начальной школы.

В середине прошлого века носители нанайского языка знакомились с литературной нормой достаточно активно, но сейчас даже старшее поколение имеет о ней смутное представление. Большинство носителей «недолюбливают» литературный вариант нанайского языка, чему, видимо, есть несколько причин: 1) компромиссный подход между диалектами предполагает, что

⁴ Что дает разночтение: сочетание **дя** может быть прочитано в таких орфографических системах как [ʒa] ‘близко’ и как [ʒia] ‘друг’.

⁵ При этом нельзя сказать, что качество текста и его оформления (в частности, переносов) в учебных изданиях соответствует в полной степени «нормированным» и прошедшим необходимую корректуру.

часть словоформ не признаются «своими»; 2) письменная речь обладает своими стилистическими особенностями, которые для нанайского языка, использующегося для ограниченных сфер, уже слабо релевантны; 3) стилистическое использование нанайского языка для многих осталось релевантно детскому или подростковому периоду, это сказывается на невладении многими пластами нанайской лексики; 4) реалии жизни изменились, и культурно-языковые контексты в письменных источниках не вполне понятны; 5) литература на нанайском языке практически не доступна, носители нанайского языка плохо с ней знакомы (мало у кого дома есть хотя бы одна книга на нанайском языке); 6) дети, обучающиеся в школе и не владеющие нанайским языком, часто прочитывают нанайские тексты по правилам русской орфоэпии, чем вызывают у старших родственников-носителей заведомое отторжение нанайских учебников, самого предмета «родной язык», а также и всей нанайской литературы в стандартной орфографии.

1.3. Маркеры (не)принятия

С учетом непростого отношения к литературному нанайскому языку маркеры «своего» местного языка получают дополнительное значение. Повсеместное неприятие конечной буквы **н** сопровождается также неодобрением записей через дифтонги, полных (а не редуцированных) форм, а для *хэдзэни* также негативной реакцией на написание с отражением *чоканья* и других важных фонетических черт (см. ниже).

Для оценки приемлемости нанайского произношения и выделения осознаваемых звукотипов (см. [Князев, Пожарицкая 2011: 21–22]) я использовал несколько методов: наблюдение, консультации с носителями, но чаще всего – высказывания самих носителей о произношении других людей, в том числе о моем произношении. Такое включенное наблюдение позволило мне выделить основной критерий приемлемости определенного произношения – прекращение разговора на нанайском языке и переход на русскоязычное обсуждение нанайского языка и его речевых особенностей. Это типичный жанр в условиях языкового сдвига, происходящий постоянно и заменяющий при общении даже искренний настрой на беседу на нанайском языке. Есть и другие маркеры, такие как исправление, переспрос, рассказы о случаях из жизни, связанные с неприемлемостью, эти данные также были использованы для общего анализа. Но с точки зрения практических выводов для задач ревитализации маркер прекращения разговора и способы снижения данного переключения являются особенно интересной и важной задачей. Стремление сохранять при общении значимые черты местного идиома может вызывать ответные реплики одобрения, например, *бусисиси* ‘стараешься’⁶ или, наиболее благополучный вариант, продолжение беседы на нанайском языке без обращения внимания на особенности произношения.

Степень неприемлемости у разных собеседников различается в зависимости от: 1) возраста: старшие обычно более категоричны, младшие более лояльны, хотя есть немало неговорящих, которые высказывают свою точку зрения о том, как говорить «правильно»; 2) образования: более высокий уровень образования обычно связан с менее категоричным выражением мнения, при заметно более слабом стремлении общаться на нанайском языке, то есть в среднем все равно высокая частота прерывания беседы; 3) знакомства с нанайской литературой: более широкое владение повышает уровень лояльности; 4) понимания процесса языкового сдвига и целей сохранения и развития языка: более высокая сознательность связана с повышением лояльности.

2. Основные черты идиома *хэдзэни*

Наиболее яркая черта *хэдзэни* – так называемое *цоканье-дзоканье* (в противоположность *чоканью-дёканью*), при котором аффрикативные фонемы <ч> и <з> перед непередними гласными произносятся в веляризованном или даже зубном варианте со свистящим акустическим эффектом в варианте [ц] и [з̥], но перед передними гласными аффрикаты реализуются в «обычном» палатализованном или даже палатальном варианте с шипящим акустическим эффектом [ч] и [з]⁷. *Цоканье* и *дзоканье* встречаются также в ограниченной степени в других селах со смешанным проживанием *хэдзэни*, причем *цоканье* может сосуществовать с *дёканьем* даже в речи одного

⁶ Данная форма в литературном нанайском должна быть записана как *бусэйсиси* ‘стараешься’, но при общении с *хэдзэни* даже при малейшем намеке на [э] в корне будет пониматься ровно противоположно – как *бусэсиси* ‘не стараешься’.

⁷ Подробнее о выборе знаков *ж* и *з* и их истории в нанайском см. ниже, в разделе 5.3.

носителя, а некоторые носители даже могут утверждать, что не *цокают*, и при этом *цокать*. Вероятно, ранее осознание противопоставления обобщенных *цоканья* и *чоканья* было менее важным, возможно также, что *цоканье* в середине XX в. было менее престижным на фоне стремления обучить литературной норме. Однако в последние десятилетия, учитывая фактическое отсутствие нанайского языка в общественной (наддиалектной) сфере, а также мощное влияние русского языка с противопоставлением фонем и звукотипов <ц> и <ч>, для языкового сообщества в Даде, где *цоканье* и *дзоканье* являются единственным возможным вариантом, *чоканье* и *дэканье* стало осознаться как неприемлемое, из-за чего возникают споры и даже драки с представителями *чокающих* идиомов, что также указывает на важное символическое значение территориально-этнического феномена *хэдзэни*.

Для дальнейшего представления особенностей *хэдзэни* необходимо кратко обозначить основные фонетические черты нанайского языка, принятые для настоящей работы.

2.1. Гласные

В стандартном нанайском языке шесть базовых гласных фонем, которые делятся на две серии, признак распределения которых не имел серьезного артикуляторного и акустического анализа. В. А. Аврорин указывает, что есть серия с гласными более высокого и более низкого подъема, причем «гласные, относящиеся к более низкой по подъему серии, имеют несколько отодвинутую назад артикуляцию» [Аврорин 1959: 19], эта точка зрения является основной до сих пор в российском нанайведении. В работе [Ko, Yurn 2011] основанием для различения серий предлагается считать признак отодвинутости корня языка (*retracted tongue root*, *RTR*). Я использую для обозначения этих серий метафорически два нанайских слова: *соута* ‘глубоко’ и *уйлэ* ‘вверху’ (см. табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Простые гласные фонемы Simple vowel phonemes

[Аврорин 1959]			Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
	[Ko, Yurn 2011]	Настоящая работа	– back	– rounded	+ rounded
			Передние, <И> ⁸	Непередние	
				<А>	Огубленные, <О>
Первая серия	– RTR	<i>уйлэ</i>	<и> (орф. и)	<э> (орф. э)	<у> (орф. у)
Вторая серия	+ RTR	<i>соута</i>	<и> (орф. и)	<а> (орф. а)	<о> (орф. о, у)

Признак серии релевантен для всего слова (поэтому возможна такая интерпретация, что фонетическое слово обладает признаком *соута* или *уйлэ*, а простых гласных фонем три, которые применяются в зависимости от этого признака), при этом в последнем слоге может происходить качественная редукция, переход гласного из *соута* в *уйлэ*; в орфографии О-гласный в последнем слоге принято обозначать буквой у.

В нанайском языке выделяют дифтонги и долгие гласные, которые можно считать сочетанием или слиянием простых гласных [Радченко 1984, 1986]. Дискуссионен статус трифтонгов. Носовые гласные получаются в результате реализации конечной носовой фонемы (<н> или <ʌ>) в абсолютном конце слова. В таблице 2 на с. 112 представлены варианты долгих гласных и дифтонгов, которые возможны для обеих серий.

⁸ Здесь и далее заглавная буква в треугольных скобках означает архифонемы: И – любая фонема переднего ряда {<и>, <і>}, А – любая фонема среднего ряда {<а>, <э>}, О – любая фонема заднего ряда {<о>, <у>}.

Таблица 2

Table 2

«Сложные» гласные фонемы (долгие и дифтонги)
Complex vowel phonemes (long vowels and diphthongs)

Архифонемы	И	А	О
И ⁹	Й: ĭ, ĭ̃ (орф. и)	ИА: i̯a, i̯ã (орф. иа, иэ)	ИО: i̯o, i̯õ (орф. ио, иу)
А	АИ: a̯i, a̯ĩ (орф. ай, эй)	Ā: ā, ā̃ (орф. а, э)	АО: a̯o, a̯õ (орф. ао, уу)
О	ОИ: o̯i, o̯ĩ (орф. ой, уй)	ОА: o̯a, o̯ã (орф. оа, уэ)	Ō: ō, ō̃ (орф. о, у)

Общее количество гласных фонем при различных способах их определения и подсчета может варьировать от трех (И, А, О) до двадцати четырех (шесть простых, шесть долгих, двенадцать дифтонгов) или даже сорока восьми (если носовой признак гласных считать фонематичным, см. [Аврорин 1959: 31]), без учета трифтонгов с неясным статусом и номенклатурой.

Различие в области осознаваемых звукотипов и орфографической записи касается в основном неразличения <и> и <i>, обозначением их одной и той же буквой **и**, при этом наиболее осознаваем [i] в первых слогах и, особенно, в абсолютном начале слова. Многие носители стремятся обозначать в собственных системах записи этот звук буквой э, что приводит к другому орфографическому смещению – <i> и <э>.

2.2. Согласные

Согласные в нанайском языке в основном представлены смычными, которые обладают рядом особенностей артикуляции, такими как апиальность переднеязычных [Аврорин 1959: 33–34], участие ларингала [Радченко 1985], эйективность [Зимин 2020]. В таблице 3 приводятся окклюзивные (смычные и аффрикативные) согласные фонемы и их аллофоны из числа осознаваемых¹⁰ носителями звукотипов (не имеющих при этом смыслоразличительного фонематического значения).

Таблица 3

Table 3

Окклюзивные неносовые согласные (смычные и аффрикаты)
Occlusive non-nasal consonants (stops and affricates)

Фонемы	Реализация аллофонов в зависимости от вокального контекста
смычные губно-губные <б>, <п>	перед передними гласными палатализируются: [б], [п] перед {<А>, <О>} [б'], [п'] перед <И>
смычные переднеязычные зубные-альвеолярные <д>, <т>	[д], [т] перед любыми гласными (графическая форма ди обычно означает <ЗИ>)
аффрикаты среднеязычные альвеолярные-палатальные <з>, <ч>	характерно для <i>нани</i> : [ч], [з] во всех позициях характерно для <i>хэдзэни</i> : [ц], [з] перед ¹¹ {<А>, <О>}; [ч], [з] перед <И>
смычные заднеязычные палатальные-велярные-увулярные <г>, <к>	в серии <i>уйлэ</i> : велярные [к], [г], перед и – велярно-палатальные [к'], [г'] в серии <i>сошта</i> : увулярные [к], [г], перед и – увулярно-велярные [к'], [г']

⁹ Возможно, для некоторых или всех случаев в абсолютном начале слова или в интервокальной позиции орфографические варианты **я, е, ё, я, ва, вэ** означают соответственно дифтонги *i̯a, i̯e; i̯o, i̯u; o̯a, u̯e*.

¹⁰ Вероятно, такое осознание в том числе оказывает влияние на корректирование речи детей и на последующие диахронические изменения в языке, как в естественных условиях, так и, особенно, при сознательной ревитализации языка.

¹¹ Фонема <ч> в небольшом количестве случаев встречается в кластере согласных перед согласным <х>, реализуется с *ц*-вариантом; у этих слов существуют диалектные / письменные варианты с полногласием (более архаичным или развившимся): *унчху*^н ~ *ундоху*^н ‘бубен’, *бичхэ* ~ *бичихэ* ‘письмо’, *пичхай* ~ *пичихай* ‘небрежно’, объяснение *цоканья* в которых может быть связано не с редуцированным слогом, а с гласной, следующей за <х>.

Носовые согласные в целом могут следовать общим тенденциям смычных. Так, губно-губная носовая смычная фонема <м> перед передними гласными реализуется в палатализованном варианте [м']; заднеязычная носовая фонема <н> имеет варианты: велярно-палатальный [н'] (*утууги* 'оморочка'), велярный [н] (*уэлэури* 'испугаться'), велярно-увулярный [н'] (*хавауи* 'подмышка'), увулярный [н] (*уāла* 'рука').

Вопрос о разграничении фонем <н> и <нь> недостаточно изучен: чаще всего в корнях и аффиксах звук [н] предшествует непередним гласным, а [нь] можно интерпретировать как выражение собственно фонемы <нь>. При этом в *хэдзэни*, согласно симметрии со средненебными аффрикатами, можно предположить реализацию [н] фонемы <нь> перед <А>, <О>, но провести наблюдения можно только после более тщательного фонематического анализа. Есть случаи, когда <нь> появляется перед непередними, но их можно интерпретировать как <ньИ> перед <А>, <О>. Такие интерпретации отмечены также в словарях, например, слово *нэури* 'выходить' в словаре представлено также более распространенным вариантом *ниэури* [Петрова 1960: 90, 92]. При этом если для частотного слова *нэани* 'он, она' постулировать структуру <ньюаь>, придется утверждать, что существует корневой трифтонг.

Важно отметить, что некоторые носители (особенно слабо знакомые с литературной нормой) произносят местоимение с непалатальным вариантом – [ноаьи]. Возможными примерами для анализа избегания в *хэдзэни* сочетания [нь] с непередними гласными могут стать также слова с передвижением гласных в передние, ср.:

	лит.	<i>нани</i>	<i>хэдзэни</i>
'трава'	<i>нядяха</i>	[н̥азаха]	[н̥ижаха]
'немного'	<i>няуга</i>	[н̥ауга]	[н̥иуга]

Есть и другие примеры, в том числе в зоне вариативности, на пересечении тенденций реализации фонем <н> и <нь>. Так, наряду с [на:ни], [хэ́зэни] существуют [на:н'и], [хэ́зэн'и] – здесь даже на синхронном уровне необходимо признать палатализацию фонемы [н], так как существует связь с исходной лексемой *най* 'человек'. Палатализованный вариант даже более распространен (например, в словах, также производных от *най*: *хусэни* 'мужчина', *эктэни* 'женщина'), особенно у более молодого поколения; при этом в речи одного человека могут встретиться обе формы, или носитель будет выбирать наиболее подходящую. Ниже будут показаны случаи, когда <н> оказывается перед <И> в результате монофтонгизации и не становится палатальным.

Щелевой согласный <х>, соответствуя общей тенденции заднеязычных согласных, реализуется в велярно-палатальном, велярном, велярно-увулярном и увулярном вариантах. Щелевой согласный <с>, сонорные <р> и <л> палатализируются перед <И>. Палатализация согласных в кластерах согласных часто «проникает» вперед, вызывая палатализацию, где это возможно. Для <л> такие случаи особенно рьяно утверждают носителями *хэдзэни* (лит. *балдини* 'жить', [балзі́ни], мест. орф. *бальдини*). В. А. Аврорин выделяет несколько степеней палатализации для <л> в зависимости от последующего гласного или согласного, причем все варианты нанайского <л> находятся внутри зоны между русскими <л> и <л'> [Аврорин 1957: 50].

Глайды (полугласные, аппроксиманты) обладают целым рядом черт, отличающих их от других согласных, они возможны только в интервокальной позиции или в абсолютном начале слова, при этом палатальный глайд [й] отражает, как правило, редуцированную часть дифтонгов, содержащих <И>, в орфографической записи именно тут появляется собственно буква й. Губной глайд [ў] (на письме обозначается как **в**, а в системах транскрипции обычно как [w]) не встречается перед <И>.

Особое место в нанайском языке занимают образные слова, которые обладают особыми чертами в области фонетики (см., например, [Киле 1973: 57]): долгие согласные на конце слов, сверхдолгие гласные, некоторые кластеры согласных и двойные согласные, что в других лексических категориях не встречается. В настоящей работе данные, связанные с образными словами, не привлекаются.

3. Особые черты *хэдзэни*

Наиболее яркими отличительными чертами *хэдзэни* являются веляризованная реализация аффрикат перед непередними гласными и монофтонгизация ряда дифтонгов. Исследователи отмечают эти особенности [Аврорин 1957: 31–32; 1959: 27–28; Радченко 1983, 1984], но чаще всего характеризуют их как «один из вариантов найхинского говора», сосуществующий наряду со «стандартным» нанайским. Для с. Дада эти признаки являются невариативными, вариативность наблюдается лишь в особых случаях, которые будут показаны ниже.

Также можно отметить такие особенности, как отсутствие второго компонента «исходного падежа» *-зIIА-зII*, редкое употребление некоторых форм¹², ряд корневых соответствий, чаще всего различающихся в области вокализма: *досодиори* (лит. *досидяори*) ‘слушать’, *бусисиури* (лит. *бусэсиури*) ‘стараться’, *гусэрэури* (лит. также *гисурэури*) ‘рассказывать’ и др. В данной работе такие случаи мы не рассматриваем, оставляя их для более подробных диалектологических исследований.

На смежном фонетическо-фонологическом уровне также можно отметить, что в различных некорневых дифтонгах (или в дифтонгах не в первом слоге) происходят редукции: мест. орф. *хэсэди́ни* вместо лит. *хэсэдиэ́ни* ‘на (каком-либо) языке’, *нёандо́ни* вместо *нёандоэ́ни* ‘у него, у нее’, *эне* вместо *эниэ́* ‘мать’, *пэгелэ́ни* вместо *пэгиэлэ́ни* ‘снизу (чего-либо)’; это характерно для аллегровой речи и не дает оснований для пересмотра фонемного состава *хэдзэни*, но в целом ряде идиолектов в зоне *хэдзэни* такие редуцированные формы являются единственно возможными, а произнесение полных форм вызывает недоумение или даже неприятие; малое количество дифтонгов отмечается также и для другого верховского, кур-урмийского идиома [Суник 1948: 540].

3.1. Монофтонгизация в парадигме причастия настоящего времени

Монофтонгизация *АИ* → *Й* происходит во всех непервых или во всех некорневых слогах, и есть все основания считать, что этот процесс происходил не раз. Такие исторические дифтонги в корнях на сегодняшний момент уже прошли подобное преобразование, причем широко известны самые поздние примеры монофтонгизаций: слова, зафиксированные в орфографии как *чимай* ‘утро’, *бортai* ‘совсем’, *Билдай* (название рода и фамилии), звучат монофтонгически практически на всем ареале нанайского языка: [чím’i], [бортí], [б’íлдí] (ср. русскоязычную запись фамилии *Бельды*).

Самый частый случай некорневого образования дифтонга – на стыке морфем, конца основы *-А* и показателя причастия¹³ настоящего времени *-И*¹⁴, причем есть основания считать, что этот показатель сам образовался исторически из *-АИ-* [Аврорин 1961: 68]¹⁵. Именно такие примеры мы и рассмотрим ниже, отмечая попутно некоторые наблюдения за согласным, предшествующим *-А* (см. табл. 4 на с. 115).

Особенно интересен случай односложного корня глагола *таори* ‘делать’ (не являющегося, вопреки своей односложности, каким-либо «неправильным» в целом по парадигме), где все равно происходит монофтонгизация, следуя правилу для некорневых дифтонгов.

Согласные, которые имеют палатализованные варианты, перед гласным, образованным из дифтонга *АИ* → *Й*, палатализируются, появляются формы: [ʒap’i] (лит. *дяпай*) ‘держаший’, [gəl’i] (лит. *гэлэй*) ‘просящий’, [kaps’i] (лит. *капсай*) ‘перевязывающий бинтом’, [morqol’i] (лит. *морколай*) ‘крутящий’ и др.

¹² Возможно, что в условиях языкового сдвига, при утере части языковой полноты, в том числе стилистической.

¹³ В нанайском языке эта форма с лично-числовыми показателями используется и для выражения глагола в изъявительном наклонении в функции сказуемого; это более частотная форма по сравнению с собственно причастием, но для удобства представления примеров здесь и далее я буду говорить о «форме причастия».

¹⁴ Этот показатель может быть записан в фонологической записи как *Й*, но в дальнейшем он взаимодействует с гласным корня, становясь частью дифтонгов *ОИ*, *АИ* или образуя долгий гласный *Й*.

¹⁵ В. А. Аврорин ссылается на «Краткий нанайско-русский словарь» Т. И. Петровой, возможно, на какое-то переиздание этого словаря или на другую работу, так как такое утверждение в издании «Краткого нанайско-русского словаря» (1935 г.) отсутствует.

Таблица 4
Table 4**Монофтонгизация после непалатализирующих согласных *д, т, н***
Monophthongization after non-palatalized *d, t, n*

Согласный последнего слога основы	Орфографическая запись	Морфемное членение, перевод, глоссы	Хэдзэни
д	<i>дэгдэй</i>	<i>дэгдэ-и</i> 'летающий' (лететь-NPST)	[дэгдй] (мест. орф. <i>дэгды</i>)
т	<i>мутэй</i> <i>тай</i>	<i>мутэ-и</i> 'могущий' (мочь-NPST) <i>та-и</i> 'делающий' (делать-NPST)	[мутй] (мест. орф. <i>муты</i>) [тй] (мест. орф. <i>ты</i>)
н	<i>симанай</i>	<i>симана-и</i> 'снежащий' (снежить-NPST)	[с'иманй] (мест. орф. <i>симаны</i>)

Если перед монофтонгизованным дифтонгом АИ → Ы оказываются аффрикаты <з>, <ч>, наблюдается вариативность, обусловленная противостоянием двух отличительных особенностей *хэдзэни*: если перед Ы аффрикаты выступают в формах [ч], [з], то в сознании говорящих происходит «неожиданное чоканье» для хорошо знакомой им лексемы, содержащей [ц], [з]. Случаи *[цй], *[зй], в свою очередь, будут «нарушать» принцип фонологического единства <ч> {ц, ч}, <з> {з, з}. Еще есть вариант использовать нехарактерную для идиома «литературную» немонафтонгизованную форму АИ. Этот неразрешимый «конфликт» тенденций вызывает беспокойство (неприятие и растерянность) носителей, которые при элицитации или просьбе уточнить начинают искать подходящую форму: *цаи* / *чй* / *цыи*. Чем больше рефлексировать и рассуждают носители, тем сложнее становится им выбрать форму; часто соседствуют утверждения «я так не говорю» и реализация той же формы в обычной речи. В таблице 5 представлены варианты, сосуществующие в *хэдзэни* даже в речи одного и того же человека; для сравнения эти лексемы представлены также в формах причастия прошедшего времени.

Таблица 5
Table 5**Монофтонгизация после аффрикат**
Monophthongization after affricates

Согласный последнего слога основы	Форма причастия настоящего времени			Форма причастия прошедшего времени
	Орф. запись	Морфемное членение, перевод на русский язык и глоссы	<i>хэдзэни</i>	<i>хэдзэни</i>
<з>	<i>мэлдей</i>	<i>мэлзэ-и</i> 'летающий' (побеждать-NPST)	<i>мэлзй, мэлзй,</i> <i>мэлзэи</i> ¹⁶	<i>мэлзэхэ", мэлзэ-хэ"</i> 'победивший' (победить-PST)
<ч>	<i>ичэй</i>	<i>ичэ-и</i> 'видящий' (видеть-NPST)	<i>ичй, ичй,</i> <i>ичэи</i> ¹⁷	<i>ичэхэ", ичэ-хэ"</i> 'увидевший' (видеть-PST)

Монофтонгизация АИ → Ы наиболее ярко проявляется в парадигме настоящего времени у первого типа глагольных основ. При этом для третьего и четвертого типа существуют также заметные отличия от литературной нормы. В таблице 6 на с. 116 приведены показатели формы причастия настоящего времени для разных типов.

Отличие «непалатализованных» [д]-, [т]- в *хэдзэни*, скорее всего, показывают более архаичную форму, при которой фонемный состав морфемы настоящего времени должен быть определен как <ДИ> или даже <ДАИ> с закономерной реализацией [дй] / [тй].

¹⁶ На письме может передаваться как *мэлзэи*, причем акустически действительно может быть слышен этот необычный для нанайского языка «дифтонг» [йи].

¹⁷ На письме может передаваться как *ичэи*.

Таблица 6

Table 6

**Морфологические показатели формы причастия настоящего времени
для разных типов основ глаголов**
Morphological indicators of the present participle form for different types of verb stems

Тип по концу основы	Орф.	<i>нани</i>	<i>хэдзэни</i>	Перевод на русский язык и глоссы
1) на простой гласный	<i>оми</i> <i>тутуй</i> <i>энэй</i>	<ом-и> [ом'и] <туту-и> [тутуи] <энэ-и> [энэи]	-/- -/- -/- [эни]	‘пьющий’ (пить-NPST) ‘бегущий’ (бежать-NPST) ‘идуший’ (пойти-NPST)
2) на сложный гласный	<i>сиари</i> <i>тури</i>	<сиа-ри> [с'iar'i] <ту-ри> [түр'i]	-/- -/-	‘едающий’ (есть-NPST) ‘падающий’ (упасть-NPST)
3) на согласный	<i>унди</i> <i>гупчи</i>	<ун-зи> [ун'зи] гуп-чи [гупчи]	<ун-дзи> [ундй] <гуп-тзи> [гуптй]	‘говорящий’ (сказать-NPST) ‘потухающий’ (потухнуть-NPST)
4) глаголы <i>о-, ди-, га-</i> ¹⁸	<i>оди</i> <i>диди</i> <i>гади</i>	<о-зи> [оzi] <зи-зи> [зизи] <га-зи> [гази]	<о-даi> [одi] <зи-тзи> [зидй] <га-даi> [га-дi]	‘становящийся’ (становиться-NPST) ‘приходящий’ (прийти-NPST) ‘покупающий’ (купить-NPST)

3.2. Монофтонгизация при других морфемах

В той же позиции в некорневых морфемах происходит процесс монофтонгизации АО → Ō. Эта система, при которой А-инициали дифтонгов оказываются «слабыми», находится в оппозиции к иерархии, релевантной для корневых морфем: А > О > И. Есть основания считать, что в конце слов существует другая иерархия О > И > А (ср. обсуждение восходящих и нисходящих дифтонгов в [Аврорин 1957: 29]). Приведем два ярких примера этой монофтонгизации – при морфемах императива и каузатива.

Императив 2-го л. ед. ч. в нанайском языке описывается следующим образом: <рО> – показатель для 1-го и 2-го типов, <ДО> – для 3-го и 4-го типов. Эта форма (особенно орф. -ру) для 1-го типа широко представлена в литературе, при этом не является распространенной в устном общении (ср. [Аврорин 1957: 22]). С точки зрения системности это необычный факт для типичного чередования в зависимости от типа глагола. Обычно согласным -р- 2-го типа и -д- / -т- 3-го типа соответствует отсутствие согласного в первом типе во множестве парадигм: в представленной выше парадигме настоящего, а также при отрицании в настоящем, отрицании в прошедшем, прохибитиве.

В разговорной речи форму на -ру чаще всего поймут, могут произнести при чтении книг, но в обычном общении будут использовать суффикс -О, который добавляется к основе, образуя [iō], [iu], [aō], [эу], [ō], [y]. У носителей *нани*, особенно горинских говоров, встречаются немногочисленные формы, хотя и с заметным преобладанием О-финали, а в *хэдзэни* встречаются исключительно формы с редуцированной А-инициальной, при этом, предположительно, с долгим Ō: [эну] <энэ-у> ‘иди’, [хаполу] <хапол-ла-о> ‘подмети’ и др.

Еще один случай перестройки группы гласных, содержащих дифтонг, происходит в формах каузатива. Считается, что суффикс каузатива для 1-го, 2-го, 4-го типов – -вАн- (для 3-го типа -бОвАн-), с его помощью образуются такие словоформы, как *тутувээн*-, *энэвээн*-, *сиавээн*-. В *хэдзэни* функционируют формы, которые можно условно записать как *тутууээн*-, *энуээн*-, *сиаоан*- (основы каузативных форм от ‘бежать’, ‘пойти’, ‘есть’) ¹⁹. Их можно объяснить, предложив рассматривать суффикс каузатива как -ОАн- (а с учетом необходимости объяснять морфологические чередования, возможно -йОАн- или даже -йОуАн-). И если в большинстве случаев гласный основы просто взаимодействует с этим слогом, вызывая редукции качества и количества гласных в некоторой степени, то формы 1-го типа, заканчивающиеся на -А, подчиняются общему правилу АО → Ō, из-за чего гласный А основы редуцируется полностью.

¹⁸ К этой же группе традиционно относят глагол *би*-, но в парадигме причастия настоящего времени он ведет себя иначе, соответствуя первому типу.

¹⁹ По моей просьбе были записаны такие варианты: *тутувэндый*, *энуэндый*, *сиавондый*.

4. Отношение носителей к явлениям языка

В настоящей статье основной анализ связан со звукотипами, что имеет и практическое значение, ведь такое осознание звуков транслируется в языковой рефлексии, в том числе при передаче языка, а также влияет на орфографические решения, что важно для процессов ревитализации.

4.1. Некоторые звукотипы в нанайском языке

Доминирование русского языка влияет на представления о звуках родного языка, что откладывает отпечаток на восприятие обозначающих их нанайских букв.

1) Конечная буква **н**. В нанайском языке возможно постулирование специальной фонемы <ⁿ>, это может быть предметом специального исследования. В русском языке конечная буква **-н** осознается исключительно как звук [н]; носовые призвуки гласных не являются фонематическими и не осознаются как звукотипы. Написание конечной буквы **н** носители обычно считают «главной бедой» нанайской письменности, а слыша соответствующее прочтение, резко реагируют, порицая не только подобное чтение, но вместе с ним и сам принцип нанайской орфографии.

2) Две серии гласных. В нанайском языке это важный признак фонетического слова. В русском языке широкая зона реализации фонемы <э> акустически соответствует нанайским <э>, <и>, признак + RTR отсутствует. В нанайском при редукции огубленной фонемы серии *соута* возникает переосознание [о] как [у]. Увулярные варианты заднеязычных в серии *соута* осознаются как особые звукотипы, которым нет русских соответствий. Акустические проявления увулярных, по-видимому, связаны с (ко)артикуляцией + RTR слов (гласных) серии *соута*, а их отсутствие указывает на непроявление этого признака, что приводит, вероятно, к затруднению перцептивного распознавания границ фонетических слов, а такая речь признается «менее красивой с русским акцентом».

Другие черты нанайских согласных, такие как особенности формы смычки, наличие гортанной смычки, уже не считаются обязательными, хотя носители могут вписать это в «общий акцент» без конкретного описания акустических или артикуляторных особенностей.

4.2. Некоторые звукотипы в *хэдзэни*

В *хэдзэни* звукотипы [ц] и [ч], [ж] и [з] осознаются как разные, что сближает их восприятие с соответствующими русскими аффрикатами. Неиспользование этих звуков в речи считается среди *хэдзэни* ошибочным, а отсутствие соответствующих букв считается недочетом орфографии.

Видимо, также под влиянием представления о русском языке носителями осознается отдельный звукотип палатализованного [л'] перед другими палатализованными согласными, проявляющийся нерегулярно в таких словах, как [бал'з'и́н] *балдини* 'живет', [ол'г'и́аⁿ] *олгиан* 'свинья'. В *нани* существуют единичные лексемы с сочетанием *ти*, например, *тиэсэ* 'рубль', в *хэдзэни* таких случаев заметно больше перед описанными случаями монофтонгизации АИ → Ё, причем для части парадигмы формы причастия настоящего времени приходится постулировать иной фонологический состав морфем, чтобы объяснить соответствие [т'И] ~ [чИ], [д'И] ~ [зИ]. Эти сочетания являются скорее исключением для звукотипов *нани* (я даже слышал палатализованные варианты произнесения образных слов *тиас* 'полный', *тиап* 'целиком' носителями Амурского района), при этом являются соответствиями русским сочетаниям типа *ты*.

Обобщенное мнение носителей о несоответствиях между стандартной орфографией и *хэдзэни* можно выразить тезисно так: «литературная норма плохая / не подходит для записи нанайского языка»; «в школе детей учат неправильно»; реже – «латиница подходит нанайскому языку лучше», «надо писать, как говорится» (то есть используя **ц** и **дз**, отражая редукции в разговорной речи, используя букву **ы**).

5. Вместо заключения: практическое применение

Представление о звукотипах и случаи неприемлемости тех или иных написаний или произношений для носителей языка позволяют сделать несколько выводов для задач развития нанайского языка. Эти выводы имеют комплексный и разносторонний характер.

5.1. Идеи для практик ревитализации

Развитие навыков чтения среди владеющих нанайским языком должно учитывать следующие факторы: 1) для навыка соотнесения письменной и устной речи наиболее подходящим является формат аудиокниг, которые можно одновременно слушать и читать; 2) для повышения уровня грамотности необходимо предоставлять возможность чтения актуальных текстов на нанайском языке, в первую очередь оригинальной литературы, также переводной литературы, блогов, СМИ.

Для развития навыков письма действенным механизмом может стать автоматическая система проверки орфографии, которая предлагает исправления в реальном времени (особенно важно для мобильных телефонов) или для обработки текстов. Также эта система, совместно с системой распознавания голоса, может пассивно обучать навыкам письма в действующей орфографии.

Повышение уровня знакомства с разными диалектами нанайского языка (и ближайшими родственными языками, в первую очередь с ульчским) будет способствовать повышению уровня толерантности к диалектному разнообразию, возможно через аудио- и особенно видеоматериалы на актуальные темы, в которых высказываются носители разных диалектов. Возможные форматы разнообразны: кино, мультфильмы, видеоблоги, телевидение. Разнообразие диалектов может сосуществовать в разных выпусках программ или каждый выпуск может концентрироваться на одном из говоров.

Для общения с детьми младшего возраста во внутрисемейном общении, при реализации практик ревитализации, близких к «Языковому гнезду», в детских садах и школах при работе коммуникативными методами необходимо опираться на развитие бытового общения на местном говоре, после чего необходимо расширять лексический, грамматический, стилистический и фонетический уровни в том числе через чтение нанайской литературы, созданной на литературном нанайском языке в действующей орфографии, а также, хотя бы для пассивного владения, знакомиться с другими диалектами нанайского языка.

Языковым мастерам при реализации практик ревитализации, а также учителям, преподавателям нанайского языка особое внимание необходимо обращать на артикуляционные особенности, не являющиеся оппозиционными с точки зрения фонем и звукотипов, такие как увулярные согласные, особенности артикуляции смычных, оттянутость корня языка (+ RTR) и другие, которые необходимо подробнее изучить с помощью методов и инструментов экспериментальной фонетики.

5.2. Общие идеи для развития орфографических принципов

Говоря о звукотипах нанайского языка, возможно обсуждение совершенствования нанайской орфографии. Наиболее актуальными являются две разные практические задачи: 1) разработка удобной практической системы транскрипции звучащей речи *хэдзэни*; также, при необходимости, эта же система может быть использована для других говоров, с отражением их особенностей; 2) доработка орфографии, универсальной и применимой для всех существующих нанайских диалектов. Также возможны более широкие задачи, такие как разработка общей системы орфографии для близкородственных языков, что может напоминать морфофонологические системы для родственных языков с долгой историей общей письменной системы и, наоборот, более узкие, при которых с помощью транскрипции есть возможность фиксации определенных черт (таких как коартикуляционные или другие нефонологические явления). В целом мои рассуждения будут следовать задаче о возможных коррективах в системе общей нанайской орфографии, которые, не снижая уровень удовлетворения записи других нанайских диалектов, помогут использовать общую письменность применительно к *хэдзэни*.

Во-первых, необходимо отметить два важных процесса в развитии письма, которые происходят, но недостаточно широко и не являются вполне официальными для системы орфографии: 1) отражение долгот с помощью макронов: единого мнения носителей и учителей, что такие долготы должны использоваться повсеместно, причем не только во всех учебных материалах, но и в других случаях, то есть быть неотъемлемой частью нанайской орфографии; 2) отражение конечной буквы **н** с помощью надстрочного символа уменьшенной величины: этот принцип применяется в учебных материалах, издаваемых в Санкт-Петербурге специалистами Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена; это изящный компромисс, который было непросто

реализовать исторически (хотя не даром еще в 1957 г. В. А. Аврорин поясняет орфографию с помощью системы транскрипции с «^и»), но сейчас доступны как минимум два способа отображения: с помощью верхнего индекса ^и или с помощью специального символа «^и» в системе Unicode 1D78²⁰. Возможны обсуждения по поводу использования ^и перед дефисами (с последующими редупликациями – корнями или клитиками), неотъемлемыми синтагматическими частями, а также в некоторых формах (в первую очередь, причастных отрицательных).

Тенденцию отражения в книжных изданиях редукций можно считать приближением к фонетическому письму, даже транскрипции. Один из наглядных примеров таких текстов – издание фольклорных текстов [Аврорин 1986], но в последние годы книги все чаще издаются каждая со своими собственными принципами, в том числе нерегулярными, эти материалы помогут проводить исследования по диалектологии, основываясь на отражении звукотипов теми или иными буквами. Несмотря на то, что многие современные писатели и читатели считают, что такие тексты «легче читаются», этот принцип, при использовании его как «литературного», «орфографического» и «учебного», будет характеризоваться важным недостатком – отсутствием нормирования, невозможностью создавать словари и цифровые инструменты, сложностью чтения обучающимися, отсутствием общего языкового пространства для носителей разных диалектов.

5.3. Частные идеи для развития орфографических принципов

Представление на письме звукотипа [ц] можно реализовать при помощи буквы **Ч ч**²¹, представленной среди символов в дополненной кириллице Unicode: она сочетает в себе элементы одновременно букв **Ч ч** и **Ц ц**, используя в тех контекстах, где [ц] *хэдзэни* соответствует [ч] в *нани*: *чāли* ‘режу’, *ичэхэмби* ‘видел(а)’; в прочих случаях, перед передними гласными, можно писать «обычную» букву **ч**: *чимана* ‘завтра’, *сиаричи* ‘едят’.

Со звукотипом [ж] можно было бы поступить аналогичным образом, но с той оговоркой, что соответствующей русской буквы нет; сейчас этот звукотип отражается с помощью сочетания буквы **Д д** и йотированных гласных или, частично, перед гласной буквой **и**. И то и другое является слабой чертой нанайской орфографии: у многих возникают затруднения с написаниями *диа* ‘друг’ или *дя* ‘близко’, а затем еще большие затруднения при прочтении. Я не раз сталкивался со случаями, когда носители *хэдзэни* в процессе чтения текста «привыкали» читать сочетание «д + йотированные буквы» как [ж] и затем, встретив ненормативную запись типа *дя*, читали как [жа], искажая смысл текста. Перед передними гласными, как было показано выше, орфографическое **ди** может для *хэдзэни* обозначать два разных случая, как в слове *дидини* [зидйини] «дидыини» ‘приходит’. Перспективным является кардинальное предложение – отражать звонкую аффрикату с помощью буквы **З з**²² с вариантом перед непредними **ѣ ѣ**²³. «Гачек» в данной букве для *хэдзэни* будет означать звонкую пару [ц], а для других *нани* эта диакритика не будет иметь этого значения, симметрично с **Ч ч**.

Буква **З з** имеет историко-культурные корни в нанайской латинице, **з** использовали и продолжают использовать для кириллической транскрипции нанайского литературного языка практически все нанаеведы [Петрова 1941; Аврорин 1959, 1986], иногда, видимо, с чисто типографскими решениями в виде знаков **ѣ** [Оненко 1980], **ѣ** [Заксор 2002], **з** [Герасимова 2006]. А. П. Путинцева в описании горинского нанайского обозначает в транскрипции звонкие аффрикаты буквами **з’ ~ д’** (глухие – **ч ~ т’**) [Путинцева 1954]. О. П. Суник для кур-урмийского идиома использует знаки **з** (обозначающий варианты **дж**, **дз**) и **дѣ** («чередуется с **з** и встречается очень редко») при одном знаке для глухой аффрикаты **ч** [Суник 1958: 43–44]. В работе [Сем 1976: 30–31] для описания бикинского нанайского (в сопоставлении с литературным) существует следующее соответствие: в транскрипции литературного нанайского используется знак **ѣ**, а бикинские варианты реализации звонкой аффрикаты записываются как **з** (свистящий, перед *а*, *о*, *э*, *у*) и **д’** (шипящий, перед узкими *и’*, *и*), а глухие варианты, соответственно, **ц** и **ч**, что снова выявляет некоторое асимметричное влияние кириллической графики на принятые в нанаеведении решения. Г. Л. Радченко использует для звонкой и глухой аффрикат знаки, соответственно, **ђ** и **ћ**,

²⁰ См. <https://util.unicode.org/UnicodeJsps/character.jsp?a=1D78> (дата обращения: 31.03.2025).

²¹ Коды 04B6 и 04B7 соответственно; считается частью расширенной кириллицы.

²² Коды: 04E0 и 04E1 соответственно; считается частью расширенной кириллицы.

²³ Коды: 01EE и 01EF соответственно; считается частью расширенной латиницы.

а для передачи оттенков реализации этих фонем – еще целый ряд основных и вспомогательных знаков [Радченко 1984]. У других исследователей также существуют варианты записи нанайского языка латиницей, нередко включающие знак **з**. С точки зрения принятого здесь решения считать **з** и **ж** звонкими соответствиями **ч** и **ц** можно сказать, что оно находится в частичном противоречии с системой записи Л. И. Сем, а в других системах орфографии или транскрипции подобной задачи различия двух вариантов аффрикат не ставилось.

Также возможно добавление буквы для обозначения носового среднеязычного звука. Возможно было бы введение апострофа **н'**, как в ульчской письменности, или специальной буквы **нь**, как принято в удэгейской письменности. При этом все случаи [нь] перед [и] можно было бы записывать по-прежнему как **ни** (тем самым «нарушая» принцип для аффрикат, но он в некоторой степени для [нь] нерелевантен), а с помощью **нь** записывать небольшое число случаев, когда **нь** предшествует непредним гласным.

Такие изменения будут характеризоваться значительным «ослаблением» йотированных гласных букв, они станут применяться исключительно для обозначения гласных звуков с *й*-инициалю в абсолютном начале слова или в интервокальной позиции. Можно было бы вовсе отказаться от йотированных, но, во-первых, это слишком изменит визуальное восприятие слов, а во-вторых, так писать будет менее экономно и удобно, что также является важным фактором. Например, слово *яййни* ‘петь по-шамански’ носители часто пишут как *яини*, а без йотированных оно должно быть записано как *йайайни*. С другой стороны, наличие йотированных может прекрасно обслуживать **нь**, как это происходит сейчас, для буквы **н** не обнаружено таких противоречий от использования ее с йотированными, как для буквы **д**.

Для показателя настоящего времени 3-го и 4-го классов можно по-прежнему использовать орфографическую запись **-ди** (а не вводить «фонематичную» или даже историческую форму **даи** / **дэи**), ведь с учетом введения буквы **з** для *хэдзэни* возникают случаи различения нужных фонем для примера типа *дидини* → *зидини* ‘приходит’.

Для показателя настоящего времени 1-го класса предпочтительнее запись не в виде **-й**, а в виде гласной буквы **-и**: *энэини* ‘идет’, *симанаини* ‘снежит’. В этом случае носителям *хэдзэни* легче выбрать существующий гласный и для произнесения [эньи], [с'иман'и]. При этом более радикальные способы записи менее удачны: *эньини* будет нарушать общий принцип «непалатального **н** перед **и**», а *эньини* или *эньини* предполагают введение новой буквы (видимо, с новым звукотипом в сознании владеющих письмом); кроме того, все эти нововведения будут неудобны для других *нани*. Наличие **и** вместо **й** также упростит введение долгого **й** при исходе основы «на **-и**» по общему правилу (один и тот же гласный при соположении становится долгим). Эта долгота важна для отражения фонетических реалий.

Для показателя каузатива предпочтительна будет запись с отражением огубленного гласного вместо **в**: **-оан-**, **-уэн-**. Это позволит носителям *хэдзэни* легче выбрать существующий гласный и для произнесения выше обсуждавшихся примеров *сиавāнди́ни* → *сиаоа́нди́ни* ‘кормит’, *э́нэвэ́нди́ни* → *э́нэуэ́нди́ни* ‘отправляет’.

Предметом обсуждения могут быть другие случаи дифтонгов с *и*-финалью: как в действующем варианте **-й**, или сформировать общий принцип **-и**, также «пропуск» буквы **й** при соположении с буквой **и**, отражение на письме редукции **о** > **у**.

Буква **В в** может быть заменена на **Ў ў**, что отразило бы симметрию с **Й й**²⁴. С другой стороны, буква **В в** имеет более узнаваемые черты написания, при ручном написании пишется быстрее, а также для буквы **Ў ў** нет традиции употребления в истории нанайского или близкородственных языков. Этот символ можно использовать для практических транскрипций.

Благодарности

Я хотел бы выразить благодарность (хотя и существует убеждение, что «нанайцы не благодарят»), в первую очередь, Татьяне Александровне Моложавой, моей коллеге, языковой наставнице и основной консультантке по большинству вопросов, обсуждаемых в статье. Также за терпение и внимание при общении со мной выражаю признательность другим *хэдзэни* и *нани*.

²⁴ Если буква **й** будет существовать после ряда принятых выше решений. Вообще наличие в одной орфографической системе буквы **и** (и, см. ниже, **у**) с макроном и с дужкой – неблагоприятная ситуация, например, для ручного написания и автоматического распознавания печатных текстов.

Доклад по теме статьи был представлен на Евразийском конгрессе лингвистов 9 декабря 2024 г. в Москве, и я благодарен участникам обсуждения, особенно Марку Зимину, за интересные и ценные комментарии.

Список условных сокращений

диал. – диалектный вариант; лит. – литературный вариант; мест. орф. – местная орфография; нан. – нанайский; найх. – найхинский вариант; орф. – орфография; NPST – показатель непрошедшего времени; PST – показатель прошедшего времени; -/- – то же, аналогично.

Список литературы

- Аврорин В. А. Основные правила произношения и правописания нанайского языка. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1957. 144 с.
- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 282 с.
- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 294 с.
- Заксор Л. Ж. Нанайский язык: Ч. I. Теор. курс. Учеб. пособ. для педколледжей и вузов. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2002. 359 с.
- Зимин М. М. Свойства глухих и звонких шумных согласных в континентальных нанайских языках // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Глафиры Макарьевны Василевич (24–25 сентября 2020 г., г. Якутск). Якутск, 2020. С. 74–75.
- Герасимова А. Н. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с улукским: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 265 с.
- Киле Н. Б. Образные слова нанайского языка. Л.: Наука, 1973. 189 с.
- Кириленко С. В. Типы говорящих // Социолингвистика. 2021. Т. 1, № 5. С. 182–191.
- Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. 430 с.
- Нанайская литература: Учебная хрестоматия для уч-ся 5–6 кл. общеобраз. учрежд. / Авт.-сост. Т. Д. Булгакова. СПб.: Просвещение, 2007. 303 с.
- Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь / Под ред. В. А. Аврорина. М.: Рус. яз, 1980. 552 с.
- Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941. 167 с.
- Петрова Т. И. (сост.) Нанайско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1960. 549 с.
- Путинцева А. П. Морфология говора горинских нанай: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954.
- Радченко Г. Л. К проблеме дифтонгов в нанайском языке // Язык как исторический источник. Новосибирск, 1983. С. 22–29.
- Радченко Г. Л. Аффрикатy в нанайском языке // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 115–124.
- Радченко Г. Л. Функциональная нагрузка ларингала в нанайских словоформах // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири. Новосибирск, 1985. С. 97–104.
- Радченко Г. Л. К вопросу о долгих гласных нанайского языка // Фонетика Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск: Наука, 1986. С. 54–57.
- Сводный каталог. Издания на языках коренных малочисленных народов Хабаровского края. КГБНУК «Дальневост. гос. науч. б-ка»; редкол.: Т. Ю. Якуба (гл. ред.) [и др.]; сост. Т. В. Кирпиченко. Хабаровск: ДВГНБ, 2019. 60 с.
- Сем Л. И. Очерки диалектов нанайского языка: Бикинский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, 1976. 212 с.
- Суник О. П. О языке нанайцев на р. Кура // Известия Академии наук СССР: отделение литературы и языка. Т. VII. Вып. 6. М., 1948. С. 537–550.
- Суник О. П. Кур-урмийский диалект: исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Учпедгиз, 1958. 207 с.
- Ko D., Yurn G. A description of Najkhin Nanai. Seoul: Seoul National University Press, 2011. 216 p.

References

- Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1959, vol. 1: Foneticheskoe vvedenie i morfologiya imennykh chastey rechi [Phonetic introduction and morphology of nominal parts of speech], 282 p. (In Russian)
- Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1961, vol. 2: Morfologiya glagol'nykh i narechnykh chastey rechi, mezhdometiyy, sluzhebnykh slov i chastits [Morphology of verbal and adverbial parts of speech, interjections, function words and particles]. 294 p. (In Russian)
- Avrorin V. A. *Osnovnye pravila proiznosheniya i pravopisaniya nanayskogo yazyka* [Basic rules of pronunciation and spelling of the Nanai language]. Leningrad, Uchpedgiz, Leningradskoe otd., 1957, 144 p. (In Russian)
- Bulgakova T. D. (comp.) *Nanajskaya literatura: Uchebnaya hrestomatiya dlya uchashchikhsya 5-6 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Nanai literature: teaching book for school]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 2007, 303 s.
- Gerasimova A. N. *Polipredikativnye konstruksii nanaiskogo yazyka v sopostavlenii s ul'chskim* [Polipredicative structures of Nanai compared with Ulchi]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2006, 256 p.
- Kile N. B. *Obraznye slova nanayskogo yazyka* [Figurative words of the Nanai language]. Leningrad, Nauka, 1973, 189 p. (In Russian)
- Kirilenko S. V. Tipy govoryashchih [Speaker types]. *Sociolingvistika* [Sociolinguistics]. 2021, T. 1, no. 5, pp. 182–191. (In Russian)
- Knyazev S.V., Pozharickaya S. K. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk: Fonetika, orfoepiya, grafika i orfografiya* [Modern Russian language: phonetics, spelling, orthography]. Moscow, Akademicheskij Proekt, Gaudeamus, 2011, 430 s. (In Russian)
- Ko D., Yurn G. *A description of Najkhin Nanai*. Seoul, Seoul National University Press, 2011, 216 p.
- Nanaysko-russkiy slovar'* [Nanai-Russian dictionary]. Leningrad, Uchpedgiz, 1960, 549 p. (In Russian)
- Onenko S. N. *Nanajsko-russkiy slovar'* [Nanai-Russian dictionary]. Moscow, Russian language Publ., 1980, 552 s.
- Petrova T. I. *Ocherk grammatiki nanayskogo yazyka* [Essay on the grammar of the Nanai language]. Leningrad, 1941, 167 p. (In Russian)
- Putinceva A. P. *Morfologiya govora gorinskih nanai* [Morphology of Nanai idiom in Gorin river region]. Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1954.
- Radchenko G. L. K probleme diftongov v nanayskom yazyke [On the problem of diphthongs in the Nanai Language]. In *Yazyk kak istoricheskiy istochnik* [Language as a historical source]. Novosibirsk, 1983, pp. 22–29. (In Russian)
- Radchenko G. L. Affrikaty v nanayskom yazyke [Affricates in the Nanai Language]. In *Fonetika yazykov Sibiri* [Phonetics of Siberian languages]. Novosibirsk, 1984, pp. 115–124. (In Russian)
- Radchenko G. L. Funktsional'naya nagruzka laringala v nanayskikh slovoformakh [Functional Load of the Laryngeal in Nanai Word Forms]. In *Leksika tunguso-man'chzhurskikh yazykov Sibiri* [Vocabulary of the Tungus-Man'chu languages of Siberia]. Novosibirsk, 1985, pp. 97–104. (In Russian)
- Radchenko G. L. K voprosu o dolgikh glasnykh nanayskogo yazyka [On the question of long vowels in the Nanai Language]. In *Fonetika Sibiri i sopredel'nykh regionov* [Phonetics of Siberia and adjacent regions]. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 54–57. (In Russian)
- Sem L. I. *Ocherki dialektov nanayskogo yazyka: Bikinskiy (ussuriyskiy) dialekt* [Essays on dialects of the Nanai language: Bikinsky (Ussuri) dialect]. Leningrad, Nauka, 1976, 212 p. (In Russian)
- Sunik O. P. O yazyke nanaytsev na r. Kure [About the language of the Nanai on the Kura River]. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR: otdelenie literatury i yazyka* [News of the USSR Academy of Sciences: department of literature and language]. Moscow, 1948, vol. VII, iss. 6, pp. 537–550. (In Russian)
- Sunik O. P. *Kur-urmijskiy dialekt: issledovaniya i materialy po nanajskomu yazyku* [Research and materials of the Nanai dialect in Kur-Urmi rivers region]. Leningrad, Uchpedgiz, 1958, 207 p.
- Svodnyy katalog. Izdaniya na yazykakh korennykh malochislennykh narodov Khabarovskogo kraja* [Comprehensive catalog. Publications in the languages of the indigenous peoples of the Khabarovsk Krai]. Khabarovsk, DVGNB, 2019, 60 p.

Zaksor L. Zh. *Nanayskiy yazyk* [Textbook on the Nanai language for higher education]. St. Petersburg, Filial izd. "Prosveshchenie," 2002, pt. I: Teor. kurs. Ucheb. posob. dlya pedkollledzhey i vuzov [Theoretical course. Textbook for teacher training colleges and universities]. 359 p. (In Russian)

Zimin M. M. *Svoystva glukhikh i zvonkikh shumnykh soglasnykh v kontinental'nykh naniyskikh yazykakh* [Properties of voiceless and voiced noisy consonants in continental Nani languages]. In *Narody i kul'tury Severnoy Azii v kontekste nauchnogo naslediya G. M. Vasilevich: tezisy dokladov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 125-letiyu Glafiry Makar'evny Vasilevich (24–25 sentyabrya 2020 g., g. Yakutsk)* [Peoples and cultures of Northern Asia in the context of the scientific heritage of G. M. Vasilevich: abstracts of reports from the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 125th anniversary of Glafira Makaryevna Vasilevich (September 24–25, 2020, Yakutsk)]. Yakutsk, 2020, pp. 74–75. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
31.03.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Василий Сергеевич Харитонов – магистр лингвистики, научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Vasily S. Kharitonov – Master of Linguistics, Researcher, Research Center for the Preservation, Revitalization and Documentation of the Languages of Russia, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

v.kharitonov@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6205-0454>

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ЭПОСОВЕДЕНИЕ

УДК 398.22 (=512.157)

DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-124-135

Пространственная картина эвенского нимкана «Чибдэвэл»: структура, семантика, символика

М. Т. Сатанар

*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Якутск, Россия*

Аннотация

В статье обсуждается роль пространственных элементов в сюжетостроении эвенского эпоса-нимкан, его мотивной организации в ракурсе динамики эпического пространства. Обращение к теме вызвано недостаточной изученностью эпоса эвенков. В работе применены семиотический, функциональный, структурно-семантический виды анализа. Автор устанавливает влияние семантики эпических локусов на событийную реализацию последующего сюжетного развития. В тексте наблюдаются напластования мифологических и исторических элементов, богатая символика, переплетения элементов архаической горизонтальной модели мира и шаманских космологических воззрений. Структурообразующей осью эпического пространства предстает образ мифической реки. Обозначаются контаминации мотивов.

Ключевые слова

эвенский нимкан, мифология, пространство, сюжетная линия, мотив, эпический локус, богатырское сватовство, семантика, символика

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ им. М. К. Аммосова «Культурные универсалии и регионально-локальные уникалии якутской эпической традиции: междисциплинарные исследования, цифровизация, технология популяризации».

Для цитирования

Сатанар М. Т. Пространственная картина эвенского нимкана «Чибдэвэл»: структура, семантика, символика // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 124–135. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-124-135

Spatial picture of Even nimkan “Chibdevel”: structure, semantics, and symbolism

M. T. Satanar

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

This paper addresses the function of spatial elements in the plot structure of the Even epic, nimkan, with a focus on its motif organization. The motivic analysis involves identifying plot-forming motifs, analyzing their semantic content, describing their sequential integration into the plot line, and determining their functional roles within the syntagmatic structure of the nimkan text. The aim of the study was to implement a structural-semantic analysis of the plot-significant motifs of the tale “Chibdevel” within the context of the epic space dynamics. Semiotic, functional, structural, and semantic methodologies were employed, which included review, descriptive, and generalizing approaches. The author clarifies the impact of the epic location semantics on the event-focused execution of subsequent plot progressions. The motif of the hero’s origin is found to

© М. Т. Сатанар, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)

Yazyki i Fol’klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

function in a reduced form in the text, revealing its mythological basis. Attention is paid to the contaminations of the motif of the hero's origin and the motif of a heroic campaign commencement. Mythological and historical elements are layered, exhibiting the interplay of archaic horizontal world models and shamanic cosmological perspectives. The image of the mythical river constitutes the structural core of the epic universe. The image of the sea in the Upper World as the source of the mythical river is considered being associated with the concept of birth and feminine fecundity.

Keywords

even nimkan, mythology, space, storyline, motif, epic locus, heroic matchmaking, semantics, symbolism

Acknowledgements

The research was performed within the framework of the scientific research project of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov "Cultural universals and regional-local uniqueness of the Yakut epic tradition: interdisciplinary research, digitalization, technology of popularization."

For citation

Satanar M. T. Prostranstvennaya kartina evenskogo nimkana "Chibdevel": struktura, semantika, simbolika [Spatial picture of evens' nimkan "Chibdevel": structure, semantics, and symbolism]. *Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 124–135. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-124-135

Введение

Пространство служит основополагающей «онтологической» категорией, определяющей мировосприятие человека. При этом «в известной мере действительно парадоксальное в пространстве созерцания то, что оно является пространством в сознании» [Топоров 2010: 318]. Последнее затрагивает проблему соотношения текста и человеческого познания, продолжающую оставаться в эпосоведении актуальной. Известно также, что в фокусе современных ракурсов исследований фольклора «оказывается не текст в качестве "имманентной структуры", а предтекстовые формы, интертекстуальные и контекстные отношения» [Неклюдов 2006: 126]. В таком свете вызывает интерес эпическая картина мира эвенов, с одной стороны, как ментальный конструкт, отражающий особенности национального мышления, а с другой, как маршрут пространственного перемещения героя, очерчивающий сюжетную линию нимкана. Пространство эпоса «должно быть определенным образом напряжено, поляризовано противопоставлением своего и чужого, определяющим развитие сюжета» [Неклюдов 2015: 111]. Само перемещение (движение) реализуется «через серию мотивов», внутри которых также «заложены возможности динамического развития» [Путилов 1975: 144]. Итак, динамическая компонента текста предстает способом научного анализа в данной работе, позволяющим выявить семантические и структурные связи путем применения структурно-семиотической методологии в исследовании. Работа опирается на труды Б. Н. Путилова [Путилов 1975], В. Н. Топорова [Топоров 2010], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 2015], Е. М. Мелетинского [Мелетинский 2018] и др., в которых отмечаются как сюжетно значимые элементы фольклорного текста, так и сюжетообразующая роль пространственных отношений. Применительно к якутскому эпосу пространственная картина мира олонхо изучена Л. Н. Семеновой через призму соотношений сюжета и пространственных описаний посредством выделения эпических локусов и сюжетно значимых мотивов текста [Семенова 2006]. Пространственные особенности в героических сказаниях эвенов и эвенков частично рассмотрены в трудах Ж. К. Лебедевой [1981], А. Н. Мыреевой [1990], А. А. Бурыкина [2018], М. П. Яковлевой [2014], Г. Н. Варавиной [2019] и др. Отмечается, что мифопоэтическая модель мира нимкана трехчастна, миры одухотворены и соединены «отверстиями» [Лебедева 1981: 21], модель Верхнего мира, в пространстве которого разворачиваются «мужские игрища», имеет ритуально-мифологические основы [Лебедева 1986: 52–53], элементы космогонической мифологии отсутствуют «либо присутствуют как явные инновации» [Бурыкин 2017: 25], зачин оформляется традиционными формулами описаний ландшафта, одиночества эпического героя, не знающего своего происхождения [Лебедева 1981: 23] и т. д. При этом исследователи-тунгусоведы отмечают, что «эпос эвенов, в отличие от эпоса эвенков, исследован мало» [Дьяконова 2017: 48], что сложной проблемой остается вопрос изучения сюжетов, мотивов, типов героев сказаний, «характера изображения внешнего мира в эпосе» [Бурыкин 2016: 34].

Материалом исследования выбрано эпическое сказание «Чибдэвэл», признанное одним из лучших образцов эвенских нимканов «по характеру повествования, содержанию и поэтике»

[Шарина 2021: 12]. Важным критерием послужило наличие русского перевода, осуществленного Н. П. Ткачиком и оцениваемое как «совершенное» [Там же]. Текст сказания «Чибдэвэл» был издан в 1986 г. в книге «Эпос охотских эвенов» под редакцией В. Д. Лебедева, с вводной статьей и примечаниями Ж. К. Лебедевой [ЭОЭ], в которых отмечается выраженность в тексте эпического историзма, наличие в языковой текстуре следов этногенетических связей тунгусских и монгольских племен, подчеркивается этнографическая ценность произведения [Там же: 6, 8].

Целью настоящей работы является реализация структурно-семантического анализа сюжетно значимых мотивов сказания «Чибдэвэл» в ракурсе динамики эпического пространства. Логика последующего анализа руководствуется тезисами: «развитие сюжета определяется активностью главного героя» [Неклюдов 2015: 128], представляющего суммой пространственных элементов (локусов, стран), соотносимых с действиями главного героя эпоса (происхождение героя, отправление в путь, попадание в другое пространство, победа над противником и добывание женщины, сватовство, возвращение в свою страну) [Семенова 2006: 26]. Указанные мотивы являются сюжетообразующими в эпосе олонхо [Там же], их можно экстраполировать и на тексты архаического эпоса эвенов.

Сюжетообразующие возможности локусов эпического пространства и их соотношение с мотивами сюжета

Главная сюжетная тема нимкана «Чибдэвэл» – богатырское сватовство, композиционно построенное на пяти эпизодах [ЭОЭ: 285–286]. Текст разбит В. Д. Лебедевым на 42 смысловых блока согласно принципам подготовки изданий серии «Памятники народов Сибири и Дальнего Востока». Нимкан излагается в прозаической и стихотворной форме [Лебедева 1981: 89].

Мотив происхождения эпического героя, отправления в поход. Эпос начинается с завязки сюжета, оформляемой мотивом похищения жены героя [Там же: 285]. Именно исчезновение жены становится причиной (мотивировкой) выхода Чибдэвэла за пределы «своего, освоенного сакрального пространства». Вместе с тем, на наш взгляд, в тексте эпоса наличествует и зачин, композиционная автономность которого выделена В. Д. Лебедевым в виде первого блока эпоса: *Жил один человек. Жил только вдвоем с женой: детей у них не было, никого не было. Этот человек все время охотился. Однажды на охоте он убил трех оленей. Вечером, когда он вернулся с охоты, поднялся густой туман* [ЭОЭ: 147]. Начальной фазой зачина предстает репрезентация героя посредством актуализации его одиночества, незнания тайны своего происхождения. Известно, что «одиноким, никогда не видевшим других людей, кроме своей жены, изображается и Анчи-Абышка» [Мелетинский 2018: 367], герой шорской героической сказки. Такие отрывочные сообщения об «одиноким герое» могут имплицировать «утраченный первоначальный смысл образа» [Там же], а именно сообщение об одиноким первопредке-герое, деяния которого синхронизируются с мифологической эпохой первотворения. Кроме этого, «объяснение одиночества удаленностью от других людей также есть результат забвения первоначального смысла» [Там же: 370]. С этих позиций, на первый взгляд, противоречивым предстает эпизод встречи героя с отцом и родной сестрой при дальнейшем развитии сюжета [ЭОЭ: 156–157, 285]. Однако именно такие противоречивые сведения об «одиноким герое», а также наличие сестры у героя, указывают, по мнению Е. М. Мелетинского, на функционирование более древнего пласта в образе главного героя [Мелетинский 2018: 366–367]. Дополним, что и этимология имени сестры героя – Мэнгунь¹ – указывает на ее мифологические черты (связь с Верхним миром).

В пространственном отношении локальным оформлением мотива происхождения героя является пространство Среднего мира (так как мотив «спускания» из Верхнего мира в Средний мир является более поздней формацией). Сказанное можно подкрепить выводами ученых: «Горизонтальное положение пространственных представлений о Вселенной предшествовало исторически вертикальному делению Вселенной на Верхний, Средний и Нижний миры» [Анисимов 1959: 84]; «Образ богатыря-первопредка зародился еще в фольклоре доклассового общества, в своей исходной форме он древнее не только высших богов ... дуалистической мифологии, но и развитого шаманизма» [Мелетинский 2018: 378].

Известно, что целью зачина является «представление хронотопа последующих событий и самого героя» [Неклюдов 2010: 185]. Финальная фаза зачина наблюдается во втором блоке в виде

¹ От слова *мэнун* ‘серебро’, то есть «Серебряная» [ЭОЭ: 282].

репрезентации эпического пространства: *На следующий день он послал жену за мясом убитых оленей. Когда жена уехала, пошел снег. Снег шел весь день и выпал до половины деревьев. Жена в этот день не пришла. А когда настал следующий день, юрты не стало видно – снег покрыл ее* [ЭОЭ: 147]. Как видно, редуцированное описание эпического мира реализуется разворачиванием горизонтальной, а далее и вертикальной структур пространства. В описании ощутим намерение на присутствие точки отсчета – юрты, представляющей пространственным центром мироздания эпоса и отражающей модель космоса [Сатанар 2021: 105]. Центр формируется указанием на «динамические составляющие» описаний горизонтальных перемещений посредством глаголов с семантикой «вернулся», «послал», «уехала». Использование в тексте приема «перечислений опасностей», а именно «выпадение снега до половины деревьев», а далее и полное покрытие юрты, указывает на своеобразное введение оппозиции «верх / низ», одновременно изображающей и увеличение «степени нарушения» пространственных локусов с «конфликтотворяющей» семантикой – деревьев, юрты. Здесь само состояние нарушения границы сакрального пространства реализуется с помощью метеорологического кода – снегопада. Так, устойчивость эпического космоса начинает разрушаться угрозой хаоса, и герой оказывается на стыке противоположных сил, надвигающихся друг на друга. Заметим, начальное вторжение в освоенное пространство героя фиксируется уже в первом блоке текста, в виде «поднимания густого тумана», имплицитно несущего негативные коннотации². В целом мотиву отправления героя в путь предшествует ситуация вторжения в его сакральное пространство, а исчезновение жены, которая удалена в пространстве от героя, неминуемо предопределяет попадание Чибдэвэла в другую страну.

Мотив пути. Перемещение героя в другие миры детализируется при его контакте с пространственными элементами [Семенова 2006: 119]. Как правило, само перемещение от локуса к локусу не является предметом прямого повествования. Характер (скорость) и семантика движения понимаются в контексте содержания эпических формул. Так, во всем тексте описание движения (пути) героя встречается лишь один раз в виде краткой формулы, имплицитно несущей скорость движения: *Шел он с быстротой пущенной стрелы и летящей птицы. Из-за быстрого движения он ничего не видел* [ЭОЭ: 158]. Применение в формуле образов стрелы и птицы не создают представления, о какой периферийной зоне пространства идет речь, понимается лишь удаление героя за пределы «своей страны». Длительность пути не описывается и излагается просто: *Ушел далеко* [Там же]. В остальных случаях путь героя описывают мотивы встреч с разными персонажами, которые будут рассматриваться ниже.

Мотив переправы. Локусом, фиксирующим вход в Верхний мир, служит отверстие в небе: *Вдруг поднялся сильный ветер и полил ливень. А орел летит все выше и выше. В небе показалось отверстие для выхода. Как только он заглянул эту дыру, он увидел и того летящего к ней человека тоже в облике птицы. Хэлэргун настиг его и схватил. ... Птице он голову отсек. Она упала вниз. Хэлэргун полетел вверх и через отверстие в небе вышел* [Там же: 162]. В традиционном мировоззрении эвенов отверстием для попадания в Верхний мир считалась Полярная звезда или Утренняя звезда видимого неба [Варавина 2021: 426]. Встреча Хэлэргуна с человеком у входа в Верхний мир, а далее и его одоление предстает неким препятствием, манифестирующим труднопроходимость границы между Средним и Верхним мирами. В 24 блоке сказания препятствием при входе в Верхний мир выступает море, служащее пространственной границей между мирами. Так, в нимкане повествуется: *Сколько времени шел – неизвестно, только скоро достиг моря. У самого берега Чибдэвэл остановился. Оглянулся вокруг – ничего не видно. Позже заметил на берегу моря один единственный холмик. Чибдэвэл задумался: откуда появился один единственный холм? Осмотрев холм, увидел, что на нем место мужской игры в прыжки* [ЭОЭ: 158]. В научной литературе отмечается, что «Верхний мир не имеет подробного описания, ... это место ритуальных игр эпических богатырей» [ИИКЭ: 138]. В дальнейшем развитии мотива появляется целый спектр символов, имплицитно несущих в текст благоприятную семантику пространства Верхнего мира: *Вдруг далеко в море показалась лодка... Он увидел в ней троих: двух женщин и мужчину. Мужчина греб веслами. Лодка его – серебряная, весла – тоже. ... Подплыли к холму. От самой лодки до холма женщины проложили серебряный мостик. И побежали по*

² Образ тумана выступает семантическим маркером надвигающейся опасности, находящим параллели со свойствами невидимости и темноты Нижнего мира; «Там солнце не светит, небо как туман» [Линден-нау 1983: 68].

серебряному мостику. У холма дверь сама отворилась. И женщины мгновенно скрылись за нею [ЭОЭ: 159]. Здесь маркерами Верхнего мира предстают: числительное три как важный параметр вертикальной модели мира; серебро как металлический код ³, развивающий коннотации «божественного начала»; мостик (вариант: лестница) как символ соединения с небом. «Вершина мифической реки, отождествляемая с Верхним миром, у эвенков мыслилась местом обитания родовых душ *оми* (у эвенков так же ⁴ – М. С.), дающих начало рождению» [Варавина 2021: 436]. В таком случае, холм с дверью как аналог горной пещеры олицетворяет собой женское начало, при этом образ лодки непременно связывается с водной стихией. Далее герой узнает от мужчины, что на том берегу моря его друг Хулину сражается с Хэлэргуном. Чибдэвэл просит скорее доставить его туда, и здесь усложнением преграды предстает мотив ломки весел [ЭОЭ: 159]. Герой переплывает море, гребя руками в три размаха. Такой способ не случаен: и движение руками, и числительное *три* содержат в себе семантику локуса (море) ⁵. Так, преодоление препятствия обозначает попадание героя в другое пространство. Здесь уместно высказывание: «Мифологическое мышление сохранило архетип водной стихии как магическую границу между мирами, как рубеж между жизнью, смертью и бессмертием» [Варавина 2019: 125].

Вместе с тем в тексте фиксируется еще один несанкционированный вход-выход [Семенова 2006: 53]. Самый мелкий локус сакрального центра – очаг жилища Чибдэвэла – предстает неким порталом-границей между мирами, соединяющим их: *Однажды вечером, находясь в юрте, он услышал из-под земли человеческий голос: ... Хулину показался из огня и через дымовое отверстие вошел* [ЭОЭ: 167]. Всего в нимкане проникновение персонажей через дымоход реализуется пять раз (33–36 блоки), в фрагментах их гонки друг за другом, и один раз (17 блок) в огонь очага сверху падает отрубленная голова (см. выше – отсеченная Хэлэргуном у входа в Верхний мир). И нарушение границы между мирами традиционно сопровождается метеорологическим кодом. Характерно, что входом пользуются как друзья героя (Хулину, Нюрани, Хэлэргун), так и антагонисты (небесные богатыри).

Данный локус выполняет медиативную функцию, оказываясь наиболее уязвимым участком границы между мирами, не усложненным различного рода препятствиями. Далее, по замечанию Ж. К. Лебедевой, «вход через дымовое отверстие» является историческим элементом в ткани эпоса: «Это согласуется с постройкой жилища. В середине XVIII в. Я. Линденау видел у ламутов зимник – *утэн*, заваленный землей, с плоским верхом и входом через дымовое отверстие» [Там же: 284]. Но вместе с тем, согласно мифологической традиции, «чисто мифические прасобытия затем многократно ... мыслятся образчиками, к которым “подгоняются” действительные эмпирические события, происходящие или могущие произойти в будущем. ... Исторические события затем укладываются в прокрустово ложе готовой мифологической структуры» [Мелетинский 2000: 177]. Следовательно, в мотиве возможно функционирование двух пластов – мифологического и исторического.

Итак, способами переправы (перехода), определяемыми семантической спецификой эпических локусов, отмечены перелет через отверстие, пересечение моря на лодке с помощью перевозчика, мгновенное попадание через огонь. Конечной составляющей мотива является попадание в дальнейшем в другое пространство.

Мотив пребывания в ином пространстве и добывания женщины. Герой возвращается в свое пространство из богатырского похода всего три раза. При этом уже в седьмом блоке сказания герой одолевает врага и вызволяет свою украденную жену из рук похитителя. В завершение третьего похода, в результате прохождения героем ряда испытаний, его друг Нюрани отдает в жены Чибдэвэлу свою сестру [ЭОЭ: 166]. Ж. К. Лебедева считает, что в этом отражается реальный обычай эвенков – ранние межродовые отношения, когда «званому гостю отдается в качестве памятного дара самая младшая женщина» [Там же: 284]. В событийном же плане в этих мотивах изобилуют описания подвигов Чибдэвэла. Так, движение героя по иным мирам устойчиво

³ Металлический код оформляется с помощью противопоставления «серебро / железо», соответствующего отношению оппозиции «Верхний мир / Нижний мир».

⁴ См.: [Бурыкин 2007: 221].

⁵ По мифологическим представлениям эвенков, человек произошел от дерева. В действии замены весел руками наблюдается фрагмент антропоморфической метафоры в виде уподобления рук ветвям дерева. Число *три* актуализирует мужское начало.

сопрягается со схватками с их обитателями, при разворачивании которых раскрывается семантика этих враждебных пространств. Схема боев идентична в любом из этих пространств: Чибдэвэл раз за разом побеждает врагов, отрубает им головы и вешает их на верхушки сухих деревьев, что символизирует исторический элемент, древнюю воинскую традицию [Там же: 282]. «Это было равнозначно развеиванию пепла сожженного тела врага, т. е. полному его уничтожению», – уточняет Ж. К. Лебедева [Там же: 75]. В сюжетной линии герою лишь один раз не удастся полностью умертвить врага, отрубив мечом падающую в огонь очага человеческую голову (17 блок, см. выше), что и становится причиной его оживления. В дальнейшем развитии сюжета возвращение врага (Хэлэргуна), а далее вступление героя в бой с ним, мотив пощады героем Хэлэргуна, заступившегося за другого человека, побег последнего, мотив гонки Хэлэргуна за убегающим порождают целую цепь последующих событий.

В пространственном плане наиболее частым локусом, наблюдающимся во всех трех мирах эпоса, предстает юрта (вариант: юртовище, полуконусная юрта, железная изба). Семантика юрты как локуса априори коррелирует с семантикой ее обитателей, с которыми герой встречается в пути. К примеру: *Хэлэргун полетел вверх и через отверстие в небе вышел. Выйдя через это отверстие, вверх полетел и в пути увидел полуконусную юрту. Возле нее стояли два боевых дерева* [Там же: 162]. Чибдэвэл, превратившись в сокола, следует за ним. Здесь живет молодая женщина, которая обманным путем заманивает Чибдэвэла в юрту и сбрасывает его в яму. Интересным представляется фиксирование ямы, находящейся под землей Верхнего мира. С одной стороны, это отражает особенности мироздания эвенов: «Неизвестные миры легко конструируются до некоторой степени по аналогии со средним миром» [Лебедева 1981: 22]. С другой стороны, здесь, возможно, просматриваются фрагменты формирующейся многоярусной структуры Верхнего мира мироздания. Герой, попадая туда, по существу, должен был отличить ложное пространство от истинного, в чем заключается главное содержание мотива. Однако Чибдэвэл, несмотря на неблагоприятную символику полуконусной юрты (с точки зрения эпической модели мира форма усеченного конуса вызывает ассоциации с формой Нижнего мира [Сатанар 2021: 105])⁶, попадает на уловку женщины. В пространственном отношении это место является промежуточным (в движении «снизу → вверх») и характеризуется ситуацией присутствия примет благоприятного и враждебного миров в бессистемном виде. Так, появление молодой девушки на пути Чибдэвэла становится признаком сгущающегося пространства антагониста (куда Чибдэвэл и держит путь). Дополним, что в мотиве пребывания в другом пространстве вертикальную версию пространства реализуют не только отверстие в небе, но и образы двух боевых деревьев⁷ [ЭОЭ: 162], представляющие эквивалентом мирового дерева [ИИКЭ: 138].

Рассмотрим фрагмент речи друга героя – Хулину, описывающего место, находящееся в северном направлении: *Вот здесь в низовье по обе стороны реки будет стойбище. На одной стороне реки будет сорок юрт, на другой – сорок. На этой стороне два их грозных начальника будут. ... И на той стороне тоже два начальника есть. ... Все равно нам во что бы то ни стало с этими людьми придется сражаться* [ЭОЭ: 151]. Как видно, «люди в Нижнем мире занимаются тем же, чем и в Среднем мире: охотятся, пасут оленей» [Бурыкин 2007: 255]. Важно, что в пространственной ориентации эвенов низовье реки, представляющее северную сторону, связывается с Нижним миром: «В архаических горизонтальных моделях мира есть река – соединяющий миры движитель, ... мир мертвых располагается не только внизу по течению реки, но и в пространстве, со снижением уровня по горизонтали» [Там же: 294]; «В горизонтальном членении мира у эвенов и эвенков Нижний мир ассоциировался с севером и западом» [Варавина 2019: 25]. Актуализация количества юрт создает конфликтную ситуацию посредством усиления смысловой отрицательной нагрузки удесятенного варианта числительного *четыре*⁸. Пребывание героя на стороне севера отмечается в тексте два раза. Во второй раз оформляющим пространство локусом выступает железная юрта (см. ниже).

⁶ Коническую форму мироздания можно принять как инвариант-архетип в контексте общей типологии культуры [Сатанар 2020: 12].

⁷ Здесь числительное отражает чисто количественный признак предмета, а именно то, что молодая женщина является сестрой двух небесных богатырей.

⁸ Символика чисел *три* и *четыре* связана с оппозицией «живое» / «мертвое». У эвенов тема смерти устойчиво связывается с числами *два* и *четыре* [Василевич 1969: 241, 212].

Отрицательную семантику пространств, кроме указанных выше дополнительных символик юрт, эксплицируют также атрибуты антагонистов, например, при прибытии в Верхний или в Нижний мир: *Смотрит, а на берегу человек, одетый в железные доспехи, рубится с другим человеком* [ЭОЭ: 160]; *Когда Хулину взгляделся, то увидел орла с четырьмя двойными крыльями, с двумя двойными головами, с четырьмя двойными когтями, с перьями из кованых железных пластин* [Там же: 171]; *Хулину вошел в железный дом. И видит: в одной железной люльке лежит ребенок с железными волосами* [Там же: 172]. Как видно, символика (металлическая и количественная), сопровождающая описание персонажа, позиционирует конфликтный локус (равнину) другого пространства. Семантику могут позиционировать также сами характеристики пространства: *На севере, среди ночи, все время огонь вспыхивает и слышатся раскаты грома. Он пришел на равнину* [Там же]. Здесь под выражением «среди ночи» в свернутом виде подразумеваются коннотации с негативным пространством, с использованием природно-климатического кода, к которому также примыкает и метеорологический код⁹. Очевидно, что равнина служит пространством боя, однако далее локус не детализируется.

Итак, в композиционном плане этот мотив занимает самую большую часть сказания. Конечная составляющая мотива боя (как основного мотива разворачивания семантик враждебных пространств) в виде устойчивой формулы «отрубил голову и повесил на верхушку дерева», употребляемой в значениях как «полностью уничтожил врага», так и «воевал», на наш взгляд, отражает важное смыслообразующее значение фундаментальных антиномий «жизнь» / «смерть». Если создание семьи, творимое в Среднем мире, направлено на поддержание счастья и в целом жизни, то уничтожение врага, творимое героем в Нижнем мире, нацелено на прерывание жизни. Заметим, отмеченное также является частью архаичного военного ритуала эвенов [Лебедева 1981: 75].

Мотив богатырского сватовства. Еще раз подчеркнем, что вся сюжетная линия эпоса связана со стремлением героя найти жену, в ходе поиска которой он вступает в бой с врагами. Его выход за пределы своей страны отмечается в тексте два раза, в обоих случаях он обусловлен пространственной удаленностью: в начале – жены, а далее – невесты. Формой богатырского сватовства является также испытание героя в виде состязаний [Лебедева 1982: 59].

Мотив брачного испытания присутствует в двух местах (23 и 39 блоки), причем испытываемыми предстают сперва Чибдэвэл, а затем Хэлэргун. Локусом, реализующим этот мотив, в первом случае выступает место за холмом у берега моря, в Верхнем мире [ЭОЭ: 158]. Известно, что местом проведения «мужских игрищ» является Верхний или Средний мир [Лебедева 1982: 57]. И хотя в состязаниях в прыжки отсутствует соперник (герой прыгает на одной ноге по следам человека), можно предположить, что следы принадлежат потенциальному претенденту в женихи, с кем далее герой и вступает в схватку. При этом сообщение о том, что «следы эти оказались малыми» [ЭОЭ: 158], уже содержит намеки на победу Чибдэвэла в состязании, а значит, предопределяет будущий исход событий. Во втором случае локусом, реализующим мотив брачного испытания Хэлэргуна, предстает место в пространстве Среднего мира: *Богатыри побежали. Хэлэргун стал догоняющим, а Нивсанды – убегающим* [Там же: 170]. При последующем развитии событий становится понятным, что богатыри являлись претендентами в мужа второй сестре Нюрани. В кульминационном моменте сватовства (в бое) победу одерживает Хэлэргун.

Что касается брачного испытания (а в зачине жена героя уже заявлена), то «в эвенской эпике преобладают тексты с богатырскими сражениями после женитьбы героя» [Лебедева 1982: 59]. В таком случае в последующей событийной канве текста «эпический герой сражается с претендентами, которых он опередил» [Там же: 60]. В контексте вышесказанного весь текст нимкана можно условно разделить на две части: в первой (1–22 блоки) перемещение героя по эпическому пространству вызывается поисками жены; во второй (23–42 блоки) – добыванием второй жены, отражающим новую веху богатырской жизни героя.

Привлекает внимание и другой мотив испытания, который также важен в сюжетосложении нимкана. Речь идет о «мотиве испытания судьбы по пущенной стреле» [ЭОЭ: 281]. Судя по содержанию, этот мотив сопряжен с мотивом обретения верного друга (Хулину). Уже в третьем

⁹ В тексте коды, задаваемые «бинарными оппозициями», выполняют роль важных звеньев механизма памяти, сохраняя и передавая информацию. К примеру, природно-климатический код оформляется посредством оппозиции «светлая страна» / «темная страна» и т. д.

блоке эпоса в событийной канве появляется образ лиса (этиологическое превращение Хулину, восходящее к тотемистическим представлениям), который также ищет свою украденную жену. Похитителем жен оказывается один человек – Гэлтээни. Объединившись, герои убивают соперника и возвращают своих жен. А далее они состязаются в стрельбе из лука: *Чибдэвэл выстрелил в оленей... Далеко пролетела стрела: от одного конца пастбища до другого пробила ряд оленей, образовав просеку. – Ну, теперь я попробую выстрелить... Он выстрелил, и стрела пролетела от одного конца пастбища до другого, образовав просеку* [Там же: 150]. Стрельба богатырей из лука в оленей, а затем описание образования просек предстают важным источником для раскрытия мотива испытания. Богатыри оказываются равными в силе и мастерстве владения оружием. Однако известно и то, что стрельба является символическим действием, стрела служит метафорой мужского плодородного начала, и в таком свете им, по всей вероятности, судьбой уготовано быть предводителями своих родов путем преодоления преград, где попадание в цель становится оригинальным выражением их готовности к женитьбе и одновременно символизирующим дружбу равных богатырей. Отмеченный выше новый этап богатырской жизни Чибдэвэла инициируется именно ситуацией попадания Хулину в беду, о чем сообщает сестра героя: *Хулину Хэлэргун убивает, кэньгэлэр. Услыхав это, Чибдэвэл быстро вскочил. ... Не спрашивая у сестры своей, куда идти, он вышел* [Там же: 157]. Таким образом, функциональным назначением мотива является отметка повторной отправки Чибдэвэла в богатырский поход, в ходе которого он добывает невесту.

Мотив возвращения в родную страну. В пространственном перемещении героя мотив отражает реализацию движения из периферии в центр, который в нимкане описывается без детализаций: *Чибдэвэл пошел на свою родину, взяв с собой двух женицин* [Там же: 166]. В заключении повествуется: *Нюрани отдал в жены Хэлэргуну вторую свою сестру. Чибдэвэл отдал Нюрани свою старшую сестру Мэнгунь. Стали жить они одним племенем* [Там же: 173]. Композиционно создание семей представляет собой возврат к первоначальному состоянию (в свое пространство), которое было нарушено в завязке повествования. И хотя в тексте пространство, в котором происходят эти события, никак не выражено, можно его реконструировать, анализируя семантику действия «объединения воедино трех родов». Последнее означает, что новый обновленный миропорядок уже не прежний (как в начале эпоса), а еще лучше, с обретением большего благополучия и счастья, крепких родственных отношений, единого сильного рода.

Заключение

Сюжетообразующие мотивы нимкана соотносятся с формирующими их пространственными элементами. Вместе с тем семантика локуса определяет событийную реализацию (содержание) дальнейших сюжетных поворотов. Так, мотив похищения жены указывает на неизбежность отправления героя в другие страны; ситуация «попрания» границ личного пространства «извне → вовнутрь» обозначает выход героя за пределы освоенного пространства, причем «посягательство» на юрту (конечная грань между оппозициями «свой» / «чужой») отражает крайний случай агрессии; приближение героя к переправе подразумевает дальнейшее попадание в другое пространство; появление серебряной лодки и мостика до холма предвосхищает встречу с будущей женой; семантика моря в качестве входа в другой мир подсказывает «переправу»; семантика локуса «холм» в статическом описании подразумевает место ритуальных мужских игр в общем контексте брачных состязаний, в динамике же предопределяет реализацию событийной цепи мотивов схваток с потенциальными конкурентами героя; ситуация раскола мечом падающей в огонь очага человеческой головы означает неминуемость оживления поверженного антагониста, при котором последующие действия последнего порождают целую цепь событий; фиксирование героя рядом с полуконусной юртой предполагает приближение сгущающегося враждебного пространства, надвигающегося конфликта с врагами; мотив брачного испытания отмечает будущую женитьбу выигравшего богатыря; исход мотива испытания между друзьями подталкивает на дальнейшее развитие серии мотивов взаимопомощи и взаимовыручки друзей, а далее и объединение родов богатырей; мотив схватки с противником предопределяет возвращение героя в родную страну с победой. Важно заметить, что начало сюжетной динамики нимкана закладывается уже в зачине, где дается статическое описание эпического пространства. Мотив происхождения героя наблюдается в редуцированном виде, где появление героя связано с другими мотивами, относящимися к мифологическому и историческому пластам. Это мотив

несанкционированного входа-выхода в другие миры, а также мотив победы над врагом. Своеобразная «доступность» Верхнего мира для людей Среднего мира, с одной стороны, и прибытие героя в Нижний мир по нижнему течению реки, с другой, свидетельствуют о сохранении элементов древних «дошаманских» представлений эвенов. Образ моря в Верхнем мире в качестве источника мифической реки ассоциируется с темой рождения, плодородным женским началом. Вместе с тем наличие промежуточного пространства между Средним и Верхним, Средним и Нижним мирами может манифестировать фрагменты многоярусного строения Верхнего и Нижнего миров более поздней исторической формации – шаманской космологии. В финальном блоке повествования невыраженный элемент пространства эксплицируется при помощи анализа семантики мотива объединения трех родов, который позволяет распознать обновленное моделирование эпического пространства.

Список литературы

- Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера / Отв. ред. С. В. Иванов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 108 с.
- Бурыкин А. А. Вера в духов: Сколько душ у человека. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2007. 328 с.
- Бурыкин А. А. К проблематике исследования якутско-тунгусских взаимосвязей в эпосе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2018. № 2 (10). С. 22–30.
- Бурыкин А. А. Мифологические экспозиции эпических сказаний эвенков и эвенов и их роль для изучения тунгусской космогонической мифологии и для характеристики этнических и локальных традиций // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2017. № 2 (06). С. 17–26.
- Бурыкин А. А. Фольклор коренных народов Севера: осмысление наследия, задачи и перспективы изучения // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 3 (9). С. 28–42.
- Варавина Г. Н. Календарная культура эвенов: ментальная картина и ритуально-мифологический практикум (в рамках геопространственной теории) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 4 (29). С. 22–35.
- Варавина Г. Н. Мирозренческие и шаманские традиции в эвенкийском фольклоре // Языки и культура хомуса народов Евразии: речевые и музыкальные коммуникации: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук Алексева Ивана Егоровича – Хомус Уйбаан (Якутск, 23 апреля 2021 г.). Якутск: Изд-во СВФУ им. М. К. Аммосова, 2021. С. 423–438.
- Василевич Г. М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII–XX вв.). Л.: Наука, 1969. 303 с.
- Дьяконова М. П. Мифологическая эпоха в героических сказаниях эвенков и эвенов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 3. С. 45–51.
- ИИКЭ – История и культура эвенов: историко-этнографические очерки / Отв. ред. В. А. Тураев. СПб.: Наука, 1997. 179 с.
- Лебедева Ж. К. Архаический эпос эвенов. Новосибирск: Наука, 1981. 158 с.
- Лебедева Ж. К. О жанрообразовании в архаическом эпосе народностей Крайнего Севера // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В. М. Гацак. Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 1986. 334 с.
- Лебедева Ж. К. Эпические памятники народов Крайнего Севера. Новосибирск: Наука, 1982. 112 с.
- Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1983. 176 с.
- Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика: избранные статьи, воспоминания / Отв. ред. Е. С. Новик. М.: РГГУ, 2018. 695 с.
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Ред. Е. С. Новик. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.
- Мыреева А. Н. Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 1990. 392 с.

Неклюдов С. Ю. Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература. М.: РГГУ, 2010. С. 185–198.

Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 212 с.

Неклюдов С. Ю. Фольклор и его исследования: век двадцатый // Экология культуры. 2006. № 2. С. 121–127.

Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 141–155.

Сатанар М. Т. Об эпической модели мира олонхо в якутской культуре // Языки и фольклор коренных народов Сибири и Дальнего Востока. 2021. № 2 (Вып. 42). С. 102–110.

Сатанар М. Т. Эпическая модель мира в якутском олонхо: структура и семантика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп: Знак, 2020. 18 с.

Семенова Л. Н. Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетики. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 232 с.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. С. 318–381.

Шарина С. И. Эпическая традиция эвенов: сбор, локальная специфика, характерные черты // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 9–23.

ЭОЭ – Эпос охотских эвенов / Отв. ред. В. Д. Лебедев. Якутск: Якут. книж. изд-во, 1986. 303 с.

Яковлева М. П. Традиционный зачин в сказаниях эвенков и эпосе калмыков // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященной 75-летию со дня рождения профессора В. И. Рассадина (г. Элиста, 10–13 ноября 2014 г.). Элиста: Изд-во КГУ, 2014. С. 513–516.

References

Anisimov A. F. *Kosmologicheskie predstavleniya narodov Severa* [*Cosmological ideas of the peoples of the North*]. Moscow, Leningrad, Izd. Akademii nauk SSSR, 1959, 108 p. (In Russian)

Burykin A. A. Fol'klor korennykh narodov Severa: osmyslenie naslediya, zadachi i perspektivy izucheniya [Folklore of the Indigenous Peoples of the North: understanding the heritage, tasks and prospects of study]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki* [*Arctic XXI Century. Humanitarian sciences*]. 2016, no. 3 (9), pp. 28–42. (In Russian)

Burykin A. A. K problematike issledovaniya yakutsko-tungusskikh vzaimosvyazey v epose [To the problematics of the research of Yakut-Tungus interrelations in the epic]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* [*Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic studies"*]. 2018, no. 2 (10), pp. 22–30. (In Russian)

Burykin A. A. Mifologicheskie ekspozitsii epicheskikh skazaniy evenkov i evenov i ikh rol' dlya izucheniya tungusskoy kosmogonicheskoy mifologii i dlya kharakteristiki etnicheskikh i lokal'nykh traditsiy [Mythological expositions of epic tales of the Evenks and Evens and their role in the study of Tungus cosmogonic mythology and in the characterization of ethnic and local traditions]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* [*Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic studies"*]. 2017, no. 2 (06), pp. 17–26. (In Russian)

Burykin A. A. *Vera v dukhov: skol'ko dush u cheloveka* [*Faith in spirits: the number of souls a person possesses*]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007, 320 p. (In Russian)

Epos okhotskikh evenov [*Epic of the Okhotsk Evens*]. Yakutsk, 1986, Yakut. kn. izd., 303 p. (In Even and Russian)

D'yakonova M. P. Mifologicheskaya epokha v geroicheskikh skazaniyakh evenkov i evenov [Mythological era in the heroic tales of the Evenks and Evens]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i humanitarnye nauki* [*Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*]. 2017, vol. 11, no. 3, pp. 45–51. (In Russian)

Istoriya i kul'tura evenov: istoriko-etnograficheskie ocherki [*History and culture of the Evens: historical and ethnographic essays*]. St. Petersburg, Nauka, 1997, 179 p. (In Russian)

Lebedeva Zh. K. *Arkhaicheskiy epos evenov* [*Archaic epic of the Evens*]. Novosibirsk, Nauka, 1981, 158 p. (In Russian)

Lebedeva Zh. K. *Epicheskie pamyatniki narodov Kraynego Severa* [Epic monuments of the peoples of the Far North]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 112 p. (In Russian)

Lebedeva Zh. K. O zhanroobrazovanii v arkhaiskom epose narodnostey Kraynego Severa [On the formation of genres in the archaic epic of the peoples of the Far North]. In *Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore heritage of the peoples of Siberia and the Far East]. Gorno-Altaysk, Institut altaistiki im. S. S. Surazakova, 1986, 334 p. (In Russian)

Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina 18 v.): istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century): historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan, Magadanskoe kn. izd., 1983, 176 p. (In Russian)

Meletinskiy E. M. *Mifi istoricheskaya poetika: izbrannye stat'i, vospominaniya* [Myth and historical poetics: selected articles, memories]. Moscow, RSUH, 2018, 695 p. (In Russian)

Meletinskiy E. M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow, Vost. lit., 2000, 407 p. (In Russian)

Myreeva A. N. *Evenkiyskie geroicheskie skazaniya* [Evenki heroic tales]. Novosibirsk, Nauka, 1990, pp. 81–82. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. Fol'klor i ego issledovaniya: vek dvadtsatyy [Folklore and its studies: the twentieth century]. *Ekologiya kul'tury* [Ecology of culture]. 2006, no. 2, pp. 121–127. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. Morfologiya i semantika epicheskogo zachina v fol'klore mongol'skikh narodov [Morphology and semantics of the epic beginning in the folklore of the Mongolian peoples]. In *Kitay i okrestnosti: mifologiya, fol'klor, literatura* [China and its environs: mythology, folklore, literature]. Moscow, RSUH, 2010, pp. 185–198. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. *Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya* [Poetics of epic narrative: space and time]. Moscow, Forum, 2015, 212 p. (In Russian)

Putilov B. N. Motiv kak syuzhetoobrazuyushchiy element [Motive as a plot-forming element]. In *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru* [Typological studies of folklore]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 141–155. (In Russian)

Satanar M. T. *Epicheskaya model' mira v yakutskom olonkho: struktura i semantika* [Epic model of the world in the Yakut olonkho: structure and semantics]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Maykop, Znak, 2020, 18 p. (In Russian)

Satanar M. T. Ob epicheskoy modeli mira olonkho v yakutskoy kul'ture [About the epic model of the olonkho world in Yakut culture]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 102–110. (In Russian)

Semenova L. N. *Epicheskii mir olonkho: prostranstvennaya organizatsiya i syuzhetika* [The epic world of olonkho: spatial organization and plot]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006, 232 p. (In Russian)

Sharina S. I. Epicheskaya traditsiya evenov: sbor, lokal'naya spetsifika, kharakternye cherty [Epic tradition of the Evens: collection, local specifics, characteristic features]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2021, no. 4, pp. 9–23. (In Russian)

Toporov V. N. Prostranstvo i tekst [Space and text]. In *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы* [World tree. Universal sign complexes]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2010, vol. 1, pp. 318–381. In Russian.

Varavina G. N. Kalendarnaya kul'tura evenov: mental'naya kartina i ritual'no-mifologicheskii praktikum (v ramkakh geoprostranstvennoy teorii) [Calendar culture of the Evens: mental picture and ritual-mythological practical training (within the framework of geospatial theory)]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2019, no. 4 (29), pp. 22–35. (In Russian)

Varavina G. N. Mirovozzrencheskie i shamanskii traditsii v evenkiyskom fol'klore [Ideological and shamanic traditions in Evenki folklore]. In *Yazyki i kul'tura khomusa narodov Evrazii: rechevye i muzykal'nye kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu doktora filologicheskikh nauk Alekseeva Ivana Egorovicha – Khomus Uybaan (Yakutsk, 23 aprelya 2021 g.)* [Languages and Culture of the Khomus of the Peoples of Eurasia: Speech and Musical Communications: Proceedings of the International Conference. Yakutsk, April 23, 2021]. Yakutsk, NEFU, 2021, pp. 423–438. (In Russian)

Vasilevich G. M. *Evenki: istoriko-etnograficheskie ocherki (18–20 v.)* [Evenks: historical and ethnographic essays (18th–20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1969, 303 p. (In Russian)

Yakovleva M. P. Traditsionnyy zachin v skazaniyakh evenkov i epose kalmykov [Traditional introduction in Evenk tales and Kalmyk epics]. In *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Aktual'nye problemy sovremennogo mongolovedeniya i altaistiki," posvyashchennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora V. I. Rassadina (g. Elista, 10–13 noyabrya 2014 g.)* [Materials of the International Scientific Research Conference "Actual problems of modern Mongolian studies and Altaic studies," dedicated to the 75th anniversary of the birth of Professor V. I. Rassadin (Elista, November 10–13, 2014)]. Elista, KSU, 2014, pp. 513–516. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
03.02.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Марианна Тимофеевна Сатанар – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

Marianna T. Satanar – Candidate of Philology, Senior Researcher, Olonkho Research Institute of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov (Yakutsk, Russian Federation)

institut-olonkho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3546-7343>

Семиотика круговых танцев тюрко-монгольских народов Сибири и Туркестана

С. Н. Абдуллаев, Г. С. Абдуллаева

Иссык-Кульский государственный университет имени К. Тыныстанова, Каракол, Кыргызстан

Аннотация

Статья посвящена изучению круговых танцев тюрко-монгольских народов Сибири и Туркестана в сопоставительном плане. Данный феномен рассматривается с применением семиотического подхода. Круговые танцы и их элементы несут в себе конкретные смыслы, которые изменяются с течением времени при сохранении инвариантных характеристик. Показана семиотическая природа круговых танцев, их формальные и содержательные стороны. Отмечены общие и специфические характеристики круговых танцев сопредельных регионов. Различия связаны с контаминацией смыслов в уйгурском танце *сама* под влиянием современных религиозных воззрений. Вместе с тем круговые танцы свидетельствуют об общих древних началах становления данных явлений народной хореографии.

Ключевые слова

круговой танец, мировосприятие, знак, кинема, смысл, единение

Для цитирования

Абдуллаев С. Н., Абдуллаева Г. С. Семиотика круговых танцев тюрко-монгольских народов Сибири и Туркестана // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 136–144. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-136-144

Semiotics of circular dances of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia and Turkestan

S. N. Abdullaev, G. S. Abdullaeva

Issyk-Kul State University named after K. Tynystanov, Karakol, Kyrgyzstan

Abstract

Circular dances reflect the worldview of Turkic and Mongolian peoples, in particular, their shared historical origins. Twenty-first-century scholarship shows significant interest in the cultural expressions of a specific ethnic group, as reflected in their traditional and contemporary choreography. This article undertakes a comparative study of the circular dances practiced by the Uyghurs and the indigenous peoples of Siberia. Within the system of national culture, circular dances are examined as semiotic representations. Within Turkestan, the circular male dance performance is uniquely associated with the Uyghur culture. A comparative study with Siberian circular dances can enhance the scientific understanding of its singularity. The research objects for this study were Uyghur dance *Sama*, the Yakut dance *Osuokhai*, and the Buryat dance *Ekhör*. Use was made of a descriptive method within a semiotic framework. An analysis of the study results allows for a consideration of the historical and cultural dynamics of the ethnic groups in question. Each of the three dances, along with their constituent elements, were found to possess unique formal and semantic characteristics. Some characteristics were determined to demonstrate similarity, while others exhibit disparity. This finding can be attributed to the historical trajectories of specific ethnic groups. A conclusion is made that circle dances represent a vital aspect of contemporary folk choreography, exhibiting adaptability to evolving societal contexts. The typological study of circle dances will provide valuable insights into the cultural heritage of Turkic and Mongolian peoples.

© С. Н. Абдуллаев, Г. С. Абдуллаева, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

Keywords

circle dance, worldview, sign, cinema, meaning, unity

For citation

Abdullaev S. N., Abdullaeva G. S. Semiotika krugovykh tantsev tiurko-mongol'skikh narodov Sibiri i Turkestana [Semiotics of the circular dances of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia and Turkestan]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 136–144. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-136-144

Введение

Одним из путей постижения уникальности народов в плане их взглядов на мир в прошлом и настоящем являются круговые танцы [Uyghur Identity 2024; Абдуллаева 2023]. Они также дают возможность сравнительно-исторической характеристики культуры и истории конкретных этносов [Abdullaev 2021]. В этом смысле представляют интерес круговые танцы народов Сибири и Туркестана, исторически связанные между собой и являющиеся темой данной статьи. Предмет исследования – сопоставление уйгурского и сибирских круговых танцев. Со стороны формы для них характерен круговой характер исполнения, а со стороны семантики – выраженные идеи единства сообщества, связи с природой и других смыслов.

Уйгурский этнос исторически проживал как на территории Южной Сибири, так и в регионе Восточного Туркестана [Краткая история уйгуров 1989: 11–15]. Одним из проявлений уйгурской культуры является танец *сама*, обобщенно отражающий, как в зеркале, динамику исторического развития этноса. В современных условиях он практикуется в южных регионах Восточного Туркестана, Казахстане, Кыргызстане, что послужило материалом для данной работы. В частности, активная работа по восстановлению традиционных форм танца в г. Каракол Иссык-Кульской области Кыргызстана способствовала проведению множества наблюдений. К танцу *сама* в основном обращаются во время праздников и торжеств.

Актуальной проблемой в изучении круговых танцев является изучение их динамизма как живых и развивающихся хореографических произведений. Целью статьи является выявление общих и различающихся характеристик круговых танцев в их динамике.

Исследованию круговых танцев посвящены многочисленные работы [Бакаева 2014; Буксикова 2009; Дашиева 2007; Исраилов 1991; Лукина 2006, 2023; Николаева 2000; Санчай 2016; Санчай, Кухта 2019; Стручкова 2000; и др.]. Вкладом данной статьи в обсуждение данной проблематики можно считать исследование варьирования природы танца *сама*: в плане формы – появление факультативных, не базовых кинем, в плане содержания – контаминацию архаичных смыслов с современными религиозными и нерелигиозными идеями единения. При сопоставлении с танцами Сибири это представляет интерес в плане культурной эволюции историко-генетических связей народов данного региона. В статье применяются в основном описательный и сопоставительный методы.

Круговые танцы как способ выражения мировосприятия

В качестве элементов национальной культуры круговые танцы можно интерпретировать в контексте передачи культурного наследия [Абдуллаева 2023]. При этом они представляют особый интерес при трактовке национальных культур как систем культурем. Формальной стороной культурем можно назвать совокупность кинем, тогда как в плане содержания они передают типовые смыслы. На наш взгляд, такие танцы релевантны с точки зрения передачи опыта предков из поколения в поколение. При их изучении в контексте семиотики кинемы дают возможность увидеть, как воспринимали окружающую действительность в прошлом представители тюркских, монгольских и других народов на пространствах Сибири и Туркестана. Базовые кинемы уйгурского танца *сама*, как нам представляется, передают значение архаичного боевого танца, который исполнялся мужчинами перед тем, как отправиться на охоту или на войну. В энергетическом поле круга мужчины наполняются мужеством и решительностью. Сохранение элементов таких смыслов можно наблюдать в современных практиках танцев Сибири. Метод сопоставления мы используем как инструмент для верификации предварительных предположений и выводов о природе танцев уйгурского и сибирских народов.

Танец *сама* как феномен уйгурской культуры

Танец *сама* имеет архаичные истоки. Своими корнями он уходит в далекое прошлое. Исторический анализ уйгурского танцевального фольклора демонстрирует мировоззрение уйгуров и отражение религиозности в его танцевальной культуре. Многие танцы, в частности *сама*, утратив свой ритуальный характер, сохранили некоторые традиционные элементы танцевальных движений. Уйгурское танцевальное искусство имеет длительную историю существования, современные уйгуры являются носителями древних традиций [Махмутова, Сайтова 2023: 15].

Танец *сама* исполняется только мужчинами, из чего можно заключить, что этот танец в прошлом был связан с такими важными действиями, как охота или война. Уникальность танца обусловлена тем, что в туркестанском регионе он представлен только у уйгуров, которых отличают древние истоки и непростая история [Алмас 1989; Краткая история уйгуров 1989: 67; Ерзин 2015]. Знакомство с танцем обнаруживает, что он является живым и трансформирующимся явлением культуры [Ромм 2006; Султангареева 2013]. В этом смысле любопытными представляются общие и различительные моменты при описании данного танца в сопоставлении с его аналогами из сибирского региона. С одной стороны, не подлежит сомнению то обстоятельство, что мы имеем сходные инвариантные начала, свойственные древней тюрко-монгольской общности на территории Сибири. С другой стороны, сложные перипетии исторической судьбы уйгурского этноса не могли не отразиться на процессах трансформации кругового танца.

Круговой танец в уйгурском сообществе имеет свой культурный контекст, который отражает и в определенном смысле формирует этнокультурную идентичность представителей данного сообщества. Сегодня уйгуры воспринимают его как символ единства.

Танец *сама* в этнокультурном сообществе уйгуров понимается как инструмент для того, чтобы «закипела» энергия коллектива: *сама қайнайду* ‘сама кипит’. Другие танцы в системе культуры уйгуров танцуют (букв. *ойнайду* ‘играют’), а в круговом танце «сама-небо ложится (в центр круга)» при участии танцующих (*сама салмақ*). Участники танца словно укладывают энергию небес в круг, в котором создается защитное энергетическое поле. В наши дни здесь вполне можно заметить и элементы поклонения Всевышнему. В некоторых случаях бытования танца можно видеть, что его участники пошли еще дальше: под влиянием суфийских религиозных практик танец трансформируется в разновидность молитвы.

Места, где исполняется рассматриваемый нами танец, осмысляются как площадки для подготовки «богатырей и борцов». В современных условиях в качестве используемого для танца пространства следует указать на площадки возле мечетей и места проведения праздников и тоев-торжеств.

В силу каких признаков можно говорить о характеристике танца как семиотического знака – отдельной культуры? В качестве знака у танца и его элементов можно выделить план выражения, представленный определенным рисунком кинем, и план содержания, вбирающий в себя конкретные значения. И в том, и в другом аспекте допустимы случаи варьирования, приводящие к различным вариантам танца. Например, перед началом танца его участники приветствуют друг друга, прикладывая правую руку к груди. Такие жесты передают значение взаимного уважения к участникам как представителям единого сообщества и семантику единения. Движение танцующих по кругу символизирует модель мироздания и круговорот жизни [Абдуллаев 2022, 2024; Абдуллаев, Абдуллаева 2022].

Синтагматика танца обуславливает комбинирование частных элементов танца как знаков. В танце следует выделять базовые и факультативные кинемы. Базовыми являются прыжки при вращении с одновременным перемещением по кругу. Во время прыжков руки поднимаются вверх, затем, когда они опускаются, одна рука отводится назад, а вторая – вперед, как бы складывая что-то в центр круга. Потом руки меняются: одна назад, другая вперед. При реконструкции такие движения представляют самую большую сложность. Факультативными мы считаем движения, которые наслаиваются на базовые в результате импровизации. Факультативные движения рождают варианты танца. Одним из таких вариантов можно считать, в частности, вариант *халка-сохбат* [Му 2021].

Халка-сохбат – это локализованная форма *сама* и *зикра*, практикуемая уйгурскими суфиями, которые живут в отдаленном районе Восточного Туркестана. В музыкальных звуках и телесных движениях, которые выполняются в *халка-сохбат*, участники стремятся войти

в *джазбу* – измененное состояние сознания, в котором человек чувствует притяжение Бога [Ми 2021: 93]. В таком состоянии представлены смыслы приближения ко Всевышнему – состоянию *джазба*. Данное понятие и термин заимствованы из суфийской традиции со значением ‘притяжение’ [Ми 2021: 93].

Ритм в танце *сама* отражает цикличность Космоса и связь с природой, а движения указывают на движение времени. Ритм способствует вхождению в измененное состояние сознания, что вызывает чувство соприкосновения с трансцендентным.

Особенности круговых танцев *осуохай* и *ёхор*

Яркие примеры круговых танцев народов Сибири есть у якутов и бурят. Они являются неотъемлемой частью культуры тюркских и монгольских народов Сибири [Буксикова 2009; Дашиева 2007; Санчай 2016; Санчай, Кухта 2019]. Их тоже можно интерпретировать в качестве семиотических знаков культуры. Каждый элемент якутского *осуохай* и бурятского *ёхор* наделены определенным смыслом [Лукина 2006, 2023; Стручкова 2000]. В якутском танце, который активно исполняется в поздневесенний период, во время празднования *ысыаха*, заложена идея возрождения. В этом видится параллелизм с их уйгурским и бурятским аналогами. Кроме того, в сибирских танцах отражаются особенности мировосприятия народов. Так, например, в бурятском танце исследователи усматривают моделирование мироздания [Николаева 2000]. Открытость для импровизации создает предпосылки для возникновения новых оттенков смысла при сохранении инвариантной семантики. По мнению В. Е. Васильева, в основе кругового танца *осуохай* лежат идеи обожествления праматерей, превратившихся в птиц и животных [Васильев 2023: 55].

Осуохай является трехчастным танцем. Он начинается с размеренного движения по ходу солнца. Танцующие держатся за руки, отводя их вперед-назад. Ритм убыстряется, участники могут двигаться вприпрыжку. Допустимо создание нескольких кругов.

При исполнении бурятского хороводного танца *ёхор* попеременно выносятся вперед-назад ноги, а руки поднимаются и опускаются вверх-вниз. Хоровод движется по ходу солнца. Головы поворачиваются налево-направо. Участники то сужают круг, то расширяют его. Ритм танца также постепенно ускоряется.

Отдельные авторы подчеркивают, что категория *коммунитас* В. Тернера оказывается чрезвычайно полезной для изучения как смысла, так и социологических механизмов круговых танцев, которые распространены в традиционных и современных обществах [Noiwicka 2016]. Понятие *коммунитас* относится к состоянию группы, когда единство, единообразие и общность становятся важнее внутреннего разнообразия и социальной структуры. Идеологическая *коммунитас* представляется стремлением описать внешнюю сторону внутреннего опыта экзистенциальной *коммунитас*, а также охарактеризовать оптимальные социальные условия, при которых такой опыт будет развиваться и увеличиваться [Turner 1991: 132]. Согласно этому мнению, благодаря ритуалам индивидуальное растворяется в коллективном [Воробьева 2019: 155]. В процессе исследования танца *ёхор* у западных бурят ученые часто отсылают к мнению М. Н. Хангалова, который считал, что указанный танец можно исполнять только в экстатическом состоянии [Николаева 2000: 6].

Круговые танцы Сибири и Туркестана в современных условиях

Географическая удаленность не могла не наложить свой отпечаток на рассматриваемые произведения народной хореографии в диахронии. Танцы могут исполняться как под музыку, так и без нее [Ткачук 2011: 102]. Нельзя не отметить наличие напевов при исполнении якутского танца *осуохай*. Танец начинается запевала в роли его своеобразного инициатора [Ларионова 2023: 140]. На больших мероприятиях один хоровод может сменяться другим. Едва лишь один запевала заканчивает свой хоровод, другой запевала может начинать новый [Обрядовая поэзия саха 2003: 33]. При этом отмечается множество фольклорных текстов, используемых при исполнении танца. *Осуохай* пережил разные испытания, но сохранился как живой национальный бренд якутского народа и его духовная опора [Лукина 2024: 18]. В отличие от танца *сама*, с принятием христианства в танце *осуохай* стал утрачиваться религиозно-культовый элемент [Там же: 14]. Наметилась тенденция элиминирования первой части танца, стали исчезать архаичные формы [Там же: 15]. Думается, что решению задачи их реанимации в определенной сте-

пени могут способствовать сопоставительные исследования круговых танцев тюрко-монгольской общности. В конце XX – начале XXI вв. наступил период ренессанса для танца *осуохай*. Он вновь получил широкое распространение среди якутов. Подтверждением этому может служить рекорд Гиннеса в 2012 г., когда в двухчасовом танце одновременно приняли участие 15293 чел. [Арзаева 2012].

Бурятский танец *ёхор* сегодня вызывает значительный интерес не только у бурят, но и у соседних народов, а также туристов, интересующихся бурятской культурой. Этимология термина в определенной степени свидетельствует в пользу культурной тюрко-монгольской общности. Д. С. Дугаров считает, что название танца восходит к древнеуйгурскому слову *joqari* ‘вверх’ [Дугаров 1991: 103–117]. Он претерпел трансформацию в результате взаимодействия с бурятским словом *ухэ*, имеющим сходную семантику. Другими словами, здесь произошли фонетико-смысловые сдвиги аналогично тому, как в уйгурском языке тюрко-персидское слово *асман* ‘небо’ прошло через стадию взаимодействия с арабским словом *سماء* ‘небо’.

В наши дни танец *сама* танцуется под песни и музыку, которые исполняются не танцорами. Одной из таких популярных песен можно считать песню «Сама», слова которой принадлежат Мухаммадали Зунун Ташнай, а музыку написал Аблет Аблеким. В сибирских танцах танцующие держатся за руки, тогда как в танце *сама* при демонстрации базовых кинем (очевидно, они являются наиболее ранними компонентами танца) участники танца движутся отдельно друг от друга при сохранении круга, который создает своеобразное энергетическое поле.

В современных условиях отмечаются случаи реконструкции танцев, которые можно трактовать как эволюцию круговых танцев в контексте глобализации [Шинжина 2021; Абдуллаев 2022]. Здесь можно заметить влияние современных медиа на традиционные формы. Так, процесс реконструкции *сама* и отражение адаптивных изменений отражены в документальном фильме «Танец *сама* в Караколе», который можно найти в социальных сетях. Изучение того, как современные медиа (интернет-порталы, социальные сети) влияют на сохранение и трансформацию традиционных круговых танцев среди уйгуров и сибирских народов, может составить отдельный вопрос для исследования. Это поможет понять роль технологий в сохранении культурного наследия.

Заключение

Круговой танец *сама* как аналог сибирских танцев представлен только в регионе Восточного Туркестана, тогда как среди тюркоязычных этносов Западного Туркестана (казахов, узбеков, киргизов, туркмен) такой мужской круговой танец не отмечен. Это говорит о более близких культурных связях Восточного Туркестана с регионом Сибири в прошлом. При сопоставительном изучении круговых танцев тюрко-монгольских народов Сибири, с одной стороны, и уйгурского этноса, с другой, можно заметить как общие, так и различительные характеристики. К числу первых, на наш взгляд, следует отнести основополагающие семиотические признаки: со стороны формы – круговую организацию исполнения базовых кинем; со стороны содержания – идею социального единения (в единстве – сила) и мировосприятие сквозь призму сверхценностей и поклонения высшим силам. В обоих регионах наблюдается выражение в танце особого способа мировосприятия, уходящего своими корнями в далекое прошлое. Круговая форма исполнения танцев указывает на семантику социального единства и связи с Космосом. Ритмичность сопряжена с особым состоянием, в которое входят танцующие. Для сопоставляемых танцев характерны реликтовые элементы поклонения. В этом смысле уйгурский танец в сочетании с религиозными практиками приближает участников танца к особому состоянию *джазба*. В сибирском и туркестанском регионах круговые танцы имеют социальную функцию, которая заключается в укреплении и единении этнокультурного сообщества, когда индивидуальное сливается с коллективным.

Что касается различительных моментов, то можно указать на своеобразное музыкальное сопровождение. Региональная отдаленность вылилась в то, что в уйгурском танце переплелись доисламские и исламские черты. Такая контаминация смыслов обнаруживается и в том, что *сама* исполняется, как правило, только мужчинами. Якутский танец *осуохай* сопровождается напевами, в которых отмечаются различные тексты на тему кругового танца. В случае с уйгурским танцем такие тексты не сохранились, им на смену приходят песенные тексты, создаваемые в современных условиях. Танец *сама* исполняется только мужчинами, которые при

выполнении основополагающих кинем не держатся за руки. В случае с *осуохай* и *ёхор* танцующие держатся за руки, образуя хоровод.

Сопоставительный подход дает основания для подтверждения предварительных представлений о том, что уйгурский танец *сама* подвергался трансформации на религиозной почве. Первоначально он передавал архаичные смыслы, сходные с сибирскими аналогами. Впоследствии на них наложилась исламская семантика, доведенная суфиями до уровня молитвы. Сложная история дисперсного уйгурского этноса распорядилась таким образом, что он был представлен как в южно-сибирском регионе, так и на территории Восточного Туркестана при сохранении этнокультурных связей. Одним из аргументов в пользу такого мнения служит наличие мужского кругового танца у современных уйгуров и консервация в нем элементов поклонения. Корреляция с хореографическими аналогами народов Сибири подтверждает архаичность танца и общность исторической судьбы этносов. С другой стороны, сопоставительный подход наводит на мысли о том, что в контексте трансформационных и адаптивных процессов сибирские танцы также ранее могли выглядеть иначе. Допустимо наличие в прошлом кинем, отличающихся от современных хороводных движений, гендерный расклад участников при исполнении танца накануне решительных событий: охоты, вооруженных столкновений и т. д. На основе исследования предлагаем «реанимацию» текстов песен к танцу *сама* в формате фольклорных запевов с эпическим элементом. Желательно, чтобы трансформация включала опорные лексемы, которые вслед за запевалой повторяли бы танцующие. При таком варианте современного танца *сама* вполне допустимо использование ударных и других национальных инструментов.

Список литературы

Абдуллаев С. Н. Фортификационный опыт раннесредневековых уйгуров // Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения. Смоленск: Свиток, 2021. С. 23–25.

Абдуллаев С. Н. Структурно-семантическая реконструкция уйгурского танца «Сама»: архаические представления или контаминация смыслов // Кочевая цивилизация: исторические исследования. 2022. № 3. С. 63–73.

Абдуллаев С. Н. Уйгурский круговой танец «Сама» // Круговые танцы народов Евразии: актуальные вопросы изучения, сохранения, укрепления традиций. Якутск, 2024. С. 47–56.

Абдуллаев С. Н., Абдуллаева Г. С. Уйгурский танец «Сама» как феномен сибирского и восточно-туркестанского культурного пространства // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции. Вып. 12. Том 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 6–10.

Абдуллаева Н. С. Культура уйгуров в зеркале лексики питания, имен и древней хореографии. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publication, 2023. 68 с.

Арзаева Р. Якутск установил рекорд Гиннеса. 15293 человека станцевали осуохай // Якутск вечерний. 2012, 29 июня. С. 14.

Бакаева Э. П. О некоторых вопросах сопоставительного изучения ойратских и калмыцких танцев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 83–90.

Буксикова О. Б. Танец в истории культуры народов Сибири: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. СПб, 2009. 389 с.

Васильев В. Е. Семантика кругового танца *оһуохай*: символический переход в мир предков и божеств // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 4 (45). С. 48–59.

Воробьева Н. С. Коммунитас как «сущностное Мы»: возможность диалогических отношений в общности // Sociology of Power. 2019. Vol. 31. № 4. С. 155–184.

Дашиева Л. Д. Бурятский круговой танец *ехор*: историко-этнографический, ладовый, ритмический аспекты: Дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2007. 268 с.

Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства. М.: Наука, 1991. 297 с.

Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. 519 с.

Исраилов М. В. Уйгурский танец на территории Средней Азии и Казахстана: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ташкент, 1991. 24 с.

- Краткая история уйгуров / Отв. ред. Г. С. Садвакасов, Г. М. Исхаков. Алма-Ата: Наука, 1989. 256 с.
- Ларионова А. С. Типология круговых танцев якутов и эвенов (По фольклорным материалам М. Н. Жиркова) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 1 (42). С. 134–145.
- Лукина А. Г. Круговой танец *осуохай*: идеи, образы, символы // Вестник Якутского государственного университета, 2006. Т. 3. № 4. С. 69–72.
- Лукина А. Г. Традиционный круговой танец якутов *Осуохай*: истоки и современное состояние // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13. № 3А–4А. С. 50–62.
- Махмутова Х. М., Саитова Г. Ю. Анализ уйгурского танцевального фольклора через призму современного взгляда // ARTS ACADEMY. 2023. № 3 (7). С. 5–15.
- Николаева Д. А. Семантика кругового танца *ехор* у западных бурят: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 20 с.
- Обрядовая поэзия саха (якутов) / Отв. ред. Н. В. Емельянов. Новосибирск: Наука, 2003. 512 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)
- Ромм В. В. Танец как фактор эволюции человеческой культуры: Дис. ... д-ра культурологии. Барнаул, 2006. 403 с.
- Санчай Ч. Х. Культурные предпосылки возникновения тувинского хороводного танца «Челер-ой» // *Gaudeamus Igitur*. Современные гуманитарные исследования. 2016. № 3. С. 52–56.
- Санчай Ч. Х., Кухта М. С. Семантика структурных элементов тувинского танца // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. С. 176–189.
- Стручкова Н. А. Семантика основных движений якутского хороводного танца *осуохай*: Дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2000. 188 с.
- Султангареева Р. А. Танцевальный фольклор башкир. Уфа: Гилем, Башкирская энциклопедия, 2013. 128 с.
- Ткачук М. А. К проблеме определения понятия «танец» // Ойкумена. 2011. № 2. С. 93–102.
- Шинжина А. И. Алтайский национальный театр танца «Алтам» как лаборатория практической реализации результатов научно-исследовательской работы по изучению традиционной культуры алтайцев // Культура и искусство. 2021. № 2. С. 65–79.
- Алмас Т. Уйгуры. Үрүмчи, 1989. (На уйгурском яз.)
- Abdullayev S. Correlation of the Texts of Ancient with Modern Folklore: “Kutadgu Bilik” and “Nur dastani” // *Ancient Texts and Languages of Ethnic Groups along the Silk Road*. Goettingen, 2021. Pp. 9–13.
- Mu Q. Pulled by God: Sound and Altered State of Consciousness in the Hälqä-Sohbät Ritual of Uyghur Sufis // *European Journal of Musicology*. 2021. Vol. 20, no. 1. Pp. 173–195.
- Noiwicka E. Siberian Circle Dances: the New and the Old Communitas. *Polish Sociological Review*. 2016. Vol. 194, no. 2. Pp. 249–260.
- Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. New York: Cornell University Press, 1991. 213 p.
- Uyghur Identity and Culture. A Global Diaspora in a Time of Crisis. London, 2024. 208 p.

References

- Abdullaev S. N. Fortifikatsionnyy opyt rannesrednevekovykh uygurov [Fortification experience of the early medieval Uyghurs]. In *Muzeifikatsiya fortifikatsionnykh sooruzheniy: problemy i puti ikh resheniya* [Museification of fortification structures: problems and solutions]. Smolensk, Svitok, 2021, pp. 23–25. (In Russian)
- Abdullaev S. N. Strukturno-semanticheskaya rekonstruktsiya uygurskogo tantsa “Sama”: arkhaischeskiye predstavleniya ili kontaminatsiya smyslov [Structural and semantic reconstruction of the Uyghur dance “Sama”: archaic ideas or contamination of meanings]. *Kochevaya tsivilizatsiya: istoricheskie issledovaniya* [Nomadic civilization: historical research]. 2022, no. 3, pp. 63–73. (In Russian)
- Abdullaev S. N. Uygurskiy krugovoy tanets “Sama” [Uyghur circle dance “Sama”]. In *Krugovyye tantsy narodov Evrazii: aktual’nyye voprosy izucheniya, sokhraneniya, ukrepleniya traditsiyi*. [Circular dances of the peoples of Eurasia: current issues of studying, preserving, strengthening traditions]. Yakutsk, 2024, pp. 47–56. (In Russian)

Abdullaev S. N., Abdullaeva G. S. Uyurskiy krugovoy tanets "Sama" kak fenomen sibirskogo i vostochno-turkestanskogo kul'turnogo prostranstva [Uyghur dance "Sama" as a phenomenon of the Siberian and East Turkestan cultural space]. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziyskom prostranstve* [Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space]. 2022, vol. 2 (iss. 12), pp. 6–10. (In Russian)

Abdullaeva N. S. *Kul'tura uyurov v zerkale leksiki pitaniya, imen i drevney khoreografii* [Uyghur culture in the mirror of food vocabulary, names, and ancient choreography]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2023, 68 p. (In Russian)

Abdullayev S. Correlation of the Texts of Ancient with Modern Folklore: "Kutadgu Bilik" and "Nur dastani." In *Ancient Texts and Languages of Ethnic Groups along the Silk Road*. Goettingen, 2021, pp. 9–13.

Almas T. *Uyury* [Uyghurs]. Yrumchi, 1989. (In Uyghur)

Arzaeva R. Yakutsk ustanovil rekord Ginnessa. 15293 cheloveka stantsevali osuokhay [Yakutsk set a Guinness record. 15,293 people danced osuokhai]. *Yakutsk vecherniy* [Yakutsk in the evening]. 2012, June 29, p. 14. (In Russian)

Bakaeva E. P. O nekotorykh voprosakh sopostavitel'nogo izucheniya oyatskikh i kalmytskikh tantsev [On some issues of comparative study of Oirat and Kalmyk dances]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Oriental Studies]. 2014, no. 2, pp. 83–90. (In Russian)

Buksikova O. B. *Tanets v istorii kul'tury narodov Sibiri* [Dance in the history of the peoples of Siberia]. Abstract of Dr. art sci. diss. St. Petersburg, 2009, 389 p. (In Russian)

Dashieva L. D. *Buryatskiy krugovoy tanets ekhor: istoriko-etnograficheskiy, ladovyy, rimicheskiy aspekty* [Buryat circular dance ekhor: historical-ethnographic, modal, rhythmic aspects]. Abstract of Cand. art criticism diss. Novosibirsk, 2007, 268 p. (In Russian)

Dugarov D. S. *Istoricheskiye korni belogo shamanstva* [Historical roots of white shamanism]. Moscow, Nauka, 1991, 297 p. (In Russian)

Erzin M. *Iz glubin Evrazii* [From the depths of Eurasia]. Almaty, 2015, 269 p. (In Russian)

Lukina A. G. Krugovoy tanets osuokhay: ideyi, obrazy, simvoly [Circular dance osuokhai: ideas, images, symbols]. *Bulletin of the Yakutsk State University*. 2006, vol. 3, no. 4, pp. 69–72. (In Russian)

Lukina A. G. Traditsionnyy krugovoy tanets yakutov Osuokhay: istoki i sovremennoye sostoyaniye [Traditional Yakut circular dance Osuokhai: origins and current state]. *Culture and civilization*. 2023, vol. 13, no. 3A–4A, pp. 50–62. (In Russian)

Makhmutova Kh. M., Saitova G. Yu. Analiz uyurskogo tantseval'nogo fol'klora cherez prizmu sovremennogo vzglyada [Analysis of Uyghur Dance Folklore through the Prism of a Modern View]. *Arts Academy*. 2023, no. 3 (7), pp. 5–15. (In Russian)

Mu Q. Pulled by God: Sound and Altered State of Consciousness in the Hälqä-Sohbät Ritual of Uyghur Sufis. *European Journal of Musicology*. 2021, vol. 20, no. 1, pp. 173–195.

Nikolayeva D. A. *Semantika krugovogo tantsa yekhor u zapadnykh buryat* [Semantics of the circular dance yekhor among the Western Buryats]. Abstract of Cand. hist. sci. diss. Ulan-Ude, 2000, 20 p. (In Russian)

Noiwicka E. Siberian Circle Dances: the New and the Old Communitas. *Polish Sociological Review*. 2016, vol. 94, no. 2, pp. 249–260.

Obryadovaya poeziya sakha (yakutov) [Ritual poetry of the Sakha (Yakuts)]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 512 p. (Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East). (In Russian)

Romm V. V. *Tanets kak faktor evolyutsii chelovecheskoy kul'tury* [Dance as a factor in the evolution of human culture]. Dr. cult. stud. diss. Barnaul, 2006, 403 p. (In Russian)

Samchay Ch. Kh. Kul'turnyye predposylki vozniknoveniya tuvinskogo khorovodnogo tantsa *cheler-oy* [Cultural prerequisites for the emergence of the Tuvan round dance *cheler-oy*]. *Gaudeamus Igitur. Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya* [Gaudeamus Igitur. Modern humanitarian research]. 2016, no. 3, pp. 52–56. (In Russian)

Samchay Ch. Kh., Kukhta M. S. Semantika strukturnykh elementov tuvinskogo tantsa [Semantics of structural elements of Tuvan dance]. *Novyye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva]. 2019, no. 1, pp. 176–189. (In Russian)

Shinzhina A. I. Altayskiynatsional'nyi teatr tantsa "Altam" kak laboratoriya prakticheskoy realizatsii rezul'tatov nauchno-issledovatel'skoy raboty po izucheniyyutraditsionnoy lul'tury altaytsev [Altai National Dance Theater "Altam" as a laboratory for the practical implementation of the results of re-

search work on the study of the traditional culture of the Altai people]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art]. 2021, no. 2, pp. 65–79. (In Russian)

Struchkova N. A. *Semantika osnovnykh dvizheniy yakutskogo khorovodnogo tantsa osuokhay* [Semantics of the main movements of the Yakut round dance osuokhai]. Cand. hist. sci. diss. Yakutsk, 2000, 188 p. (In Russian)

Sultangareeva R. A. *Tantseval'nyi fol'klor bashkir* [Dance folklore of the Bashkirs]. Ufa, Gilem, Bashkirskaya entsikl., 2013, 128 p. (In Russian)

Tkachuk M. A. K probleme opredeleniya ponyatiya “tanets” [To a problem of definition of concept “dance”]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. 2011, no. 2, pp. 93–102. (In Russian)

Vasil'ev V. E. Semantika krugovogo tantsa osuokhay: simvolicheskiy perekhod v mir predkov i bozhestv [Semantics of the circular dance osuokhai: symbolic transition to the world of ancestors and deities]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2023, no. 4 (45), pp. 48–59. (In Russian)

Vorob'eva N. S. Kommunitas kak “sushchnostnoe My”: vozmozhnost' dialogicheskikh otnosheniy v obshchestve [Communitas as the “essential We”: the possibility of dialogical relations in a community]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2019, vol. 31, no. 4, pp. 155–184. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
03.03.2025*

Сведения об авторах – Information about the Authors

Сайфулла Нурмухамедович Абдуллаев –
доктор филологических наук, профессор,
Иссык-Кульский государственный
университет имени К. Тыныстанова
(Каракол, Кыргызстан)

Saifulla N. Abdullaev – Doctor of Philology,
Professor, Issyk-Kul State University named
after K. Tynystanov (Karakol, Kyrgyzstan)

abdullaev.sayfullah@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-7903-951X>

Гюзаль Сайфуллаевна Абдуллаева –
аспирант, Иссык-Кульский государственный
университет имени К. Тыныстанова (Каракол,
Кыргызстан)

Giuzal S. Abdullaeva – Postgraduate Student,
Issyk-Kul State University named after
K. Tynystanov (Karakol, Kyrgyzstan)

abdullaevagiuzal@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-2277-0194>

Об опыте архивирования фонда фотографий Владимира Тихоновича Новикова

В. А. Гончарова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Представлены результаты каталогизации фотоматериалов Владимира Тихоновича Новикова – участника комплексных фольклорно-этнографических экспедиций 1984–2000 гг. Проанализирована работа автора фотоснимков с точки зрения визуальной антропологии, изложены принципы формирования фонда, описано функционирование фотоиллюстраций В. Т. Новикова в научно-исследовательской и просветительской работе сектора, в том числе в связи с подготовкой фотовыставок и публикацией фотоальбомов. В результате опыта, полученного при архивации фонда фотографий В. Т. Новикова, выработаны подходы, которые могут быть применены для других фондов визуальных материалов.

Ключевые слова

архивация фольклора, Владимир Тихонович Новиков, фотофонд, комплексные фольклорно-этнографические экспедиции, полевой материал, личный фонд, фотофиксация, визуальная антропология

Для цитирования

Гончарова В. А. Об опыте архивирования фонда фотографий Владимира Тихоновича Новикова // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2 (Вып. 54). С. 145–153. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-145-153

On the experience of archiving the photo collection of Vladimir Tikhonovich Novikov

V. A. Goncharova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Photographic archives are indispensable resources in folkloristic and ethnographic research, offering crucial visual documentation of cultural practices and social life that enriches textual and audio records. The Department of Folklore of Peoples of Siberia of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences holds a significant photographic collection donated by the noted photojournalist V. T. Novikov. This collection represents a thorough visual account of regional traditions, requiring methodical archival management for preservation and research facilitation. This paper investigates the archival efforts of the Department regarding the Novikov's collection, providing a comprehensive visual anthropological analysis of his photography for the first time. Efforts are made to analyze the challenges associated with the registration, description, and cataloging of these photographic documents according to contemporary archival principles and discuss the multifaceted role of the collection in academic research and broader public engagement. A complex approach is employed, encompassing a visual anthropological framework for image analysis and evaluation, a analysis of archival processes related to photographic documents, and an account of the applied archival research on the collection conducted by the author. Emphasis is placed on the critical importance of developing and implementing dedicated archival strategies for visual ethnographic materials to ensure their long-term utility. The research confirms the substantial cultural heritage importance of the photographic collection under study, contributing to both the theoretical and practical understanding of specialized and departmental photographic archive management within humanities scholarship.

© В. А. Гончарова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

Keywords

folklore archiving, Vladimir Tikhonovich Novikov, photographic collection, image database, folkloric-ethnographic expeditions, fieldwork materials, personal archive, visual anthropology

For citation

Goncharova V. A. Ob opyte arkhivirovaniya fonda fotografii Vladimira Tihonovicha Novikova [On the experience of archiving the photo collection of Vladimir Tikhonovich Novikov]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 145–153. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-145-153

Введение

Исторически сложилось так, что формирование фольклорных архивов начиналось с рукописных материалов. Таков, например, архив Русского географического общества [Марковская 2006: 95] и мн. др. Когда технические возможности позволили осуществить фиксацию материала в других форматах, бумажный носитель стал подкрепляться фонографическими, фото- и видеозаписями.

В текущем десятилетии технология и методика формирования фондов визуального содержания уверенно обозначили себя, и в ряде методических пособий даются рекомендации по созданию реестров фотоматериалов и их каталогов [Собрание материалов по фольклору... 2020: 39; Собрание документальных материалов... 2022: 291; Расшифровка, обработка и систематизация... 2022: 36]. Однако принцип систематизации и категорийный аппарат до сих пор не имеют универсального принципа.

В рассмотрении проблемы архивации необходимо затронуть несколько моментов. Прежде всего, речь идет о сохранности архивных документов при их специализированном размещении. По сложившейся традиции фольклорные материалы хранятся в ведомственных архивах учреждений, ведущих собирательскую работу, где специализированных хранилищ нет, поэтому там трудно обеспечить сохранность документов [Мухомлева 2013: 84]. В то же время архив – это и своеобразное «учреждение памяти», которое необходимо для воспроизводства самого первичного информационного фонда этноса, т. е. самоидентификации народа» [Там же: 85]. В контексте отечественного опыта С. Д. Мухомлева выделяет высокий уровень работы с архивными документами в Научном архиве Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск) и в лаборатории фольклора Поморского государственного университета (г. Архангельск).

Надо заметить, что специализированное хранилище рукописей и фотодокументов есть в Бурятии – Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. С 1981 г. ему «дано право постоянного государственного хранения документов, что расширило его функции и задачи и одновременно повысило ответственность сотрудников отдела» [Ванчикова 2022: 240].

Другой проблемой, кроме специализированного хранения материалов, является отсутствие апробированных подходов к анализу фольклорных фондов [Марковская 2006: 4]. Предлагается, например, смоделировать последовательный алгоритм этого анализа, начиная с характеристики различных аспектов собирания и заканчивая систематизацией собранных фольклорных материалов и изучением их содержания с последующим проспектом архивации. Обсуждаются вопросы доступа, предпочтительных баз данных, объема информации, выкладываемой в сеть Интернет, создания публичных Интернет-архивов, авторского права и др.» [Там же: 4–5; Чернышева 2023: 61].

В рамках данной статьи мы ставим цель, во-первых, описать поэтапно процесс комплексной обработки и архивации фольклорной фотоколлекции Владимира Тихоновича Новикова, во-вторых, дать краткое описание проделанной им работы по визуальной фиксации полевого материала за период с 1984 по 2000 гг.

1. Фольклорно-этнографический характер фотоколлекции В. Т. Новикова

Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН начал формироваться в связи с подготовкой многотомной академической двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» с 1984 г. С тех пор архив сектора, не являясь структурным подразделением института, постоянно пополняется аудио-, видео- и фотоматери-

алами благодаря регулярным полевым исследованиям сотрудников сектора (об истории архива см. [Тирон 2011]).

Для обеспечения томов серии фономатериалами и фотоиллюстрациями были организованы комплексные экспедиции сотрудников института и региональных научных учреждений Сибири. «С самого начала было ясно, что успех серии во многом будет зависеть от полноты материалов по разным жанрам фольклора, от наличия качественных магнитофонных записей для подготовки грампластинки. Нужны были и специалисты, и экспедиции...» [Ромодановская, Алексеев, Кузьмина 2001: 18].

Владимир Тихонович Новиков, работавший тогда фотокорреспондентом газеты «За науку в Сибири», был включен в состав междисциплинарной команды собирателей фольклора сибирских народов, присоединившись к девяти комплексным экспедициям (с 1984 по 2000 гг.) Профессиональным взглядом фотокорреспондент запечатлел в объективе камеры быт и культуру народов, их материальное наследие: жилища, одежду, утварь, различного рода снаряжения и украшения, уникальный орнамент. Нельзя не отметить особое видение В. Т. Новиковым – чувственное и живописное – знатоков старины, запечатленных в портретной съемке. Фотограф сумел передать неповторимые черты личности исполнителя. Наряду с вербальным, музыковедческим и лингвистическим компонентами, фотоиллюстрации служат в томах Серии незаменимым источником визуальной информации об исследуемых культурах. В. Т. Новиков создал богатую коллекцию фотографий высокого технического уровня, многие из которых вошли в качестве фотоиллюстраций в опубликованные тома серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», другие ожидают своего опубликования в последующих томах. Однако до недавнего времени коллекция фотографий не была описана и структурирована должным образом, ввиду чего перед сектором фольклора народов Сибири остро встал вопрос каталогизации этих фотоматериалов.

Полевая деятельность фотокорреспондента входит в рамки направления исследований визуальной антропологии. По Е. В. Александрову, визуальная антропология – это «комплексная (научная, творческая, организационная и информационно-технологическая) деятельность, направленная на получение и внедрение в социальную практику аудиовизуальной информации о малоизвестных сторонах жизни общества с целью осуществления диалога культур» [Александров 1999: 16]. С этой точки зрения мы можем выделить две характеристики деятельности В. Т. Новикова. Во-первых, научную, заключающуюся в самой цели фиксации этнографического и фольклорного материала, – обогатить визуальным материалом академическую серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и тем самым дать читателю дополнительный источник информации о культуре сибирских народов. Во-вторых – творческую, реализованную в типе съемки: большинство кадров представлено в черно-белом варианте, и только в редких случаях дается цветной аналог на другую пленку. Среди современных средств фиксации полевого материала в экспедициях, связанных с Серией, достойное место занимает видеокамера, и собиратели считают, что кино является «наиболее адекватным средством, способным комплексно отразить культурное явление – в нашем случае исполнение фольклорного произведения» [Сагалаев 2024: 143]. Однако в последней трети XX в. во время выездов сотрудников сектора фотофиксация служила единственным способом передачи всего многообразия визуальной информации, в том числе динамической. Фотосъемка, хотя и продиктована техническими и экономическими соображениями и возможностями своего времени, не отменяет художественное качество изображений.

Черно-белая фотография создает эффект монументальности изображаемого, увековечивает исполнителя в этнографических реалиях его времени, подобно тому как возводят скульпторы уникальные персоналии своей эпохи. Неслучайно Владимира Тихоновича называют «фотолетописцем»¹: новизна фундаментальной работы фотокорреспондента заключается в создании изображений еще не вписанных в культурную память этноса редчайших умельцев и мастеров народных искусств и промыслов на территории нашей страны. Трудом В. Т. Новикова создан памятник многочисленным национальным культурам, не имеющим актуальной визуальной презентации.

¹ Книжник С. Фотолетописец СО РАН // Навигатор. №3 (669). 30.01.2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.navigato.ru/stati/publication/fotoletopisec-so-ran/> (дата обращения: 19.04.2025).

Обратимся к примерам.

*Рис. 1. Участник тувинского фольклорного ансамбля «Сыгырга»².
Fig. 1. Member of the Tuvan folklore ensemble “Sygyrga”.*

*Рис. 2. Тувинские чабаны на стоянке. Панорама.
Fig. 2. Tyva shepherds at a nomadic encampment. Panoramic view.*

² Известны два различных наименования этого фольклорного коллектива. Статья З. Б. Самдан об экспедиции 1984 г. [Самдан 2001] отсылает к названию «Амырга», в то время как подпись к фотографии ансамбля в интервью А. Б. Соктоева, опубликованном в газете «Наука в Сибири» (1984. № 27 (1158). 12.07.1984), фиксирует название «Сыгырга».

Рис. 3. Тувинские чабаны на стоянке. В динамике.
Fig. 3. Tyva shepherds at a nomadic encampment. Panoramic view. In dynamics.

Представленные здесь в качестве иллюстраций фотодокументы I-й комплексной фольклорной экспедиции по регионам Хакасии, Тувы, Алтая демонстрируют разнообразие подходов В. Т. Новикова к запечатлению пейзажа и человека в нем. На первом изображении (Рис. 1) портрет, несмотря на статику, фиксирует индивидуальную жестикуляцию и черты внешности исполнителя; на втором (Рис. 2) – линза передает панорамный объем самобытной местности; третье изображение (Рис. 3) представляет собой комплексную фиксацию ландшафта в его динамическом характере и местных жителей. Таким образом, кадр отражает синкретизм контекста бытования фольклора с его непосредственными носителями.

2. Инвентаризация и систематизация фонда фотографий В. Т. Новикова

Ключевым принципом в работе с архивными фондами является системный подход к инвентаризации и обработке материала. Опытный архивист К. В. Чеботарев считает, что вполне достаточно стандарта, выработанного внутри организации, если «ему неукоснительно следуют». При его отсутствии «в какой-то момент возникает ситуация, когда в материалах могут разобратся один или два человека, что сильно затрудняет какую-либо работу с фондом»³. Мы тоже считаем, что целью архива должно стать построение такой системы, которая была бы удобной как внутри организации, так и для внешних пользователей.

Поскольку этап регистрации материала в момент поступления в аналоговом виде был упущен, фиксация фотодокументов В. Т. Новикова впервые была произведена в цифровом виде. Необходимо также отметить, что переданные им бумажные конверты с фотопленкой не были полноценно систематизированы по географическому и хроникальному принципу: часто в одной фольклорно-экспедиционной коллекции, собранной в бумажную папку, находились конверты с пленкой из другой коллекции; более того, содержание самой пленки (нарезанной по 5–6 кадров в длину) могло не соответствовать коллекции в конверте. Описанное положение затруднило работу над систематизацией материалов.

Учитывая отмеченные нюансы, процесс архивации фотоматериалов потребовал решения нескольких задач, касающихся инвентаризации, систематизации и атрибутирования. Инвентаризация включила в себя: 1) оцифровку предоставленных фотопленок; 2) тщательную сверку тек-

³ Чеботарев К. В. Организация иерархии папок с записанным материалом [Электронный ресурс]. URL: <https://arch.folkcentr.ru/all/organizaciya-ierarii-papok-s-zapisannym-materialom/> (дата обращения: 19.04.2025).

стовых данных, приложенных к фотопленке собирателем, с источниками, в которых можно обнаружить данные, способствующие идентификации информантов и членов экспедиции, а также уточнению места и времени проведения экспедиции (например, новостные статьи об экспедиции в издании «Наука в Сибири», статьи участников экспедиции); 3) систематизацию файлов в цифровом виде относительно имеющейся информации из текстовых данных на конверте; 4) параллельную систематизацию фотопленок таким образом, чтобы корректно дублировать расположение цифровых материалов; 5) создание формы цифрового реестра для фольклорно-экспедиционных коллекций.

На данном этапе работы нами была создана структура цифрового реестра, представленная в Таблице 1, которая иллюстрирует цифровую систему отображения единиц хранения в реестре фонда с указанием объективных паспортных данных, то есть бесспорной информации.

Таблица 1
Table 1

Образец реестрового учета фотофонда В. Т. Новикова
A sample of the registration of the V. T. Novikov photo fund

№ ед. хр.	Коллекция. Название	Сроки	Место записи			Вид выезда	Содержимое, кол-во (кадров, в шт.)	Примечание
			Субъект	Район	Насел. пункт			

Объективными данными в нашем случае выступают: 1) регистрационный номер коллекции, структурирующий ее как единицу хранения; 2) название коллекции по номеру экспедиции и параметру «комплексности» последней, например, «IV-я комплексная экспедиция ИИФиФ СО АН СССР»; 3) временной промежуток проведения экспедиции; 4) конкретные географические данные; 5) вид выезда, например, досъемка материала; 6) данные о типе и количестве содержимого, например: негативы – 751 шт. Заканчивает таблицу столбец «Примечание», в котором могут быть указаны дополнительные уточняющие сведения.

После проведенной работы по инвентаризации нами была выполнена систематизация, которая включала: 1) создание реестра для последующего атрибутирования материала; 2) внесение имеющихся текстовых данных в реестр.

Таблица 2
Table 2

Опись коллекции в фотофонде В. Т. Новикова
Inventory of the collection in the photo fund of V. T. Novikov

№ описи (по области)	№ листа Printfile	№ уч.ед.	Раздел	Характеристика	Место съемки	Дата	Примечание (надпись на конверте и пр.)
-------------------------	----------------------	----------	--------	----------------	-----------------	------	---

Ключевой категорией в этой системе является характеристика, то есть содержание фотоснимка: в ней фиксируются сведения, идентифицирующие исполнителя / информанта / событие / предмет.

С целью хранения аналогового материала были выбраны полиэтиленовые и бумажные мультифоры для фотопленки «PrintFile» на 7 полос из 6 кадров 35 мм, что позволило расположить снимки в удобном формате для ознакомительного просмотра. Мультифоры с фотопленкой собраны в папки, различающиеся по объективным географическим и хронологическим данным. Папки дублируются по типу хранения в аналоговой (канцелярская папка) и цифровой (папка в системе компьютера) форме; в последней зафиксировано положение кадра как учетной единицы со своим номером.

Проведенная работа позволяет констатировать, что фонд включает 7819 единиц этнографических кадров, иллюстрирующих традиционную культуру и ее носителей; 418 кадров из этого числа были сделаны на пленку с цветным негативом, остальные – черно-белые. Помимо кадров, предназначенных для визуальной иллюстрации томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», в фонде имеются также снимки рабочих моментов полевой записи, памятных встреч и научных собраний в том регионе, где была организована экспеди-

ция. Кроме того, значительным сегментом фонда является личная портретная съемка основателя Серии и первого руководителя комплексных экспедиций – Александра Бадмаевича Соктоева.

Атрибутивных данных, полученных от В. Т. Новикова, недостаточно для текущей описи, что предопределяет формулирование новых задач по работе с фондом. Ключевой задачей является продолжение атрибуции систематизированного материала. Этот этап работы требует активного обращения к региональным научным институциям, сотрудники которых участвовали в работе экспедиций.

На данный момент работа по систематизации и атрибуции фотографий рабочих моментов экспедиций, портретов лиц науки, памятных снимков А. Б. Соктоева, сделанных В. Т. Новиковым, продолжается.

3. О значении фотоколлекций в популяризации фольклора сибирских народов

Фотофонд В. Т. Новикова содержит девять коллекций фольклорно-этнографического материала, зафиксированного в сибирско-дальневосточных регионах (перечислим в хронологической последовательности): Хакасия, Тува, Алтай, Якутия, Бурятия, Иркутская область, Хабаровский, Красноярский и Приморский края, Чукотка и Камчатка. Помимо выделенной задачи по организации атрибуции неопознанных фотоснимков, сектор фольклора народов Сибири также заинтересован в популяризации своей научно-исследовательской деятельности через проведение фотовыставок и издание альбомов научно-документальной фотографии.

На сегодняшний день уже можно говорить о первых результатах популяризаторской деятельности. Так, 30 мая 2024 г. состоялась творческая встреча коллектива Института филологии СО РАН с В. Т. Новиковым⁴, 24 сентября того же года в Выставочном центре СО РАН была открыта первая фотовыставка коллекции «Хакасия – Тува – Алтай», посвященная 40-летию первой комплексной экспедиции 1984 г.⁵ По следам этой фотовыставки состоялся диалог на Радио России с участием заместителя главного редактора серии, д-ра филол. наук Е. Н. Кузьминой, заместителя директора Института филологии СО РАН, канд. искусствоведения П. С. Шахова, фотографа В. Т. Новикова и радиоведущего С. И. Кострикова⁶. В ходе передачи участники говорили об особенностях работы фольклорных экспедиций, фотофиксации знатоков традиционной культуры и предметов быта народов сибирско-дальневосточного региона.

Заключение

На фоне поисков универсального метода инвентаризации и систематизации полевого материала в масштабе отечественной архивной системы мы показали, что реализация этого метода под конкретную задачу отдельно взятого фонда имеет положительные результаты. Нами предложен образец поэтапной работы над фотодокументами, а также сформирован минимальный терминологический аппарат, конкретизирующий аспекты работы над интересующим нас материалом.

Таким образом, наше исследование не только вводит в научный оборот сведения об уникальном фотофонде, но и предлагает апробированную модель работы с подобными коллекциями. Перспективы дальнейшей работы связаны с решением наиболее сложной задачи – продолжением атрибуции неопознанных материалов через межинституциональное сотрудничество, а также с дальнейшей популяризацией наследия В. Т. Новикова путем подготовки тематических фотоальбомов.

⁴ Открытие фотовыставки «Хакасия – Тува – Алтай» [Электронный ресурс].

URL: https://vk.com/iflsoran?from=groups&w=wall-156102320_566/ (дата обращения: 18.04.2025).

⁵ Сергеевич К. Открылась фотовыставка «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» // Наука в Сибири. № 39. 3 октября 2024 г. С. 8.

URL: https://www.philology.nsc.ru/about/pressa/NVS_39_2024-8.pdf

⁶ Лица фольклора // Радио России. Пять вечеров. 09.10.2024. [Об открытии фотовыставки ИФЛ СО РАН к 40-летию первой комплексной фольклорной экспедиции].

URL: https://vkvideo.ru/video-38320907_456249018/ (дата обращения: 18.04.2025).

Список литературы

Александров Е. В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. Москва: Изд-во Пенаты, 1999. 99 с.

Ванчи́кова Ц. П. К истории рукописного отдела (Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии РАН) // Власть. 2022. № 2 (Вып. 2). С. 237–241. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/>

Марковская Е. В. Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (на материале фольклорных архивов КарНЦ РАН): Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. 256 с.

Мухоплева С. Д. Архив как «строитель национального самосознания и идентитета»: К вопросу архивации рукописей олонхо и фольклорных документов коренных народов Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2013. № 1 (Вып. 6). С. 82–88.

Расшифровка, обработка и систематизация фольклорно-этнографических материалов: методические рекомендации: ИКиТ: направление подготовки: 53.03.06 Музыкаведение и музыкально-прикладное искусство, 44.03.05 Педагогическое образование: профили подготовки: Этномузыкология, Музыкальное и дополнительное образование. Сост. С. В. Балувеская. Вологда: ВОГУ, 2022. 37 с.

Ромодановская Е. К., Алексеев Н. А., Кузьмина Е. Н. А. Б. Соктоев – литературовед и фольклорист // Фольклор и литература Сибири: Памяти Александра Бадмаевича Соктоева. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 8–22.

Сагалаев К. А. Визуальная фольклористика: от видеофиксации к комплексному исследованию // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 4 (Вып. 46). С. 143–152.

Самдан З. Б., Тувиниада А. Б. Соктоева // Фольклор и литература Сибири: Памяти Александра Бадмаевича Соктоева. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 72–87.

Собрание документальных материалов Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова: 1962–2015: учебно-методическое пособие. Сост. Е. А. Валевская. СПб., 2022. 320 с.

Собрание материалов по фольклору и этнографии (технологии формирования): методическое пособие / Сост., науч. ред., авт. проекта А. В. Кулев; авт. коллектив А. В. Кулев и др. М.: Государственный Российский Дом народного творчества имени В. Д. Поленова, 2020. 80 с.

Тирон Е. Л. О задачах архива сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН // Музыкальная жизнь города как художественная и социальная проблема: Материалы научно-теоретической конференции (Новосибирск, 11–14 апреля 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 114–119.

Чернышева Ю. С. Личный фонд исследователя в государственном архиве как способ хранения материалов фольклорно-этнографических экспедиций // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2023. № 23. С. 60–67.

References

Aleksandrov E. V. *Opyt rassmotreniya teoreticheskikh i metodologicheskikh problem vizual'noy antropologii* [An attempt to consider theoretical and methodological problems of visual anthropology]. Moscow, Penaty, 1999, 99 p. (In Russian)

Chernysheva Yu. S. Lichnyy fond issledovatelya v gosudarstvennom arkhive kak sposob khraneniya materialov fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsiy [The personal fund of the researcher in the state archive as a way of storing materials of folklore and ethnographic expeditions]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition]. 2023, no. 23, pp. 60–67. (In Russian)

Markovskaya E. V. *Problemy sobiraniya, sistematizatsii i arkhivnogo khraneniya fol'klora (na materiale fol'klornykh arkhivov KarNTs RAN)* [Problems of collecting, systematizing and archival storage of folklore (based on the folklore archives of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences)]. Cand. philol. sci. diss. Petrozavodsk, 2006, 256 p. (In Russian)

Mukhopleva S. D. Arkhiv kak “stroitel' natsional'nogo samosoznaniya i identiteta”: K voprosu arkhivatsii rukopisey olonkho i fol'klornykh dokumentov korennykh narodov Yakutii [Archive as a

“builder of national self-awareness and identity”: On the issue of archiving olonkho manuscripts and folklore documents of the indigenous peoples of Yakutia]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2013, no. 1 (6), pp. 82–88. (In Russian)

Rasshifrovka, obrabotka i sistematizatsiya fol'klorno-etnograficheskikh materialov: metodicheskie rekomendatsii: IKiT: napravlenie podgotovki: 53.03.06 Muzykovedenie i muzykal'no-prikladnoe iskusstvo, 44.03.05 Pedagogicheskoe obrazovanie: profili podgotovki: Etnomuzykologiya, Muzykal'noe i dopolnitel'noe obrazovanie [Decoding, processing, and systematization of folklore and ethnographic materials: methodological recommendations: ICT: field of study: 53.03.06 Musicology and applied music, 44.03.05 Pedagogical education: training profiles: Ethnomusicology, Music and additional education]. Vologda, VSU, 2022, 37 p. (In Russian)

Romodanovskaya E. K., Alekseev N. A., Kuzmina E. N. A. B. Soktoev – literaturoved i folklorist [A. B. Soktoev is a literary critic and folklorist]. In *Fol'klor i literatura Sibiri: Pamyati Aleksandra Badmaevicha Soktoeva* [Folklore and literature of Siberia: In memory of Alexander Badmaevich Soktoev]. E. K. Romodanovskaya (Ed). Novosibirsk, SB RAS, 2001, pp. 8–22. (In Russian)

Sagalaev K. A. Vizual'naya fol'kloristika: ot videofiksatsii k kompleksnomu issledovaniyu [Visual folklore: from video recording to complex research]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2024, no. 4 (iss. 46), pp. 143–152. (In Russian)

Samdan Z. B. Tuviniada A. B. Soktoeva [A. B. Soktoev's Tuviniad]. In *Fol'klor i literatura Sibiri: Pamyati Aleksandra Badmaevicha Soktoeva* [Folklore and literature of Siberia: In memory of Alexander Badmaevich Soktoev]. E. K. Romodanovskaya (Ed). Novosibirsk, SB RAS, 2001, pp. 72–87. (In Russian)

Sobranie dokumental'nykh materialov Fol'klorno-etnograficheskogo tsentra imeni A. M. Mekhnetsova Sankt-Peterburgskoy gosudarstvennoy konservatorii imeni N. A. Rimskogo-Korsakova: 1962–2015: uchebno-metodicheskoe posobie [Collection of documentary materials of the Folklore and Ethnographic Center named after A. M. Mekhnetsov of the St. Petersburg named after N. A. Rimsky-Korsakov: 1962–2015: educational and methodological manual]. 2nd ed. St. Petersburg, 2022, 320 p. (In Russian)

Sobranie materialov po fol'kloru i etnografii (tekhnologii formirovaniya): metodicheskoe posobie [Collection of materials on folklore and ethnography (formation technologies): a methodological manual]. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennyy Rossiyskiy Dom narodnogo tvorchestva imeni V. D. Polenova, 2020, 80 p. (In Russian)

Tiron E. L. O zadachakh arkhiva sektora fol'klora narodov Sibiri Instituta filologii SO RAN [On the tasks of the archive of the folklore sector of the peoples of Siberia of the Institute of Philology SB RAS]. In *Muzykal'naya zhizn' goroda kak khudozhestvennaya i sotsial'naya problema. Materialy nauchno-teoreticheskoy konferentsii (Novosibirsk, 11–14 aprelya 2011 g.)* [Musical life of the city as an artistic and social problem. Proceedings of the scientific and theoretical conference (Novosibirsk, April 11–14, 2011)]. Novosibirsk, 2011, pp. 114–119. (In Russian)

Vanchikova Ts. P. K istorii rukopisnogo otdela (Tsentr vostochnykh rukopisey i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii RAN) [On the history of the manuscript department (Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Russian Academy of Sciences)]. *Vlast'*. 2022, no. 2 (iss. 02), pp. 237–241. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/> (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
20.04.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Виктория Александровна Гончарова – бакалавр филологии, младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Viktoria A. Goncharova – Bachelor of Philology, Junior Researcher, Junior Department of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

goncharovava418@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-1249-9095>

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.5 + 81'27

DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-154-169

Науканский язык: расселение Наукана как фактор языкового сдвига

М. Ю. Пупынина^{1,2}, Т. В. Корнев¹, Е. М. Будянская¹, Ю. Б. Коряков^{1,3}

¹ Институт языкознания РАН, Москва, Россия

² Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

³ Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Аннотация

В данной работе на основе статистического исследования и социолингвистических интервью детально представлены основные направления расселения науканцев после закрытия их родного поселка в 1958 г. Анализ языковой ситуации в Наукане до 1958 г. показывает наличие предпосылок к переходу на русский, однако не дает оснований говорить о начавшемся языковом сдвиге. Таким образом, высокую степень раздробленности науканского сообщества, к которой привело закрытие Наукана, можно считать ключевым фактором, запустившим языковой сдвиг в науканском сообществе на русский язык.

Ключевые слова

науканский язык, языковой сдвиг, языковая политика, языковые идеологии, социолингвистика

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 23-18-00204 «Динамика языковой ситуации в сообществах Крайнего Севера: диахроническая документация науканского языка» (2023–2025 гг., руководитель – В. А. Плунгян). Мы выражаем сердечную признательность старейшине науканского сообщества Елизавете Алихановне Добриевой за внимание, которое она уделила нам и нашему проекту. Без многочасовых социолингвистических интервью о судьбе жителей Наукана после его закрытия написание этой статьи не было бы возможным. Благодарим Галину Иргуляновну Метул, Ирину Васильевну Попову (Кейнон), Павла Михайловича Тулюна, Антонину Александровну Вербицкую, Бориса Альпыргина, Владимира Борисовича Мемельнеуна, Валентину Сергеевну Тагъёк, Лидию Ивановну Воловик, Людмилу и Юрия Оноховых, Василия Алихановича Добриева, Раису Васильевну Райхлину, Надежду Тнаун за то, что они охотно работали с нами, с энтузиазмом делились своими воспоминаниями о Наукане, переезде и последующих событиях, о своих родителях и других старших родственниках. Мы искренне признательны Валентине Григорьевне Леоновой за вовлеченность в наш проект, поддержку и участие. За помощь в организации нашей работы, поиске жилья и радушный прием на Чукотке благодарим Геннадия Михайловича Зеленского, Станислава Михайловича Нутевентина, Веру Алексеевну Фаустову, Валентину Алексеевну Кареву. Отдельное спасибо Игорю Игоревичу Крупнику за предоставленную копию похозяйственной книги Наукана за 1953 г.

Для цитирования

Пупынина М. Ю., Корнев Т. В., Будянская Е. М., Коряков Ю. Б. Науканский язык: расселение Наукана как фактор языкового сдвига // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 154–169. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-154-169

© М. Ю. Пупынина, Т. В. Корнев, Е. М. Будянская, Ю. Б. Коряков, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

Naukan Yupik: the disbandment of the village of Naukan as a key factor of the language shift

М. Ю. Pupynina^{1,2}, Т. В. Kornev¹, Е. М. Budyanskaya¹, Ю. Б. Koryakov^{1,3}

¹ *Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

² *Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation*

³ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

Abstract

This paper analyzes the principal resettlement trends of the Naukan people post-1958 village dissolution, employing statistical analysis and sociolinguistic interviews. A study of the linguistic conditions in Naukan between the early 20th century and 1958, alongside a detailed tracing of relocation pathways, indicates a clear link between the rapid decline of the Naukan language and the dissolution of the Naukan settlement. This shift is further substantiated by the subsequent dispersal of the community across multiple settlements within and beyond the Chukotka Autonomous Region. The first wave of resettlement, while consolidating at least half the Naukan population in the Chukchi village of Nunyamo, was followed by the dissolution of Nunyamo, which further fragmented the Naukan community, ultimately leaving them a distinct ethnic minority in settlements like Lavrentia, Uelen, Lorino, Anadyr, and many more. In the first half of the 20th century all Naukan people were native speakers of Naukan Yupik, with some villagers possessing certain levels of proficiency in Chukchi, Inupiaq, English and Russian due to the active contacts with neighbouring peoples. However, it was not until the dissolution of Naukan that the language shift from Naukan towards Russian began, as evidenced by the available data. This article posits that the dissolution, and the subsequent chaotic resettlement of the Naukan people, were the primary factors leading to a significant decline in Naukan speakers. A dramatic decline in active Naukan speakers is evident, with a current count not exceeding seventeen, compared to a minimum of two hundred and twenty-two in 1958.

Keywords

Naukan Yupik, language shift, language policy, language attitudes, sociolinguistics

Acknowledgements

The study was supported by the grant from the Russia Science Foundation (Project No. 23-18-00204 “Dynamics of the language situation in the communities of the Far North: diachronic documentation of the Naukan language” 2023–2025, under the direction of Plungian V. A.). Our deepest gratitude is extended to Elizaveta Alikhanovna Dobrieva, elder of the Naukan community, for her invaluable time and attention given to our endeavor. Interviews about the personal lives of the Naukan people were exceptionally important for this paper. We are grateful to Galina Irgulyanovna Metul, Irina Vasilyevna Popova (Keynon), Pavel Mikhaylovich Tulyun, Antonina Aleksandrovna Verbitskaya, Boris Al'pyrgin, Vladimir Borisovich Memy'l'neun, Valentina Sergeevna Tagyek, Lidiya Ivanovna Volovik, Lyudmila and Yuriy Onokhov, Vasiliy Alikhanovich Dobrieva, Raisa Vasilyevna Raykhlin, Nadezhda Tnaun for their enthusiastic work with us, for their shared memories of Naukan, the resettlement, and the following events, about their parents and other elder relatives. We express our sincere gratitude to Valentina Grigoryevna Leonova for her significant contributions and unwavering support of our project. We extend our sincere thanks to Gennadiy Mikhaylovich Zelensky, Stanislav Mikhaylovich Nuteventin, Vera Alekseevna Faustova, and Valentina Alekseevna Kareva for their assistance with our work, accommodation in Chukotka, and their generous hospitality. We are especially grateful to Igor I. Krupnik for sharing a copy of the 1953 Naukan village household register.

For citation

Pupynina M. Yu., Kornev T. V., Budyanskaya E. M., Koryakov Yu. B. Naukanskiy yazyk: rasselenie Naukana kak faktor yazykovogo sdviga [Naukan Yupik: the disbandment of the village of Naukan as a key factor of the language shift]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 154–169. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-154-169

Введение

Наука́нский язы́к (< юпи́кские < эски́мосские < эски́мосско-алеу́тские) в первой половине XX в. был языком жителей поселка Наукан, который располагался на мысе Дежнёва (Чукотский район Чукотского автономного округа), крайней северо-восточной точке Евразии, в зоне межконтинентальных контактов. Многие науканцы владели также английским, чукотским, инуупиакским и русским языками. С его ликвидацией в 1958 г. носители науканского языка вынуждены были разъехаться по разным населенным пунктам Чукотского полуострова, находящимся

достаточно далеко от Наукана и друг от друга. На сегодняшний день все представители сообщества владеют русским, который для многих является первым языком, а науканским активно владеют 17 человек в возрасте от 64 до 90 лет. Данная статья посвящена детальному описанию миграций науканцев после закрытия поселка в контексте влияния раздробленности сообщества на скорость языкового сдвига.

В качестве материалов исследования используются работы, содержащие биографические свидетельства о жителях Наукана [Леонова 2014; Энмынкау 2016, 2024; Никифоров 2025]. Книга «Наукан и науканцы», составленная науканкой Валентиной Григорьевной Леоновой, содержит переработанные видеопосле интервью жителей поселка, которые были записаны в 1997 г. на науканском языке. Книги «Старики учили нас добру» и «Стойбище моего детства» написаны старейшиной науканского сообщества Ниной Сергеевной Энмынкау (наук. *Номехун*) по воспоминаниям о ее работе журналистом на окружном радио в Анадыре и материалам, которые были записаны в ходе этой работы. Книга Виктора Никифорова «Поговорим о Наукане» состоит из расшифровок видеопосле интервью жителей Наукана, записанных в 2004–2017 гг. на русском языке для фильма «Земли моей начало» (2017 г.). Кроме того, мы опираемся на данные 15 ретроспективных интервью с представителями науканского сообщества, проведенных авторами статьи в 2022–2024 гг. в с. Лаврентия, с. Уэлен, с. Лорино и г. Анадырь.

В рамках статистического исследования используются данные о жителях Наукана из похозяйственной книги Наукана 1953 г.¹ и по местным переписям 1956 г. [Шокарев 2016], а также результаты социолингвистических интервью со старейшиной науканского сообщества Елизаветой Алихановной Добриевой о направлении переездов практически каждого из жителей поселка.

1. Языковая ситуация в Наукане в первой половине XX в.

Культуры, ассоциируемые с эскимосами, были распространены в пределах Дежнёвского массива уже в нач. I тыс. н. э. [Ackerman 1984: 106–118; Flegentov et al. 2019: 238]. Ранние слои поселений Нунак и Наукан датируются XV в. [Халгинова, Днепровский 2021; Днепровский, Шокарев 2019]. В XVIII–XIX вв. известны шесть – восемь юпикских поселков в этом регионе, но к началу XX в. все жители этих селений постепенно переселились в Наукан, в результате чего науканский язык стал языком одного поселка [Пупынина, Коряков 2024: 48; Krupnik, Chlenov 2013: 34; Крупник, Членов 1979: 21; Членов, Крупник 1983]. В этот период он был основным языком, которым владели жители Наукана с детства. Иногда его выучивали после переселения в село: в основном это были женщины из других локаций, вышедшие замуж «в Наукан». Как правило, это были женщины из чукотских поселков с родным чукотским языком, и женщины с островов Диомиды², говорившие с детства на имакликском языке. Науканским языком как вторым владела значительная часть населения островов Диомиды, в основном мужчины, о чем свидетельствуют воспоминания информантов и литературные данные [Golovko 2019]. Также периферией существования науканского языка (в гораздо меньшей степени, чем острова Диомиды) можно считать соседнее с. Уэлен, где основным языком был чукотский, но некоторые люди могли говорить на науканском и понимать его.

И до, и после установления советской власти науканцы достаточно активно перемещались по окрестностям, летом на байдарках и пешком, зимой на собачьих упряжках. Социальные связи устанавливались через участие в праздниках, танцевальных и спортивных состязаниях, коллективной разделке гренландского кита: на такие мероприятия науканцы ездили в соседние сёла, или же соседи приезжали к ним. Заключались браки с жителями других приморских поселков, велись торговые обмены с оленными чукчами. Основными локациями, посещаемыми науканцами, были острова Диомиды в Беринговом проливе (многие науканцы бывали также

¹ Копия похозяйственной книги 1953 г. сделана в 1955 или 1956 г. А. В. Смоляк в Наукане. Копия, использованная при подготовке данной публикации, была снята с копии А. В. Смоляк в 1970-х гг. И. И. Крупником и любезно предоставлена им авторам статьи.

² В отличие от тесных связей с эскимосами, населяющими острова Диомиды, контакты науканцев с другими эскимосами азиатского побережья, чаплинцами и сиреникцами, носителями родственных чаплинского и сиреникского эскимосских языков, были гораздо менее интенсивными. Сёла чаплинцев находились далеко, на расстоянии двух сотен километров по береговой линии, общение было эпизодическим, а браки заключались очень редко [Членов, Крупник 2016: 40–41, 49]. Про контакты науканцев с сиреникцами данных у нас нет.

в континентальной части Аляски), ближайшие поселки приморских чукчей и тундра около чукотского приморского села Нунямо, где каждый осенне-зимний период в условленном месте проходили обмены с оленными чукчами. С конца XIX в. началось американское присутствие на побережье Чукотского полуострова, и некоторые науканцы стали наниматься матросами на шхуны американских китобоев. Перемещения, связанные с посещениями русской администрации, обучением в русскоязычных учебных учреждениях и т. п. начались только в 1920-х гг., после установления советской власти.

Очевидно, что при такой достаточно высокой миграционной активности науканцам, носителям языка с крайне низким числом носителей (не более 500 человек в общей сложности), приходилось в достаточной степени знать другие языки, а именно чукотский, инуитский, английский и русский. О большей многоязычности у носителей миноритарных языков по сравнению с языками с большим числом носителей см., например, [Dobrushina, Moroz 2021]. Далее данный раздел строится по принципу попарного сравнения языков из индивидуальных многоязычных репертуаров жителей Наукана (науканский и другой язык, на котором говорили в поселении) с целью проанализировать, существовала ли в какой-то степени тенденция к языковому сдвигу с науканского на другой язык до расселения поселка в 1958 г.

1.1. Науканский и чукотский

Широко известно, что в целом население эскимосских поселков Чукотки было двуязычным, то есть многие их жители владели, помимо родного эскимосского языка, который они знали с детства, также чукотским языком [Крупник, Членов 1979: 26–27; Меновщиков 1986]. В то же время жители окружающих чукотско-говорящих сёл гораздо реже знали эскимосские языки. Некоторые из них говорили на науканском или хотя бы понимали языки своих эскимосских соседей по причине частых взаимных визитов и брачных отношений, но все же число таких билингвов было невелико. Чукотско-говорящие кочевники-оленоводы, с которыми приморские села вели торговлю, не знали науканского вовсе. Похожая ситуация сложилась и с чаплинско-чукотским двуязычием. Эта система сходна с другими системами эгалитарного многоязычия, в некоторых из которых языковые репертуары не сбалансированы (то есть носители одного языка выучивают язык соседей, а их соседи продолжают знать только один язык) из-за тех или иных внеязыковых различий (экономическая прибыльность традиционной культуры, численность и т. п.), см. [Packendorf et al. 2021: 848–849]. Действительно, многие авторы пишут об экономическом превосходстве оленных чукчей над приморскими охотниками, объясняя этим неравенство чукотско-эскимосского двуязычия, распространенного только в эскимосской среде [Крупник, Членов 1979: 26; Меновщиков 1986: 63, 75].

Согласно нашим интервью, а также данным, представленным в [Golovko 2019], практически все взрослые мужчины Наукана, ответственные за обмены с оленными чукчами, а изредка и другие группы населения владели в той или иной степени чукотским языком. Однако широкой, повсеместной распространенности чукотский язык в поселке не получил. Дети и молодые женщины, как правило, чукотского языка не знали ([Меновщиков 1986: 75; Golovko 2019], интервью 2022–2024 гг.). Известные нам исключения только подтверждают правило:

«Дед хорошо разговаривал по-чукотски, матери моей отец... Он старшую дочку мамы научил чукотскому языку, чтобы она понимала... Видимо, тяга была у нее к разным языкам, поэтому вот он выучил ее. Мама рассказывала: говорит, едет с Уэлена к моему деду нарта. Остолом остановил каяр, он чукча из Уэлена. А там много ребятни науканской стоят. Он спрашивает по-чукотски: покажите мне ярангу моего дедушки ... где находится. А дети не понимают, засмеялись и убежали. Осталась одна вот эта моя сестра старшая, она говорит, вон там находится. Показала».

(Галина Иргуляновна Метул, 1949 г. р., интервью 2024 г.)

Таким образом, владение чукотским языком среди науканцев было обусловлено экономической необходимостью и соседством. Несмотря на то, что им владели многие науканцы, предполагать языковой сдвиг в сторону чукотского до расселения Наукана в 1958 г. нет оснований.

1.2. Науканский и русский

До 1920-х гг. русский язык в науканском сообществе знали гораздо реже, чем английский [Golovko 2019: 411]. После установления советской власти появилось несколько социальных институтов, через которые русский язык стал проникать в науканское сообщество. В первую очередь это была науканская школа, также русские присутствовали на полярной метеостанции («Полярка») и погранзаставе. Кроме того, существовали изба-читальня и медпункт, где могли работать русские [Днепровский, Шокарев 2019]. В магазине и пекарне, также появившихся с установлением советской власти, работали, как правило, науканцы, а не русские. В образованный в конце 1920-х гг. туземный совет, а затем сельсовет входили, в основном, эскимосы, но были и русскоязычные депутаты из учителей и пограничников. Протоколы заседаний в 1940-х – 1950-х гг. велись на русском языке [Днепровский, Шокарев 2019: 6].

Историю науканской школы как важнейшего института внедрения русского языка мы рассмотрим подробнее. В 1925 г. была открыта школа с четырехлетним, а затем с семилетним обучением. Первые учителя были русскими, впоследствии появились и учителя-науканцы, отучившиеся в Анадырском педучилище и вернувшиеся домой.

Некоторые жители села отказывались отдавать детей в школу [Энмынкау 2024: 133]; существуют даже свидетельства некоего синкретического религиозного движения в Наукане, служители которого не рекомендовали отдавать детей в школу и пользоваться мылом [Schweitzer, Golovko 2007: 40].

Несмотря на это, преподавательский штат рос. В музейном центре «Наследие Чукотки» хранится фотография, на которой запечатлены, по-видимому в Наукане, шесть русских учителей науканской школы [Леонова 2014: 153]. По свидетельству науканцев, за редкими исключениями вплоть до самого закрытия поселка науканские дети до школы знали только науканский язык, а русский выучивали уже в школе.

«Когда в школу начали ходить, русский язык вообще не знали... Потихоньку начали буквы учить. Учитель Черешнев Алексей Алексеевич по-наукански быстрее нас стал говорить, чем мы по-русски».

(Светлана Вемруна (Вемруна), 1929 г. р. [Никифоров 2025: 34])

«В 1956 году мне было 6 лет еще, и я пошла в нулевой класс. Мы пошли в школу, совершенно не говоря по-русски, кроме “здрасьте” ничего не знали. До школы я дружила с мальчиком, сыном начальника заставы. Валера его звали. И вот мы с ним бегаем по тундре или зимой на санках катаемся... Все удивлялись, как вы друг друга понимаете? Я по-русски не умею разговаривать, он эскимосского языка не знает».

(Антонина Александровна Вербицкая, 1949 г. р. [Никифоров 2025: 53])

Многие русскоязычные учителя овладевали науканским и общались с детьми на нем. Некоторые говорили на науканском в совершенстве, кто-то только понимал, учителя и ученики «друг друга учили» [Леонова 2014: 71]. По-видимому, большинство детей после нескольких классов науканской школы в какой-то степени владели русским языком, хотя бы пассивно.

Одним из последних преподавателей школы был науканец Ёмрон. Дочь Ёмрона, Раиса Васильевна Райхлина, оба родителя которой неплохо говорили по-русски, вспоминает, что после окончания первого класса в 1957 г. она уже была знакома с русским языком и после переезда в Нунямо без проблем стала учиться в русскоязычной нунямской школе (интервью 2024 г.).

Среди взрослых владение русским языком также было неоднородным и было связано с обучением в школе и последующим получением образования вне Наукана и работой (как в случае учителя Ёмрона). Были отдельные случаи переездов в многонациональные населенные пункты и смешанных браков с приезжими, когда русский для науканцев становился одним из основных языков, использовавшихся в жизни. Так, например, мама А. А. Вербицкой Нарнынаун (наук. *Нарңынаун*) много бывала в разъездах, работая переводчицей «с чукотского и эскимосского на русский и наоборот» [Никифоров 2025: 51].

Родители Г. И. Метул, по ее воспоминаниям (записи 2023–2024 гг.), русский знали плохо, по крайней мере, при ней на нем не разговаривали, хотя ее отец (1911 г. р.) закончил 4 класса

школы в Наукане и работал счетоводом в поселке. Но отец и дядя науканца Павла Михайловича Тулюна, по его воспоминаниям (запись 2023 г.), неплохо говорили по-русски. Отец работал в погранзоне на о. Большой Диомид (о. Ратманова), был переводчиком с науканского на русский и с «диомидского» (инупиакского эскимосского) на русский, был в звании младшего лейтенанта. Дядя Уйгак (наук. *Уйгак*) работал много лет «председателем поселка». Его дядя Тулюкак (наук. *Тулюкак*) также говорил по-русски, так как был участником войны на Дальнем Востоке.

В целом, по опубликованным воспоминаниям и нашим данным, можно сделать вывод, что для всех представителей старшего поколения до закрытия Наукана науканский оставался основным языком общения, а русским, за некоторыми исключениями, они владели не свободно или совсем мало, используя его в ограниченных ситуациях.

Итак, на момент расселения поселка именно связь с такими социальными институтами, как школа или административные и военные (пограничные) ведомства, могла быть причиной того, что взрослые науканцы (как правило, мужчины) знали русский язык. Среди женщин и детей русский язык большого распространения не имел, лишь немногие дети могли говорить на языке, в основном знание русского детям не пригождалось и было пассивным. Однако в конце 1940-х гг. некоторых детей в науканских семьях уже называли по-русски.

Таким образом, несмотря на то, что русское влияние в поселке уже начинало набирать обороты, языковой сдвиг как таковой в Наукане до 1958 г. еще не начал происходить, хотя «почва» для него была уже подготовлена.

1.3. Науканский и инупиакский

Жители островов Большой Диомид (о. Ратманова) и Малый Диомид (о. Крузенштерна) до 1948 г. говорили на инупиакском эскимосском языке, имеющем достаточно отдаленное родство с науканским. Большой Диомид принадлежал российской стороне, а Малый – США. Между науканцами и жителями островов Диомиды существовали древние брачные и дружеские связи [Krupnik 1994; Членов, Крупник 2016: 41], было распространено науканско-инупиакское двуязычие [Крупник, Членов 1979: 25]. В Наукане всегда можно было найти эмигрантов с островов Диомиды, говоривших на своем языке, а на островах Диомиды – людей, переехавших из Наукана и владеющих науканским; в какой-то степени языками родителей могли владеть также и их прямые потомки. В литературе отмечается восточная направленность популяционного дрифта, то есть миграции на рубеже XIX–XX вв. чаще шли в направлении Наукан → Большой Диомид → Малый Диомид → полуостров Сьюард [Krupnik 1994: 63, 66–69]. Из этого паттерна следует, что на Большой и Малый Диомиды должно было попадать больше носителей науканского, чем носителей инупиакского (как первого языка) в Наукан. Это косвенно подтверждается высказанным устно предположением Л. Каплана, проводившего в 1980-х гг. полевую работу на Малом Диомиде: на острове знали науканский лучше, чем имакликский в Наукане [Golovko 2019: 404]. Однако ретроспективные интервью, проведенные в 1990-х гг. Е. В. Головки и П. Швайтцером на Малом Диомиде и среди науканцев, создают впечатление сбалансированного билингвизма, одинакового и с той, и с другой стороны [Golovko 2019: 404–405]. Возможно, такая ситуация возникла за счет большого количества носителей инупиакского как второго языка в Наукане.

В среднем, как и в случае чукотско-науканского билингвизма, чаще владели инупиакским науканские мужчины, причем владение инупиакским в Наукане отмечается реже, чем владение чукотским [Golovko 2019: 403]. Некоторые интервью 1990-х гг. свидетельствуют о том, что жители островов Диомиды и науканцы находили свои языки похожими, взаимопонятными. При общении было возможно использовать свои языки и понимать друг друга. По их мнению, при общении науканец и диомидец могли говорить на своих языках и понимать друг друга [Golovko 2019: 406–407]. Учитывая, что языки относятся к разным ветвям эскимосско-алеутской семьи, такое общение вряд ли возможно без тесных контактов.

Наличие инупиакского «языкового фона» в Наукане косвенно подтверждается не только частым присутствием гостей и переселенцами с островов Диомиды, но и обычаем исполнять инупиакские песни и танцы ([Науканские напевы 2020: 5; Науканские напевы 2021: 44], интервью 2022 г.).

В отличие от науканско-чукотского двуязычия, науканско-инупиакское двуязычие было, по-видимому, симметричным, то есть науканский знали на островах Диомиды примерно в такой же степени, в какой инупиакским владели в Наукане, что отражало характер брачных связей

и культурную и экономическую общность носителей этих эскимосских языков. Тенденций в сторону языкового сдвига с науканского на инупиакский в начале XX в. не фиксируется.

Интересно отметить, что некоторые исследователи говорят о возможном языковом сдвиге с инупиакского на науканский на о. Большой Диомид. Его причиной мог стать популяционный дрейфт в сторону востока, упомянутый выше в этом разделе. Начиная с 1880 г. и особенно активно в 1915–1920 и 1920–1932 гг. шел процесс переселения эскимосов – носителей языка инупиак с Большого на Малый Диомид, в то время как опустевший Имаклик (наук. *Имақлық*), последний эскимосский поселок на Большом Диомиде, пополнялся эмигрантами из Наукана [Krupnik 1994: 67]. Согласно тому же источнику, инупиакский язык к 1930-м гг. был замещен «юпиком», то есть науканским языком [Krupnik 1994: 63]. С ним полемизирует Е. В. Головкин, утверждая, что большой наплыв науканского населения не обязательно означал языковой сдвиг [Golovko 2019: 408]. Добавим со своей стороны, что переселение вряд ли могло вызвать языковой сдвиг так скоро, однако могло сместить баланс в сторону большего распространения науканско-инупиакского двуязычия. В Наукане и на Большом Диомиде инупиакским и науканским соответственно владела небольшая группа населения, а основная часть, в особенности женщины и дети, в лучшем случае могли только воспринимать его на слух. Переселения науканцев на Большой Диомид осуществлялось через брачные и родственные связи, то есть науканцы женились на женщинах с Большого Диомиды и переезжали к ним, восполняя недостаток охотников [Krupnik 1994: 70; Энмынкау 2016: 62]. Эти мужчины, скорее всего, владели двумя языками и могли говорить со своими женами по-инупиакски, однако благодаря усилившимся связям с Науканом практика владения двумя языками могла выйти за пределы мужского сообщества и стать повседневной практикой большинства. Однако четкую картину языковой ситуации на этом острове реконструировать, к сожалению, не представляется возможным. В 1948 г. все оставшееся население Большого Диомиды было переселено в Наукан в связи с усилением пограничного режима между СССР и США, что стало последним «вливанием» инупиакского компонента в науканское языковое сообщество.

Наконец, упомянем, что, в отличие от связей науканского и инупиакского языков, не слишком близких генетически, языковые контакты между науканским и близкородственным чаплинским языком по причине слабых контактов между этими группами были не очень сильны. По крайней мере в к. XIX – н. XX вв. чаплинско-науканское двуязычие не было распространено [Пупынина, Коряков 2024].

1.4. Науканский и английский

Летовки американских китобоев и установление американских торговых факторий на евразийских берегах Берингова пролива стали причиной проникновения английского языка на территорию проживания чукчей и азиатских эскимосов [Крупник, Членов 1979: 26–27; Yarzutkina 2014]. Английские заимствования появились как в науканском и чаплинском, так и в чукотском языках. О знании английского, по крайней мере в форме морского жаргона, распространенного на китобойных судах, свидетельствуют описание приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера установки памятника С. И. Дежнёву в 1910 г. [Унтербергер 1912: 287]³ и интервью 1990-х гг. [Golovko 2019: 413–414], однако в наших данных упоминания о владении английским предками науканцев очень редки, хотя и присутствуют. Отдельные английские слова, вероятно, могли слышать и понимать многие науканцы, однако владели языком, как и в случае с чукотским и инупиакским, в основном мужчины, в особенности те, кто нанимался работать на шхуны китобоев и (или) вел торговлю с американцами. Интересно, что науканцы и имакликцы продолжали общаться друг с другом на эскимосских языках и не переходили на английский жаргон, которым также владели. Пришедшие на смену китобойному промыслу и развившиеся к началу XX в. тесные торговые связи с Аляской, породившие распространение английского языка, были пресечены с приходом советской власти в 1920-х гг. По этой причине науканцы, владевшие английским языком, в 1940-х – 1950-х гг. уже вряд ли могли им воспользоваться. Таким образом, к закрытию Наукана использование английского языка среди его жителей сокращалось.

³ Там же дается краткое описание Наукана, в котором упоминается обилие американских вещей в ярангах науканцев [Унтербергер 1912: 287].

2. Расселение Наукана

2.1. Подготовка, ход и результаты расселения Наукана

О переселении жителей Наукана существует обширная литература: как сборники воспоминаний [Леонова 2014; Энмынкау 2016; Энмынкау 2024; Никифоров 2025], так и работы исследователей [Krupnik, Chlenov 2013; Днепровский 2016; Членов, Крупник 2016]. Закрытие Наукана было связано, в том числе, с общей политикой укрупнения поселков в 1930–1950-х гг. и осложнением отношений с США [Krupnik, Chlenov 2013: 268–271].

Первоначально планировалось переселить людей в с. Дежнёво, где предполагалось предварительно построить благоустроенные деревянные дома. Там же располагалось поселение чукотско-говорящих морзверобоев Кэничкун. Об этом селе до сих пор, согласно нашим интервью, сохранилась память в Уэлене, куда было переселено чукотское население с. Дежнёво (Кэничкуна) в 1950-х гг. (об этом переселении см. [Krupnik, Chlenov 2013: 273]). До сих пор охота на морского зверя в районе Кэничкуна считается уэленцами особенно удачной. Дежнёво располагалось менее чем в 10 км от Наукана, и переезд туда не казался особенно драматичным, поэтому многие науканцы начали понемногу соглашаться с идеей переезда. Однако переезд в запланированное место так и не состоялся, новые дома не были построены, а материалы для них не были завезены. Вместо этого людей неожиданно для них переселили в чукотское село Нунямо, с жителями которого, в отличие от, например, чукотско-говорящих жителей с. Уэлен, у науканцев не было дружественных и семейных связей (см. раздел 1.1). Контакты с чукчами-оленеводами, о которых также упоминалось в разделе 1.1, проходили в стороне от села и не приводили к установлению связей с приморскими жителями.

Науканцы вспоминают неподготовленность села к приему новопоселенцев: новые дома для них не были достроены, материалов не хватало. В одной комнате часто жило несколько семей, спали на полу. Когда завезли материалы, строить приходилось своими руками.

«Переселили всех в чукотское село Нунямо. Однажды сестра моя приехала ко мне в Лаврентия, смотрю, руки чем-то изъедены. “Что случилось с руками?” – спрашиваю. Оказывается, в Нунямо жилье пришлось строить самим переселенцам. Они штукатурили, и извести изъела ей руки. Не знали наши люди, как уберечься, знали бы – перчатки надели бы».

(Светлана Вемруна (Вемруна), 1929 г. р. [Леонова 2014: 73])

«Когда мы переехали в Нунямо, там для нас не оказалось никакого жилья, нас поселили в одном домике с несколькими семьями... Мы разместились на кухне. Иногда у нас из еды был всего один хлеб...»

(Алла Ральнито (Экэлян), 1945 г. р. [Леонова 2014: 129])

«А Нунямо после нашего села – это болото, настоящее болото! ... Поселили нас в недостроенные дома. В коридоре были положены только балки, на которых не было досок, а на кухне засыпано шлаком. В комнате только более-менее были постелены полы. Нас заселяли по несколько семей в одну комнату с кухней без коридора и без крыши. Вот так. Моя матушка всё-таки не зря поездила, она всё умела делать. И печку поставила, и крышу стелила, и стены красила, и окна ремонтировала. И коридор доделывала. Все всё сами доделывали».

(Антонина Александровна Вербицкая, 1949 г. р. [Никифоров 2025: 55])

Помимо Нунямо, науканцы переселялись в с. Уэлен, расположенное гораздо ближе к Наукану, а также в Пинакуль и в районный центр Лаврентия. Такой рассеянный характер переселений, видимо, не был заранее запланирован властями. У многих науканцев имелись родственники и знакомые в этих локациях, и, по-видимому, переезд туда проходил менее драматично. В 1967 г. несколько науканцев из Пинакуля предприняли попытку официально восстановить науканскую общину на базе общины Пинакуля. Власти отреагировали на эту попытку обвинениями в национализме. В результате два науканских старейшины в Пинакуле покончили жизнь самоубийством, а Тасян Теин, талантливый этнограф и социолог науканского происхождения, был сослан на поселение на о. Врангеля [Krupnik, Chlenov 2013: 276].

Драматичность переселения «науканского типа», то есть рассеянного, нелокализованного, для местного населения имеет подтверждение в психотерапевтической практике. Так,

Ф. Б. Берёзин (д. м. н., ММА им. Сеченова), работавший на Чукотке в 1970-х гг. и приглашавшийся для консультаций специалистами Магаданской психиатрической больницы, пишет в своих воспоминаниях ⁴ о более 10 случаях госпитализаций науканцев в состоянии, которое он называет «Науканское ПТСР». Причем госпитализации начались почти одновременно через много лет после закрытия Наукана. По-видимому, часть из них можно связать с повторным переселением науканцев после закрытия Нунямо ⁵.

Интересно, что такие случаи были зафиксированы именно среди науканских эскимосов, хотя практически одновременно с переселением Наукана было подготовлено и осуществлено переселение другого эскимосского поселка – Чаплино (чапл. *Уңазиқ*), где проживали носители чаплинского эскимосского языка. Но в отличие от Наукана, Чаплино перенесли на новое, до этого не заселенное место, а не укомплектовали чаплинцами существующий чукотский поселок, как это произошло с науканцами в Нунямо. Новое Чаплино располагалось не очень далеко от старого. Кроме того, чаплинцы не подверглись повторному переселению, и Новое Чаплино до сих пор остается поселком с компактным проживанием носителей чаплинского эскимосского языка.

К сожалению, переселением в Нунямо и другие поселки переезды науканцев не закончились. Пинакуль и Нунямо также подвергались укрупнению и ликвидации в 1969 и 1977 гг. соответственно [Chichlo 1981: 38; цит. по: Krupnik, Chlenov 2013: 276], и науканцы должны были переселяться оттуда уже своими силами и совершенно не централизованно в Уэлен, Лаврентия, Анадырь и другие населенные пункты.

Таким образом, переселение не было узко локализовано, и науканское языковое сообщество оказалось разделенным по нескольким населенным пунктам, из которых в дальнейшем они также вынуждены были переезжать. В следующем разделе будут приведены подробные количественные данные об этих переселениях.

2.2. Направления расселения: статистическое исследование

Для восстановления хронологии расселения Наукана и более точного подсчета основных направлений миграции жителей поселка было проведено статистическое исследование, основной целью которого была детализация ранее описанных данных о расселении Наукана (см. раздел 2.1). В качестве материалов для исследования был взят список жителей Наукана из похозяйственной книги 1953 г., а также перечень движимого и недвижимого имущества по Науканскому сельскому совету 1956 г. [Шокарев 2016] – переработанный список жителей составил 210 чел.

На основе этого списка была проведена серия из 10 социолингвистических интервью с носительницей науканского языка и старейшиной науканского сообщества Елизаветой Алихановной Добриевой для уточнения списка жителей и мест переездов каждого из науканцев по списку. В ходе этих интервью список жителей Наукана был дополнен до 222 чел., родившихся в Наукане и доживших до переезда. В список не были включены их дети, которые родились после 1958 г., то есть после закрытия Наукана. Однако в список вошли люди, которые переехали из Наукана самостоятельно незадолго до закрытия, так как эта информация дополняет картину расселения науканского сообщества. Всего это 30 чел. (11 чел. переселились в Лаврентия, по 3 – в Анадырь, Провидения и Лорино, 2 – в Пинакуль, еще по 1 в Марково, Уэлькаль и Дежнёво).

Можно предположить, что постепенное расселение Наукана началось раньше 1958 г., так как по данным [Членов, Крупник 1983] количество жителей в поселке составляло порядка 320–350 чел. на протяжении первой половины XX в. без заметных колебаний. Свидетельства Н. Гондатти 1895 г. также указывают на сходные цифры в 299 жителей [Гондатти 1897]. Косвенно ранние переезды подтверждаются данными о количестве хозяйств в 1952 и 1956 гг., которое сократилось примерно на 20 хозяйств: в 1952 г. указано 64 хозяйства, охваченных налогом «самообложения» (и 3 освобожденные от этого сбора семьи) [Шокарев 2019], а по переписи 1956 г. указано уже только 44 хозяйства [Шокарев 2016].

Согласно нашим интервью с Е. А. Добриевой, после закрытия Наукана в 1958 г. 140 человек переехало в Нунямо, 14 – в Пинакуль, по 4 – в Лаврентия и Провидения, по 1 – в Анадырь, Сиреники и Лорино. Точная дата переезда еще 30 чел. неизвестна, однако в какой-то момент

⁴ <https://berezin-fb.su>

⁵ Воспоминания именно об этих случаях доступны на официальном сайте Ф. Б. Берёзина по ссылке: <https://berezin-fb.su/wordpress/page/2/?s=Наукан&x=0&y=0> (дата обращения: 28.04.2025).

незадолго до или сразу после закрытия Наукана они переехали в Пинакуль (13 чел.), Уэлен (7), Анадырь (4), Лаврентия (3), Провидения, Инчоун и Лорино (по одному).

Таким образом, примерно половина науканцев после закрытия переехала в чукотское село Нунямо, которое впоследствии закрыли в 1977 г., 32 чел. умерли в Нунямо, а еще 19 переехали из Нунямо до закрытия села (6 – в Уэлен, 5 – в Сиреники, 4 – в Лорино, по 3 – в Пинакуль и Лаврентия, по одному – в Нешкан и Анадырь). После закрытия Нунямо основным направлением переезда стал райцентр Лаврентия (27 чел.), еще по 3 чел. переехали в Лорино и Уэлен. Среди тех, чья дата переезда неизвестна (незадолго до или сразу после закрытия Нунямо), большинство переехали в Лаврентия (16 чел.), другие направления включают в себя Уэлен (8), Анадырь (7), Лорино и Пинакуль (по 4 чел.), Инчоун (1). Судьба еще 8 человек после их переезда в Нунямо неизвестна. Представленные количественные данные проиллюстрированы на картах 1–2 и рис. 1–2 (см. с. 164).

Точный подсчет несколько осложняется тем, что многие из науканцев учились (и, соответственно, временно жили) в Лаврентия в школьные годы (как до, так и после закрытия Наукана), потом в Анадыре (в Анадырском педучилище), кто-то уезжал учиться или работать в Магадан или другие города России. В рамках подсчета мы не учитывали учебу в школе и училище как полноценный переезд, как и некоторые временные переезды по работе (например, в Пинакуль на Мечигменскую морзверобойную станцию), несмотря на то, что они могли длиться по несколько лет. Тем не менее даже такие цифры с учетом некоторой доли условности дают хорошее представление о том, насколько фрагментированным оказалось науканское сообщество после закрытия родного поселка. Примечателен и тот факт, что Нунямо не было «типичным» направлением миграции науканцев: до закрытия Наукана, согласно списку, туда никто не переезжал.

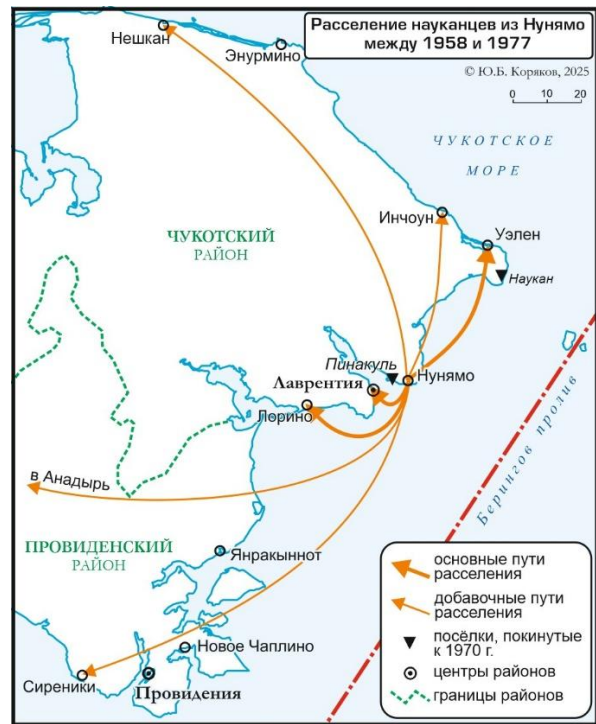
Таким образом, небольшая группа науканских эскимосов оказалась разделена по нескольким далеким друг от друга поселкам. Об этом можно также судить по цифрам, приводимым в [Гурвич 1973: 5] по итогам экспедиции 1972 г., относительно количества эскимосов в различных населенных пунктах Чукотского района: с. Лаврентия – 90 чел., Нунямо – 81 чел., Уэлен – 67 чел., Лорино – 43 чел. и Нешкан – 11 чел. С определенной осторожностью можно считать, что это количество именно науканцев, поскольку активной миграции чаплинцев в Чукотский район не зафиксировано. В работе [Крупник, Членов 1979: 27] приводятся другие цифры по итогам полевых исследований 1971–1977 гг. уже после закрытия Нунямо и Пинакуля, однако общее соотношение остается похожим: Лаврентия – 200 чел., Уэлен – 100 чел., Лорино – 50 чел. и Анадырь – 40 чел., Провидения, Сиреники и Нешкан – по 15–20 чел., Инчоун, Энурмино и другие – отдельные люди.

Сравнивая цифры, приведенные в [Гурвич 1973: 5] и [Крупник, Членов 1979: 27] с нашими данными (см. табл. 1 на с. 165), можно заметить: несмотря на то, что основные локализации концентрации представителей науканского сообщества после закрытия Нунямо пересекаются (наиболее крупные группы в Лаврентия, Уэлене и Лорино), порядок цифр значительно меньше в анализируемой нами выборке. Такая разница объяснима как исходными данными (в нашем списке значатся только те, кто родился в Наукане до 1958 г., тогда как в данные 1970-х гг. попало следующее поколение), так и методом подсчета, опирающимся на этническую самоидентификацию. Важно отметить, что итоговая выборка в 222 человека, которые прошли через закрытие Наукана, сопоставима с данными Государственного архива Чукотского автономного округа от 1956 г. (229 человек, проживающих в Наукане, из которых 201 – эскимосы) [Днепровский 2016: 28] с учетом того, что в нее включены 30 человек, которые переехали из Наукана до его закрытия.

Наиболее противоречивыми кажутся данные о переехавших в Уэлен: согласно [Гурвич 1973: 5] и [Крупник, Членов 1979: 27], в поселке была крупная науканская диаспора, которая едва ли образовалась в одночасье, с учетом того, что Уэлен с начала XX в. и до начала 1940-х гг. был районным центром – в исследуемой выборке, однако, не было выявлено подтвержденных переездов в Уэлен после закрытия Наукана (есть только 7 человек, дата переезда которых доподлинно неизвестна). Кроме того, в представленные выше данные не включены некоторые маргинальные маршруты миграции науканцев в Уэлен. Примерами таких маршрутов являются переезды из Пинакуля: из 28 чел., переехавших туда около 1958 г., 12 чел. переехали в Уэлен, 2 чел. – в Лаврентия, по одному в Инчоун и Нунямо (судьба трех человек неизвестна, 8 чел. умерло в Пинакуле).

Карта 1. Расселение науканцев из Наукана в 1958 г. и незадолго до этого.
Map 1. Resettlement of the Naukan people from the village of Naukan in 1958 and shortly before that.

Карта 2. Расселение науканцев из с. Нунямо между 1958 и 1977 гг.
Map 2. Resettlement of the Naukan people from the village of Nunyamo between 1958 and 1977.

Науканцы, переехавшие после закрытия посёлка в 1958 г. или незадолго до этого

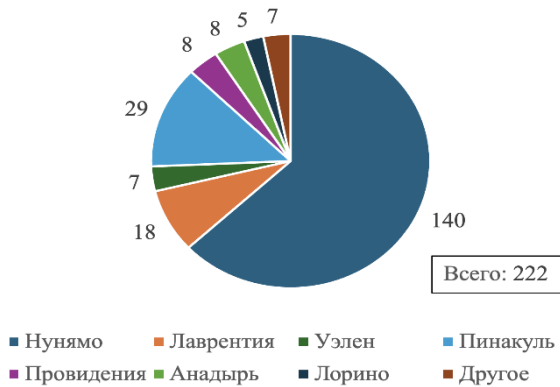

Рис. 1. Жители Наукана, переехавшие после закрытия посёлка в 1958 г. и незадолго до этого.
Fig. 1. Naukan residents that moved after the disbandment of the village of Naukan in 1958 and shortly before that.

Науканцы, переехавшие из с. Нунямо после его закрытия в 1977 г. или незадолго до этого

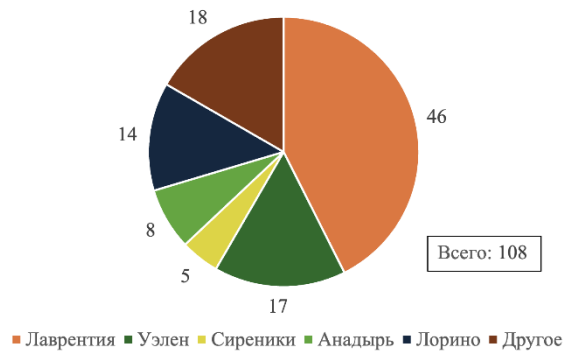

Рис. 2. Жители Наукана, переехавшие из с. Нунямо после его закрытия в 1977 г. и незадолго до этого.
Fig. 2. Former Naukan residents that moved after the disbandment of the village of Nunyamo in 1977 and shortly before that.

Таблица 1
Table 1**Сводная численность науканцев по поселкам после 1958 г.**
Overall summary of the number of Naukan people after 1958 by settlement

Населенные пункты	Всего переселилось родившихся в Наукане		Всего науканцев		Всего эскимосов ⁶	
	из Наукана около 1958 г.	из Нунямо в 1958–1977 гг.	Гурвич 1973	Крупник, Членов 1979	ВПН 2010	ВПН 2021
Нунямо	140	–	81	–	–	–
Пинакуль	28	5	–	–	–	–
Лаврентия	18	46	90	200	208	196
Анадырь	8	8		40	203*	199*
Лорино	5	14	43	50	59	57
Уэлен	7	17	67	100	62	58
Инчоун	1	1		отд. люди	10	0
Нешкан		1	11	15–20	7	2
Сиреники	1	5		15–20	221*	156*
Провидения	8			15–20	195*	220*
Другое	5	11				
Всего	222	108	292	435–450	346**	313**

* Данные цифры учитывают всех эскимосов, а не только науканцев.

** Данные суммы не включают цифры, отмеченные звездочкой.

Заключение

Данные проведенного статистического исследования наглядно показывают, насколько раздробленным оказалось науканское сообщество после закрытия Наукана. И если в ходе первого переселения около половины науканцев были перевезены в чукотское с. Нунямо, где сохранили компактное проживание, то последующее закрытие Нунямо привело к дополнительной децентрализованной череде переездов в разных направлениях. Таким образом, науканцы оказались этническим меньшинством в разных населенных пунктах, а сферы использования науканского языка сократились до минимума. Из изначальной итоговой выборки в 222 человека все владели науканским языком как первым и основным, некоторые также владели другими языками региона. При этом даже дети, учившиеся в школе, редко владели русским языком или другими языками свободно (см. раздел 1). На сегодняшний день, по нашим данным, науканским языком свободно владеют 17 человек, все они владеют помимо этого русским языком и пользуются им как основным.

Языковой сдвиг в Наукане до 1958 г. еще не начался или находился в самой начальной стадии. Расселение Наукана в 1958 г. и последующую сегментацию науканского сообщества мы рассматриваем как ключевой фактор, повлиявший на ускорение языкового сдвига к русскому языку.

⁶ Данные приведены по материалам онлайн-проекта Ю. Б. Корякова: База данных «Этно-языковой состав населенных пунктов России». Материалы переписей 2002, 2010, 2021 доступны по ссылке: <http://www.lingvarium.org/russia/settle-database.shtml> (дата обращения: 08.05.2025).

Существуют и другие факторы, повлиявшие на такое стремительное течение языкового сдвига, прежде всего – изначально малая численность группы говорящих. Подробный анализ этих причин, включающий описание динамики языкового сдвига с 1958 по 2025 гг., будет приведен в следующей статье, где будут детально рассмотрены последствия расселения для современного науканского языкового сообщества (статья планируется к публикации в журнале «Языки и фольклор коренных народов Сибири» в 2026 г.).

Список сокращений

наук. – науканский; чапл. – чаплинский

Список литературы

Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сеньявина. М.: Наука, 1982. 176 с.

Гондатти Н. Состав населения Анадырской округи // Записки Приамурского отдела императорского Русского географического общества. Т. III (Вып. 1). Хабаровск: Типография при канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1897. С. 166–178.

Гурвич И. С. Этнокультурное развитие береговых чукчей и азиатских эскимосов // Советская этнография. 1973. № 5. С. 3–15.

Днепровский К. А. Наукан: современное состояние уникального памятника истории и культуры Чукотки // Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Материалы научно-практической конференции в Анадыре 12–14 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. М. Бронштейн. Вып. 1. М., 2016. С. 22–37.

Днепровский К. А., Шокарев С. Ю. Легендарный эскимосский поселок Наукан в составе номинации в Список всемирного наследия ЮНЕСКО // Журнал Института Наследия. 2019. № 2 (17). С. 1–11.

Крупник И. И., Членов М. А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. – 1970-е гг.) // Советская этнография. 1979. № 2. С. 19–29.

Меновицков Г. А. Эскимосско-чукотский билингвизм и интерференция чукотской периферийной лексики в чукотский язык // Палеоазиатские языки: сб. науч. тр. / Отв. ред. П. Я. Скорик. Л.: Наука, 1986. С. 63–76.

Наукан и науканцы: Рассказы науканских эскимосов / Сост. В. Г. Леонова. Владивосток: ОАО «ИПК Дальпресс», 2014. 212 с.

Науканский напевы. Сборник песен и танцев. М.: PressPass, 2020. 124 с.

Науканский напевы. Уэлен. Сборник песен и танцев. М.: PressPass, 2021. 124 с.

Поговорим о Наукане. Воспоминания науканских эскимосов / Сост. В. Никифоров. Лаврентия, 2025. 160 с. (самиздат)

Пупынина М. Ю., Коряков Ю. Б. Ареал распространения науканского языка: география многоязычия и динамика контактов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 45–58.

Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. Очерк // Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. Т. 13 / Под ред. В. В. Морачевского. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 497 с.

Халгинова Н. Б., Днепровский К. А. Каменные яранги Наукана [электронный ресурс]. URL: <https://www.ks87.ru/nauka-i-turizm/165/13124> (дата обращения: 08.05.2025).

Членов М. А., Крупник И. И. Динамика ареала азиатских эскимосов в XVIII–XIX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. И. Толстой. Л.: Наука, 1983. С. 129–139.

Членов М. А., Крупник И. И. Наукан: главы к истории // Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Материалы научно-практической конференции в Анадыре, 12–14 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. М. Бронштейн. Вып. 1. М., 2016. С. 38–73.

Шокарев С. Ю. Переписи Наукана в 1956 г. Приложение // Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Материалы научно-практической конференции в Анадыре, 12–14 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. М. Бронштейн. Вып. 1. М., 2016. С. 200–203.

Шокарев С. Ю. Легендарный Наукан. Советское время [электронный ресурс]. URL: <https://goarctic.ru/news/legendarnyy-naukan-sovetskoe-vremya/> (дата обращения: 30.04.2025).

Энмынкау Н. Старики всегда учили нас добру. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. 256 с.

Энмынкау Н. Стойбище моего детства. Сборник очерков, интервью, репортажей. СПб.: Алмаз-Граф, 2024. 263 с.

Ackerman R. Prehistory of the Asian Eskimo zone // *Handbook of North American Indians*. Vol. 5, the Arctic. Washington D.C.: Smithsonian Institution, 1984. Pp. 106–118.

Chichlo B. Les Nevuqaghmiit ou la fin d'une ethnie // *Études/Inuit/Studies*. 1981. Vol. 5. No. 2. Pp. 29–47.

Chlenov M. The «Uelenski Language» and its Position Among Native Languages of the Chukchi Peninsula // *Alaska Journal of Anthropology*. 2006. Vol. 4. No. 1–2. Pp. 74–91.

Dobrushina N., Moroz G. The speakers of minority languages are more multilingual // *International Journal of Bilingualism*. 2021. Vol. 25 (4). Pp. 921–938.

Flegontov P., Altınışık N. E., Changmai P. et al. Palaeo-Eskimo genetic ancestry and the peopling of Chukotka and North America // *Nature*. 2019. 570. Pp. 236–240.

Golovko E. V. Language and Identities in the Bering strait area in the first half of the 20th century // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Vol. 15. Iss. 3. Pp. 391–424.

Krupnik I. 'Siberians' in Alaska: Siberian Eskimo Contribution to the Alaskan Population Recoveries, 1880–1940 // *Études/Inuit/Studies*. 1994. Vol. 18. No. 2. Pp. 49–80.

Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks, University of Alaska Press, 2013. 392 p.

Pakendorf B., Dobrushina N., Khanina O. A typology of small-scale multilingualism // *International Journal of Bilingualism*. 2021. Vol. 25 (4). Pp. 835–859.

Schweitzer P., Golovko E. The «priests» of East Cape: A religious movement on the Chukchi Peninsula during the 1920s and 1930s // *Études/Inuit/Studies*. 2007. Vol. 31. No. 1–2. Pp. 39–58.

Yarzutkina A. A. American traders in the settlements of chukotka native inhabitants // *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*. 2014. Special issue. Pp. 361–381.

References

Ackerman R. Prehistory of the Asian Eskimo zone. In *Handbook of North American Indians*, vol. 5, the Arctic. Washington D.C., Smithsonian Institution, 1984, pp. 106–118.

Arutyunov S. A., Krupnik I. I., Chlenov M. A. "Kitovaya alleya." *Drevnosti ostrovov proлива Senyavina* [The whale alley. The antiquities of the Senyavin strait islands]. Moscow, Nauka, 1982, 176 p. (In Russian)

Chichlo B. Les Nevuqaghmiit ou la fin d'une ethnie. *Études/Inuit/Studies*. 1981, vol. 5, no. 2, pp. 29–47.

Chlenov M. A., Krupnik I. I. Dinamika areala aziatskikh eskimosov v 18–19 vv. [The Dynamics of the Asian Eskimo areal in 18th–19th]. In *Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii (yazyk i etnos). Sbornik nauchnykh trudov* [Areal research in linguistics and ethnography (language and ethnicity). The collection of scientific works]. Leningrad, Nauka, 1983, pp. 129–139. (In Russian)

Chlenov M. A., Krupnik I. I. Naukan: glavy k istorii [Naukan: Chapters to the History]. In *Spasti i sokhranit'. Kul'turnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii v Anadyre, 12–14 aprelya 2016 g.* [Safeguard and ensure. Cultural heritage of chukotka: prospects in protection and conservation: Proceedings of scientific and policy conference, Anadyr, 12–14 April, 2016]. Moscow, 2016, iss. 1, pp. 38–73. (In Russian)

Chlenov M. The "Uelenski Language" and its Position Among Native Languages of the Chukchi Peninsula. *Alaska Journal of Anthropology*. 2006, vol. 4, no. 1–2, pp. 74–91.

Dneprovskiy K. A. Naukan: sovremennoe sostoyanie unikal'nogo pamyatnika istorii i kul'tury Chukotki [Naukan: the current state of a unique historical and cultural monument of Chukotka]. In *Spasti i sokhranit'. Kul'turnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii v Anadyre, 12–14 aprelya 2016 g.* [Safeguard and ensure. Cultural heritage of chukotka: prospects in protection and conservation: Proceedings of scientific and policy conference, Anadyr, 12–14 April, 2016]. Moscow, 2016, iss. 1, pp. 22–37. (In Russian)

Dneprovskiy K. A., Shokarev S. Yu. Legendarnyy eskimoskiy poselok Naukan v sostave nominatsii v Spisok vseмирного naslediya YuNESKO [Legendary Eskimo village of Naukan included

- in UNESCO World Heritage List nomination]. *Zhurnal Instituta Naslediya* [*The Heritage Institute Journal*]. 2019, no. 2 (17), pp. 1–11. (In Russian)
- Dobrushina N., Moroz G. The speakers of minority languages are more multilingual. *International Journal of Bilingualism*. 2021, vol. 25 (4), pp. 921–938.
- Enmynkau N. *Stariki vseгда uchili nas dobru* [*The Elders has Always Taught Us Kindness*]. Izhevsk, “Print-2”, 2016, 256 p. (In Russian, Naukan, and Chaplino Yupik)
- Enmynkau N. *Stoybishche moego detstva. Sbornik ocherkov, interv'yū, reportazhey* [*The Camp of My Childhood. The collection essays, interviews and broadcasts*]. St. Petersburg, Almaz-Graf, 2024, 263 p. (In Russian)
- Flegontov P., Altınışık N. E., Changmai P. et al. Palaeo-Eskimo genetic ancestry and the peopling of Chukotka and North America. *Nature*. 2019, 570, pp. 236–240.
- Golovko E. V. Language and Identities in the Bering strait area in the first half of the 20th century. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, vol. 15, iss. 3, pp. 391–424.
- Gondatti N. Sostav naseleniya Anadyrskoy okrugi [Population of the Anadyr district]. In *Zapiski Priamurskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [*Notes of the Russian Imperial geographical society*]. Khabarovsk, Tip. pri kantselyarii priamurskogo general-gubernatora, 1897, vol. 3, iss. 1, pp. 166–178. (In Russian)
- Gurvich I. S. Etnokul'turnoe razvitie beregovykh chukchey i aziatskikh eskimosov [Ethnocultural development of the coastal Chukchi and Asian Eskimos]. *Sovetskaya Etnografiya* [*Soviet Ethnography*]. 1973, no. 5, pp. 3–15. (In Russian)
- Khalginova N., Dneprovskiy K. *Kamennye yarangi Naukana* [*Stone Yarangas of Naukan*] (electronic resource). URL: <https://www.ks87.ru/nauka-i-turizm/165/13124> (accessed 09.05.2025). (In Russian)
- Krupnik I. ‘Siberians’ in Alaska: Siberian Eskimo Contribution to the Alaskan Population Recoveries, 1880–1940. *Études/Inuit/Studies*. 1994, vol. 18, no. 2, pp. 49–80.
- Krupnik I. I., Chlenov M. A. Dinamika etnolingvisticheskoy situatsii u aziatskikh eskimosov (konets 19 v. – 1970-e gg.) [The dynamics of the ethnolinguistic situation among Asian Eskimo (the end of 19th century – 1970)]. *Sovetskaya Etnografiya* [*Soviet Ethnography*]. 1979, no. 2, pp. 19–29. (In Russian)
- Krupnik I., Chlenov M. *Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960*. Fairbanks, University of Alaska Press, 2013, 392 p.
- Menovshchikov G. A. Eskimossko-chukotskiy bilingvizm i interferentsiya chukotskoy periferiynoy leksiki v chukotskiy yazyk [Eskimo-chukchi bilingualism and the interference of the Chukchi peripheral vocabulary into the Chukchi language]. In *Paleoaziatskie yazyki* [*Paleo-Siberian languages*]. Leningrad, Nauka, 1986, pp. 63–76. (In Russian)
- Naukan i naukantsy: Rasskazy naukanskih eskimosov* [*The Village of Naukan and the Naukan people: the Naukan Eskimo stories*]. Vladivostok, “IPK Dal’press,” 2014, 212 p. (In Russian)
- Naukanskiy napevy. Sbornik pesen i tantsev* [*Naukan Melodies. The collection of songs and dances*]. Moscow, PressPass, 2020, 124 p. (In Russian)
- Naukanskiy napevy. Uelen. Sbornik pesen i tantsev* [*Naukan Melodies. Uelen. The collection of songs and dances*]. Moscow, PressPass, 2021, 124 p. (In Russian)
- Pakendorf B., Dobrushina N., Khanina O. A typology of small-scale multilingualism. *International Journal of Bilingualism*. 2021, vol. 25 (4), pp. 835–859.
- Pogovorim o Naukane. Vospominaniya naukanskih eskimosov* [*Let’s talk about Naukan. The memories of the Naukan Eskimo*]. Lavrentiya, 2025, 160 p. (samizdat) (In Russian)
- Pupynina M. Yu., Koryakov Yu. B. Areal rasprostraneniya naukansкого языка: география многоязычия и динамика контактов [Distribution Area of the Naukan Language: Geography of Multilingualism and Dynamics of Contacts]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [*The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*]. 2024, vol. 83, no. 1, pp. 45–58. (In Russian)
- Schweitzer P., Golovko E. The “priests” of East Cape: A religious movement on the Chukchi Peninsula during the 1920s and 1930s. *Études/Inuit/Studies*. 2007, vol. 31, no. 1–2, pp. 39–58.
- Shokarev S. Yu. *Legendarnyy Naukan. Sovetskoe vremya* [*The Legendary Naukan. Soviet Times*]. (electronic resource) URL: <https://goarctic.ru/news/legendarnyy-naukan-sovetskoe-vremya/> (accessed 30.04.2025). (In Russian)

Shokarev S. Yu. Perepisi Naukana v 1956 g. Prilozhenie [1956 Naukan Census. Appendix]. In *Spasti i sokhranit'. Kul'turnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii v Anadyre, 12–14 aprelya 2016 g.* [Safeguard and ensure. Cultural heritage of chukotka: prospects in protection and conservation: Proceedings of scientific and policy conference, Anadyr, 12–14 April, 2016]. Moscow, 2016, iss. 1, pp. 200–203. (In Russian)

Unterberger P. F. Priamurskiy kray. 1906–1910 gg. Ocherk [Priamur Krai. 1906–1910. An essay]. In *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki* [Notes of the Russian Imperial Geographical Society: statistical department]. St. Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma, 1912, vol. 13, pp. 1–497. (In Russian)

Yarzutkina A. A. American traders in the settlements of chukotka native inhabitants. *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*. 2014, special issue, pp. 361–381.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
03.05.2025*

Сведения об авторах – Information about the Authors

Мария Юрьевна Пупынина – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Maria Yu. Pupynina – Candidate of Philology, Researcher, Institute for Linguistic Studies of the RAS (St. Petersburg, Russian Federation), Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

pupynina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9314-4553>

Тимофей Валерьевич Корнев – младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Timofey V. Kornev – Junior Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

t.kornev@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9342-4752>

Елена Михайловна Будянская – младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Elena M. Budyanskaya — Junior researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

budyanskaya.lena@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6306-6280>

Юрий Борисович Коряков – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия), старший научный сотрудник, Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

Yuri B. Koryakov – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Senior Researcher, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

ybkoryakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3962-3312>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 811.512.157 + 81'367

DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-170-179

Вопросы теории синтаксического строя якутского языка в трудах Н. Н. Ефремова

Н. И. Данилова, Ф. Н. Дьячковский

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

Аннотация

В статье освещаются основные этапы биографии и научной деятельности доктора филологических наук, главного научного сотрудника отдела якутского языка Института проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, заслуженного деятеля науки Республики Саха (Якутия) Николая Николаевича Ефремова. Становление его как известного ученого-лингвиста неразрывно связано с именами преподавателей кафедры якутского языка Якутского государственного университета и Новосибирской синтаксической школой. Он впервые на материале якутского языка обосновал концепцию о знаковом характере сложного предложения, которое обладает единством плана содержания и плана выражения. Сложные предложения представлены им в форме моделей, репрезентирующих прежде всего их синтаксическое значение.

Ключевые слова

Николай Николаевич Ефремов, якутский язык, синтаксис, предложение, структура, модель, функция, семантика

Для цитирования

Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н. Вопросы теории синтаксического строя якутского языка в трудах Н. Н. Ефремова // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 170–179. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-170-179

Questions of the theory of the syntactic structure of the Yakut language in the works of N. N. Efremov

N. I. Danilova, F. N. Dyachkovsky

*Institute of Humanitarian Research and Problems of Small Peoples of the North SB RAS,
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

This article examines the most significant milestones in the life and scientific activity of N. N. Efremov, Doctor of Philology. He focuses on the key elements in the development of Yakut grammatical theory, building upon the scholarly legacy of Yakut linguistics and the syntactic school of the Institute of Philology SB RAS. His significant contribution to Yakut grammatical tradition was the articulation of the predicative-correlative element within polypredicative constructions, expressed through participial, adverbial, and indirect mood forms. The research is based on the fundamental syntactic structure of Turkic languages: “definition + definable.” According to him, complex sentences are formed by expanding the structure and meaning of simple sentences. Of significance is his involvement in the collective study of functional and semantic categories in the Yakut language, with particular attention to the categories of evidentiality, locativity and constructions with verbs of movement. Efremov is one of the authors of the Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language. Beyond

© Н. И. Данилова, Ф. Н. Дьячковский, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

grammatical, lexicological, and lexicographical studies of the Yakut language, his scholarship extends to the linguistic features of Yakut folklore and literature, specifically examining the Olonkho of T. V. Zakharov-Chebiya, the writings of S. A. Zverev-Kyyi Uol, and the works of prominent Yakut authors including A. E. Kulakovskiy, P. A. Oyunsky, and A. I. Sofronov. The scholar's interests include the issues of local history, popularization of science and its achievements. His research and public work have significantly impacted the development of modern methods and ideas within Yakut linguistics and numerous humanities disciplines.

Keywords

Nikolai Nikolaevich Efremov, syntax, Yakut language, complex sentence, structure, semantics

For citation

Danilova N. I., Dyachkovskiy F. N. Voprosy teorii sintaksicheskogo stroya yakutskogo yazyka v trudakh N. N. Efremova [Questions of the theory of the grammatical structure of the Yakut language in the works of N. N. Efremov]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 170–179. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-170-179

Введение

21 марта 2025 г. отметил 75-летнюю юбилейную дату Николай Николаевич Ефремов – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, заслуженный ветеран СО РАН, заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия), внесший весомый вклад в развитие теории грамматического строя якутского языка.

В предлагаемой статье ставится цель осветить этапы жизни и научного творчества Николая Николаевича Ефремова, связанные с исследованием синтаксического строя якутского языка. Поставленной целью обусловлены задачи описания основных этапов жизни ученого, побудивших его к занятию наукой, и факторов, послуживших основой всей научной деятельности. Обращение к трудам ученых помогает современникам и последующим поколениям глубже понять суть и логику научных идей, сохранить их преемственность и ясно представить перспективы развития собственных научных замыслов. К числу ученых, не только продолжающих, но и развивающих, обогащающих новыми идеями и методами теорию грамматического строя якутского языка, с полным правом относится Н. Н. Ефремов.

Начало пути в науку

Н. Н. Ефремов родился в местности Уорай – живописном уголке с. Бетюн Амгинского улуса Республики Саха (Якутия), расположенного на излучине реки Амга. Это излюбленное место летнего отдыха местных жителей, окруженное красотой нетронутой природы. Родители Николая Николаевича, Николай Иннокентьевич Ефремов и мать Ольга Николаевна (Федорова), были коренными жителями Амгинского района. Это была очень трудолюбивая и доброжелательная семья: родители Николая Николаевича были в числе первых механизаторов Амгинского района, они взяли на воспитание и поставили на ноги четверых детей-сирот. Николай Николаевич с большой теплотой делится воспоминаниями о своем детстве, рассказывает, как мама часто читала ему книги, причем одну и ту же книгу по несколько раз, что пробудило у него интерес к чтению. Уже в подготовительном классе Коля начал самостоятельно читать произведения якутских писателей. Позже его увлечение чтением поддерживал брат матери, учитель Семен Федоров, который покупал ему разнообразные детские книги. Так Николай Николаевич открыл для себя новый мир книг и родного языка. В школьные годы он посещал литературный кружок под руководством учителя якутского языка и литературы Е. Г. Афанасьева, где пробовал писать стихи, а отец всячески способствовал этому увлечению. Но уже в 6-м классе Николая Николаевича захватило увлечение математикой, он стал активно участвовать в районной и республиканской олимпиадах

по математике. В 8-м классе он занял второе место на республиканской олимпиаде и получил приглашение в летнюю в физико-математическую школу в новосибирском Академгородке. Для учащихся летней школы лекции по новым направлениям физики и математики читали известные ученые, на семинарах выступали молодые ученые и аспиранты, которые предлагали школьникам для решения сложные математические задачи. Обучение завершилось олимпиадой, где Коля получил грамоту и приглашение в физико-математическую школу при Новосибирском государственном университете. Вернувшись домой, он продолжил свои занятия по математике. По совету своего учителя И. Д. Алексеева он поступил на заочное отделение Московской физико-математической школы имени Н. Э. Баумана. Друзья, с которыми он познакомился в летней школе в новосибирском Академгородке: И. Е. Егоров и И. Г. Дмитриев – отправляли ему в с. Амга по почте книги с математическими задачами, которые он с удовольствием решал. В одном из своих писем И. Г. Дмитриев сообщил, что М. А. Алексеев, воспитавший несколько поколений известных якутских математиков, приглашает Колю в знаменитую физико-математическую школу в с. Верхневилуйск. В то же время Коля по результатам республиканской олимпиады по математике получил право поступить в физико-математическую школу при Якутском государственном университете.

Но после окончания Амгинской средней школы Николай Николаевич отслужил в рядах Советской Армии, а затем поступил на якутское отделение Якутского государственного университета. С этого момента его жизнь и судьба неразрывно связаны с научным изучением родного ему якутского языка. Лекции преподавателя кафедры якутского языка ЯГУ М. А. Черосова, посвященные структуре связной речи, пробудили интерес к синтаксису, а лекции Н. К. Антонова о системной лингвистике Г. П. Мельникова привлекли его внимание к особенностям строения тюркских языков. Под руководством зав. кафедрой Н. Д. Дьячковского Николай Николаевич написал и защитил дипломную работу по теме «Актуальное членение и порядок слов в предложении в якутском языке». С искренней благодарностью он вспоминает, как Николай Демьянович всячески поддерживал его и помогал ему в становлении как ученого. Когда в Якутский государственный университет из Новосибирска приехала читать лекции профессор Е. И. Убрятова, Николай Демьянович договорился о выделении для Николая Николаевича места в аспирантуре Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

В 1976 г. Николай Николаевич поступил в аспирантуру и сразу был включен в научную группу «Сложное предложение в языках разных систем», возглавляемую видным ученым-лингвистом, основателем Новосибирской синтаксической школы, д. ф. н., профессором Новосибирского государственного университета Майей Ивановной Черемисиной. Кандидатскую диссертацию на тему «Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке» он написал под ее руководством и защитил в 1981 г. в Алма-Ате. Докторская диссертация Николая Николаевича «Полипредикативные конструкции якутского языка: система, структура, семантика» явилась продолжением и углублением научных принципов и идей кандидатской работы и была защищена им в 1999 г.

Вопросы теории синтаксического строя якутского языка в трудах Н. Н. Ефремова

Диссертации Н. Н. Ефремова и вся его научная деятельность связаны с важнейшими вопросами развития теории грамматического строя якутского языка. Как известно, ключевой вехой становления теории грамматического строя стал всемирно известный труд «О языке якутов» (“Über die Sprache der Jakuten”, СПб., 1851) выдающегося санскритолога и компаративиста О. Н. Бётлингга. Данным исследованием якутский язык не только вошел в мировую копилку лингвистических знаний, но было заложено также начало сравнительному изучению тюркских языков, что дало акад. А. Н. Кононову основание утверждать, что труд О. Н. Бётлингга «составил эпоху в мировой тюркологии» [Кононов 1972: 196].

Не менее важным представляется также и то, что грамматика О. Н. Бётлингга, в которой было представлено научное описание фонетического и грамматического строя якутского языка, заложила основы развития теории якутского языкознания в системном аспекте. Системный подход к фактам языка предполагает научное представление о языке, согласно которому все его уровни и элементы мыслятся как связанные друг с другом регулярными, объективными отношениями. Идея о системности языкового строя стала фундаментом всех последующих исследований якутского языка. В этом системном ключе были написаны труды Л. Н. Харитонова по грамматике,

Е. И. Убрятовой по синтаксису, Н. Д. Дьячковского по фонетике, М. С. Воронкина и С. А. Иванова по диалектам и их последователей. А ключевой вехой изучения синтаксического строя якутского языка с позиций системной лингвистики послужили труды Е. И. Убрятовой «Исследования по синтаксису якутского языка. Простое предложение» (1951) и «Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение» (1976).

Научная деятельность Н. Н. Ефремова связана прежде всего с теоретическим представлением о системном характере устройства синтаксического строя якутского языка. Кандидатская диссертация на тему «Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке», а затем и написанная на ее основе монография были выполнены в русле концепции основателя теории предложения в якутском языке Е. И. Убрятовой. По ее идее, «в основе структуры предложения в якутском языке лежит общетюркская закономерность, в соответствии с которой все синтаксические конструкции, простые и сложные, в том числе предикативные сочетания, составляющие основу предложений, соединяются с другими словами и сочетаниями слов и предложениями теми же способами, какими связываются отдельные слова в простом предложении» [Убрятова 1976: 7]. Это, как известно, примыкание, управление, согласование, изафет.

Важным достижением и вкладом этой работы в развитие теории грамматического строя якутского языка явилось то, что благодаря научному руководителю Николаю Николаевичу – Майе Ивановне Черемисиной – было положено начало исследованию синтаксических единиц якутского языка через призму их структурно-семантического устройства. Как известно, любой теоретический подход появляется как дальнейшее развитие уже существующей теории.

В данном случае концепция о структурном подходе к исследованию синтаксиса стала углублением и продолжением теории о его системном характере, заложенном и обоснованном Е. И. Убрятовой. Майя Ивановна, опираясь на концепцию Е. И. Убрятовой, на примере синтаксиса языков Сибири показала, что язык можно моделировать и описывать как знаковую систему – так же, как в свое время продемонстрировал это Н. С. Трубецкой на примере фонологии. Как известно, особенно важным для М. И. Черемисиной явился тезис Ф. де Соссюра о необходимости изучения языка как системы, исследование внутренних взаимосвязей ее элементов, зависимости их друг от друга. Развивая теоретическое положение о языке как определенным образом устроенной системе, она понимала сложное предложение как особую знаковую единицу языка с конкретным содержанием и формой выражения. Особая заслуга М. И. Черемисиной состоит в том, что данную концепцию она предложила и внедрила для «описания синтаксических систем живых сибирских языков». В данном случае предложение предстает как «единство обобщенной пропозиции (синтаксического смысла) и структурной схемы (формы) как особого **знака** языка» [Черемисина 2004: 410]. Такой концептуальный подход позволил обосновать метод структурно-семантического моделирования, при этом, «речь идет о “формализованном” представлении пропозиций, соотнесенных с каждой выделенной структурной моделью» и «в модели удерживаются только предикат и его облигаторные актанты» [Черемисина 2004: 398]. Концепция М. И. Черемисиной о знаковом характере синтаксических единиц позволила заложить научные традиции Новосибирской синтаксической школы.

В русле этой концепции с опорой на идею о системном характере языкового устройства было выполнено кандидатское исследование Николая Николаевича «Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке». Этой работой Н. Н. Ефремов доказал концепцию о знаковом характере сложного предложения, которое обладает единством плана содержания и плана выражения. Изучаемые предложения были представлены в форме моделей, репрезентирующих прежде всего их синтаксическое значение. Существенным положением для теоретической грамматики якутского языка является предложенный и обоснованный здесь комплексный подход к сложному предложению как к органическому единству лексического состава, грамматикализованных средств выражения синтаксических отношений частей предложений, соотношения аспектуально-темпоральных характеристик их частей и других признаков. Важным для дальнейшего изучения сложных синтаксических единиц якутского языка является идея о том, что

системообразующим фактором или основанием системы сложноподчиненных предложений в якутском языке служит форма сказуемого зависимой части [Ефремов 1984: 78].

Развитием идеи о системном характере синтаксического строя якутского языка явилась вторая часть «Грамматики современного якутского литературного языка. Синтаксис», в которой Н. Н. Ефремовым были написаны разделы «Словосочетание как конструктивная основа синтаксиса якутского языка», «Порядок слов в простом предложении», «Сложное предложение. Общая характеристика», «Сложноподчиненное предложение», «Сложноподчиненные предложения усложненной структуры», «Аналитические сложноподчиненные предложения». Эту ответственную работу доверил молодому тогда исследователю известных якутский языковед, д. ф. н. Н. Е. Петров, также один из учителей Николая Николаевича. Здесь получила подтверждение и развитие изложенная Е. И. Убрятовой концепция о системообразующей роли способов и средств связи слов в синтаксисе якутского языка. Николай Николаевич дополнил ее идеей о порядке слов в словосочетании, который опирается на основной закон грамматического строя тюркских языков «определение + определяемое», то есть средством выражения данного способа является порядок слов «определяющее слово + определяемое слово»; ср.: *ыраас халлаан* 'чистое небо' (букв.: чистый небо) [Грамматика 1995: 8]. Указанный закон порядка слов обусловлен последовательным постпозитивным агглютинативным характером грамматического строя тюркских языков и функционирует на разных уровнях языка – в морфологии и синтаксисе. Кроме того, этот закон имеет обратимый характер, то есть соотношение «определение + определяемое» можно рассматривать и как «определяемое + определение».

Исследование синтаксического строя якутского языка на теоретической базе системного и структурно-семантического подхода было продолжено в докторской диссертации «Полипредикативные конструкции якутского языка (система, структура, семантика)». В работе структурно-семантическая организация сложного предложения была представлена в идиоэтническом аспекте: было установлено своеобразие якутских полипредикативных конструкций. Работа была выполнена с опорой на концепции о структурной организации языковых конструкций, изложенные в исследованиях Г. П. Мельникова, В. Г. Гузева, Е. И. Убрятовой, М. И. Черемисиной [Ефремов 1998: 177]. Детерминантой системы Николай Николаевич считает бессоюзный агглютинативный строй, представленный инвариантной моделью «определение + определяемое». Это представление, уже изложенное в разделе «Грамматики современного якутского литературного языка» (1995), было дополнено идеей о том, что в якутском языке ядро системы представлено синтетическими конструкциями, периферию поля образуют синтетико-аналитические и аналитические образования.

Важным, новым для якутской грамматической традиции явилось изложенное здесь теоретическое положение о предикативно-соотносительном члене полипредикативной конструкции, которое «выражается причастно-падежными / внепадежными (определительные ППК), деепричастными формами, а также формами косвенных наклонений» [Ефремов 1998: 53–54]. Основная система и микросистемы грамматических конструкций были определены как взаимосвязанные и взаимообусловленные элементы синтаксической системы, образующие структурное единство, представляющее собой органическую часть общей грамматической системы литературного языка. В целом здесь была обоснована идея о том, что «ППК якутского языка – это по сути “расширение” структуры и соответствующее преобразование грамматического значения монопредикативной конструкции, в результате чего конструкция трансформируется в полипредикативную» [Ефремов 1998: 179].

Идея Н. Н. Ефремова о детерминирующей роли закона агглютинации в устройстве якутского предложения получила продолжение и дальнейшее уточнение в исследовании «Моноцентрические синтаксические конструкции (типология монопредикативных и синтетических / синтетико-аналитических полипредикативных конструкций)». Это исследование было включено в издание «Курс якутской грамматики», задуманное как учебное пособие для студентов. На примере наглядных схем моноцентрических конструкций якутского языка был показан механизм образования синтаксических единиц начиная от словосочетания до полипредикативных конструкций. Работа позволила еще раз подтвердить концепцию базовой роли способов и средств связи в синтаксической системе, было подчеркнуто, что они «имеют универсальный характер и употребляются в структурировании языковых единиц в конструкции более высоких уровней» [Ефремов 2004: 191].

Исследования Н. Н. Ефремова, посвященные структуре и семантике синтаксических конструкций, органически вписались в тему исследования якутского языка по теоретической концепции функциональной лингвистики. По результатам данных разработок, проводимых в рамках НИР ИГиИПМНС СО РАН, подготовлено и издано четыре коллективных монографии. Исследования опираются на фундаментальную теорию Ленинградской / Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики о соотносительности формы и содержания языковых единиц. Они проводятся по принципу «от значения к форме», то есть исходно имеют семантическое направление анализа и призваны представить характеристику категориальной семантики и многообразных средств ее выражения. Результатом первого этапа работ стала коллективная монография «Функционально-семантические категории в якутском языке. Каузативность. Эвиденциальность. Итеративность». Здесь Н. Н. Ефремову принадлежит раздел «Категория эвиденциальности в якутском языке», в котором он подчеркнул, что «в трудах выдающихся якутоведов была заложена прочная основа для развития функционального направления в изучении якутского языка» [Ефремов 2013: 72].

Явление эвиденциальности было продемонстрировано как функционально-семантическая категория, имеющая две разновидности: прямая и косвенная – каждая со своими семантическими и структурными особенностями. При этом косвенная эвиденциальность «представляет собой структурное ядро функционально-семантического поля (ФСП) засвидетельствованности» [Ефремов 2013: 80]. Прямая эвиденциальность «выражается неспециализированными, совмещенными средствами – формами наклонений, прежде всего изъявительного» [Ефремов 2013: 177].

В следующей работе, которая также была опубликована в виде раздела коллективной монографии, в теоретическом ключе функциональной грамматики, с применением методов структурно-семантического моделирования и полевого структурирования Н. Н. Ефремов на примере глагольных конструкций с семантикой движения исследовал категорию локативности в якутском языке. Исследование исходило из представления о том, что «данная категория является фундаментальной, ибо она, как и время, выступает формой существования материи. Если время представляет собой последовательность, смену событий, то пространство – это непосредственное бытие предмета или явления (события)» [Ефремов 2014: 19]. Здесь также доказывается идея о постпозитивной агглютинативной структуре якутского языка, которая служит детерминантой синтаксических конструкций с соответствующим содержанием. Анализ был выполнен в русле концепции Новосибирской синтаксической школы, теоретической опорой послужило, в частности, исследование И. А. Невской по типологии локативных конструкций. Николай Николаевич на конкретных текстовых примерах показал, что в якутском языке «локативность в отличие от других семантических категорий (например, таксиса, эвиденциальности) выражается комплексом средств при ведущей роли сказуемого» [Ефремов 2014: 19]. Новизной данного исследования явилось использование положений логической теории языка: были рассмотрены не только структурные компоненты локативных конструкций, но и семантические роли: «предикаты и их актанты (объекты локализации, локализаторы) являются участниками пространственной ситуации» [Ефремов 2014: 22]. Для развития теории грамматики якутского языка важное значение имеет положение о сочетаемостных свойствах предикатов (они могут сочетаться с именами в роли объектов локализации) и, далее, об их валентности. Данное положение гласит, что «все предикаты локации (некаузативной и каузативной) характеризуются ГДЕ-валентностью, которая представляется актант-локализатором, выраженным именем в дательном падеже. При локативном предикате объект локализации и локализатор выступают в качестве его актантов, при нелокативном – локализатор является не актантом, а сирконстантом и соотносится с ситуацией в целом» [Ефремов 2014: 29].

В следующем крупном исследовании, посвященном анализу категории обусловленности с использованием комплексного метода структурно-семантического моделирования и полевого структурирования, Н. Н. Ефремов установил конструктивные разновидности полипредикативных конструкций со значением обусловленности на методологической базе трудов по языкам Сибири: Е. К. Скрибник, Н. Б. Даржаевой, С. И. Бурковой, С. Ж. Тажибаевой и др. В полевой структуре семантической категории обусловленности он рассматривал причинно-следственные, условные, целевые, уступительные конструкции разных структурных типов. В результате он пришел к выводу о том, что «ядром функционально-семантического поля обусловленности выступают причинно-следственные ППК, ибо данными конструкциями описываются, прежде

всего, реальные пропозиции» [Ефремов 2017: 85]. В заключении этого исследования Николай Николаевич поставил проблему синонимии ППК со значением обусловленности и отметил, что «задача специальных исследований подобных конструкций представляет одно из будущих направлений якутского языкознания» [Ефремов 2017: 86].

Продолжением исследований Н. Н. Ефремова в функциональном направлении послужил раздел «Глаголы поступательного движения и формируемые ими модели предложений с пространственным значением» в коллективной монографии «Функционально-семантические категории в якутском языке: взаимодействие лексики и грамматики». Как известно, научная проблема взаимодействия систем грамматики и лексики в аспекте типологии, а также на материале отдельных языков активно разрабатывается в исследованиях российских лингвистов. Такой подход находится в русле ведущих теоретических направлений современной лингвистики – в грамматических исследованиях, как «формальных», так и функциональных, проявляется повышенный интерес к явлениям, находящимся на стыке грамматики и лексики. Коллектив исполнителей в целом придерживается идеи анализа системы функционально-семантических категорий и базирующихся на них полей в аспекте установления взаимодействия грамматических средств их выражения с семантическими группами имен и глаголов.

В данном исследовании Николай Николаевич поставил цель «установления множества структурно-семантических моделей (двусторонних языковых знаков) пространственных предложений, формируемых глаголами поступательного движения» [Ефремов 2024: 90]. Здесь показана роль глагольной лексики двух классификационных групп: движения и перемещения – в формировании разных типов предложений. Для анализа привлечен «список глаголов движения и перемещения (более 300 глаголов) на материале “Большого толкового словаря якутского языка”» [Ефремов 2024: 94]. За основу классификации пространственных конструкций была выбрана схема членения данных глаголов в хакасском языке [Ефремов 2024: 91]. Работа опирается на исследования об особенностях структурно-семантической организации пространственных предложений в языках Сибири. Анализ позволил сделать вывод о двустороннем характере пространственных предложений в якутском языке – они «передаются пятью моделями, которые характеризуются определенными структурными вариантами и семантическими модификациями» [Ефремов 2024: 112].

Заключение

В настоящее время Н. Н. Ефремов – известный специалист в области гуманитарных наук. Он автор более 300 научных и научно-популярных публикаций. Среди них авторские монографии и разделы в коллективных монографиях, учебные пособия для студентов, словари разного типа. Из обширного списка трудов можно заметить, что большое внимание, кроме вопросов грамматики, лексикологии и лексикографии якутского языка, Николай Николаевич уделяет лингвистическим аспектам якутского фольклора и художественной литературы. Он исследовал язык олонхо Т. В. Захарова (Чэбия), творчество С. А. Зверева (Кыыл Уола), произведения якутских писателей А. Е. Кулаковского, П. А. Ойунского, А. И. Софронова и др. Результаты своих исследований по разным проблемам якутского языка и фольклора Николай Николаевич представлял в докладах и сообщениях в научных, научно-практических конференциях разного уровня в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нальчике, Якутске и в других городах России.

Н. Н. Ефремов принимает активное участие в подготовке кадров высшей квалификации. Под его руководством было подготовлено четыре кандидата филологических наук. С 1992 по 2008 гг. он читал авторские курсы лекций в Северо-Восточном федеральном университете им. М. К. Аммосова. В настоящее время он возглавляет государственные экзаменационные и аттестационные комиссии в Институте языков и культуры народов Северо-Востока РФ и на филологическом факультете этого же университета.

Николай Николаевич с большим удовольствием занимается вопросами краеведения, популяризацией науки и ее достижений. На основе архивных и других источников он написал статьи по генеалогии рода известных семей родной Амги: Немчиновых, Артемьевых, Расторгуевых, о жизни и деятельности известного российского этнографа и фольклориста В. Н. Васильева, академика АН СССР, Героя Социалистического Труда Л. В. Киренского и др. Ряд работ Н. Н. Ефремова посвящен деятельности ученых-тюркологов и якутоведов – это О. Н. Бётлингк,

С. А. Новгородов, С. В. Ястремский, Д. В. Хитров, Л. Н. Харитонов, Н. К. Антонов, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев, Е. И. Коркина, П. А. Слепцов, Г. Г. Филиппов, Н. И. Данилова и др.

В течение многих лет Николай Николаевич успешно совмещает научную работу с активной деятельностью по организации науки. Он председатель диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности «Русский язык. Языки народов Российской Федерации (филологические науки)» на базе Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук». Он также член диссертационного совета 24.2.396.03 по педагогическим наукам, созданного на базе Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

Н. Н. Ефремов успешно задействован в редакторской деятельности, в 2016–2023 гг. он был главным редактором научного журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник», включенного в список ВАК. Он член редколлегий научных журналов «Эпосоведение», «Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова», «Алтаистика», «Северо-Восточный гуманитарный вестник», «Полилингвальность и транскультурные практики», «Российский гуманитарный журнал», «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий». Николай Николаевич известен также как филологический редактор перевода на якутский язык богословской литературы: учебника «Основы православной культуры», «Новый Завет», «Детская Библия», книг «Ветхого Завета» – «Бытие», «Исход» и др. За заслуги в этой области он награжден юбилейной медалью «150 лет Якутской епархии РПЦ» и орденом Русской Православной Церкви святителя Макария Митрополита Московского 3-й степени.

Признание научных и организаторских заслуг Н. Н. Ефремова было отмечено присуждением Государственной премии Республики Саха (Якутия) имени С. А. Новгородова, ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия)», он награжден Почетной грамотой Постоянного комитета по науке (Ил Тумэн), нагрудным знаком «За заслуги в области науки» Госкомитета Республики Саха (Якутия) по инновационной политике и науке, почетной грамотой РАН.

Таким образом, научное творчество и общественная деятельность Н. Н. Ефремова демонстрируют собой развитие и обогащение новыми идеями и современными методами не только теории грамматического строя якутского языка, но и многих вопросов гуманитарных наук. На примере своих научных трудов он показал, что для развития науки важны сохранение, продолжение и развитие традиций, заложенных предыдущими поколениями исследователей, в том числе конкретного опыта постановки проблем и их решения. Как известно, значение труда ученого должно оцениваться не только его вкладом в соответствующую область науки, но и достижениями его учеников. Будем надеяться, что его ученики будут не только продолжать, но и развивать дальше теоретические идеи своего учителя.

Список литературы

Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис. Новосибирск: Наука, 1995. 336 с.

Ефремов Н. Н. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. М.: Наука, 1984. 85 с.

Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке (система, структура, семантика). Новосибирск: СО РАН, 1998. 193 с.

Ефремов Н. Н. Моноцентрические синтаксические конструкции (типология монопредикативных и синтетических / синтетико-аналитических полипредикативных конструкций) // Курс якутской грамматики. Система морфологических категорий и синтаксических конструкций. Якутск: ИГиАН РС(Я), 2004. 202 с.

Ефремов Н. Н. Категория эвиденциальности в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке. Каузативность. Эвиденциальность. Итеративность. Новосибирск: Наука, 2013. С. 72–144.

Ефремов Н. Н. Категория локативности: комплексные средства // Функционально-семантические категории в якутском языке. Способы выражения. Новосибирск: Наука, 2014. С. 18–85.

Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции, выражающие отношения обусловленности // Функционально-семантические категории в якутском языке. Грамматическая и лексическая база. Якутск: ИГиПМНС СО РАН, 2017. С. 63–86.

Ефремов Н. Н. Глаголы поступательного движения и формируемые ими модели предложений с пространственным значением // Функционально-семантические категории в якутском языке. Взаимодействие лексики и грамматики. Новосибирск: СО РАН, 2024. С. 90–112.

Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Л.: Наука, 1972. 272 с.

Убрытова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Книга первая. Новосибирск: Наука, 1976. 214 с.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

References

Cheremisina M. I. *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh system* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 896 p. (In Russian)

Efremov N. N. *Slozhnopodchinennye predlozheniya vremeni v yakutskom yazyke* [Complex sentences of time in the Yakut language]. Moscow, Nauka, 1984, 85 p. (In Russian)

Efremov N. N. *Polipredikativnye konstruksii v yakutskom yazyke (sistema, struktura, semantika)* [Polypredicative constructions in the Yakut language (system, structure, semantics)]. Novosibirsk, SB RAS, 1998, 193 p. (In Russian)

Efremov N. N. Monotsentricheskie sintaksicheskie konstruksii (tipologiya monopredikativnykh i sinteticheskikh / sintetiko-analiticheskikh polipredikativnykh konstruksiy [Monocentric syntactic constructions (typology of monopredicative and synthetic/synthetic-analytical polypredicative constructions)]. In *Kurs yakutskoy grammatiki. Sistema morfologicheskikh kategoriy i sintaksicheskikh konstruksiy* [Course of Yakut grammar. System of morphological categories and syntactic constructions]. Yakutsk, IHR AS RS(Ya), 2004, 202 p. (In Russian)

Efremov N. N. Kategoriya evidentsial'nosti v yakutskom yazyke [Category of evidentiality in the Yakut language]. In *Funktsional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke. Kauzativnost'. Evidentsial'nost'. Iterativnost'* [Functional-semantic categories in the Yakut language. Causativity. Evidentiality. Iterativity]. Novosibirsk, Nauka, 2013, pp. 72–144. (In Russian)

Efremov N. N. Kategoriya lokativnosti: kompleksnye sredstva [Category of locativity: complex means]. In *Funktsional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke. Sposoby vyrazheniya* [Functional-semantic categories in the Yakut language. Ways of expression]. Novosibirsk, Nauka, 2014, pp. 18–85. (In Russian)

Efremov N. N. Polipredikativnye konstruksii, vyrazhayushchie otnosheniya obuslovlennosti [Polypredicative constructions: expressing conditionality relations]. In *Funktsional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke. Grammaticheskaya i leksicheskaya baza* [Functional-semantic categories in the Yakut language. Grammatical and lexical base]. Yakutsk, IHRISN SB RAS, 2017, pp. 63–86. (In Russian)

Efremov N. N. Glagoly postupatel'nogo dvizheniya i formiruemye imi modeli predlozheniy s prostanstvennym znacheniem [Verbs of progressive motion and the models of sentences with spatial meaning they form]. In *Funktsional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke. Vzaimodeystvie leksiki i grammatiki* [Functional-semantic categories in the Yakut language. Interaction of grammar and vocabulary]. Novosibirsk, SB RAS, 2024, pp. 90–112. (In Russian)

Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Sintaksis [Grammar of the modern Yakut literary language. Syntax]. Novosibirsk, Nauka, 1995, 336 p. (In Russian)

Kononov A. N. *Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii* [History of the study of Turkic languages in Russia]. Leningrad, Nauka, 1972, 272 p. (In Russian)

Ubratova E. I. *Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka. II. Slozhnoe predlozhenie. Kniga pervaya* [Research on the syntax of the Yakut language. II. Complex sentence. Book one]. Novosibirsk, Nauka, 1976, 214 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
18.04.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Надежда Ивановна Данилова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Nadezhda I. Danilova – Doctor of Philology, Chief Researcher, Department of the Yakut Language, Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)

nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>

Федор Николаевич Дьячковский – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Fedor N. Dyachkovsky – Candidate of Philology, Leading Researcher, Yakut Language Department, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)

fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ
2025. № 2 (Вып. 54)

В оформлении обложки использована репродукция картины

Любови Арбачаковой «Медвежья песня»

Раздел «Лингвистика»: редактор и оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»: редактор и оператор электронной верстки *К. В. Жданова*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

ISSN 2712-9608

